КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIV.

1901 г.

СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30 іюля 1901 года.

Изданіе Л. ИДЗИКОВСКАГО въ Кіевѣ

12

УКРАИНСЬКЫХЪ ПИСЕНЬ

для мишаного хору

(Сопрано, Альтъ, Теноръ, Басъ)

зъ проводомъ фортепьяна

уложывъ

ЯНЪ ГАЛЛЬ

Директоръ спивачого Товариства „Эхо“ у Львови.

1) Ой на гори та женци жнуть. 2) Оддала мене моя матинка. 3) А я люблю Петруся. 4) Часъ до дому часъ. 5) Та не люблю я ни Стецька ни Грыцька. 6) Чайка. 7) Йихавъ козакъ за Дунай. 8) Чыя прычына ростання мого. 9) Дивка въ синяхъ стояла. 10) Не ходы Грыцю на вечерныци 11) У сусида хата била. 12) Ой Морозе Морозеньку, ты славный козаче. Дума.

Цѣна 60 коп., съ пересылкой 75 коп.

Адресъ: Леону Идзиковскому въ г. Кіевъ.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 74-го:

іюль-августъ, сентябрь, 1901 г.

Книга первая и вторая—іюль-августъ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЕВРЕИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ. Формы труда у евреевъ въ южной Россіи. (Историко-этнографическія замѣтки). **Ир. Житецкаго**. . . . . 1—45

II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе)*. **В. Шенрока**. . . . . 46—102

III. СЕРЕДЪ ТЕМНОЙ НОЧЫ. Повисть. *(Окончаніе)*. **В. Гринченка**. . . . . 103—168

IV. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе)*. **Ор. Левицкаго** . . . . . 159—209

V. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО. (1829—39 гг.) *(Продолженіе)*. . . . . 210—248

VI. ГОРОДЯНКА. Повисть. *Л. Яновской*. . . . . 249—276

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Практика смертной казни въ Старой Малороссіи; б) Къ исторіи „войсковаго скарба“; в) Остатки преданія о Гонтѣ. **Ѳ. Ѳ.**; г) Счетъ судебныхъ издержекъ по дѣлу крестьянки съ сосѣдомъ за порубъ лѣса. 1723 г.; д) Какъ обѣднѣли Оболонскіе; е) Для

исторіи «Основы»; ж) Программа для собиранія коллекцій дѣтскихъ игрушекъ и матеріаловъ по дѣтскимъ играмъ и забавамъ; з) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёрдеръ**; и) «Парубоцьки громады» въ г. Маякахъ, Херсонск. губ. **П. П.**; і) Поправка . . . . . 1—20

Текущія извѣстія . . . . . 20—28

I. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 108-й. **Ф. Матушевскій** б) В. Б. Богородицкій. Діалектологическія замѣтки. Ш. Говоръ села Сушки, Золотоношскаго у., Полт. губ. **К. М.**; в) Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. Т. XXXIX, XL и XLI. **В. Д.**; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 29—66

Археологическая лѣтопись . . . . . 67—76

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листы 18-й и 19-й 273—304

Книга третья—сентябрь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЕЩЕ СТРАНИЧКА ИЗЪ ПРОШЛАГО Г. ПЕРЕЯСЛАВА. **А. А.** . . . . . 277—303

II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе)*. **В. Шенрока**. . . . . 304—330

III. ГОРОДЯНКА. Повисть. *(Продолженіе)*. **Л. Яновской**. . 331—362

IV. ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ УКРАИНСКАГО ЭТНОГРАФА И НАРОДНАГО ВРАЧА С. Д. НОСА. (1829—1900). **Гр. Коваленка**. . . . . 363—400

V. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе)*. **Ор. Левицкаго** . . . . . 401—430

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Денежное жалованье полковымъ и сотеннымъ урядникамъ и служителямъ (1732 года); б) Гетманская надворная корогва; в) Для исторіи церковнаго прихода; г) Памяти М. О. Судь-

енка; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёрдеръ**; е) Матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1831 года. Сообщ. **В. Доманицкій**; ж) Открытое письмо К. В. Болсуновскому. **И. Каманина**. . . . . 77—95

Текущія извѣстія . . . . . 96—104

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Литература украинскаго фольклора. 1777—1900. **Н. Шугурова**; б) В. Радичъ. Запорожская старина. **В. Д.**; в) «Матеріяли до українсько-руської етнольогіі». **А. Малинка**; г) Волжскій странникъ. (Псевдонимъ). Волжская библіотека. **В. Д.**; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. 105—138

Археологическая лѣтопись. . . . . 139—149

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листы 20 и 21. . . . . 305—336

Еще страничка изъ прошлаго г. Переяслава.[1]

Положеніе представителей мѣщанскаго сословія въ полковыхъ городахъ Малороссіи, городскихъ войтовъ, въ прошломъ вѣкѣ было весьма жалкое. Въ то время, какъ полковая козацкая старшина, старательно обособляясь въ привилегированное сословіе, усиленно и спѣшно захватывала разнаго рода ранговыя угодья въ личную собственность, стараясь всѣми правдами и неправдами закрѣпить ихъ за собой и за своимъ потомствомъ, урядники городскіе, войты и бурмистры, безсильные передъ „командой“ полковою, подбирали крохи общественнаго пирога, пользуясь немногими прерогативами своей власти ради личныхъ

---

[1]) Въ 8-ой кн. «Кіев. Стар.» за 1889 г. напечатана была мною „Страничка изъ прошлаго г. Переяслава“, составленная на основаніи имѣвшихся тогда у меня подъ руками архивныхъ «дѣлъ». Въ IV-й гл. этой статейки представлены уже нѣкоторыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ полкового начальства къ городскому магистрату. Мнѣ тогда же хотѣлось собрать возможно болѣе полныя свѣдѣнія хотя бы объ одномъ изъ войтовъ, упоминаемыхъ въ названныхъ «дѣлахъ», чтобы въ біографическомъ очеркѣ возможно живѣе представлялось положеніе представителя мѣщанства; но, къ сожалѣнію, давно разставшись съ архивомъ и потерявъ надежду вернуться къ нему, я не могу уже исполнить своего желанія; настоящую же статейку рѣшаюсь напечатать просто затѣмъ, чтобы не пропали сохранившіяся у меня замѣтки, которыя, быть можетъ, пригодятся болѣе счастливому и умѣлому изслѣдователю Переяславской старины.

своихъ интересовъ. Мелкою борьбой изъ-за этихъ крохъ наполнена дѣятельность и Переяславскихъ войтовъ, фигурирующихъ въ томъ множествѣ „дѣлъ“ Переяславской Полковой Канцеляріи, какія довелось мнѣ въ свое время пересмотрѣть. Оставшіяся у меня отъ этого пересмотра замѣтки и выписки и послужили матеріаломъ для настоящаго сообщенія о двухъ Переяславскихъ войтахъ.

I.

Кирилло Савоновъ, избранный переяславскимъ войтомъ въ 1740 г., занимался купеческимъ чумацкимъ промысломъ, а потому часто отлучался по торговымъ дѣламъ изъ города, ѣздилъ заграницу, т. е. въ Заднѣпровскую Украину и въ Волынщину возилъ туда деготь, рыбу, привозилъ оттуда волоскіе орѣхи, вино. Человѣкъ малограмотный, Савоновъ однакоже крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ власть, писаря магистратскаго держалъ въ строгомъ подчиненіи, всячески сокращая письменное „дѣлопроизводство“, и другихъ городскихъ урядниковъ подбиралъ по своему вкусу, по отношенію къ полковымъ властямъ старался держаться по возможности самостоятельно.

Тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность, Савоновъ возбудилъ вопросъ о незаконномъ завладѣніи полковникомъ Сулимою городскимъ предмѣстьемъ Подварками, чѣмъ сразу и вооружилъ противъ себя и полковника, и всю полковую старшину. Дѣло это тянулось около 12 лѣтъ и окончилось въ пользу города: въ 1762 г. послѣдовалъ гетманскій ордеръ, утвердившій права магистрата на владѣніе Подварками. [1]) Съ этого то вре-

---

[1]) Хотя это дѣло и было окончено, такъ сказать, въ существенной своей части въ 1752 г., но ни полковникъ Семенъ Сулима, ни его наслѣдники не хотѣли примириться съ состоявшимся рѣшеніемъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ любопытной «жалобы ротмистра Евстафія Семеновича Сулимы въ Малорос. Коллегію на рѣшеніе слѣдственной комиссіи о магистратскихъ въ г. Переяславѣ имѣніяхъ»

мени особенно энергично начинаютъ донимать Савонова „дѣлами“, привлекая его къ отвѣту то въ Полковую Переяславскую, то въ Войсковую Генеральную Канцелярію.

Въ 1750 г. канцеляристъ Переяславской Полковой Канцеляріи Никифоръ Зубковскій донесъ, будто войтъ Савоновъ присвоилъ себѣ около 250 р. магистратскихъ денегъ, оставшихся послѣ бывшаго въ г. Переяславѣ въ 1748 г. большого пожара, когда сгорѣла и магистратская изба. Назначено было слѣдствіе, но дѣла оно надлежащимъ образомъ не выяснило, войту же Савонову причинило хлопотъ не мало: пришлось и въ Глуховъ самому не разъ съѣздить, и въ Переяславскую Полковую Канцелярію явиться въ качествѣ обвиняемаго.

Самъ Савоновъ во время пожара въ городѣ не былъ, а магистратскія деньги спасали бурмистръ Романенко и райца Іосифовъ, при чемъ у этого послѣдняго деньги серебряныя, разсыпавшіяся было изъ боченка, побывали „за пазухой“ и, собранныя въ особый мѣшечекъ, были нѣсколько дней спустя, вмѣстѣ съ мѣдными деньгами въ боченкѣ, доставлены въ домъ войта и, запечатанныя тремя печатьми, поставлены въ погребъ. По пріѣздѣ войта деньги были сосчитаны и ихъ оказалось всего 86 р. 39 к., а было ихъ до пожара 322 р. 97 к. Объ этомъ своевременно магистратъ донесъ въ В. Г. К., ходатайствуя о разрѣшеніи употребить оставшіяся деньги на постройку магистрата. Но

1770 г., помѣщенной въ «Мотыжинскомъ Архивѣ» изд. Савицкихъ по № 90 на стр. 190. Этотъ Архивъ, рядомъ съ «Сулимовскимъ Архивомъ», заключаетъ вообще богатый матеріалъ для иллюстраціи того процесса, какимъ наростали земельныя богатства не одного полковника Сулимы, но и всей полковой старшины. Но пріобрѣтательскіе таланты Семена Сулимы особенно ярко живописуются этими документами. Полная безпомощность массы предъ такими пріобрѣтателями особенно наглядно представляется въ любопытнѣйшихъ документахъ, помѣщенныхъ въ „Мотыжинскомъ Архивѣ“ подъ № 41, «Бумаги по доносу Переяславской полковой старшины на своего полковника Семена Сулиму за злоупотребленія въ полковыхъ дѣлахъ 1746—1752 г».

райца Іосифовъ, враждовавшій съ Савоновымъ, при счетѣ денегъ въ домѣ войта обратилъ вниманіе на то, что одна изъ печатей была испорчена и что деньги были не всѣ. Объ этомъ онъ просилъ писаря Кондратова написать доносъ, когда они втроемъ (т. е. Іосифовъ, войтъ и писарь) были по магистратскимъ дѣламъ въ Москвѣ, но Кондратовъ будто-бы отъ этого уклонился. Доносъ этотъ, на основаніи словъ того-же Іосифова, и написалъ канцелярист Зубковскій отъ себя, надѣясь за это получить извѣстное вознагражденіе.

Слѣдственная Коммиссія, собравши массу показаній, въ значительной части совершенно не относящихся къ дѣлу, пришла къ совсѣмъ таки необоснованному заключенію въ виновности Савонова, съ котораго де и слѣдуетъ „похищенную имъ сумму 236 р. 58 к. удвое доправить“, а его самого, „лишивъ чина, наказать вязеньемъ“.

Недовольный тѣмъ, что въ заключеніи Коммиссіи не упомянуто о награжденіи доносителя, Зубковскій подалъ въ В. Г. К. новый доносъ на войта, якобы употреблявшаго „подданныхъ магистрата въ партикулярныя свои работизны“, отчего де эти подданные и уходятъ къ частнымъ владѣльцамъ, а въ заключеніе просилъ о „надлежащемъ его, доносителя, награжденіи за вѣрный доносъ“. Въ свою очередь и Савоновъ подалъ въ В. Г. К. челобитную на Высоч. имя, жалуясь на пристрастіе слѣдователей и на интриги Зубковскаго, который является орудіемъ полковой старшины, издавна не благоволящей къ магистрату. [1])

Для далекихъ отлучекъ своихъ изъ города, Савонову приходилось брать паспортъ изъ Полковой Канцеляріи, которая при

---

[1]) Никифоръ Зубковскій скоро изъ полковыхъ канцеляристовъ попалъ въ городовые атаманы; но, видно, не козацкая служба его привлекала: въ качествѣ мѣстнаго обывателя, хорошо знакомаго съ существовавшими канцелярскими порядками, онъ стремился прибрать въ свои руки дѣла магистратскія и энергически добивался должности войта, какъ это видно изъ любопытнаго доношенія магистрата отъ 15 іюля 1765 г. (см. Приложеніе № 1).

этомъ не упускала, конечно, случая представлять „вышней командѣ“ о малѣйшей неисправности войта въ соблюденіи сроковъ. Такъ, въ ноябрѣ 1753 г. полковникъ Сулима донесъ В. Г. К., что войтъ Савоновъ поѣхавши заграницу, для взысканія долговъ, на срокъ не явился, что уже и двойной срокъ прошелъ, а его все нѣтъ, и гдѣ онъ находится, неизвѣстно. Прибывъ только въ январѣ 1754 г., Савоновъ объяснилъ, что ему долго пришлось разыскивать должника своего, немировскаго жителя, Григорія Перехриста, ѣздить за нимъ и въ Волощину въ г. Гуши, больше мѣсяца проболѣть въ дорогѣ, а потому онъ, Савоновъ, и явиться къ сроку не могъ. Во время отлучекъ войта, дѣлами магистратскими управляли очередные бурмистры. Дѣла эти, конечно, были несложны, но все же требовали хозяйскаго глаза. Глазъ этотъ устремлялся главнымъ образомъ на исправное собираніе разныхъ въ пользу города поступленій. Собираніе это, очевидно, представляло трудъ немалый, въ виду общаго уклоненія отъ магистратскихъ сборовъ. Уклоненію этому не мало содѣйствовала Полтавская Канцелярія, потворствуя переходу обывателей подъ ея „команду“ изъ подъ вѣдомства магистрата. На этой почвѣ то и дѣло происходили пререканія между магистратомъ и Полковой Канцеляріей. Въ ноябрѣ 1752 г. войтъ Савоновъ вынужденъ былъ по поводу одного частнаго случая жаловаться гетману на такія отношенія полковой „команды“ къ магистрату. Мѣщанинъ Сизонъ Давидовъ, выстроившій на принадлежащемъ городу мѣстѣ „шинковую избу и избу зъ ліодовнею“, съ 1745 г. пересталъ платить годовой окладъ, опредѣленный въ доходъ магистрата за эти строенія, ссылаясь на то, что сынъ его, Сергій Сизоновичъ, поступилъ на службу въ Полковую Канцелярію канцеляристомъ, а потому де и „тое мѣсто магистратовое уже заслужилъ и позволеніе имѣетъ отъ Полковой Канцеляріи“. Возобновивши послѣ пожара 1748 г. свои постройки въ болѣе обширномъ видѣ, Сизоновичъ заявилъ магистрату, что онъ будетъ платить за нихъ по одному рублю въ годъ, а между тѣмъ по магистратскому окладу онъ долженъ былъ платить по десяти рублей. Жалуясь на происходящую отъ столь продолжительнаго неплатежа оклад-

ныхъ денегъ „знатную обиду“, войтъ жаловался главнымъ образомъ на потворство такому „самовольству и протчимъ наставленію и образцу“ со стороны Полковой Канцеляріи. Принимая подъ свою защиту обывателей, уклонявшихся отъ магистратскихъ сборовъ, Полковая Канцелярія была строга въ своихъ требованіяхъ относительно исполненія магистратомъ обязательныхъ для него повинностей (почтовая, квартирная, дорожная и др.). Одно содержаніе въ исправности городской „гати“ то и дѣло вызывало строгія внушенія со стороны Полковой Канцеляріи. На этой греблѣ находилось нѣсколько мельницъ, принадлежавшихъ Переяславскому монастырю и частнымъ владѣльцамъ козацкаго званія. Было одно „мельничное мѣсто“ и во владѣніи магистрата, но оно ежегодно во время половодья „прорвами“ сносилось, а за „тщетнымъ избѣгомъ воды“ причинялся вредъ и другимъ мельницамъ. Все это приписывалось „крайнему нерадѣнію о добромъ угаченіи“ войта Савонова, которому и не переставала строго выговаривать Полковая Канцелярія, но никакого дѣйствія выговоры эти не имѣли. Весною 1754 г. Полковая канцелярія вынуждена была, помимо магистрата, своими усиліями ту „прорву загатить“, такъ какъ по упомянутой гати, представлявшей главную дорогу въ городъ, не только проѣздъ, но и проходъ былъ невозможенъ. [1])

---

1) Этой плотинѣ долго пришлось, представляя изъ себя крупнѣйшее изъ городскихъ неблагоустройствъ, фигурировать въ оффиціальной перепискѣ, вызывать нескончаемый рядъ предписаній, внушеній, «подтвержденій» со стороны разныхъ властей. Такъ, въ дѣлахъ Кіев. Мѣстническаго Правленія я встрѣтилъ слѣдующее предложеніе гр. Румянцева-Задунайскаго отъ 30-го іюня 1785 г.:

«Отправляющій въ Переяславѣ должность городничаго капитанъ Червинскій рапортуетъ меня, что плотина, около Переяслава и на главномъ тракту лежащая, владѣльцами, по многимъ его притвержденіямъ, не починяется и проѣзду черезъ ее нѣтъ; да и въ самомъ городѣ Переяславѣ улицы также не отдѣланы, и чего сдѣлать, помѣщиковъ по упрямости, а обывателей того города по скудости, не можно.

О неисправномъ содержаніи этой гати жаловался непосредственно въ В. Г. К. и намѣстникъ катедры Переяславской іером. Сильвестръ, прося „найкрѣпчайше притвердить“ и т. д. Что приходилось терпѣть низшимъ магистратскимъ урядникамъ при исполненіи, напр., почтовой повинности, это можно видѣть хотя бы изъ одного „доношенія бурмистра Щирого, который писалъ, что отецъ его, служившій бурмистромъ 30 лѣтъ, „въ оной службѣ будучи во время военное, проѣзжаючими курьерами и ѣздоками съ указными пакеты прибитъ, отчего и умре“.

При маломъ числѣ подвѣдомыхъ магистрату, исполненіе общественныхъ повинностей представляло, конечно, не малое бремя; но отягчалось оно еще болѣе тѣми „партикулярными работами“, къ которымъ привлекалъ войтъ подвѣдомыхъ магистрату людей. Были поэтому жалобы и со стороны людей, ѣздившихъ съ войтомъ по его торговымъ дѣламъ. Такъ, въ 1753 г. мѣщанинъ Романъ Терещенко, проѣздившій съ войтомъ 28 недѣль, жаловался, что тотъ не удовлетворилъ его по уговору. Договорилъ его Савоновъ отвезти только въ м. Лысянку рыбу на парѣ лошадей съ платою по 60 к. отъ тысячи. Но рыба не была продана въ Лысянкѣ и пришлось возить ее въ Бѣлую Церковь и Володарку. Затѣмъ уже, вопреки желанію Терещенка, Савоновъ заставилъ его ѣхать съ нимъ въ Бендеры, везти туда бочку дегтю. Здѣсь Терещенко лишился лошадей и вынужденъ былъ идти при воловыхъ возахъ до Дуная въ г. Стойловъ, оттуда въ г. Килію, а тамъ за Прутъ въ г. Уши, гдѣ накупили „орѣховъ, саквъ, резинковъ и вина“. Купилъ Терещенко и на свою долю орѣховъ, но, по пріѣздѣ въ Переяславъ, войтъ отнялъ ихъ у него, а за всю дорогу и за взятую имъ себѣ

Я препоручаю Намѣстническому Правленію принять надлежащія мѣры, чтобы, не упуская теперь способствующаго еще къ тому времени, мосты и дороги найлучше обдѣланы были, владѣльцамъ, а также и гражданамъ предложить, что сіе дѣло сопряжено съ добромъ ихъ и есть общественное въ разсужденіи ожидаемаго сюда Е. И. В. шествія».

одну лошадь заплатилъ всего 7 р., тогда какъ одна лошадь съ возомъ и упряжью стоили по крайней мѣрѣ 10 р.

Съ появленіемъ въ магистратѣ въ должности писаря Григорія Гуртовича, посыпались на войта жалобы за употребленіе имъ въ партикулярныя работы подчиненныхъ магистрату людей.

Уже въ январѣ 1754 г., по наущенію Гуртовича, въ отсутствіе войта, магистратъ послалъ въ Ген. Войск. Канц. жалобу на то, что „городовыхъ мѣщанъ и разныхъ цеховыхъ людей“ войтъ Савоновъ „время отъ времени началъ несносными тягостми по своимъ собственнымъ нуждамъ отягощать и въ работу разную и дороги чумацкія съ промислами своими употреблять“.

Предвидя какъ бы естественный со стороны „вышней команды“ вопросъ,—почему до сихъ поръ ничего подобнаго ей не сообщалось о войтѣ Савоновѣ, занимавшемъ свою должность уже 14-й годъ, магистратъ писалъ, что онъ умалчивалъ объ этомъ до сихъ поръ потому, что жалобъ въ магистратъ отъ отдѣльныхъ лицъ не поступало, а теперь де стали таковыя поступать. Такъ, сего-де 20-го Января „подданный магистратовый“ Иванъ Дудченко подалъ жалобу на войта, заявивъ, что тотъ его избилъ по щекамъ за то, что онъ не захотѣлъ поѣхать на ту сторону Днѣпра по дѣламъ войта, а потомъ де „положа велѣлъ плетью бить, да послѣ самъ палицею билъ немилостиво“. Описавъ знаки побоевъ у Дудченка, магистратъ просилъ В. Г. К. обязать Савонова подпискою, *помимо Полк. Переясл. Канц.*, чтобы онъ впредь не употреблялъ подвѣдомыхъ магистрату людей въ свои партикулярныя работы.

Отвѣтъ по этой жалобѣ пришлось Савонову давать, передъ „Полковой переяславской счетной комиссіей“. Конечно, онъ отрицалъ всякое злоупотребленіе своею властью, но заявилъ, что когда нужно ему куда ѣхать, то „человѣка одного или двохъ по командѣ своей, для чести и обереженія здоровья своего, взималъ“; Дудченка же наказалъ плетью потому, что тотъ „ослушенъ учинился магистратовому приказу и не схотѣлъ поѣхать по магистратскому дѣлу съ писаремъ въ г. Глуховъ и

посланныхъ слугъ съ бранью изъ дому своего выгонилъ, ослушаясь команды".

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого объясненія войтъ поѣхалъ въ Глуховъ, а вслѣдъ за нимъ писарь Гуртовичъ послалъ на него доносъ въ В. Г. К., заявляя, что-де войтъ, взявши съ собой нѣсколько мужиковъ съ подводами, отправилъ сына своего „съ купеческими промыслы на ярмарки" съ тремя магистратскими мужиками, которые „принуждены хотя тайно урядникамъ магистратскимъ о той своей обидѣ и нуждѣ жаловатись, объявляя, что они отъ такихъ нуждъ разойдутся съ подъ магистрата прочь въ другія мѣста". Когда Савонову, по пріѣздѣ его въ Глуховъ въ В. Г. К., предъявленъ былъ этотъ доносъ, то онъ объяснилъ, что съ сыномъ его поѣхали мужики по добровольному найму „по полтинѣ за съѣздъ", для себя же онъ взялъ двоихъ съ ихъ лошадьми „по примѣру прежде бывшихъ въ магистратѣ Переясловскомъ войтовъ, которіе, егда было куда по майстратскимъ дѣламъ ѣдутъ, то имъ майстротовихъ подданныхъ не токмо по два, по пяти и по шести человѣкъ для послуги взять невозбранно было".

Тѣмъ не менѣе въ В. Г. К. взята была съ Савонова подписка въ томъ, что для личныхъ своихъ частныхъ надобностей онъ подданныхъ магистратскихъ употреблять не будетъ.

Что Савоновъ пользовался своимъ положеніемъ войта и для личныхъ своихъ выгодъ, это, конечно, несомнѣнно, но жалобы на это появляются лишь тогда, когда, по неосторожности самого же Савонова, на должность магистратскаго писаря опредѣленъ былъ въ Январѣ 1754 г. войсковой канцеляристъ Григорій Гуртовичъ, большой, какъ видно, любитель „писательства", изучившій канцелярское производство въ самомъ Глуховѣ. Объ этомъ писарѣ имѣлись у меня два любопытныя „дополненія" войта Савонова въ В. Г. К.

Въ первомъ, отъ 15-го Янв. 1754 г., войтъ писалъ, что де въ г. Переяславѣ изъ мѣстныхъ людей, не воинскаго званія, рѣшительно некого избрать въ должность писаря; изъ постороннихъ же людей, въ виду „гонительства Пер. Полк. Канце-

ляріи, на магистратъ чинимаго, никто не отваживается", а потому всѣ бурмистры и райцы, въ отсутствіи его, войта, пригласили къ исправленію должности магистратскаго писаря проживающаго въ г. Переяславѣ войсковаго канцеляриста Гуртовича, объ утвержденіи котораго въ должности теперь онъ, войтъ, и проситъ В. Г. К—ію. Но уже черезъ два мѣсяца Савоновъ просилъ объ удаленіи Гуртовича, заявляя, что прежнее свое представленіе онъ сдѣлалъ необдуманно, по настоянію другихъ магистратскихъ урядниковъ, которые, въ его отсутствіе, устранили прежняго писаря Симона Кондратова и представили ему, войту, Гуртовича, какъ человѣка, который можетъ добывать для магистрата „полезнѣйшіе резолюціи". Но Гуртовичъ, еще и не принявши дѣлъ, началъ строить противъ войта разные „ябедническіе проэкты къ развращенію чести моей, яко бы въ употребленіи мною магистратскихъ людей въ партикулярную работу, и, забирая надо мною первенство, запретилъ никому никакихъ моихъ приказовъ мене не слушаться". Кромѣ того, Гуртовичъ потребовалъ себѣ въ жалованье 50 р. въ годъ деньгами, да 20 четвертей борошна и протчаго, „чего при магистратѣ и издревле никогда не водилось", и всегда писаря служили за 10 р. въ годъ.

Удалить однако Гуртовича Савонову не удалось. Искусившійся въ производствѣ бумажныхъ дѣлъ писарь успѣлъ въ нѣсколькихъ „доношеніяхъ" въ В. Г. К. изобразить „дѣла" Переяславскаго магистрата въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, хотя и жаловался при этомъ, что войтъ не передаетъ ему никакихъ „дѣлъ", хранящихся въ собственной его „коморѣ". Все „письмоводство" Переяславскаго магистрата представляется войсковому канцеляристу „едному смѣху подобное": „и протоколы, и приходо-расходныя книги на тетрадкахъ вчернѣ безъ всякихъ обстоятельствъ пишутся весьма гнусно". Всѣ заведенные войтомъ порядки, по словамъ Гуртовича, таковы, что „и въ самого послѣдняго войта сельского могутъ сыскаться лучшіе, чѣмъ въ здѣшнемъ магистратѣ", гдѣ царитъ войтово „простолюдственное похотѣніе".

Въ отвѣтъ на эти заявленія Гуртовича послѣдовалъ весьма нелюбезный ордеръ В. Г. К. войту Савонову: „предлагается *тебѣ* всѣ, какія только касаются магистратскому правленію, дѣла отдать въ магистратъ". Но и этого ордера Савоновъ сразу не послушался, а лично отправился въ Глуховъ и тамъ заявилъ, что такъ какъ никакихъ дѣлъ, производившихся уже при Гуртовичѣ, онъ домой къ себѣ не бралъ, то и передавать ему нечего; старыя же дѣла онъ держитъ въ своемъ „каменномъ ліоху для безопасности отъ пожарнаго случая". Тѣмъ не менѣе его заставили дать подписку, что онъ „конечно всѣ магистрата Переяславскаго дѣла, какія въ дому его ни содержутся, отдастъ въ магистратъ по реестру" писарю Гуртовичу. Но и подписка эта не помогла: войтъ не передавалъ хранившихся въ его „ліоху" дѣлъ, пока не былъ, наконецъ, отрѣшенъ отъ должности. Но и послѣ отрѣшенія, Савоновъ не пожелалъ сдать дѣлъ Гуртовичу, а препроводилъ ихъ въ Полтавскую Канцелярію. Когда урядники магистратскіе послѣ продолжительныхъ прекаваній, явились въ Полтавскую Канцелярію за полученіемъ дѣлъ, то усмотрѣли, что въ представленныхъ Савоновымъ книгахъ „не малая порчь состоитъ и ни единой книги нѣтъ цѣлой, но съ онихъ многочисленно листовъ съ переплеты вырвано, а иніе вырѣзано", а потому и книгъ этихъ не приняли. Полковая Канцелярія приняла теперь Савонова подъ свое покровительство и, недовольная интригами Гуртовича, объяснила, что Савоновъ „какія послѣ пожара книги спасъ, такія и сдалъ".

Со вступленіемъ въ магистратъ Гуртовича начались вообще нелады и между магистратскими урядниками, до сихъ поръ жившими согласно и подчинявшимися войту Савонову. Первымъ сталъ „тягаться" съ войтомъ бурмистръ Данило Щирый, избранный въ эту должность въ 1751 г. на мѣсто умершаго отца его Евстафія Щирого, прослужившаго въ этой должности болѣе 30-ти лѣтъ.

Въ Мартѣ 1754 г. онъ подалъ въ В. Г. К. на Савонова жалобу, въ которой заявилъ, что уже по своемъ вступленіи въ

должность онъ замѣтилъ, что войтъ Савоновъ „обижаетъ магистратскихъ подданныхъ своими партикулярными работами и беретъ съ собою въ чумацтво“, а когда онъ, Щирый, посовѣтовалъ имъ сбѣжать, то войтъ „возымѣлъ гонительство и злобу, отъ бурмистерства отдалилъ и многажды безчестилъ“, а на его мѣсто опредѣлилъ своего племянника. Въ заключеніе Щирый просилъ выдать ему на бурмистерство указъ. По жалобѣ того же Щираго и Полковая Канцелярія доносила въ В. Г. К., что де войтъ Савоновъ, „презирая главную свою команду, по прихоти своей продерзости и издѣвку надъ урядовыми магистрата оказываетъ“.

Бурмистръ Тимофѣевъ объяснилъ, что Савоновъ дѣйствительно устранилъ Щираго за то, что тотъ, собравши во время ярмарки за „магистратовыя коморы“ деньги съ торговцевъ не вручилъ ихъ войту, какъ это обыкновенно дѣлалось раньше, а хотѣлъ, ради увеличенія магистратскихъ доходовъ, устроить „комору при колодезѣ и въ ней поставить магистратовую баню“, какая имѣется лично у войта, „для двоенія разнымъ обывателямъ простого хлѣбнаго вина“. Очевидно, Савоновъ не желалъ допустить такой конкуренціи, а потому, разсердившись на Щираго, „первѣе штрафовалъ его держаніемъ подъ карауломъ, а потомъ лишилъ и бурмистрскаго званія“.

Когда Щирый принесъ въ магистратъ добытый имъ изъ В. Г. К. ордеръ, Савоновъ вырвалъ его изъ рукъ и „заховалъ въ пазуху, а Щирого зъ магистрату выслалъ вонъ“. На мѣсто Щирого съ 1754 г. былъ избранъ уже Романенко, но и его войтъ Савоновъ черезъ полгода удалилъ, самовольно опредѣливши на его мѣсто бывшаго бурмистра Павла Кунишевскаго—Шкурку, который затѣмъ и избранъ былъ законнымъ образомъ. Такимъ образомъ, Савоновъ неугодного себѣ бурмистра не потерпѣлъ. Не безъ его настойчивости, уже послѣ отрѣшенія его отъ должности, осенью 1754 г., произошло и удаленіе отъ должности писаря Гуртовича, на котораго жаловались всѣ

магистратскіе урядники: 28-го Ноября 1755 г. послѣдовалъ ордеръ В. Г. К. объ его отрѣшеніи [1]).

Оставивши войтовство, Савоновъ продолжалъ свой купеческій промыселъ, требовавшій, какъ видно, постоянныхъ сношеній съ правобережною Украиной, продолжительныхъ отлучекъ изъ города. Въ одну изъ такихъ отлучекъ въ 1757 г. пришлось ему испытать и продолжительное тюремное заключеніе въ г. Каневѣ, причемъ пришлось искать защиты и отъ Переяславской Полковой Канцеляріи.

Дѣло было такъ. Купилъ Савоновъ у какого то еврея „арендаря“ въ Каневѣ „20 садовъ камѣня по 6 руб. всякой садъ“, но слѣдуемыхъ денегъ 120 р. своевременно не уплатилъ. Староста Каневскій Потоцкій, по жалобѣ еврея, написалъ въ Пер. Полк. Канц. о взысканіи съ Савонова этихъ денегъ или о высылкѣ его самого въ Каневъ. Савоновъ поѣхалъ въ Каневъ и 11-го Февраля написалъ оттуда, что упомянутый еврей, подстерегши его, напалъ на него съ шестью мужиками, ограбилъ имущество и бросилъ его „въ буздигарню за вспомоществованіемъ уряду Каневскаго, паче же каневскаго писаря Николая Дѣдушицкаго“. Утверждая, что по суду онъ оправдался, что долгъ, котораго еврей не искалъ въ теченіе 20 лѣтъ, судомъ не признанъ, Савоновъ просилъ Полк. Пер.

---

[1]) Должно быть въ качествѣ знатока городскихъ дѣлъ, Гуртовичъ впослѣдствіи попалъ въ учрежденную въ г. Переяславѣ, по указу Малорос. Коллегіи, «коммиссію о магистратскихъ земляхъ, разными чинами завладѣнныхъ», и, въ этой роли своей, явился противникомъ полковой старшины, на которую и подавалъ въ Мал. Кол. жалобу 9-го Марта 1766 г., заявляя, что эта старшина, «имѣя къ нему, Гуртовичу, недоброхотство и крайное посягательство», пристрастно отводитъ квартиры въ его домѣ. Малорос. Коллегія уважила его жалобу и предписала Полковой Канцеляріи—его дома, «въ разсужденіи продолжаемой имъ службы, пока онъ въ учрежденной по магистратскимъ жалобамъ коммиссіи будетъ находиться, въ постой никому не занимать и не отводить».

Канцелярію избавить его „отъ жидовской напасти и нестерпимой неволи“. Пер. Полк. Канцелярія написала Потоцкому, что-де Савоновъ отпущенъ на „пароль“ его, Потоцкаго, а потому и отвѣчать долженъ предъ нимъ самимъ, а не предъ писаремъ, и просила объ освобожденіи Савонова. Потоцкій отвѣчалъ на это, что на урядѣ Каневскомъ, по претензіи еврея, приговорено, чтобы этотъ еврей принесъ присягу и буде присягнетъ, взыскать съ Савонова 127 р. Но прошелъ послѣ этого цѣлый мѣсяцъ, а Савоновъ изъ „вязенья“ освобожденъ не былъ и вновь взывалъ въ Пер. Полк. Канц. о заступничествѣ, при чемъ прислалъ и реестръ ограбленнаго у него имущества на 199 р., что „тое грабительство жидовскую претенсію уже превосходитъ“.

II.

Послѣ отрѣшенія Кирилла Савонова, въ исправленіе должности войта Войсковая Генеральная Канцелярія предписала вступить значковому товарищу Переяславскаго полка Стефану Драгоманову, а 3-го Января 1756 г. состоялся и формальный его выборъ „всѣмъ обществомъ магистрата Переяславскаго“, послѣ чего и отправлена была просьба магистрата объ его утвержденіи въ должности войта [1]).

Стефанъ Драгомановъ былъ родомъ грекъ и служилъ въ 40-вых годахъ управителемъ владѣній генерала Вишневскаго [2]),

---

[1]) «Доношеніе» это см. въ Приложеніи № 2.

[2]) О родѣ Вишневскихъ см. „Кіев. Стар.“ 1887 г. т. XVIII. Въ „Мотыжинскомъ Архивѣ“ подъ № 46 на стр. 84, напечатано любопытное письмо 1755 г. Григорія Теплова къ Переясл. полк. Семену Сулимѣ съ просьбой оказать вниманіе вдовѣ полковника Вишневскаго. Письмо отчасти характеризуетъ не только самого Сулиму, но глав. обр. отношенія полковой старшины къ нему и къ своей дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на царившую

затѣмъ въ 50-тыхъ годахъ состоялъ откупщикомъ „статейныхъ сборовъ“ въ Переяславскомъ полку. Женившись, какъ видно, въ г. Переяславѣ, проживалъ въ полученномъ въ приданное домѣ, но матеріальнымъ достаткомъ не пользовался. По какому случаю былъ назначенъ В. Г. К—ією на должность войта—неизвѣстно. Судя по его подписи латинскими печатными буквами, русскою грамотою не владѣлъ. Ставши войтомъ, устроилъ собственную небольшую „винничку“, а одинъ домъ свой продалъ находившемуся при Пограничной Переяславской таможнѣ лѣкарю Товію Товичу Гундесбургу. Этотъ фактъ продажи своего дома иноземцу былъ поставленъ въ вину Драгоманову полковникомъ Сулимою, который въ Октябрѣ 1756 г. жаловался въ Войск. Ген. Канц. на незаконную покупку грунтовъ разными „великороссійскими персонами“ и иноземцами, каковая покупка, какъ заявлялъ полковникъ, противна была „пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго“, Высоч. указами подтвержденными при гетманѣ Скоропадскомъ [1]).

Какъ видно, въ этомъ вопросѣ магистратъ мало былъ заинтересованъ, и скорѣе надо думать, что покупка въ городѣ усадебныхъ мѣстъ разночинцами интересовъ городскаго мѣщанства не нарушала. Старшина же полковая, конечно, не желала имѣть при своихъ покупкахъ лишнихъ конкурентовъ. Но странно же, что одновременно съ этимъ та же Полковая Канцелярія

въ полку безурядицу. Дѣло идетъ, конечно, о грунтахъ, захватомъ которыхъ гл. обр. и занималась полковая старшина. „Да и казаки Капустянскіе собою ничего бы не дерзнули учинить, тѣмъ меньше грабить съ поля, ежели бы не видѣли къ тому повода отъ полковой канцеляріи; ибо сіе уже здѣсь *по многимъ дѣламъ* извѣстно, что полковая ваша старшина, *паче прочихъ*, многимъ обиды дѣлаютъ; да и сіе здѣсь извѣстно, что ваше высокоблагородіе, ихъ полковникъ, не въ великомъ у ихъ почтеніи“... „вѣдая довольно сколь и вамъ самимъ трудно иногда отъ своихъ безпутныхъ, а особливо высокомѣрныхъ подчиненныхъ бываетъ, не хочу“... и т. д.

[1]) См. Приложеніе № 3.

возбуждаетъ и тотъ вопросъ, который возбуждался, между прочимъ, и Кіевскимъ магистратомъ и который, повидимому, долженъ бы больше заботить и въ Переяславѣ городской магистратъ, а не Полковую Канцелярію: это вопросъ о правѣ „великороссійскихъ“ людей жить въ нижнемъ городѣ и производить „купеческій промыселъ“. Въ февралѣ 1757 г. полковая канцелярія доносила, что де, вопреки грамотѣ Императора Петра I, „разные гарнизона Переяславскаго великороссійскіе командиры и ихъ подчиненные въ обывателей нижняго города Переяслава сами собою занимаютъ квартери и многіе дѣлаютъ купечества, чѣмъ онимъ нижняго города обивателямъ въ промислѣ ихъ воспященіе и въ прожитіе утѣсненіе явновидно приключаютъ“. Такое нарушеніе упомянутой грамоты, опредѣлявшей для жительства великороссіянъ исключительно „вишній городъ“ производило, по заявленію Полковой Канцеляріи, къ тому, что „ежечасніе ссоры и драки между здѣшними обивателями происходятъ“.

Но и въ данномъ случаѣ Полковая Канцелярія хлопотала не о городскихъ интересахъ вообще, а о своихъ сословныхъ, главнымъ образомъ объ интересахъ полковой старшины, которая занималась скуплею грунтовъ и „купеческимъ промысломъ“ т. е. главнымъ образомъ шинкарствомъ. Всѣ эти „бунчуковые, значковые товарищи“ и вообще войтовые чины, становясь обывателями города, желали стать въ привилегированное положеніе относительно отбыванія городскихъ повинностей. Покупая мѣщанскія усадьбы, они привлекали мѣщанъ въ званіе козачее, а нерѣдко обращали ихъ въ „подданныхъ“.

Уже въ первый годъ своего войтовства Драгомановъ вынужденъ былъ жаловаться въ В. Г. К. на полковника Сулиму и на полковую старшину, заявляя, что „за отнятіемъ ими всѣхъ цеховъ мѣщанъ и посполитыхъ людей и магистратскихъ многихъ грунтовъ и земель, магистратъ Переясловскій во всекрайнѣйшомъ разореніи состоитъ и подлежащихъ городовыхъ магистратскихъ нуждъ исправлять вовся з чего не имѣетъ“.

Послѣ бывшаго въ 1748 г. пожара, уничтожившаго всѣ магистратскія строенія, магистратъ помѣщался въ принадлежавшей войту Савонову избѣ, а по отрѣшеніи Савонова отъ должности перенесенъ былъ въ построенный магистратомъ шинокъ. Съ вступленіемъ въ должность Драгоманова выстроена была на одномъ съ этимъ шинкомъ дворѣ особая изба, въ которую и былъ переведенъ магистратъ, а шинокъ отданъ въ наймы, „дабы хотя й мало что могло въ приходѣ магистратскомъ быть“. Но полковникъ Сулима потребовалъ, чтобы въ этотъ шинокъ была переведена пограничная таможня. Не смотря на протесты магистрата, это было исполнено [1]) и послужило первымъ поводомъ къ жалобѣ Драгоманова на полковую старшину, которая вообще не церемонилась съ магистратскими урядниками

---

[1]) Существовавшая въ Переяславѣ таможня, какъ видно, представляла изъ себя тоже начальственную инстанцію, съ которой Полковой Канцеляріи невыгодно было ссориться, хотя ссоры эти, какъ ни избѣгали ихъ, бывали нерѣдки. Обращеніе этой таможни съ попадавшими въ ея руки людьми было крайне безцеремонно. Одно, напр., дѣло 1759 г. достаточно характеризуетъ и это обращеніе, и ту «волокиту», какая возникала, когда «дѣло» не могло окончиться взятками.

Въ февралѣ м—цѣ 1759 г. два козака, проѣзжавшіе изъ заграницы съ «барильцемъ» хлѣбнаго вина «мимо указную дорогу», пойманы были ландмилицкихъ полковъ солдатами и представлены въ пограничную Переяславскую таможню. Такъ какъ козаки не могли дать потребованной отъ нихъ взятки въ 20 руб., то ихъ заключили подъ крѣпкій караулъ и «боемъ батожнимъ мучили». Козаки послали въ Полковую Канцелярію жалобу, что они тѣмъ «мученіемъ такъ изнеможены, что и въ жизни своей сумлительны, и къ службѣ крайне уже не годятся», и просили защиты. Полковая Канцелярія послала въ таможню нарочныхъ спросить, за что козаки арестованы, и освидѣтельствовать «имѣющіесь на нихъ боевіе знаки». Но таможенный канцелярист Ѳеоктистъ Чаплинъ и къ освидѣтельствованію не допустилъ, и о причинѣ ареста ничего не отвѣтилъ. Объ этомъ самоуправствѣ таможни, не имѣвшей права у себя арестовывать, а обя-

и допускала при всякомъ удобномъ случаѣ грубое насиліе и издѣвательство. Такіе случаи представлялъ, между прочимъ, отводъ квартиръ россійскимъ воинскимъ командамъ и пріѣзжавшимъ въ городъ по разнымъ дѣламъ офицерамъ. При Савоновѣ магистратъ то и дѣло жаловался на произволъ Полковой Канцеляріи въ дѣлѣ отвода квартиръ и на насилія служащихъ въ ней и добивался по крайней мѣрѣ письменныхъ выговоровъ со стороны Войск. Ген. Канц. полковымъ старшинамъ, которымъ неоднократно „притверждалось“, чтобы помимо магистрата квартиръ не отводили; но при Драгомановѣ это „самовольство“ полковой канцеляріи, какъ видно, ничѣмъ уже не сдерживалось. Вопреки всякому закону, полковой писарь Каневскій и городовой атаманъ Зубковскій отводили квартиры офицерамъ не только въ домахъ магистратскихъ урядниковъ, но и въ домѣ самого войта, выгоняя, въ его отсутствіе, изъ дому его жену и дѣтей. Драгомановъ со всѣмъ магистратомъ жаловался на это въ іюнѣ 1757 г. гетману Разумовскому, а въ октябрѣ того же года тотъ же Зубковскій, „по приказу Полковой Канцеляріи“, вновь учинилъ „гвалтовное нападеніе на послѣднюю комору войта,

---

занной представить пойманныхъ «по ихъ командѣ», Полковая Канцелярія сообщила въ Ген. Войск. Канцелярію, заявляя, что «нынѣшніе Переяславской таможни правители, не отсылая козаковъ по ихъ командѣ, держатъ ихъ подъ карауломъ и розискуя витягаютъ деньги подъ указы Е. И. В.». Но, вмѣсто того, чтобъ «истребовать сатисфакціи» отъ пограничной таможни, Войск. Ген. Канц. ограничилась такою «повелительною резолюціей» полковнику: «еще до кого надлежитъ писать съ Полковой канцеляріи» объ освобожденіи арестованныхъ козаковъ. Такимъ образомъ высшая малороссійская «команда» уклонилась отъ сношеній съ «командой» пограничной таможни, т. е. Кіево-Губернской Канцеляріей, предоставляя эту безнадежную переписку самой Полковой Канцеляріи. Въ виду то такой беззащитности, Полковая Канцелярія и избѣгала столкновеній съ пограничною таможнею: указанія на «таможенный уставъ» и на какія бы то ни было «права» были, какъ видно, безполезны.

гдѣ замкнени были его всѣ господарскіе потребности, отбивъ замокъ, съ оной повыкидали".

Принялся было Драгомановъ за отыскиваніе отъ полковой старшины захваченныхъ ими „разныхъ магистратскихъ и цеховыхъ людей и земель", но этимъ сейчасъ же возбудилъ противъ себя неудовольствіе со стороны старшины, съ которою „тягаться" было вообще трудно, особенно же человѣку маломочному, который при томъ самъ хотѣлъ „кормиться" отъ своей должности.

Достаточно было самаго ничтожнаго повода, чтобы привлечь войта къ отвѣтственности и „тягать" его въ Полковую Канцелярію. Такой поводъ скоро и представился.

Въ 1762 г. бунч. тов. Денисъ Стременцовъ и вдова брата его предъявила въ В. Г. К. къ Драгоманову искъ въ суммѣ 148 р., которые онъ задолжалъ имъ по „обликамъ" въ 1760 г. Полковая Канцелярія получила предписаніе провѣрить имѣющіеся у истцовъ документы и, „призвавъ войта Драгоманова, не смотря ни на какія отговорки, взыскавъ съ него или зъ имѣнія его таковы деньги зъ подлежащимъ процентомъ, отдать просителямъ зъ росписко̀ю". Войтъ призналъ этотъ долгъ, но заявилъ, что на уплату его у него въ данное время нѣтъ наличныхъ денегъ, а есть недвижимое имущество, доставшееся ему, какъ приданное за женой: жилой дворъ въ городѣ, земля на базарѣ, пустое млиновое мѣсто на р. Трубежѣ, да пахатнаго поля во 2-й сотнѣ дней до ста. Прося объ отсрочкѣ ему платежа, Драгомановъ находилъ самое направленіе этого дѣла по взысканію съ него чрезъ Полковую Канцелярію неправильнымъ. По донесенію полк. Сулимы, войтъ, во время объясненій своихъ въ Полковой Канцеляріи, „кричалъ предъ присутствующими старшинами: Войсковая-де Генер. Канцелярія въ томъ погрѣшила, что таковый ордеръ не по силу Правъ наслала, за что-де онъ въ Гарнизонную Переяславскую и Кіево-Губернскую Канцелярію протестовать имѣетъ,—каковы его рѣчи и въ протоколъ запысано". А рѣчи эти были, очевидно, особенно непріятны мѣстному полковому начальству, которое всячески избѣгало сношеній съ Гарнизонною Канцеляріей, мнившею себя высшимъ

начальствомъ. Подъ защиту этой Гарнизонной Канцеляріи, т. е. коменданта крѣпости, россійскаго офицера, прибѣгали мѣстные обыватели въ исключительныхъ случаяхъ, когда хотѣли насолить мѣстному полковому начальству.

Скоро послѣ перваго денежнаго иска предъявленъ былъ къ Драгоманову и другой: генеральный войсковой асаулъ Журавка взыскивалъ съ него чрезъ Пер. Полк. Канц. 66 р. А вслѣдъ затѣмъ и магистратскіе урядники подали на него жалобу, будто „оной войтъ по вступленіи своемъ въ званіе войтовства разными часы приходныхъ магистратскихъ 133 р. 70 к. захватилъ".

Полковая Канцелярія, признавъ Драгоманова несостоятельнымъ должникомъ, арестовала его, и, продержавши нѣкоторое время, выпустила на поруки жены. Между тѣмъ послѣдовалъ ордеръ изъ В. Г. К. о немедленной присылкѣ Драгоманова въ Глуховъ. Въ это время онъ отлучился по своимъ дѣламъ изъ города, и Полковая Канцелярія, въ явное посрамленіе войта, разослала во всѣ сотни предписаніе „оного войта сыскивать и за сыскомъ въ П. К. подъ карауломъ прислать". И по прибытіи въ городъ войтъ былъ немедленно взятъ въ Полк. Канц. и препровожденъ въ Глуховъ „за надлежащимъ конвоемъ".

Въ Глуховѣ его продержали болѣе трехъ мѣсяцевъ безъ всякой надобности, такъ какъ дѣло о взысканіи съ него частныхъ долговъ вновь было поручено той же Полк. Канц. „какъ надлежитъ дослѣдовать при бытности его войта". Согласно просьбѣ магистратскихъ урядниковъ, предписано было также не продавать его имущества для удовлетворенія частныхъ долговъ впредь до окончанія слѣдствія. А слѣдствіе, по обыкновенію, затянулось, да поступили и новыя претензіи, такъ что въ 1763 г. Драгомановъ уже былъ отрѣшенъ отъ должности, исправлять которую назначенъ былъ, по ордеру В. Г. К., Петръ Стрѣшенцовъ.

Самая давняя претензія, по которой до самой смерти таскали Драгоманова по разнымъ инстанціямъ, предъявлена была особою „полковою счетною коммиссіей", которая требовала съ него 64 р. коммисарскаго сбора еще въ 1748 г., въ бытность

его управителемъ у генерала Вишневскаго. Требованіе это предъявлено было къ нему уже послѣ отрѣшенія его отъ должности въ 1765 г. по адресу Генеральной Малороссійской Счетной Коммиссіи. Но магистратъ нѣсколько раньше добылъ указъ малороссійской Коллегіи о продажѣ съ публичнаго торга двора Драгоманова по претензіямъ магистрата въ суммѣ двухсотъ рублей, да кромѣ того магистратъ предъявилъ искъ и въ особой учрежденной тогда въ Переяславѣ „коммиссіи о обидахъ“ въ суммѣ ста рублей за долги нѣкоторымъ урядникамъ и мѣщанамъ. Оцѣненный въ 200 р. дворъ Драгоманова, отлучившагося въ это время въ г. Кременчугъ, проданъ былъ съ публичнаго торга за 211 руб. жителю Переяславскому Прохору Амвроскову. Больше никакого имущества у Драгоманова не было, а потому всѣ другія предъявленныя къ нему претензіи, сверхъ магистратской, остались неудовлетворенными.

Но Генеральная Малороссійская Счетная Коммиссія не могла сложить числившейся на Драгомановѣ казенной недоимки и, года полтора спустя, вновь предписала мѣстнымъ властямъ взыскать съ него эту недоимку. Въ это время, въ маѣ 1767 г., онъ проживалъ во владѣніи полковника Николая Ивановича Меера, который, получивши требованіе выслать Драгоманова къ отвѣту въ Счетную Коммиссію, отвѣчалъ, что де „оной грекъ отъ меня со всею фамиліею поѣхалъ въ м. Гелмязовъ“. Сотникъ же Гелмязовскій на такое требованіе отвѣчалъ, что Драгомановъ въ немалой болѣзни находится и ѣхать въ оную коммиссію крайне не можетъ“. Но въ концѣ концовъ онъ явился въ Коммиссію въ августѣ мѣсяцѣ и здѣсь объяснилъ, что онъ рѣшительно никакихъ средствъ не имѣетъ, чтобъ уплатить требуемую съ него сумму: „и по старости и крайней дряхлости своей не точію заработать, либо выслужить то число денегъ, но снабдить и препитать себе чимъ не могу, а получаю то все отъ доброхотныхъ дателей съ милости“.

Не смотря на засвидѣтельствованную всѣми „урядами“ несостоятельность старика Драгоманова, Переяславск. Счетн. Коммиссія продолжала писать указы о взысканіи съ него недоимокъ.

На „третичный“ указъ ея отъ 8-го января 1772 г. Гелмязовское управленіе увѣдомило ее, что Драгомановъ, жительствовавшій у сотеннаго писаря Панкевича, умеръ еще въ 1768 г., а вдова его тогда же отправилась къ дочери въ Полтаву. Сынъ же его Григорій въ 1772 г. служилъ въ Глуховѣ въ земскомъ судѣ.

Въ этой неупорядоченной кучѣ „дѣлъ“ Полковой Переясл. Канцеляріи, которую пришлось мнѣ въ свое время пересмотрѣть, около 60-ти номеровъ отдѣльныхъ „дѣлъ“ касалось Переяславскаго магистрата за время войтовства Драгоманова, и большая часть этихъ „дѣлъ“ представляетъ изъ себя безсодержательную переписку по чисто личнымъ дѣламъ самого войта, касаясь главнымъ образомъ взысканій съ него разнаго рода долговъ. Меньшая же часть этихъ „дѣлъ“, касаясь весьма мелкихъ международныхъ интересовъ, рѣшительно ничего не даетъ для характеристики общественной дѣятельности войта. Надо думать, что, подавленный своими личными дѣлами, онъ мало принималъ участія даже въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ, такъ какъ большинство бумагъ, встрѣчающихся въ упомянутыхъ „дѣлахъ“, подписываются лишь рочными бурмистрами и писаремъ. Почтовая гоньба и отводъ квартиръ—вотъ главные интересы болѣе или менѣе общественнаго характера, возбуждавшіе эти „дѣла“. Единственное дѣло, возникшее въ первые годы войтовства Драгоманова, о перенесеніи ярмарокъ съ одного мѣста на другое, дѣло, какъ видно, живо интересовавшее значительную часть населенія, велось безъ всякаго участія войта, такъ какъ во всемъ обширномъ дѣлопроизводствѣ не имѣется ни одной бумаги за его подписью.

За Илтицкою брамою на Подваркахъ, надъ рѣчкою Илтицкою, близъ р. Трубежа, споконъ вѣка собирались два раза въ годъ ярмарки: одна въ Петровъ постъ, а другая 1-го сентября (Симеоновская). Обыватели той мѣстности устраивали на ярмарочное время заѣзжіе дома и „лѣдовни“, „содерживая разной напитокъ, по малороссійской вольности, продавали свободно“. Но въ 1756 г. полковая канцелярія всѣхъ съѣхавшихся на ярмарку „нагло и усиловно“ перевела за Гайтинскую браму на

„пустое близъ болота состоящое и тѣмъ опасное, точію для единаго устроенія ковальскихъ и котлярскихъ кузень способное, а для ярманковъ неприличное мѣсто“. Сдѣлано это по настоянію полкового судьи переяславского Лисаневича и асаула полкового Михаила Лукашевича, которые „по ихъ могуществу старшинскому“, занявшись „ярманковскимъ промысломъ“, присвоивъ себѣ „пустые плецы“, построили на нихъ „шинковіе и уѣздніе домы“, разсчитывая на денежные съ пріѣзжающихъ на ярмарку сборы. Жительствовавшіе же на Подваркахъ мѣщане и разночинцы, не надѣясь на защиту своихъ интересовъ со стороны магистрата, обратились съ жалобою на упомянутыхъ старшинъ прямо въ Ген. Войск. Канцелярію. Челобитную по этому дѣлу для шести козаковъ писалъ священникъ Борисоглѣбской церкви Кирилло Савичъ. По этому дѣлу магистратъ свидѣтельствовалъ лишь то, что ярмарки дѣйствительно раньше собирались на указанномъ просителями мѣстѣ. Изъ „дѣла“ не видно, чѣмъ этотъ вопросъ разрѣшился, но видно, что магистратъ отнесся къ нему совершенно равнодушно, хотя онъ и не переставалъ жаловаться по другимъ поводамъ на захватъ магистратскихъ „плецовъ“ полковою старшиною.

Очевидно, магистратское правленіе было совершенно безсильно для защиты интересовъ мѣщанства и принадлежащаго городу имущества. Послѣ войта Савонова должности войта ищутъ все лица не мѣщанскаго званія и, очевидно, исключительно ради личныхъ матеріальныхъ выгодъ. Послѣ отрѣшенія Драгоманова мѣщанству не дали избрать войта, по обыкновенію, „вольными голосами“: магистратъ выбралъ было Зубковскаго, прежняго доносителя на войта Савонова, выбралъ, какъ самъ же впослѣдствіи заявилъ: „по незнанію сего, что онъ согласникъ старшинамъ полковымъ и что оные старшины вомѣщали его войтомъ, чтобъ можно было имѣть латвѣйшій способъ ко утѣсненію насъ“; но, не ожидая этого выбора, Войсковая Генер. Канцелярія сама опредѣлила на должность войта въ Переяславскій магистратъ Петра Стрѣшенцова, человѣка чуждаго мѣстному мѣщанству. Но не прошло и года, какъ онъ попалъ подъ

судъ, и въ іюлѣ 1765 г., по произведенному особою коммиссіей слѣдствію, признанъ виновнымъ по всѣмъ поступившимъ на него жалобамъ и устраненъ отъ должности. Магистратъ просилъ уже Малороссійскую Коллегію разрѣшить ему произвести выборы войта, но болѣе трехъ мѣсяцевъ никакой резолюціи не было, и въ октябрѣ прибылъ въ Переяславъ „для сочиненія въ полку Переяславскомъ генеральной ревизіи“ маіоръ Александръ Якубовичъ и, призвавъ къ себѣ магистратскихъ урядниковъ, „приказалъ выбрать кого ни есть войтомъ“, заявивъ, что ему поручено отъ Малороссійской Коллегіи такого избраннаго съ одобреніемъ отправить въ Коллегію. Очевидно, для урядниковъ такой пріемъ показался сомнительнымъ, и они, уклонившись отъ производства такихъ выборовъ, послали въ Малорос. Кол. просьбу о письменномъ разрѣшеніи вопроса, какъ имъ быть: „такова выбору на войтовство сами собою учинить не дерзостны“. Какой послѣдовалъ на это отвѣтъ—неизвѣстно. Возможно, что и этотъ запросъ такъ же оставленъ „безъ резолюціи“, какъ просьба о неназначеніи на должность войта „согласника старшинамъ полковымъ“ Никифора Зубковскаго. Высшее Малороссійское Начальство, какъ видно, никакого значенія „уряду“ войсковому не придавало и, готовое предоставить его любому случайно подвернувшему искателю, совсѣмъ не торопилось съ этимъ дѣломъ.

А. А.

Приложеніе № 1.

Доношеніе Переяславскаго магистрата отъ 15 іюля 1775 г. въ Малорос. Коллегію.

„Извѣстились мы, что атаманъ городовый Переясловскій—Никифоръ Зубковскій отъѣхалъ въ Глуховъ въ Малорос. Коллегію съ точного поводу и проэкту полк. переясл. старшинъ, вѣстимихъ уже довольно оной М. К. обидчиковъ и нападчиковъ на магистратъ и на насъ, для испрошенія Переяславскаго войтовства, на мѣсто нахо-

дящагося нынѣ подъ судомъ безъ выборовъ нашихъ опредѣленного въ маг—тъ войтомъ Петра Стрѣшенцева. А понеже оной атаманъ Зубковскій помянутымъ старшинамъ полк. согласникъ и таковъ же какъ и старшина полковая обидчикъ, ибо, многократно уже набѣгая въ магистратъ, не одному, но многимъ зъ бурмистровъ и другихъ урядниковъ побоями, такожъ нахалними и гвалтовними на домы наши насилками козаковъ немалые причинилъ и причиняетъ озлобленія и въ единственное поруганіе и крайное посмѣяніе насылаетъ въ магистратъ, какъ въ какое партикулярное мѣсто и ему подчиненное, весьма укорительные и досадительные по наставленіямъ своихъ командировъ, непринадлежащіе до магистрата требованія, и однимъ словомъ сказать приказы; яко же онъ Зубковскій самовольно, смотря на оныхъ своихъ командировъ, и грунтами магистратовыми знатными завладѣлъ, за что мы въ учрежденной въ г. Переяславѣ коммиссіи состоимъ на него челобитчиками, и такъ по всѣмъ вышеписаннымъ обстоятельствамъ его Зубковскаго войтомъ въ маг—ть Пер. вовсе не желаемъ. Хотя же въ прошломъ 1763 г., по отрѣшеніи бывшаго войта С. Драгоманова, на прошеніе его З—го мы выбрали были войтомъ, но то учинено отъ насъ по незнанію его, что онъ согласникъ старшинамъ полковымъ и что оные старшины прикровенно вомѣщали его войтомъ, чтобъ можно было имѣть латвѣйшій способъ ко утѣсненію насъ и оставшихся бѣдныхъ мѣщанъ и посполитыхъ, что все нынѣ наружно оказалось". Въ заключеніе просятъ, чтобъ З—го ни въ какомъ случаѣ М. К. войтомъ не утверждали.

На доношеніи этомъ канцелярская помѣтка такая: „докладывано Августа 12, оставить вѣчно безъ резолюціи".

Приложеніе № 2.

Доношеніе магистрата Переяславскаго въ Войск. Генер. Канцелярію отъ 8-го января 1756 г. объ опредѣленіи войтомъ избраннаго уже въ эту должность Стефана Драгоманова.

«Будучи при магистратѣ Переясловскомъ за войта Кирило Савоновъ такъ магистрату удержаніемъ воровски казенныхъ денегъ, употребленіемъ партикулярно на привати свои магистратовихъ доходовъ, яко и насъ всѣхъ нижайшихъ, магистратовихъ чиновниковъ и

поспольство, изобиждая чрезъ многіе годы насильствомъ и боями привелъ ко всекрайнѣйшему разоренію, о которихъ непорядкахъ его Савонова, а особливе за похищеніе казеннихъ денегъ и письменніе дѣла по суду Генеральному и В. Ген. Кан. довольно явствуютъ, по которимъ дѣламъ, рѣшеніемъ Суда Ген., а именно за утайку казеннихъ денегъ, и чина былъ лишенъ, точію за силу вис. всемилост. указовъ въ той его винѣ прощено; которихъ претерпѣнныхъ отъ его Савонова непорядковъ и обидъ всѣ обще магистрата Переяславскаго урядники и мѣщане предубѣгая, дабы въ случаѣ помилованія по высоч. указамъ въ слѣдующихъ ему винахъ и препорученіи ему Савонову чина правленіемъ войтовства Переяславскаго въ конецъ магистрату Переяславскаго и насъ нижайшихъ по злобѣ своей онъ Савоновъ разорить не могъ, ибо отъ него Савонова не чего иного чаять можно, какъ точію, когда при прежнемъ своемъ званіи и правленіи въ магистратѣ будетъ, всекрайнѣйшого магистрату разоренія и намъ нижайшимъ послѣдней гибели, все общество магистрата Переяславскаго его Савонова за войта болѣе нынѣ и впредъ не желаемъ, а желаемъ и избираемъ на мѣсто его Савонова въ тотъ войтовства чинъ достойнаго человѣка значковаго полку Переяславского товарища Стефана Драгоманова, опредѣленного по ордеру Ген. Войск. Канц. въ магистратъ за войта къ правленію дѣлъ магистратскихъ, которого добропорядочными нынѣ при правленіи въ магистратѣ Переясловскомъ поступками всѣ обще состоимъ доволни, и что когда онъ Драгомановъ настоящее того войтовства Переясловского чинъ получитъ, то въ магистратѣ дѣйствительно порядки и принадлежитости магистратскіе держать и не запускать долженъ будетъ; того ради В. Г. К. въ глубочайшей покорности нашей просимъ о удостоеніи оного Стефана Драгоманова въ чинъ настоящого магистрата Переясловского войтовства учиненній нами выборъ милостиво разсмотря въ томъ подъ високую конфѣрмацію Его Ясневельможности (полный титулъ) поднесть не оставитъ.

Подписали собственноручно: бурмистры Михайло Тимофѣевъ, Алексѣй Романовъ, Павелъ Куношевскій, Данило Щирий, писарь Симонъ Ловецкій и райцы Алексѣй Марковъ, Дмитро Гребенникъ, Яковъ Оробіовскій и Гаврило Забора.

При этомъ доношеніи приложенъ и самый выборъ, произведенный 3-го генваря 1756 г. и подписанный тѣми же лицами.

Приложеніе № 3.

Полковника Семена Сулимы доношеніе въ Генер. Войск. Канц. отъ 17 октября 1756 г.

Отъ свято усопшихъ блаженнія вѣчно достойнія памяти Ея И. В. высоч. предковъ всемилостивѣйше жаловано: малороссійскому народу при своихъ волностяхъ и правахъ быть, что къ неотмѣнному содержанію и отъ Е. И. В. всемилост. Нашей Государини всевисочайше подтверждено и при пожалованіи високимъ достоинствомъ Е. Я. высокоповелительного Г. Малыя Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и Войскъ Запорожскихъ Гетмана (полный титулъ) К. Г. Разумовскаго повелѣно быть тому высокому достоинству по пунктамъ Г. Гетмана Богдана Хмелницкого, на основаніи г. Гетмана Скоропадскаго, по пунктамъ же гетмана Хмелницкого, и въ гетманство Скоропадского, чтобъ великороссійскимъ персонамъ, паче жъ иноземцамъ, въ Малой Россіи купля козачіихъ и протчіихъ грунтовъ свободни ни были, того не показано, а сего году въ недавномъ времени кирасирского полку ротмистръ Аврамъ Полянскій у бунч. тов. Тарасевича полку Переясл. въ сотнѣ Золотоноской хуторъ, да при пограничной Переясл. таможнѣ обрѣтающійся лѣкаръ иноземецъ Товій Товичъ Гундесбургъ въ городѣ Переясловлѣ дворъ жилой у войта Степана Драгоманова купили и впредь къ большой куплѣ грунтовъ, какъ оніе ротмистръ Полянскій и лѣкарь разніе средства сискують и наихъ смотря и другіе къ покупки здѣсь грунтовъ причину свободную имѣтамуть. Того ради о томъ въ Г. В. К. подъ разсмотреніе нижайше представляю, и какъ о семъ повелѣно будетъ, должность имѣю дожидаться въ резолюцію з Г. В. К. ордера, а до полученія оного на ту куплю и продажу грунтовъ видачи купчихъ крѣпостей — имѣетъ быть пріостановится".

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). [1])

LII.

Сношенія Кулиша съ русинами въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ ждутъ своего историка. Мы съ своей стороны, за недостаткомъ данныхъ, ограничимся передачей свѣдѣній, сообщенныхъ намъ А. Я. Конисскимъ, и выскажемъ наше собственное мнѣніе объ этомъ дѣлѣ. Въ 1876 году—говоритъ г. Конисскій—Кулишъ задумалъ издавать „Журналъ П. А. Кулиша“. Получить разрѣшеніе онъ надѣялся при содѣйствіи Юзефовича[2]), а привлечь сотрудниковъ и подписчиковъ думалъ печатаніемъ статей на малорусскомъ нарѣчіи; съ этой цѣлью онъ разсчитывалъ объявить въ программѣ журнала, что „какъ беллетристика, такъ и статьи по всѣмъ прочимъ отдѣламъ будутъ печататься на томъ языкѣ, на которомъ будутъ написаны авторами“.

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 7—8.

[2]) За Юзефовича Кулишъ всегда хватался, какъ за послѣднюю надежду, какъ утопающій за соломинку.

„Прочитавши программу предположеннаго изданія, онъ спросилъ меня, какъ, по моему мнѣнію, отнесутся къ этому дѣлу мои кіевскіе знакомые. Я отклонился отъ отвѣта за другихъ; отъ себя же сказалъ, что если бы онъ и достигъ разрѣшенія на изданіе, въ чемъ я сомнѣваюсь, то я не принялъ бы никакого участія..

„Кулишъ не усидѣлъ на мѣстѣ и, схватившись руками за голову, началъ увѣрять меня въ невозможности имѣть съ Галичанами какое бы то ни было дѣло. Онъ вспомнилъ о Головацкомъ, Дѣдицкомъ и о какомъ-то предателѣ Коснѣрскомъ Потомъ разсказалъ мнѣ, что въ 1870 г. онъ былъ заграницей, старался основать тамъ, во Львовѣ, періодическое изданіе, но ничего не могъ достигнуть; попалъ съ русинами (нѣкоторыхъ онъ назвалъ по имени) въ такое болото, что едва выскочилъ. Вообще онъ высказывалъ тогда о галицкихъ русинахъ крайне невыгодное для нихъ мнѣніе. Искренности ихъ по отношенію къ Украинѣ и украинцамъ онъ совсѣмъ не довѣрялъ; по отношенію къ Украинѣ онъ видѣлъ въ нихъ сепаратистовъ, желавшихъ эксплоатировать украинцевъ; по его мнѣнію, русины-галичане глубоко ополячены и восприняли весьма многія отрицательныя стороны польской шляхты. Въ произведеніяхъ ихъ онъ справедливо не видѣлъ не только *поэзіи*, но и простого поэтическаго чутья... Вообще онъ старался отклонить меня какъ можно дальше отъ галицкихъ русиновъ. Журналъ его не осуществился. Юзефовичъ принялъ его крайне холодно и отказалъ въ какомъ бы то ни было содѣйствіи“.

„Въ 1881 году я получилъ изъ за-границы неизвѣстно кѣмъ высланные въ закрытыхъ конвертахъ листы изданной Кулишемъ въ Львовѣ „Хуторной поэзіи“. Я пришелъ въ изумленіе, прочитавши въ ней „историчне оповіданне“ [1]) и „зазивний листъ до украинскои интеллигенціи“.

---

[1]) Въ этомъ трудѣ своемъ Кулишъ въ сущности опровергаетъ сказанное имъ въ «Повѣсти объ украинскомъ народѣ» (Ср. «Исторія украинской литературы», Петрова, стр. 270—271).

Далѣе г. Конисскій сообщаетъ слѣдующее: „До 1884 года я не зналъ, что̀ было причиною возвращенія Кулиша ко взглядамъ начала шестидесятыхъ годовъ. Въ Кіевѣ на этотъ счетъ ходили слухи, русская же пресса, не только та, которая называется „Московскими Вѣдомостями“, но даже кіевская „Заря“ начала клеймить Кулиша эпитетами вродѣ: „измѣнникъ“, „отступникъ“ и т. п. Въ дѣйствительности же Кулишемъ руководило не отступничество, а болѣзненно развитое самолюбіе и желаніе первенствовать. Когда онъ увидѣлъ, что „Исторія возрожденія“ не привела къ желанной цѣли, то отправился въ Галичину и задумалъ издавать здѣсь газету въ духѣ примиренія поляковъ и украинцевъ. Но для этого нужны были средства и австрійское подданство. Мѣстное правительство не прочь было субсидировать изданіе, а Кулишъ готовъ былъ перейти въ австрійское подданство, конечно испросивъ согласіе русскаго правительства (кажется, Кулишъ подалъ объ этомъ просьбу къ министру Внутреннихъ Дѣлъ гр. Игнатьеву и получилъ разрѣшеніе). Но изданіе не осуществилось... Достовѣрно то, что онъ выѣхалъ изъ Австріи въ 1882 г., раздраженный и противъ правительства, и противъ поляковъ, и русиновъ. Послѣднихъ въ своей „Крашанкѣ“ онъ просто называетъ „телятами“.

Ходили слухи, что, когда Кулишъ возвратился въ Россію, возникла переписка въ административныхъ сферахъ о ссылкѣ его; но восторжествовало мнѣніе кіевскаго генералъ-губернатора, чтобы ему было предоставлено спокойно и свободно жить, гдѣ онъ захочетъ“.

Самъ Кулишъ передавалъ дѣло г. Лободовскому иначе: „Въ послѣднюю мою поѣздку во Львовъ я много занимался въ архивахъ польскихъ книгохранилищъ; поляки не щадятъ средствъ для культуры; въ библіотекѣ Осолинскихъ находятся драгоцѣннѣйшіе матеріалы для нашей исторіи“. Дальше, разсказавъ о замѣченной имъ взаимной адской злобѣ поляковъ и галичанъ и о своемъ обращеніи къ знаменитому Крашевскому съ просьбой помочь его желанію дѣйствовать на поляковъ въ

примирительномъ духѣ и полученіи отъ него отказа подъ предлогомъ старости, Кулишъ сообщалъ объ интригѣ поляковъ противъ него. „Одинъ полякъ"—говорилъ онъ—„отъ группы какихъ-то богатыхъ польскихъ пановъ сдѣлалъ такое предложеніе: „нѣсколько польскихъ богатыхъ пановъ желаютъ помочь вамъ, панъ Кулишъ, въ осуществленіи вашихъ культурныхъ стремленій; они знаютъ, что вы человѣкъ не богатый, поэтому предлагаютъ вамъ самому назначить сумму денегъ, которая потребна будетъ для осуществленія вашихъ завѣтныхъ желаній, т. е. изданія газеты, журнала, книгъ, на малорусскомъ, конечно, языкѣ и во Львовѣ, но съ условіемъ, что примете австрійское подданство. Зная васъ, они къ вамъ относятся съ полнымъ довѣріемъ". „Зная любовь поляковъ къ культурѣ и щедрыя ихъ пожертвованія для культурныхъ цѣлей",—продолжаетъ Кулишъ—„зная рыцарскія качества характера нѣкоторыхъ поляковъ, я отнесся съ довѣріемъ къ предложенію". Кулишъ согласился на предложеніе, предполагая издавать малороссійскій журналъ и газету, вести ихъ въ томъ духѣ, въ какомъ онъ желалъ, и основать съ патріотическими цѣлями женскую гимназію во Львовѣ „съ интернатомъ для галичанокъ—матерей будущихъ патріотовъ" [1]). Дальнѣйшая исторія понятна: когда Кулишъ увидалъ, что у его новыхъ друзей и покровителей былъ свой особый умыселъ и что они хотѣли только воспользо-

---

[1]) Также Кулишъ старался убѣждать своихъ знакомыхъ дѣвушекъ-малороссіянокъ серьезно заниматься исторіей Малороссіи, выписывая имена и года, «какъ студенты передъ экзаменомъ», чтобы хорошо знать исторію родного края, «какъ всякая образованная полька знаетъ свою исторію». «Не было бы для меня большей радости на Украинѣ—говорилъ онъ—«какъ видѣть горячихъ сердцемъ людей, которые жили бы не одними земными интересами, какъ мотылекъ, который сегодня красуется на солнцѣ, а завтра умеръ, не заботясь, что было до него и будетъ послѣ. Глаголы Божіи мы читаемъ въ жизни царства и народовъ, всякій народъ горемъ и счастьемъ готовится на свое дѣло въ общемъ дѣлѣ человѣчества» и проч.

ваться его дарованіями и энергіей для собственныхъ цѣлей, употребивъ его за деньги (какъ имъ хотѣлось) въ качествѣ орудія, уже тогда, когда для него возвращеніе въ Россію будетъ отрѣзано,—онъ, разумѣется уклонился отъ ихъ предложенія, но прошеніе о разрѣшеніи принять австрійское подданство уже было подано [1]).

Итакъ Кулишъ оставался все время вѣренъ своей завѣтной мечтѣ—дѣйствовать для національнаго возрожденія Украйны посредствомъ періодическаго изданія, но осуществить ее ему не удавалось, а между тѣмъ на этой струнѣ и на склонности его увлекаться излюбленной идеей до забвенія осторожности задумали играть по-своему представители иной народности и иныхъ интересовъ, лукаво поставивъ ему такую сѣть, изъ которой онъ могъ выйти лишь сильно (хотя и несправедливо) скомпрометтированнымъ одновременно и передъ правительствомъ, и передъ украйнофилами галицкими и русскими. Между тѣмъ перенести свою дѣятельность въ Галицію Кулишъ хотѣлъ вѣдь потому, что она была рѣшительно невозможна въ Россіи. Да и средства для созданія новаго, и притомъ малороссійскаго, органа, еслибы предположить даже, что послѣдній былъ бы разрѣшенъ, ему никто и никогда не предлагалъ. „Малороссійскій органъ“—писалъ Кулишъ И. И. Бѣлозерскому — „покамѣстъ невозможенъ по недостатку фонда. Поэтому не лучше ли избрать почву нейтральную? Австрія, правда, паршивое государство, но тамъ нѣмцы, ляхи и жиды заѣдаютъ русиновъ, однакожъ, русины имѣютъ множество періодическихъ изданій и книгъ“. Всѣ его неудачи и недоразумѣнія, по нашему мнѣнію, объясняются въ значительной

---

[1]) См. «Кіевскую Стар.», 1897, IV, 166—170. Кажется, Кулишъ былъ постепенно вовлеченъ въ сѣть, такъ какъ изъ одного письма его къ И. И. Бѣлозерскому видно, что онъ былъ сначала увѣренъ въ возможности основать собственную типографію и получить «концессію», не принимая австрійскаго подданства.

степени тѣмъ, что онъ видѣлъ себя вынужденнымъ дѣйствовать на чужой почвѣ, за полной невозможностью дѣйствовать на своей, а среди чужихъ онъ естественно встрѣчалъ не совсѣмъ тѣ или даже совсѣмъ не тѣ стремленія, какія были у него; компромиссы, конечно, только портили дѣло и создавали недоразумѣнія. Что же касается польской партіи, то она, очевидно, привлекая Кулиша для своихъ интересовъ, дорожила авторитетомъ его имени среди украинцевъ и вмѣстѣ благопріятнымъ для поляковъ отрицательнымъ отношеніемъ его къ козачеству. Отсюда вполнѣ естественно возникала надежда воспользоваться его идеей возсоединенія совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ его Кулишъ [1]), высказавшій свой взглядъ на польско-украинскія отношенія въ „Крапанкѣ“ (какъ бы онъ ни увлекался въ остальномъ) такимъ образомъ: „Съ обѣихъ сторонъ (съ украинской и съ польской) столько было кроваваго зла, что нѣтъ суда на землѣ, который могъ бы насъ разсудить, а мы вмѣсто того, чтобы все предать забвенію, хотимъ по прежнему, по варварски, по звѣриному враждовать между собой“. Но этой прекрасной и истинно-гуманной идеѣ ему не удавалось служить безъ компромиссовъ то въ одну, то въ другую сторону, въ значительной степени объясняемыхъ трудностью балансировать среди историческихъ, вѣковыхъ народныхъ несогласій, и это—несомнѣнный источникъ почти не-

---

[1]) По словамъ «Галицкой Руси», указывающей на планъ поляковъ найти редактора русинскаго журнала съ громкимъ именемъ и притомъ украинца, «найденъ былъ украинецъ и не какой-нибудь, а самъ авторъ «Черной Рады», поэтъ и историкъ, изобрѣтатель фонетическаго правописанія, названнаго въ Галичинѣ въ его честь «кулишевкой», «идеалъ галицкихъ украйнофиловъ». (1892 г., № 226 фельетонъ). «Галицкая Русь» взводитъ на Кулиша тяжелое и позорное обвиненіе въ продажности, но весьма наивно объясняетъ быстрый, для всѣхъ неожиданный отъѣздъ Кулиша изъ Львова тѣмъ, что у него не достало терпѣнія ждать (sic) осуществленія задуманнаго журнала.

избѣжныхъ промаховъ и ошибокъ Кулиша. Да и трудно было иначе, потому что и самъ Кулишъ, въ свою очередь, желая быть миротворцемъ, имѣлъ всегда въ виду то такъ, то иначе понимаемыя выгоды своей родной и дорогой *Украйны*: отсюда, мнѣ кажется, можно понять и его быстрое увлеченіе поляками въ Львовѣ, и быстрое же въ нихъ разочарованіе. Еслибы Кулишъ могъ дѣйствовать на этой вулканической почвѣ прямо и подъ опредѣленнымъ знаменемъ, не примыкая къ постороннимъ партіямъ, то, безъ сомнѣнія, несмотря на то, что послѣ въ своемъ разочарованіи онъ обманывалъ себя, говоря, что онъ не политикъ, а историкъ [1]), онъ могъ бы быть крупной силой, что̀ отлично понимали какъ искавшіе его союза, такъ и тѣ, кто, видя въ немъ противника, опыпали его страстными проклятіями [2]).

LIII.

Послѣднее десятилѣтіе было опять тяжелой порой въ жизни Кулиша. Продолжая на склонѣ лѣтъ съ неутомимой энергіей и горячимъ, почти юношескимъ увлеченіемъ служить избранному „дѣлу жизни“, какъ бы не чувствуя тяжести вереницы пережитыхъ, нелегкихъ во всѣхъ отношеніяхъ, годовъ, онъ былъ теперь со всѣхъ сторонъ тѣснимъ неблагопріятными условіями, почти ниоткуда не встрѣчая поддержки и нравственнаго одобренія. Уединившись въ своемъ хуторѣ, отрѣзанный

---

[1]) «Кіевская Старина», 1897, IV, 170.

[2]) Н. И. Костомаровъ упрекалъ Кулиша за «Крашанку», въ которой авторъ изложилъ взгляды, противные обѣимъ прежнимъ направленіямъ—и тому, съ которымъ онъ трудился цѣлыхъ тридцать прежнихъ лѣтъ, и тому, съ которымъ въ 70-хъ годахъ явился въ Петербургѣ и Москвѣ». («Вѣстн. Евр.», 1882, VIII, стр. 731).

силой неумолимыхъ обстоятельствъ отъ центровъ, Кулишъ былъ тогда богатъ развѣ литературнымъ прошлымъ и широкими планами, но не тѣмъ могущественнымъ металломъ, который открываетъ двери къ благополучному процвѣтанію въ житейскомъ смыслѣ. Въ это время его измѣнившіеся взгляды на роль, которую играли козаки въ исторіи Украйны XV—XVII вѣковъ, навлекли на него сильнѣйшее нерасположеніе украинской партіи, да и въ Галиціи было не мало недовольныхъ имъ, хотя по другимъ причинамъ. Цензура съ своей стороны продолжала относиться къ нему съ явнымъ недовѣріемъ. Тяжело было переносить это общее равнодушіе, а иногда и ожесточеніе.

Кулишъ уже отрекся отъ всякихъ надеждъ на славу даже въ потомствѣ, говоря (въ письмѣ къ Волкъ-Карачевской), что онъ будетъ только неустанно дѣло дѣлать, а дѣла столько, что некогда и съ добрыми людьми поговорить; воспользуется ли кто этимъ трудомъ, этого никто не знаетъ, но такъ или иначе правда восторжествуетъ, а пока надо подождать лѣтъ сто, когда „жизнь вызоветъ на Божій свѣтъ правду слова и дѣла“. Также В. Н. Волкъ-Карачевскому онъ писалъ: „За мою правду Богъ далъ мнѣ такое здоровье, какое никому изъ моихъ знакомыхъ“. „Если бы я зналъ, что я не правъ, я бы тотчасъ сжегъ свои бумаги и сломалъ перо, а такъ какъ правыхъ людей не вижу, то лучше одинъ останусь съ своей правдой, нежели примкну къ „стоустому недоразумѣнію“.

И вотъ въ это-то и безъ того нерадостное время судьба послала ему одинъ за другимъ рядъ жестокихъ невзгодъ чисто житейскаго характера: то пожаръ наноситъ безпощадный ударъ его крайне скуднымъ матеріальнымъ средствамъ и лишаетъ его самаго дорогого сокровища и самой высокой отрады—многолѣтними жертвами собранной библіотеки, то недобросовѣстный арендаторъ-полякъ всевозможными злоупотребленіями вовлекаетъ въ мелкія дрязги повседневной жизни всѣми забытаго труженика мысли и пера и вынуждаетъ его наконецъ начать съ собой тяжбу. По разнымъ мелочнымъ причинамъ человѣку

живого, общительнаго темперамента, дѣятелю, рожденному для широкой арены и съ призваніемъ къ трибунѣ, приходилось все тѣснѣе замыкаться съ горькимъ чувствомъ въ своемъ хуторскомъ уединеніи, и такое отчужденное положеніе, хотя и въ годы приближающейся старости, но когда, не смотря на то, въ жилахъ все еще кипѣла кровь, было тяжелымъ и незаслуженнымъ испытаніемъ. Но все это не сломило Кулиша и не лишило его бодрости [1]): онъ продолжалъ заниматься домашними работами, причемъ даже самъ пахалъ землю по принципу, хотя и не былъ послѣдователемъ Л. Н. Толстого, и въ это же время его литературная дѣятельность нисколько не ослабѣвала, не смотря на то, что его труды оставались подолгу въ рукописяхъ и не находили живого отголоска.

Отрицая эпоху козачества, какъ вредное исчадіе польской культуры и ложный историческій наростъ, Кулишъ хотѣлъ теперь видѣть возрожденіе Украйны на почвѣ до-монгольской „старорусчины". Въ письмахъ къ Волкъ-Карачевской въ 90-хъ годахъ онъ подробно развиваетъ этотъ взглядъ; сходясь съ нею въ украинскомъ патріотизмѣ, онъ указываетъ и существенное разногласіе: „в тебе козащина—корінь и цвіт нашої національности, а мене вона допомогла нашому культурному ходу ще меньше, ніж у середніх віках нашим західнім сусідам допомогли рицарі". Единственной заслугой козачества Кулишъ признавалъ то, что оно привело къ соединенію Малороссіи съ Москвой. Онъ сильно вооружается противъ республики шляхетской и козацкой, но начатки украинской культуры, по его мнѣнію, не заглушили ни кіевскій апостолъ Петръ Могила, ни Лазарь Барановичъ. Козачество онъ прямо называетъ „ляхо-татарскимъ выродкомъ". Пушкинская „Новорусчина" воскресила

---

[1]) Еще въ 1857 г. Кулишъ замѣчательно мѣтко охарактеризовалъ свою натуру: «Природа создала меня удивительно: какъ бы ни разстроили меня внѣшнія вліянія, изъ души моей поднимается сила, которая опять все приводитъ въ гармонію».

старый баяновскій духъ и потому не враждебна по своей русской природѣ Украинѣ, которая, однако, должна сохранить и развить свою культуру, на два вѣка задержанную казачествомъ. Этой-то культуры, въ противоположность „Костомаро-Тарасовщинѣ", Кулишъ называетъ себя „босоногимъ апостоломъ".

Въ концѣ 1884 г. вышелъ въ свѣтъ „Байда" и былъ быстро раскупленъ любителями малороссійской литературы, но это была сравнительно скудная дань таланту Кулиша, и въ то же самое время другія его произведенія и статьи, печатаемыя въ „Южномъ Краѣ" и другихъ мало распространенныхъ изданіяхъ, иногда оставались неизвѣстными даже знатокамъ и любителямъ прошлаго Малороссіи. Болѣе крупной работой Кулиша въ это время была его статья „Предшественникъ козацкаго батька", и, кромѣ того, тогда онъ съ удвоенной энергіей занимался послѣднимъ своимъ обширнымъ историческимъ трудомъ „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши",—съ *удвоенной* между прочимъ потому, что по нынѣшнимъ взглядамъ Кулиша, дѣятельность Хмельницкаго заслуживала совершенно не той оцѣнки, какая установилась въ нашей исторической литературѣ и рисовалась автору изслѣдованія въ крайне несимпатичномъ свѣтѣ; необходимо было, съ его точки зрѣнія, поспѣшить съ окончаніемъ и обнародованіемъ его труда, чтобы предупредить уже предполагавшееся тогда открытіе памятника Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ. Выступая на эту дорогу, Кулишъ окончательно расходился во взглядахъ съ прежнимъ задушевнымъ другомъ Костомаровымъ, отъ котораго его уже давно отдалило несходство въ убѣжденіяхъ.

Но вдругъ Кулишъ получилъ телеграмму отъ г. Мордовцева о смерти незабвеннаго историка, товарища его лучшихъ юношескихъ трудовъ, надеждъ и увлеченій. Прошлое живо воскресло въ его памяти, и явилась потребность отложить на нѣкоторое время начатые труды и взяться за перо, чтобы въ воспоминаніяхъ изобразить привлекательную личность усопшаго

прежняго друга. Эти воспоминанія были потомъ напечатаны въ Вольфовской „Нови“.

LIV.

Между тѣмъ Кулиша ожидали новыя теплыя дружескія отношенія съ людьми, уважавшими его дѣятельность и умѣвшими оцѣнить его личныя достоинства. Въ числѣ такихъ людей назовемъ юнаго любителя украинской словесности Н. В. Стороженка и уже много потрудившагося на скромномъ поприщѣ провинціальной пресы П. И. Зуйченка. Первый вступилъ въ сношенія съ Кулишомъ по поводу нѣкоторыхъ интересовавшихъ его свѣдѣній относительно „Основы“ и дѣятельности въ ней его дяди А. П. Стороженка, и, въ свою очередь, былъ отчасти посредникомъ въ сношеніяхъ Кулиша съ редакторомъ „Кіевской Старины“ Лебединцевымъ. Однажды до Кулиша дошли какія-то сплетни, въ которыхъ былъ представленъ отзывъ о немъ въ одной изъ статей „Кіевской Старины“, но это оказалось несправедливымъ. „Пересмотрѣвши нарочно повнимательнѣе „Кіевскую Старину“—писалъ Н. В. Стороженко—„я не нашелъ ни въ одной статьѣ, посвященной разбору вашей дѣятельности, ни въ одной рецензіи вашихъ трудовъ, ни въ одномъ изъ многократныхъ упоминаній вашего имени, не нашелъ ничего подобнаго тому, что вамъ передали. Лебединцевъ, если и имѣетъ какія-нибудь несимпатичныя черты въ своемъ характерѣ, никогда бы не допустилъ, чтобы его изданіе было замарано гнусными измышленіями“ и проч. Стороженко сообщалъ въ своихъ письмахъ къ Кулишу о разныхъ литературныхъ новостяхъ, спеціально касающихся Украйны, указывалъ на труды молодого харьковскаго профессора Сумцова и первый указалъ ему на сочиненія о Малороссіи доктора Ролле, которыя вскорѣ обратили на себя сочувственное вниманіе Кулиша, на труды г. Горленка и проч. Въ

перепискѣ съ Стороженкомъ Кулишъ затрагивалъ вопросы, касающіеся назначенія и отличительныхъ свойствъ малорусской народности, и рекомендовалъ своему молодому корреспонденту тотъ энтузіазмъ къ родной старинѣ, какимъ отличаются особенно поляки. Въ своемъ другомъ новомъ корреспондентѣ, Зуйченкѣ, Кулишъ былъ пріятно удивленъ соединеніемъ искренности, прямодушія съ теплотой сердечной и большимъ доброжелательствомъ,—качествами, которыя онъ всегда цѣнилъ особенно высоко.

Зуйченко, уже давно слѣдившій за дѣятельностью Кулиша и возмущавшійся отношеніями къ нему галицкихъ русиновъ, еще до личнаго знакомства съ нимъ чуть не вмѣшался въ эти отношенія, возмущенный вчужѣ тѣмъ, какъ его „обирали во Львовѣ“. Теперь, вступивъ съ нимъ въ переписку, онъ не вытерпѣлъ, чтобы на первыхъ же порахъ не выразить ему чистосердечно своего негодованія по этому поводу, при чемъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, прямо сказалъ: „Такого чоловіка, якъ ви, мій друже, я вперше зроду бачу: сами жъ ви жалуетесь на те, які вамъ капости робили львовскіе братчики, а тутъ же заразъ за іхъ руку тягнете“. Кулишъ былъ очень заинтересованъ этимъ откровеннымъ мнѣніемъ Зуйченка и потребовалъ объясненія причины высказаннаго взгляда, на что получилъ слѣдующій не менѣе откровенный отвѣтъ: „Якъ колись довелось мені проживати у Відні, то за ваше львовске життя чувъ я не відъ едпнаго покойника Раевскаго, а ще казали мені де які Русини про вашу прихильность, та про те, якъ іхъ братчики вивертали вашу кишеню на свою потребу“. Несмотря на черезчуръ свободную искренность этихъ строкъ, въ нихъ дышала преданность, объясняемая тѣмъ, что еще въ раннемъ дѣтствѣ автору ихъ приходилось часто слышать о Кулишѣ отъ знакомыхъ отца, и уже тогда въ его душу запало глубокое почтеніе къ нему, какъ къ надеждѣ и гордости всей Украйны. Изъ этихъ знакомыхъ особенно поразилъ его, еще ребенка, своимъ восторженнымъ отзывомъ родственникъ Пушкина, Николай Ивановичъ Павли-

щевъ, глубокій знатокъ и любитель малороссійскихъ пѣсенъ и языка.[1])

Зуйченко былъ очень радъ случаю завязать съ Кулишомъ переписку и жаждалъ личнаго знакомства съ нимъ, для чего настойчиво и съ какой-то задушевной сердечностью звалъ его къ себѣ, стыдя его между прочимъ за то, что онъ, горячій украинскій патріотъ, не видалъ никогда днѣпровскихъ пороговъ и мѣста пребыванія прежней запорожской сѣчи; въ ожиданіи личнаго знакомства онъ просилъ Кулиша прислать его портретъ.

LV.

Вскорѣ вѣрный и преданный Зуйченко становится однимъ изъ повѣренныхъ думъ Кулиша и начинаетъ даже входить въ его домашніе интересы, отговаривая его затягивать пререканія

---

[1]) Зуйченко сохранилъ въ своей памяти нѣкоторыя чрезвычайно любопытныя подробности о томъ, какъ на partie de plaisir къ отстоявшей на нѣсколько верстъ отъ Екатеринослава разрушенной польской крѣпости, Павлищевъ—любившій съ артистическимъ увлеченіемъ декламировать: «Бьютъ пороги, місяць сходыть», и отличаясь необыкновенной памятью,—на разспросы Зуйченка, гдѣ можно найти данныя для описанія процедуры вступленія обветшалаго запорожца въ «ченци», которое было нужно ему для описанія запорожскаго самарскаго монастыря, отвѣтилъ:—«Конечно, у Кулиша въ «Черной Радѣ!» и немедленно проговорилъ на память слово въ слово описанія козацкаго вступленія въ монахи.

Такъ, многими несправедливо забываемый Кулишъ совершенно случайно узнавалъ иногда о своихъ искреннихъ и горячихъ почитателяхъ, симпатіи которыхъ къ нему подготовлялись еще съ раннихъ лѣтъ и которые слишкомъ поздно встрѣчались иногда съ нимъ на жизненномъ пути.

съ арендаторомъ, отъ которыхъ не ждалъ ничего добраго. Кулишъ, въ свою очередь, осыпаетъ его дружескими порученіями; къ нему онъ обращается въ числѣ другихъ и съ просьбой о портретѣ украинскаго философа Сковороды, свято чтимаго именно той фракціей украинофиловъ, къ которой принадлежалъ и его корреспондентъ. (Любопытно, что для этого потребовалось Зуйченку вступить въ сношеніе съ сыномъ одного молокана, который долженъ былъ снять копію съ портрета тайно отъ отца, потому что у этой секты Сковорода почитается святымъ и копіи съ его портрета снимаются и отдаются весьма неохотно). Кромѣ того, они дѣлились другъ съ другомъ неизвѣстными прежде украинскими думами и, наконецъ, по желанію Зуйченка, Кулишъ прислалъ ему однажды автографы Гоголя и Шевченка.

Главной связью между обоими корреспондентами служили ихъ общіе историко-литературные украинскіе интересы и литературные замыслы каждаго изъ нихъ. Кулишъ, окончивъ „Байду“ и ободренный успѣхомъ этой пьесы, задумывалъ новую драму „Царь Наливай“, при чемъ въ отысканіи данныхъ помогалъ ему и Зуйченко, находившій избираемые сюжеты весьма драматическими: „За „Байду“ я вамъ скажу, що се дуже важка тема для драматичности: „Байда“ зложивъ свою голову не за лыцарьску, або за народну користь, а за честолюбивий помисель молдавськаго господарства. „Царь же Налывай“—друге дило—тутъ высота драматизма безъ кинця, якъ у шекспировскаго Ю. Цезаря або Лира“. И вотъ онъ съ живымъ участіемъ начинаетъ разыскивать для Кулиша въ разныхъ концахъ Южной Руси, какія только можно раздобыть, думы о Наливайкѣ, а потомъ тревожится за участь уже написаннаго произведенія со стороны цензурныхъ мытарствъ и урѣзокъ. Отысканіе рукописей Сковороды и стараніе отдѣлить его подлинные труды отъ подложныхъ, отысканіе его портрета и другія дѣла вовлекли обоихъ корреспондентовъ съ сношенія съ редакторомъ „Кіевской Старины“ Лебединцевымъ, посредникомъ въ которыхъ явился для нихъ Н. В. Стороженко. Лебединцеву было предложено напечатать пьесу

„Царь Наливай“, и онъ съ радостью ухватился за эту мысль, но переданныя ему Стороженкомъ условія Кулиша оказались непосильными для спеціальнаго журнала съ ограниченнымъ числомъ подписчиковъ, и дѣло разстроилось. Этотъ эпизодъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на Кулиша. Одинъ изъ его корреспондентовъ справедливо возражалъ на его сѣтованіе: „Мнѣ кажется, что вы черезчуръ пессимистически смотрите на современность; издателей найти трудно, съ цензорами имѣть дѣло еще труднѣе, но читатели нашлись бы: за прошлое царствованіе народъ нашъ подвинулся значительно впередъ въ умственномъ развитіи и чувствуетъ потребность въ духовной пищѣ; только давайте хорошіе, написанные въ національномъ духѣ труды,— такъ и проглатываетъ“. Но, во всякомъ случаѣ, обойти издательскія и цензурныя передряги было невозможно, и то и дѣло встрѣчались недоразумѣнія изъ-за правописанія и разныхъ паерковъ. „Вы пишете такъ легко и хорошо, что всѣ ваши произведенія читаются съ величайшимъ удовольствіемъ“, говорили съ разныхъ сторонъ Кулишу, но дѣла не подвигались отъ этого скорѣе и затрудненія продолжали его волновать все сильнѣе и мучительнѣе. Въ одномъ письмѣ къ Огоновскому Кулишъ горько жаловался на то, что его одинаково стѣсняютъ русская и заграничная польская цензура, русскіе попы и польскіе ксендзы, русскіе и галицкіе козакоманы и пр. Въ тоже время къ Кулишу нерѣдко обращались съ предложеніемъ сотрудничества. Черезъ г. Стороженка ему было предложено г-мъ Горленкомъ принять участіе въ какомъ то предполагаемомъ сборникѣ чисто этнографически-беллетристическаго характера, который бы являлся продолженіемъ „Записокъ о Южной Руси“ и „Хаты“, причемъ „было желательно, чтобы имя виновника появленія на свѣтъ этихъ двухъ трудовъ украсило страницы изданія“, и съ такими же предложеніями охотно обращались къ Ганнѣ Барвинокъ, но цензурныя стѣсненія и здѣсь постоянно стояли на дорогѣ; такъ напр., „Кіевская Старина“ должна была просить по настояніямъ цензуры передѣлать одинъ разсказъ, написанный

на малороссійскомъ языкѣ, потому что можно было допустить только смѣшанную рѣчь—разговоры по-малорусски, а описаніе и все остальное на литературномъ языкѣ.[1]) Въ числѣ лицъ, обращавшихся къ Кулишу съ литературными предложеніями въ серединѣ 80 годовъ, слѣдуетъ назвать, между прочимъ, его стараго знакомаго Сердюкова,[2]) задумавшаго составить „Словарь", который заключалъ бы въ себѣ „сводъ всей малороссійской литературы". Кулишъ, съ своей стороны, указалъ ему въ качествѣ образца для такого труда словарь Желиховскаго (которымъ, однако, Сердюковъ остался не вполнѣ доволенъ), и, въ свою очередь, получилъ приглашеніе участвовать въ предположенномъ предпріятіи и даже переѣхать для этой цѣли въ одну изъ сто-

---

[1]) Въ письмахъ Н. В. Стороженка къ Кулишу мы встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующіе два курьеза: во-первыхъ, разсказъ о томъ, какъ уже выжившій изъ ума старикъ Платонъ Лукашевичъ, всегда впрочемъ отличавшійся странностями, предложилъ В. Б. Антоновичу и другимъ лицамъ въ завѣщаніи свою библіотеку и архивъ, но съ тѣмъ условіемъ, что душеприкащики обязуются перевести на французскій языкъ (sic) всѣ шестнадцать томовъ его «Чаромутія»; во-вторыхъ, любопытное сообщеніе о заявленіи въ Обществѣ исторіи и древностей казначея Карпова, послѣ смерти Н. И. Костомарова, что, отдавая должное трудолюбію и таланту покойнаго, не должно забывать, что онъ всюду старался унизить все русское, развѣнчивая народныхъ героевъ. Послѣ окончанія его рѣчи, профессоръ Тихонравовъ замѣтилъ, что все это такъ любопытно, что заявленіе Карпова слѣдуетъ напечатать съ рѣчью его предшественника по слову, Забѣлина. Карповъ понялъ, что его поймали, и началъ увертываться, говоря, что онъ собственно ничего не имѣетъ противъ Костомарова, но что онъ какъ русскій и т. д.; затѣмъ онъ сконфузился, покраснѣлъ и сѣлъ. Общество постановило напечатать только рѣчь Забѣлина въ «Чтеніяхъ».

[2]) См. о немъ «Кіевск. Стар.», 1897, X, 32—37, XI, 243—244 и XII, 468.

лицъ или въ Кіевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять на себя совмѣстное съ Сердюковымъ изданіе сочиненій Костомарова. [1])

Наконецъ и Зуйченко задумалъ цѣлый рядъ собственныхъ изданій, изъ числа которыхъ вскорѣ былъ осуществленъ на дѣлѣ „Екатеринославскій листокъ объявленій“; онъ часто совѣтовался съ Кулишомъ и желалъ его сотрудничества. Онъ предполагалъ также выпускать «Календарь-Рекламу», который по его мысли долженъ былъ заключать въ себѣ не только русскія, но также общеевропейскія объявленія. Замышлялъ онъ наконецъ издавать газету «Основа», самое названіе которой должно было служить напоминаніемъ о прежнемъ журналѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, образцомъ для нея, по собственному признанію Зуйченка, былъ одинъ издававшійся въ Львовѣ журналъ. Когда же изъ всѣхъ этихъ изданій былъ разрѣшенъ только «Листокъ Объявленій», то Зуйченко просилъ Кулиша заготовить публикаціи на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. Между пріятелями было условлено свиданіе для личнаго знакомства и дѣловыхъ объясненій, но вскорѣ Зуйченко въ одномъ изъ писемъ упомянулъ о начавшемся недомоганіи, которому онъ не придалъ сначала особаго значенія, но которое окончилось вскорѣ его смертью.

LVI.

Въ 1886 году началось мое также заочное знакомство съ П. А. Кулишомъ, поводомъ къ которому послужило мое обра-

---

[1]) Сердюковъ даже писалъ Кулишу: „бросьте всѣ ваши историческія занятія а займитесь редакціей словаря, который по мѣрѣ перебѣливанія, буду вамъ присылать», и вслѣдъ затѣмъ предлагалъ Кулишу весьма выгодныя въ матеріальномъ отношеніи условія, имѣя въ виду критическое положеніе Кулиша и завлекая его, между прочимъ, возможностью пріобрѣтенія на льготныхъ условіяхъ помѣстья въ западномъ краѣ. Кулишъ не пошелъ на это.

щеніе къ нему по составленію «Указателя къ письмамъ Гоголя» съ просьбой указать могущія быть неточности и ошибки. Занимаясь изученіемъ жизни великаго писателя, я встрѣчалъ вначалѣ значительныя затрудненія на каждомъ шагу вслѣдствіе тщательнаго маскированія собственныхъ именъ, сдѣланнаго П. А. Кулишомъ въ его изданіи въ пятидесятыхъ годахъ по требованію С. И. Аксакова и П. А. Плетнева. Долго меня затрудняли самыя справки о мѣстѣ жительства Кулиша, о чемъ никто не могъ доставить вѣрныхъ свѣдѣній, пока, по совѣту А. Н. Пыпина, я не рѣшился обратиться въ редакцію «Кіевской Старины» съ просьбою переслать мое письмо Кулишу. Вскорѣ же былъ полученъ самый дружелюбный и любезный отвѣтъ съ пожеланіемъ, чтобы наше новое знакомство сдѣлалось со временемъ старымъ и многолѣтнимъ (здѣсь былъ намекъ на извиненіе, что я сразу позволилъ себѣ обратиться къ Кулишу, «какъ къ старому знакомому»), но въ слѣдующемъ же письмѣ онъ невольно разочаровалъ меня относительно моихъ надеждъ на исправленіе вкравшихся ошибокъ: «Очень хотѣлось бы вамъ услужить, но на свою память касательно собственныхъ именъ, обозначенныхъ иностранными буквами, не полагаюсь"—отвѣчалъ онъ мнѣ... «Послѣ столькихъ лѣтъ иного рода работъ я сталъ чужимъ въ области вашего изученія". Въ то же время П. А. Кулишъ, желая помочь Н. А. Бѣлозерской въ ея трудѣ при составленіи для «Русской Старины» біографіи М. И. Гоголь, просилъ меня разыскать автобіографію «этой прекрасной женщины» въ библіотекѣ наслѣдниковъ графа Александра Петровича Толстого и спрашивалъ у меня нѣкоторыя подробности, касающіяся М. И. Гоголь, которыя мнѣ легко было узнать по моимъ отношеніямъ къ покойной сестрѣ нашего знаменитаго писателя, Аннѣ Васильевнѣ. Эту просьбу исполнить ничего не стоило, но проникнуть къ 90-лѣтней графинѣ Толстой, жившей уединенно и замкнуто въ Москвѣ въ собственномъ домѣ на Садовой улицѣ, оказалось совершенно невозможнымъ, и Кулишъ напрасно совѣтовалъ мнѣ «сыскать въ Москвѣ просвѣщеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстнаго въ аристократической средѣ архимандрита или архіерея». «Изъ

любви къ литературѣ»—прибавлялъ онъ—«подобный авторитетъ могъ бы обрѣсти въ домѣ графини ключъ отъ грѣшнаго въ ея глазахъ книгохранилища. Никакими другими средствами съ нею не совладаете». По этому поводу Кулишъ выразилъ свой задушевный, часто имъ высказываемый взглядъ на то, что жизнь отъ насъ требуетъ безотлагательнаго дѣла жизни. «Послѣ насъ и послѣ всего, что мы съ вами и подобными вамъ трудолюбцами сдѣлаемъ, жатва по старому будетъ многа, дѣлателей же будетъ мало».

Вскорѣ П. А. Кулишъ просилъ меня похлопотать объ изданіи его послѣдняго крупнаго труда «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». «Въ Москвѣ»—говорилъ онъ—«эта книга должна больше нравиться, нежели гдѣ-либо, такъ какъ изъ трехъ элементовъ: польскаго, малороссійскаго и московскаго, сей послѣдній, на основаніи моихъ изученій, представленъ въ своемъ оправданномъ исторіей превосходствѣ». При этомъ онъ совѣтовалъ мнѣ обратиться съ просьбой объ изданіи книги къ г. Солдатенкову, а судьею своего труда для рекомендаціи послѣдняго желалъ имѣть Д. Ѳ. Самарина.[1]) Но дѣло оказалось далеко не такимъ легкимъ, какъ оно представлялось Кулишу. Достоинства живого, изящнаго литературнаго изложенія и яркихъ историческихъ характеристикъ, заключающихся въ этомъ трудѣ, мало могли помочь уже потому, что тѣ лица, къ которымъ Кулишъ думалъ обратиться черезъ меня, не поинтересовались даже ознакомиться съ книгой. Тогда явился новый планъ—представить рукопись всего этого обширнаго трехтомнаго сочиненія въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ для напечатанія въ «Чтеніяхъ». Но тутъ начался рядъ новыхъ мытарствъ.

Главные члены Общества Исторіи и Древностей, тогдашній предсѣдатель И. Е. Забѣлинъ и профессоръ В. О. Ключевскій,—

---

[1]) „Я думалъ"—писалъ намъ Кулишъ, „что Самаринъ и Солдатенковъ обрадуются случаю заявить публикѣ о такихъ хулахъ на «духа премудрости, духа разума, духа страха Божія», какія указаны мною въ воспоминаніяхъ о Гермогенѣ, Филаретѣ Никитичѣ и проч."

нынѣшній предсѣдатель Общества, въ то же время лишь болѣе вліятельный членъ,—въ общихъ чертахъ ознакомившись съ трудомъ Кулиша, отнеслись къ нему сочувственно и рѣшили внести въ Общество предложеніе о напечатаніи книги, причемъ Кулишъ настаивалъ на томъ, чтобы всѣ три тома были отпечатаны въ продолженіе года, на что и послѣдовало согласіе Общества. Но книги „Чтеній“ въ то время отчаянно запаздывали выходомъ, такъ что Общество, не отступая отъ своего обѣщанія и дѣйствительно помѣстивъ трудъ Кулиша въ трехъ послѣднихъ книгахъ «Чтеній» за 1888 г., однако растянуло печатаніе приблизительно на полтора года. [1]) Но медленность была въ данномъ случаѣ еще наименьшимъ зломъ, тогда какъ автору пришлось вынести много мелочныхъ непріятностей, начиная съ заявленія казначея Общества Карпова о томъ, что, сходясь съ нимъ во многихъ взглядахъ и якобы даже заимствовавъ оные изъ книги послѣдняго о «Богданѣ Хмельницкомъ», Кулишъ счелъ нужнымъ скрыть о своемъ знакомствѣ съ его трудомъ и нигдѣ не обмолвился о немъ ни единымъ словомъ. Претензія эта была очень забавна въ виду того, что о существованіи сочиненія Карпова Кулишъ даже не зналъ, да и о самомъ Карповѣ впервые также узналъ однажды случайно отъ Костомарова, смѣявшагося надъ его обвиненіемъ Кулиша и Костомарова въ подборѣ актовъ Южной и Юго-Западной Руси въ третьемъ томѣ соотвѣтственно украинскимъ видамъ. Съ другой стороны оказалось, что Карповъ, который принялъ за присвоеніе у него Кулишомъ высказываемые послѣднимъ взгляды на темныя стороны козачества, радикально расходился съ Кулишомъ въ оцѣнкѣ значенія самого Хмельницкаго и находилъ необходимымъ протестовать противъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній его труда. Уже по отпечатаніи перваго тома, которое тянулось необыкновенно долго, до того, что однажды разсерженный авторъ иронически писалъ намъ по адресу Общества: «Я думаю, что вы ошиблись въ надписи и, вмѣсто

---

[1]) Кулишъ тужилъ по этому поводу: „Моя рукопись всѣхъ, какъ пишутъ, обрадовавшая, дремлетъ подъ шумъ общей радости“.

Общества исторіи, попали въ какое-нибудь чиновное вѣдомство съ прочными и покойными мѣстами»,—вдругъ посыпались одно за другимъ энергическія заявленія и протесты Карпова, который извѣщаетъ самого Кулиша «о своемъ намѣреніи напечатать при второмъ томѣ его труда возраженіе противъ перваго», когда уже нельзя было прекратить начатое дѣло, да и второй томъ былъ уже давно въ наборѣ. Кулишъ такъ отвѣчалъ ему: «Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ не могло издать моего радикально противоположнаго принятому воззрѣнію труда безъ такой оговорки, какая набросана въ вашемъ письмѣ. Но и для Общества и для меня будетъ лучше, когда оно выпуститъ разомъ всѣ три тома, составляющіе нераздѣлимое цѣлое. Позвольте надѣяться, что вы это сдѣлаете для товарища по профессіи». Карповъ исполнилъ свое намѣреніе и прислалъ Кулишу оттискъ, не смотря на ироническій отвѣтъ послѣдняго на предложеніе прислать ему на просмотръ его примѣчанія: «Хоть бы вы и прислали, я не выразилъ бы желанія, чтобы въ этомъ примѣчаніи коечто было сказано иначе, а не такъ, какъ оно сложилось въ вашемъ умѣ». [1])

Наконецъ, книга была напечатана и, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, продана владѣльцу одного изъ московскихъ книжныхъ магазиновъ.

Но несомнѣнно, что медленность печатанія при такихъ условіяхъ была для Кулиша тяжелой нравственной пыткой, а между тѣмъ у него грудами въ рукописяхъ лежали и другіе крупные труды, какъ напр. «Украинскіе козаки и паны», и проч. и, кромѣ того, въ его портфелѣ хранилось нѣсколько беллетристическихъ произведеній: послѣ „Дѣдушкина Завѣта“, «Байды» и проч., онъ написалъ также «Владимірію» или «Искру Любви»,

---

[1]) Начавъ съ утвержденія, что Кулишъ заимствовалъ у него свои основные выводы, Карповъ пришелъ потомъ къ заключенію, что онъ совсѣмъ не читалъ его книги и проч. См. объ этой полемикѣ въ «Исторіи Русской Этнографіи» А. Н. Пыпина, т. III, стр. 212—214.

предложенную редакціи Вольфа, но не напечатанную тамъ вслѣдствіе цензурнаго запрещенія, хотя за рукопись уже былъ выданъ автору авансомъ гонораръ. Также продолжали лежать въ рукописи «Взаимныя Ошибки», напечатанныя впослѣдствіи въ «Русскомъ Обозрѣніи» подъ названіемъ «Омутъ». (1897, Ш). Здѣсь были уже затрудненія другого рода. Кулишъ изобразилъ по личнымъ воспоминаніямъ, но въ весьма невыгодномъ освѣщеніи, дѣятелей редакціи „Современникъ" 60-хъ годовъ, вслѣдствіе чего многіе журналы не безъ основанія затруднялись печатать эту повѣсть.

LVII.

Среди постоянныхъ передрягъ и волненій, подобныхъ вышеописаннымъ, Кулишъ попрежнему находилъ великую нравственную поддержку въ неизмѣнной преданности и горячемъ сочувствіи Ганны Барвинокъ, литературными успѣхами которой, въ свою очередь, онъ отъ души гордился.[1]) „Мы хлопочемъ о такихъ пустякахъ, какъ четверка лошадей и карета, а Сашуня—черкъ, черкъ и описала «Молотниковъ».[2]) «Прибѣжитъ изъ клуни, черкъ-черкъ Александра Михайловна»—сообщалъ намъ однажды Кулишъ,—„получила гонораръ за второй этнографическій этюдъ свой, который появится въ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины", подъ заглавіемъ „Половинщикъ" (такъ называются у насъ пахари, обрабатывающіе поля исполу). Здѣсь она коснулась брачнаго вопроса въ нашемъ простонародьѣ. Третій этюдъ будетъ напечатанъ только въ апрѣльской книжкѣ, подъ

---

[1]) Онъ даже говорилъ: «Одна Ганна открыла неистощимый родникъ поэзіи».

[2]) Напротивъ, А. М. Кулишъ писала своей родственницѣ: «Какъ погорѣли, лишились хозяйства,—дѣлать нечего: я *была свободна отъ всѣхъ дѣлъ* и въ это время нѣсколько вещей написала».

заглавіемъ „Русалка“. [1]) Героиня повѣсти (въ которой нѣтъ ничего вымышленнаго, какъ и въ первыхъ двухъ) относится такъ запросто къ Господу Богу, что редакторъ опасается, какъ бы цензура не вмѣшалась въ библейскій характеръ отношеній.

Редакторъ „Кіевской Старины“ просилъ продолженія сотрудничества. Но вмѣстѣ съ лаврами неразлучны и шипы, и въ другой разъ Кулишъ сообщалъ мнѣ: „Александра Михайловна любитъ бесѣдовать съ простолюдинами и записывать ихъ разсказы. Нѣсколько такихъ этнографическихъ этюдовъ напечатано по-малорусски, но „Кіевская Старина“ просила ее заворачивать малоруссчину въ великорусскую обертку, ради цензуры, которая, по программѣ, не дозволяетъ чисто малороссійскихъ пьесъ“. Объ отношеніяхъ же своей жены къ его собственнымъ трудамъ онъ категорически заявлялъ, „что безъ Александры Михайловны книга моя не была бы написана. Всѣ житейскія попеченія брала она на себя, охраняя мое спокойствіе, время и здоровье всячески. Ни одна женщина не могла бы сдѣлать больше для писателя; и она еще находитъ время писать малорусскіи оповідання съ народнихъ устъ“. Въ другой разъ, въ письмѣ къ одной особенно любимой родственницѣ, Кулишъ, упрекая ее за то, что она привыкла не щадить себя и, сравнивая ее въ этомъ отношеніи съ своей женой, примѣнилъ къ нимъ любимое итальянское двустишіе: „questa vita noyosa non e degna di si gentil cosa“.

Между тѣмъ, на короткое время возобновились дружескія отношенія Кулиша къ Аннѣ Васильевнѣ Гоголь. Навѣстивъ послѣднюю въ Полтавѣ лѣтомъ и осенью 1877 года, мы имѣли случай многое разсказать ей о старинномъ пріятелѣ ея семьи, и этотъ разговоръ возбудилъ въ Аннѣ Васильевнѣ живѣйшее

---

[1]) За «Русалкой» послѣдовала «Правнучка бабы Борща», о которой Кулишъ говорилъ: «или привезутъ повѣстку о деньгахъ за «Русалку»,—въ такомъ случаѣ Ганна ѣдетъ въ Борзну для полученія и отправленія; въ противномъ случаѣ хранитъ новую рукопись у себя».

желаніе хотя бы вступить съ нимъ вновь въ переписку; узнавъ отъ меня объ этомъ ея желаніи, Кулишъ поспѣшилъ предупредить ее письмомъ, и переписка завязалась. Анна Васильевна всегда съ удовольствіемъ припоминала о добромъ старомъ времени, когда Кулиши жили въ ихъ имѣніи, и не разъ высказывала желаніе вновь увидѣться съ ними, хотя въ то-же время сомнѣвалась въ возможности осуществить свою мечту, жалуясь на свою лѣнь и немолодыя лѣта. Получивъ письмо отъ Кулиша, она тотчасъ же охотно отозвалась и начала такъ: „Мнѣ очень было пріятно получить ваше письмо. Вы отгадали мое желаніе. Я только что говорила В. И. Ш—ку, что недавно перечитывала ваши письма къ одной моей знакомой, и она совѣтовала мнѣ написать вамъ, чтобы имѣть удовольствіе получить такія прекрасныя письма, которыя можно отдать въ печать. Никто не пишетъ такихъ интересныхъ писемъ. У меня, напр., все дѣловыя письма отъ многихъ писателей". Нельзя не согласиться, что дѣйствительно Кулишъ въ высокой степени обладалъ даромъ изящнаго литературнаго изложенія, которое у него невольно обнаруживалось въ каждомъ дѣловомъ, спѣшномъ и незначительномъ письмѣ. Также восхищалась А. В. Гоголь энергіи Кулиша и, узнавъ о томъ, что онъ самъ пашетъ землю, но не зная объ его отрицательномъ отношеніи къ гр. Толстому, писала ему: „Вы теперь увлекаетесь работой, какъ гр. Толстой: воображаю, съ какой горячностью вы работаете! вы все дѣлаете съ увлеченіемъ!" Наконецъ, она говорила: „Я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю васъ и Александру Михайловну, и мнѣ пріятно смотрѣть на ваши портреты". Съ Кулишомъ Анна Васильевна совѣтовалась о раздражавшей ее статьѣ Н. А. Бѣлозерской о ея матери; [1]) сильно возмущаясь общимъ освѣщеніемъ въ ней фактовъ, крайне невыгоднымъ образомъ истолкованныхъ для нашего великаго писателя, Анна Васильевна очень волновалась, защищала брата и даже осуждала мать, которая, при всей безграничной добротѣ, причиняла своимъ—сыну, дочерямъ и окру-

[1]) Въ Русской Старинѣ (1887, Ш.).

жающимъ много непріятностей своей подозрительностью и невозможными фантазіями, часто приходившими ей въ голову, и говорила: „Она была очень добра, много помогала бѣднымъ, была привѣтлива къ гостямъ, всѣмъ очень нравилась, но живущимъ съ нею было тяжело. Мы всѣ три очень страдали и не такъ терпѣливо выносили, какъ братъ". Она просила Кулиша, хорошо знавшаго характеръ ея матери, разъяснить недоразумѣніе и написать возраженіе на статью г-жи Бѣлозерской, но потомъ оставила эту просьбу, когда узнала, что г. Трохимовскій въ своей статьѣ объ М. И. Гоголь разъяснилъ именно все то, что она считала необходимымъ. Переписка Кулиша съ А. В. Гоголь, однако, скоро прекратилась вслѣдствіе какого-то незначительнаго недоразумѣнія. Вообще въ это время Кулишу какъ-то все больше приходилось отдаляться отъ прежнихъ друзей, причемъ онъ особенно сожалѣлъ о прекращеніи переписки съ Л. М. Жемчужниковымъ. Безъ ссоръ и безъ серьезнаго охлажденія часто порывались у него старыя дружескія связи въ силу того обычнаго явленія, что теченіе жизни съ обѣихъ сторонъ постоянно уносило, хотя и небезслѣдно, много общихъ интересовъ; такъ, онъ писалъ одной изъ родственницъ, что „Жемчужниковъ не отвѣчалъ на письмо о нашихъ портретахъ, и съ того времени переписка наша прервалась. Года два тому назадъ Надежда Александровна (Бѣлозерская) писала, что денежныя дѣла его не въ завидномъ положеніи. Теперь и съ Надеждой Александровной мы не имѣемъ повода переписываться". Неудивительно поэтому, что одинъ изъ давнихъ знакомыхъ Кулиша, докторъ Славницкій, замѣтилъ въ Кулишѣ сравнительно съ былымъ временемъ, нѣкоторый упадокъ духа: „Въ 1870 и позднѣе", пишетъ онъ, „проживая въ Глуховѣ, я посѣщалъ его въ хуторѣ и замѣтилъ въ немъ раздраженіе и признаки мизантропическаго настроенія. Скорбью вѣяло во время нашей бесѣды о пережитомъ". Но въ тѣхъ же воспоминаніяхъ, непосредственно предъ приведенными строками читаемъ: „Увлекался онъ и талантомъ Марка Вовчка, а досужая сплетня воспользовалась перенести его увлеченіе и на обладательницу таланта, но вѣдь одновременно ею увлекался и

И. С. Тургеневъ". Жить въ глухомъ хуторѣ, быть предметомъ недовѣрія для однихъ и нелѣпыхъ сплетенъ для другихъ, чувствовать себя отдѣленнымъ потокомъ жизни отъ лучшихъ друзей и выносить матеріальныя и всякія другія невзгоды и при всемъ томъ не носить ни малѣйшаго отпечатка, никакихъ слѣдовъ неудачно сложившейся жизни—едва-ли могло бы быть по силамъ кому бы то ни было; скорѣе слѣдуетъ удивляться необычайной бодрости и энергіи духа Кулиша, не ослабѣвавшей даже тогда, когда рѣшительно все складывалось неблагопріятнымъ для него образомъ, когда любящей женѣ его приходилось съ горькой ироніей сообщать одной близкой особѣ, что они къ празднику пасхи „уже получили и подарокъ, да и не малый, но съ тобой дѣлиться не хочу: окладной листъ и числится за нами 40 р... [1]) Словомъ, также и тутъ со всѣхъ сторонъ не даютъ намъ оправиться".

Въ сущности же Кулишъ не только не падалъ духомъ, но умѣлъ вдохнуть бодрость и въ другихъ нуждающихся и воодушевить людей, утомленныхъ борьбой съ неприглядными сторонами жизни. Онъ не переставалъ исповѣдывать необходимость и важность безропотнаго перенесенія несчастій и умѣнья смотрѣть въ глаза всякимъ испытаніямъ и невзгодамъ, и это убѣжденіе высказывалось имъ въ самыя тяжелыя минуты: „За доброту жестоко люди платятся. Теперь о чемъ же мечтать? О тихой жизни среди жестокихъ безобразій! „Царствіе Божіе внутрь васъ есть". Кто не запасся убѣжденіемъ, что внѣ человѣка нѣтъ счастья, тому напрасно искать его. Нравственное и умственное самоудовлетвореніе—вотъ счастье! Никакого другого нѣтъ, а есть мечтаніе о славѣ". Такова была нравственная философія человѣка, много перенесшаго въ жизни, во многомъ разочаровавшагося, но сохранившаго въ груди искру Божію и еще способнаго зажигать ее и въ другихъ. Объ энергіи Кулиша въ качествѣ переводчика можно судить по слѣдующимъ строкамъ: „Оце заходивсь я пере-

---

[1]) Эти окладные листы были присланы Кулишу, какъ наслѣднику прежнихъ владѣльцевъ имѣнія.

кладуваты по нашому виршамы Байронового „Чайльдъ Гарольда“, и такъ мени ся робота вподобалась, що цилыхъ два мисяци не одирвавсь видъ неи. Теперъ маемо по нашому вси чотыри писни“. В. М. Бѣлозерскому онъ писалъ въ 1893 г., что онъ занятъ переводомъ Іова, псалтыри и пророковъ въ стихотворной формѣ и для этихъ трудовъ старался отыскать Оксфордскую Библію. Возвращаясь къ нравственному вліянію Кулиша на близкихъ ему людей, мы, впрочемъ, должны сказать, что встрѣчаемъ иногда въ отвѣтныхъ письмахъ ему, при всемъ высокомъ уваженіи къ его личности, ропотъ недовольства на проповѣдуемую имъ мораль, на самое доброе намѣреніе его поддержать въ корреспондентѣ его несомнѣнно лучшія стремленія. „Я вполнѣ понимаю и согласенъ со всѣмъ тѣмъ, чтó вы говорили относительно высшихъ благъ жизни и стремленія къ нимъ“, писалъ ему одинъ изъ любимыхъ родственниковъ: „но то, что голодный будетъ думать и стараться прежде всего объ утоленіи голода, есть, полагаю, неоспоримая, безусловная аксіома“...

В. Шенрокъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ГОРОДЯНКА.[1]

(*Повисть.*)

IV.

Дядько Максымъ належавъ до тыхъ людей, що хочъ и поважають чужый розумъ, але не забувають, що й своя голова йе на въязахъ; хочъ и кермуются у житти загальными поглядамы свого села, та мають иноди де-що зауважыты и видъ себе громади. Тымъ то недобра слава про „ледачу нетямуху“ небогу не дуже турбувала спершу Максыма, и колы якось жинка ёго, дуже проворна та гостра на языкъ молодыця, стала навить прысягатысь, що зъ городянкы „не буде вже толку й до вику“, що вона „пропаща людына“, Максымъ покынувъ гострыты косу и замовывъ ій зъ докоромъ:

— Добрый кравець симъ разъ одмиряе—разъ одриже, а дурна баба не мирявшы риже. Дивка ще й поригъ не переступыла, а ты вже й судышъ ій.

— Адже жъ вси люде въ одно кажуть!—зауважыла жинка.

---

[1]) См. «Кіевск. Стар.» № 7—8.

— „Людей слухай, а свій розумъ май!“ Люде на неи кажуть: „ледача“, а я кажу: не держала бъ іи генеральша пры соби висимъ рокивъ, колы бъ вона справди була ледача,—видказавъ Максымъ.

— А чого жъ вона не хоче дома робыты?—запытала жинка.

— Тымъ, що норовыста,—видповивъ Максымъ.

Теперъ, писля останнёи розмовы зъ Приською, Максымъ ще дужче впевнывся, що нехай бы мавъ винъ десять голивъ на плечихъ, то не прырозумивъ бы кращого прозвыща небози, якъ «норовыста». «Норовыста», думавъ самъ соби Максымъ, вертаючыся до-дому, у сусидне село,—„точнисенько, якъ ось бувае кобыла норовыста: ты іи тягны на шляхъ, а вона тоби у калюжу верне... Набралася норовивъ у городянокъ, а тутъ хочъ тюкай на неи... Але жъ тому лыхови ще можно запобигты. Хай жинка не бреше: не пропаде вона. Не калика, не знесылена людына,—молода дивка почынае жыты; хай ворогы на свои головы гавкають, що вона вже пропаща людына! Добрый господарь зуміе выстёбаты норовы зъ коня: не басуватыме у повозци,—буде й Приська шовкова, якъ попаде іи життя у свои пазури. Тутъ абы справыты іи на шляхъ, абы штовхнуты разочокъ та гараздъ, а тамъ покотытся вона по прызначеній ій коліи, забуде й думаты про той нависный городъ... Колы-бъ тилькы трапывся намъ де смилывый парубокъ, колы бъ тилькы полюбывсь городянци—мы бъ зналы, що робыты. Колы-бъ, мовлявъ, знайты! А де ёго знайты у лыхои годыны такого, щобъ Приська за нымъ не полола, не жала, не топыла, не прала. Де воно того дурныка шукаты, щобъ згодывся готови грошы постачать? Максымъ перебравъ у памьяты всихъ парубкивъ, всихъ вдовцивъ, що знавъ по околышнихъ селахъ, и нарешти плюнувъ: „ни, немае такыхъ дурнивъ—хочъ плачъ!“

А тымъ часомъ, покы Максымъ, замысленный та роздосадованый небогою, плентавъ до-дому, до хаты ёго надийхавъ цикавый та бажаный гисть—кумъ Трохымъ. Винъ жывъ верстивъ за двадцять видъ Максыма и одвидувавъ ёго дуже ридко, проте

кумы не забувалы парубоцького товарышування и поважалы одынъ одного, якъ гарни побратымы.

— Бачъ, хто мене одвидавъ! А я увійшовъ у двиръ, побачывъ коня, та й думаю: кого це Господь прынисъ до моеи господы? Це вы на нового коня забагатилы?—мовывъ зрадилый Максымъ, почоломкавшысь зъ кумомъ.

— Э-жъ, новый кинь: вже й паску йивъ зъ тіеи пшеныци, що винъ мени наоравъ,—засміявся Трохымъ.

— Тобъ то мы такый довгый часъ зъ вамы не бачылысь, куме?—здывувався Максымъ...

— Може бъ и теперъ ще не забывся до васъ, якъ бы не клопитъ той собачый. Ни́колы, такъ ни́колы, що прямо и дыхаты не мае часу, а довелося запрягаты шкапыну та йихаты сюды...—мовывъ Трохымъ.

— Що жъ тамъ таке?—запытавъ Максымъ, запрохуючы гостя до столу, де вже господарька понастановлювала и мысокъ, и тарилочокъ зъ усякою стравою.

— А таке, що прямо хочъ до-дому не вертайся,—видповывъ Трохымъ.

— Чому?

— А тому, що за неоплаткы грабують.

— Овва! Уплатить, та й кинець клопоту.

— Хыба то мои неоплаткы? Я все до останнёго шага видавъ. Це мени за мого найменьшого братуху люде очи выйидають. Отъ горе зъ нымъ! Ажъ голова обертомъ иде, та ніякъ самъ соби рады не дамъ, що зъ нымъ робыты. Тры десятынкы земли, хата черезъ сины зъ моею, огороду добрый упругъ—можна бъ, здается, оплатытыся, такъ ни, не подума й не згада про ти оплаткы. Виддавъ землю людямъ задурно, взявъ вси грошы внередъ, розтрынькавъ половыну на канхветы та горихы дивчатамъ, половыну позычывъ якомусь пройдысвиту тутъ у вашому сели, до ёго оце я и забывся, а я платы за ёго!—скаржывся Трохымъ.

— Де жъ винъ, вашъ братуха, теперъ?

— У нашому жъ сели. Прызвело мене виддаты ёго до церковнои школы: попоходывъ чотыры зимы, навчывсь чы ни чому путнёму, а у грамотіи пошывся: у помишныкы до пысаря поступывъ. Пысарь и день и ничъ пъе, а той за ёго артыкулы выводе...

— Мытець пысаты?

— Мытець такый, що инколы якъ наплута, то й самъ не розбере, де кинець, де початокъ,—зъ серцемъ видмовывъ Трохымъ.

— И що ёму полагается за ти артыкулы?—запытавъ Максымъ.

— Пысарь ёму тры карбованци на мисяць дае, а то ще перепадае ёму яка копійка и такъ видъ людей—карбованцивъ зъ пять не бильше всёго одержуе; а самыхъ локтивъ на десять прорве... Умовляю бисового хлопця, прозьбою прохаю покынуты оти паперы—не вдію ничого: прыйде, каже, мій часъ, то й я ныву оратыму, а до того часу гулятыму на воли.

— Та й гуляе?—запытавъ Максымъ.

— Та й гуляе жъ. Винъ, сказать, не якъ и гуляе: горилкы не пье, хвалыты Бога, ни до якого роспутства себе не допускае, а такъ, прыберется мовъ на Велыкдень, накладе пряныкивъ, горихивъ, ажъ кышени трищать, та й мандруе колы не на ти, то на иншы досвитки.

— Тры десятыны, кажете, земли?—запытавъ трохы згодомъ Максымъ.

— Тры десятыны 273 сажень та ще скилькысь аршынъ,—видповивъ Трохымъ.

— А якый винъ зъ себе?—запытавъ тежъ перегодя, наче миркуючы про вищось, Максымъ:—я ёго вже рокивъ зъ пъять, якъ бачывъ.

— Про вроду й не пытай: выбехкався зъ ёго такый парубокъ, що куды тоби! И ривни ёму навколо немае... Бувъ бы такый москаль, що онъ-куды, та взявъ далекій жеребокъ—не дійшла черга до ёго. Всимъ парубокъ, якъ парубокъ, та вдачы ледачои—хочъ ты ёго у ступи товчы, не хоче робыты.

— Вы бъ ёго оженылы,—порадывъ Максымъ.

— Чому жъ не оженыты, якъ бы хто пишовъ за ёго? Це мы добре знаемо, що шлюбъ та симья—найкращый порадныкъ у такому дили, та горе наше—дивчата, а не такъ дивчата, якъ ихъ батьки, не охочы виддаты свою дочку за ёго, колы винъ теперъ ни косарь, ни плугатырь, ни швець, ни кравець, ни якый майстеръ! А до того й винъ самъ не дурный: на погану дивку не схоче й дывытысь.

— Сватайте небогу мою,—пораявъ Максымъ.

— Оту городянку?—запытавъ здывовано Трохымъ.

— Ии жъ, ии.

— Сміетеся, чы що? вона не схоче и дывытысь на ёго. Тамъ же, каже дочка,—така панна, що ажъ курява встае, якъ поволоче своею спидныцею.

— Дочка ваша разъ ии бачыла, а я ии знаю, якъ облуплену. Навсправжкы кажу вамъ: сватайте нашу Приську. Вамъ, бачыте, клопитъ зъ Даныломъ, що не хоче господаруваты, а намъ турботы зъ Прыскою, що не хоче за господаря замижъ йты; злыгаймо ихъ до купы, чы не дойдуть воны тоди до розуму и безъ нашои допомогы?..—доводывъ Максымъ.

— Не пиде вона за Даныла,—зитхнувъ Трохымъ.

— Авже жъ не пиде, якъ у насъ зъ вамы не постачыть толку та охоты справыты це дило на ладъ; а якъ що дійсно схочемо та визьмемося гарненько, то й погуляемо на весилли. Ій абы на готови грошы жыты, а ёму—абы дивка до вподобы—отъ тоби якъ разъ и до пары.

— А маты?—нагадавъ Трохымъ.

— Це вы, куме, до дила сказалы: про неи намъ найбильше й треба пыльнуваты; але жъ и тутъ намъ легко лыхови запобигты. Тры десятынкы земли, прыкладный огородъ, хата—добра річъ, а колы до того ще й на загороди телятко-друге обизветься, колы у хати буде на чому систы, а на жердочци яка путяща одежына телипатымется, то маты зъ дорогою душею згодыться.

— А де жъ тыхъ телятъ та всякои всячыны взяты, якъ винъ же все чысто, що прыпало ёму писля батька перевивъ?—запытавъ Трохымъ.

— Овва, куме! Люде добри за одынъ часъ наставлять господаремъ—абы охота,—засміявся Максымъ. Де-що можна на той часъ переволокты черезъ сины и зъ вашои господы, де-що й черезъ ривець видъ сусида: той тее, той инше,—й заповнятся куткы порожнёи хаты... Адже памъятаете, якъ мы Спырыдона женылы? Сорочкы путящои не було, а взявъ такы дивку до любови, та ще й багатырку.

— Тобъ-то це вы на розглядыны натыкаете?—догадався Трохымъ.

— Эге-жъ, про розглядыны тилькы й хлопочуся.

— Розглядыны—то дурныця: можна легко улаштуваты,—видмовывъ, значно повеселившый видъ зайвои чаркы та видъ доброи порады кума, Трохымъ.

— Тобъ-то зъ Солохою теперъ вся наша справа?—запытавъ Максымъ.

— Звычайно: безъ Солохы розглядынъ до дила не видбудемо.

— А вона теперъ саме у нашому сели: до сына прыйихала—обизвалася Максымова жинка.

— Та невже?—зрадивъ Трохымъ.

— Оце вже й знакъ, що пиде наше дило на ладъ. Кыдай все та клычъ іи зразу сюды. Скажы, що добрячый могорычъ чекае іи у нашій господы. На ось грошей и забижы у монополькy,—мыттю давъ порядокъ Максымъ.

V.

Пособляють люде дружка дружци чымъ снага, рятують одно одне чымъ хто може: чы порадою, чы грошыма, чы шматкомъ хлиба; Солоха жъ знала тилькы одынъ засобъ пособляты рятувала тилькы зъ одніеи прыгоды, за те радо, охоче и добре. Безъ любыстку, заговоривъ—сылою тилькы власного языка вона не разъ и не два зводыла до купы разъеднани серденька, становыла на рушныку навить дитей кревныхъ ворогивъ и за свою пыльну працю не вымагала велыкои нагороды. Ій було байдуже до

того, хто звертается до неи за допомогсю та порадою: негожыхъ та нездатныхъ до шлюбу людей, на ii поглядъ, не було и на свити. Чы паганый на вроду, чы красунь, чы бидный, чы багатый—коженъ мавъ для себе уготовлену та призначену ёму Господомъ пару, бо и найменьша комашечка, найпогаииша тварына мае соби дружыну.

Парубкови, або дивци—абы выбраты соби помижъ людей ту пару, абы зупынытыся на кому-небудь, а дали, якъ Господь допоможе, то справа цилкомъ залежыть видъ тыхъ тенетъ, що роскыне сваха, бо немае на свити такои косы, щобъ не можно було сховаты пидъ очипокъ, немае такои кропывы, що не боится морозу, немае и такыхъ людей, щобъ не можно було злыгаты до пары. Якъ вже той очипокъ сыдитыме на голови: чы мицно прылыпне, чы спадатыме; якъ жытыме та пара: чы вкупи, чы наризно—то вже у воли Божiй. Бувае, що густи косы вылизуть и очипокъ, спочатку малый, на брови насунется; трапляется, що и парку закоханныхъ голубкивъ розлучае шулика, або лыхая прыгодонька—всякого бувае на билому свити, и дурна та сваха, що миркуе про весильный понедилокъ! „Моеи допомогы—покы рушныкъ пидъ ногы", „Мого клубочка—до понедилочка", „Прохай у доли лёли, а у свахы молодои"—казала було часто Солоха.

Максымъ та Трохымъ тежъ не прогаялы зъ Солохою даремно часу. Вона зрозумила зъ першого-жъ слова, на вищо ii поклыкано, якои допомогы вымагають видъ неи кумы, наскилькы цей разъ справа ii, якъ свахы, буде важча, нижъ завжди, и нарешти згодылася пособляты. Правда, ничого певного не сказала вона, ни у чимъ не забезпечала, ни за вищо не ручылася, памьятаючы та разъ-у-разъ нагадуючы, що все у воли Господа Мылосердного та Его святыхъ угодныкивъ. Вона обицялася тилькы „спробуваты" та „поклопотатыся"... Але чоловикы добре зналы, що у добрый часъ сказать, а у лыхый промовчать. Солошыны клопоты доси, спасыби Богови, николы не пропадалы, и воны, певни, що й на цей разъ не увирвется ii нытка, запылы могорыча.

Добре пересвидчена у справи свахы, Солоха завжды знала, зъ чого треба почынать, кого поклыкать у пособныкы, видъ якыхъ ворогивъ захыщатыся та кому годыты. Звычайно, вона почынала здалека: зъ двохъ-трехъ балакучыхъ жиночокъ, що, здавалося, не малы ніякыхъ видносынъ до молодого та молодои и меньше за другыхъ селянъ ихъ зналы.

Черезъ де-кылько день добра слава про молодыхъ, немовъ та на дрижжахъ та циду опара, пиднималась все выще та выще и незабаромъ доходыла до кого слидъ. Тоди Солоха прыступала до батькивъ та матерей, а звидтиль простувала утоптаною та гладкою стежкою до самои дивчыны, до іи серденька. Найчастійшъ те серденько не зазнавало ще кохання, але бажало ёго, бажало щастя, було слухняне, и Солоси легко було керыуваты имъ.

Одже на цей разъ Солоха бачыла, що треба було почынаты дило зъ протылежного кинця: видъ самои молодои. Зъ Приською Солоха ни разочку не балакала, николы не чула іи голосу, разъ-разочкомъ тилькы бачыла, тай то назыркомъ, у церкви; проте вона іи знала, а зъ тіеи чуткы, що розвеслася про неи по околышнымъ селамъ, та зъ речей Максымовыхъ добре зрозумила, що „городянка“—сама соби господыня, що хай не то маты, дядько, а все село визьметься биля неи, вона не поступыться й на крокъ видъ своихъ замиривъ, и що Максымъ дуже помыляется, гадаючы, що небожчыны норовы можно сыломиць повыбываты. «Годыты ій треба, якъ якій болячци: щобъ и не прыпекты й не захолодыты“—поклала сама соби Солоха и зъ такымъ намиромъ пишла до Приськи. Приська, похнюплена та роздосадована недавнею суперечкою зъ Мелашкою, сама сыдила у садочку. Солоха надійшла до неи, любенько прывиталася, прысила поручъ на травыци й защебетала соловейкомъ. Чы вона, Солоха, та свиту не бачыла, чы вона людей не знае, чы то-жъ вона не розуміе, яке жыття Присьци помижъ такыхъ темныхъ людей, якъ оти селяне, або й, хай Богъ простыть, и іи родына? Хочъ и далеко вона жыве, хочъ и гора, и ричка й велыки гоны видризняють іи видъ Присьчиной

хаты, та доходыть чутка й до неи, та болыть серце и въ неи за той молодый викъ дивоцькый, що хотять свои кревни тай занапастыты. Чы то-жъ прыйдется людына до людыны, чы то-жъ вси люде у Бога пидъ одынъ шнуръ пидведени, чы то-жъ одынъ шляхъ, одна стежечка про всихъ? Охъ! оце подывылася вона на Приську, побачыла, яка то вона смутна та невесела, тай прыгадала одного парубійка... Дала бъ вона имъ обомъ пораду и на добре напутыла, видъ щырого серця та зъ доброго помыслу на шляхъ справыла, та боится... Не такъ боится самои Приськи та іи родыны, якъ недобрыхъ людей та ихъ лыхыхъ речей... Людямъ не вгодышъ, на людей не потрапышъ. Ось хочъ и той парубокъ... Що на вроду и на здоровья и на розумъ и кращого, здается, навкругы немае, а проте осудылы ёго люде не згирше, нижъ оце и іи, Приську: ледащыною зробылы, на смихъ та на глумъ пиднялы, а ёго тилькы й провыны, за нымъ тилькы й опороку, що не схотивъ господарюваты та жыве на готови грошы. Гыне бидный хлопъяга, свитомъ нудыть, мисця соби не знайде, а все черезъ те, що хочъ и помижъ людей вештается, та все самотный та одынокый; немовъ та сыротына. «Йе»—оце хвалывся винъ мени—«въ мене и достатку и хата, йе у чимъ походыты, йе шматокъ ласый, и праця по сыли—жыты-бъ жыты та Бога хвалыты, такъ не дае Господь мени пары, не знайду соби дивчыны по души, не спиткаю ниде дружыны до любовы. «Загледивъ», каже, „разъ-разочкомъ одну гарну дивку якось у церкви, накынувъ бувъ окомъ та не знаю, чыя вона, де іи шукаты?“

— А колы це винъ іи бачывъ?—запытала Приська.

— Не знаю, не допытувалася, серденько. Чула що то дивчына не тутешня: прыйихала звидкилясь на одынъ день тай пойихала изнову. Городянка якась чы що, бо у шовкому, кажуть, платочку була та шорстяній сукни.

Приська почервонила...

— Якъ-же того парубка прозываютъ?—запытала вона трохы згодомъ.

— Не скажу, голубонько, не хочу,—видмовыла Солоха.

— Чому?

— Я тоби, бачъ, скажу, хто винъ и якъ ёго прозывають, ты похвалышся кому небудь, а люды и почнуть мене гудыты, що я старистью та такого „нехозяйнувытого“ парубка ухвалыла та за таке „ледащо“ заступылася! Богъ зъ нымы! Краще буде, якъ не прызнаюся.“

И Солоха такъ и не сказала, якъ того парубка звуть. За те на вси инши пытання дивкы: що робыть винъ, якъ одягается, що думае, яки мае достаткы,—видповидала такъ радо та докладно, що Приська немовъ на долони побачыла того невидомого ій парубка, ёго безпешне та роскишне жыття и мымоволи зитхнула: за такого-бъ и вона пишла!

Зъ цёго часу Солоха стала частенькымъ гостемъ у Горпыныній хаты. Стара догадувалася, що сваха не сплоха оселылась у ихнёму сели ажъ на два тыжни, що не сплоха учащае до ій господы; вона догадувалася, що десь, у якомусь куточку ій хаты закынути й тенета, але надогадъ якихъ бурякивъ каже Солоха про капусту, у чый огородъ—чы старшои, чы меньшои дочкы—закыдае, колы почне балакаты про дивоцькій викъ, що, якъ той макивъ цвитъ, у ранци росцвитае, а до вечора опадае, про тыхъ людей, що й ридного брата осудять, про те господарствечко, що на готови грошы, немовъ зъ земли йде, а безъ грошей за водою плыве,—Горпына довгый часъ не могла зрозумиты.

Нарешти разъ якось, никого кримъ Приськи не було у хати, Солоха прывела Даныла. Посыдившы де-килько хвылынъ та погомонивши про се та те, Солоха выклыкала Приську у сины и прызналася, що це той самый парубокъ, Даныло, про котрого вона ій не разъ казала.

Присьци винъ уподобався, прынаймни винъ ій здався далеко кращымъ за всихъ тихъ парубкивъ, що довелося ій цимъ литомъ бачыты. Другого дни Даныло „ненарокомъ“, „выпадково“, йдучи зъ дорученнямъ видъ пысаря до волосты, забигъ до Приськи, черезъ де-килькось день изнову зайшовъ; згодомъ навидалыся и старосты.

Теперъ не то Горпына, а вси сусиды спостереглы Солошыны тенета, та спизнылыся: Приська не хотила слухаты никого, не давалась навить на мову. Вона не кохала Даныла, але цей парубокъ такъ значно видризнявся видъ усихъ селянъ, бувъ такый веселый, а Солоха стильки наказала про ёго грошы, про ёго жыття, про напевне уготовлену ёму десь посаду „найстаршого“ пысаря, що мало дотепна у дійсному жыттю дивка стала уявляты ёго соби такымъ-же городянымомъ, якъ вона сама, и прымусыла матиръ пойихаты на розглядыны.

VI.

Розглядыны прызначылы на недилю, а Солоха вже видъ самого четверга нигъ пидъ собою не чула. Данылова хата—черезъ сины видъ Трохымовои—пустувала весь часъ писля смерты батька, не мазалась, не прыбиралася бильше року, а тутъ-же Домаха, жинка Трохымова, якъ уперлася: „не хочу пособляты у такыхъ розглядынахъ,—не хочу гриха на душу браты“,—та хочъ ты іи зализомъ печы, не хоче ничого робыты. Повынна була Солоха сама и шпаруваты, и билыты хату. Глына на стинкахъ нетопленои хаты не держалася, осувалася пидъ щиткою, сыпалася, немовъ порохнына зъ трухлявого дерева; по-пидъ лавамы та поломъ свитылыся крысячи ходы ажъ наскризь; пичку треба було наново набываты... Солоха сердылася, лаялася, божылася, що покыне, але такы не покынула и за три дни все упорядкувала, всёму дала ладъ, а у недилю ще до схидъ сонця почала готовытыся до розглядынъ. Вси Трохымовы кутяне, якъ одынъ чоловикъ, давно вже пообицялы ій свою допомогу: Трохыма поважалы, Даныло тежъ никому ничого лыхого не заподіявъ, до того за циле лито на сели не було ни одного весилля, не довелося ниде погуляты...

Бабы ще спозаранку почалы зносыты рядна, мишкы та одягу. Чоловикы тежъ прыгналы хто овечокъ, хто выпусткивъ, а хто и коривку. Велычезни кругли ясла, позычени за-для розглядынъ

у дукаря сусида, стоялы на початкови—повни свижого, пахущого сина ще видъ суботы, и сусиды, певни, що скотына пожывыться добре, охоче прывьязалы до ныхъ корову та пару сирыхъ бычкивъ. Трохы осторинь стоялы други меньшеньки ясельця, а биля ныхъ Трохымова корова та конячка; хтось прывьязавъ туды ще й стрыгуна. У кругленькои повиточци стернувалося бильше десятка овечокъ, а крывый Опанасъ, племинныкъ Солошынъ, прыволикъ на урывку ажъ зъ другого кинця села чорного пидсвынка та прыпьявъ его поручъ зъ Трохымовымъ поросямъ. Солоси треба було-бъ выйты до людей, подякуваты, погомониты трохы, бо Трохымъ пойихавъ по горилку, а Даныло, чы то зъ сорому, чы зъ жаху, весь часъ ховався поза ожередомъ, але ій не було часу и вызырнуты зъ хаты. Зъ усихъ бокивъ обступылы ій жиночкы, вси тыкалы ій до рукъ то се, то те, всёму треба було знайты мисце, все прыстасуваты. Вона скынула давно вже юпку, карсетку, и тонкый станъ ій, мицно обтягнутый запаскамы, то зныкавъ пидъ поломъ або пичкою, де треба було выместы ще яку смитыну, то вытягався мало не до стели, колы треба було змахнуты зъ сволоку опадавшу глыну. „Положить, голубонько, ряденце на пилъ та прыбыйте, серденько, шпалеры"; „прыбыйте того Бога у куточку, а Угодныка на стинку", „повисьте того кытаянця у тому мисци, де ось глына порепалася"—порядкувала вона, а тымъ часомъ ій довги, кистляви рукы жваво хапалы то мыскы, то ложкы, чарочкы, та розставлялы по полыци та судныку.

Тилькы тоди, якъ люде вже перестaлы зносыты, а хата доведена була до найкращого стану, Солоха утерла питъ, оправыла на голови очипокъ и прысила на лави.

— Управылася: прычепурыла, прыбрала—хай теперъ иде Горпына та дывыться,—мовыла вона, озыраючы наслидкы своеи праци.

— Наздывуется стара, якъ прыйиде. Де-жъ! зъ одніеи коровкы та конячкы стилькы худобы за одынъ день розвелы!—засміялася Катря.

— А може мы ій ще не вгодымо?—запытала Мотря.

— Якои морокы ій ще треба? И Богы, й картыны, и дзеркальце, и ось два стульци, чыстенько скризь—господарська хата, одно слово; ничымъ ій й вередуваты,—видповила Катерына, але зъ такою ехыдною ухмилкою, що Хрыстю немовъ ажъ у серце шпыгнуло.

— Одже, жиночкы, якъ соби знаете, а мени ажъ наче страшно, що мы оце таке зробылы; враждуватыме Горпына на насъ, побачыте!—мовыла вона сумно.

— И чого-бъ вона враждувала и що мы таке, хай Богъ мылуе, зробылы? Хыба це вперше таки розглядыны видбуваемо? Забулася хиба про Опанаса? Точнисинько отакъ все зволикалы, а проте який теперъ зъ ёго господарь! А Горпына ще й подякуе, що пособылы дочкы здыхатыся. Мало клопоту прыйняла вона, сердешна, за нею, мало поплакала?—видмовыла Солоха.

— А я вамъ такъ скажу,— звернулася Лепестына до Хрысти:—колы-бъ вы тилькы хочъ разочокъ побачылы оту Приську, то не побоялыся-бъ гриха хочъ и у саме пекло ій запровадыты. Що пышава, що протывна, такъ и кинця краю нема. Я-жъ ій поганенькою родычкою довожусь, и вона-жъ мене двичи бачыла, а позавчора зустрила мене та й не уклонылася. Йиде на повозци зъ Максымомъ, напьяла такый платокъ, що ажъ у вичи мыгтыть, якъ глянешъ, задрала свою кырпу и не поворухнется... Ій-же Богу, трохы межи очи не плюнула, та тилькы соромыты Максыма не схотила.

Мени никого, якъ того Даныла, шкода: занапастыть ота городянка ёму викъ—помьянете мое слово—обизвалася поважна и литня вже жинка, Явдоха. Вже вы ій не переробыте, не прымусыте жыты на свій зразокъ, а Даныло, дарма що гультяй, парубокъ плохый, слухняный и напевне взявся-бъ за розумъ, колы-бъ ёму трапылася пидхожа дружына та напутыла якъ слидъ.

Явдоху пидтрымала Хрыстя: вона хочъ и не знае и не бачыла зроду тіеи Приськи, але ось и ій чогось стало шкода Даныла. Мотря тежъ зитхнула. Солоха скыпила.

— Чы вамъ яке навожденіе, чы потуманилы? Кымъ воны клопочутся, та за кымъ побываются? Наче нихто Даныла не знае, наче вперше побачылы. Бога рады! Гарна Приська, не кращый и вашъ Даныло! Нихто никому свита не завьяже, нихто ничіёго вику не занапастыть.—Жытымуть любисенько у пари, господаруватымуть, робытымуть, якъ и мы вси...

— Робытымуть, якъ прокляти, якъ покуштують лыха,— додала Катерына:—роскошни та ледачи, що йе кому робыты, йе кому клопотатыся, а якъ оселятся у своій хати та не буде кымъ замышляты, то вси прымхы та выгадкы де й подинутся... Бачылы мы такыхъ: ось, недалеко ходыть, прыгадаймо хочъ Оныську Коржеву; чы то не роскишна була, чы то не вередлыва? А подывиться, якый теперъ зъ неи и жнець и молотныкъ, яка зъ неи и швачка, и пряха!

Ричъ Катерыны поклала видразу кинець всимъ змаганнямъ: що тутъ думаты, гадаты та заздалегидь клопотатыся, колы, мовлявъ, Оныська Коржева вже довела, яки зъ посмиху люде бувають, яки зъ вередлывыхъ дивчатъ господаркы вдаются. Незабаромъ повернувся Трохымъ и запрохавъ жинокъ до своеи господы: тамъ имъ уготовлене було снидання. За чаркою та ще у веселій розмови годына за хвылыну лыне, жиночкы не стямылыся, якъ вже череду прыгналы на обидъ. Тилькы Домаси годына тяглася за голодне лито та кожне веселе слово сусидокъ немовъ ажъ у саме серце шпыгало: жыття черезъ сины зъ пышавою ятривкою-городянкою, а до того и оци розглядыны „мошеньски“, якъ вона казала, прямо лякалы іи.

А тымъ часомъ наблыжалыся уже до села и Максымъ та Горпына. Стара сыдила на повозци замысляна, та мовчазна: невесели думкы обгорталы іи, вищувалы щось недобре. Вона довго змагалася та не хотила йихаты, довго умовляла дочку не слухатыся Солохы та роспытатыся людей про Даныла, адже не по іи сталося: Максымъ ставъ сердытысь, Приська—плакаты, и вона повынна була пойихаты.

Що до Максыма, то винъ бувъ спокійный: за розглядыны не турбувався, бо знавъ напевне, що Солоха упорядкуе ихъ до дила, а про те, що-то буде писля шлюбу: чы згодыться Приська жыты у тыхъ умовахъ, яки винъ та Трохымъ уготовлять ій, ще меньше клопотався, бо здатенъ бувъ и пидъ прысягу пійты, що кращыхъ засобивъ видъ норовивъ ій, якъ шлюбъ зъ закоханымъ у неи Даныломъ, не прырозумиты й Соломону.

Нихто не прымитывъ, якъ сваты пидйихалы до хаты та злизлы зъ повозкы, и Трохымъ прывитавъ вже ихъ на порози.

Вси жинкы, причъ Солохы, розійшлыся зразу, простяглася була и Домаха тикаты „одъ гриха подали", та Солоха не попустыла до того. Сваты увійшлы у хату. Горпына трычи перехрестылася и сила на покути. Солоха зиркнула у викна и мыттю выбигла зъ хаты: Даныло простувавъ саме до порогу, а ёго-жъ то та ёго занадто „правдывыхъ та нерозумныхъ" речей найдужче всёго и боялася сваха.

— Нейды, нейды, Данылыку, не наблыжайся й до хаты, поки розглядыны обдумаемо, бо ты нещастлывои вдачы,—налякала вона ёго и тоди вже, цилкомъ заспокоена, повернулася у хату. Розмова вже завелась и йшла про се, та те, про сёгоришній дорид, про оплатки, ярмарокъ та торгы—нихто не зважувався завесты ричъ про головну справу.

Нарешти Горпына запытала: де Даныло?

Домаха вже хотила бигты за нымъ, але Солоха попередыла ій.

— У волости, матинко, Даныло:—саме судъ иде, а винъ вже всёму голова, безъ ёго не можна и обійтыся,—збрехала Солоха.

Горпына завдовольнылася такою звисткою про майбутнёго зятя и звела ричъ на хазяйство: чы йе конопли? чы гарна картопля родыть, чы прыкладни грядкы на капусту? чы йе уготовлене млыво? чы добре браты жывуть, та скилькы чого кому упаде, якъ воны зовсимъ подилятся? Солоха все знала, за всихъ видповидала. Вона личыла по пальцяхъ сорочкы, рядна, дижкы, овець; вона знала, скилькы кипъ конопель становытся на лану, скилькы десятынъ земли, скилькы упругивъ огороду. Капуста—

за Иванову голову родыть; гарбузы—за пидрешитокъ; картопли—хочъ греблю гаты. Трохымъ—хай ось сусиды скажуть—никому накрыво не скаже. Домаха—не то у вичи, а й за очы скажу—така подилчыва жинка, що й останнёго рубця не пошкодіе видаты. Про Даныла ничого вже и згадуваты, бо нема мабуть й на всёму свити плохишого та розумнишого парубка, хай Господь тилькы ощастыть ёго гарною дружыною та укрепыть ёго на довгый викъ, на здоровья.

Довго слухала Горпына сваху-щебетуху, довго не перебарончала и нарешти тяжко зитхнула: щось невесело слухалыся ій ти речи солодки.

Максымъ спостеригъ це.

— А хата Данылова просторна?—запытавъ винъ, неначе зроду не бачывъ.

— Подывиться сами,—видмовывъ Трохымъ, радый що йе нагода хочъ на хвылыну перепеныты Солошыны брёхни.

Чепурненько прыбрана, повна всякого добра, Данылова хата зробыла гарне вражиння на Горпыну. Вона, правда, спостерегла де-килькы рощелынъ у кутку, свиже замазани диркы пидъ лавамы, зауважыла, що въ хати душыть пусткою, але звычайно, хату можна по весни перемазаты, або и наново перекыдаты, а на таке хазяйствечко, якъ оце, спасыби Богови, у Даныла, не спроможешся сплоха, безъ велыкои втраты.

— Все, слава Богу йе, всёго, хвалыть Бога, досыть: и въ хати йе, що слидъ, и биля хаты не пусто—скотынка, овечкы, конячка, стригунча—може подывытеся?—запытала Солоха.

Сваты выйшлы на двиръ.

Оглядилы коривокъ, конячку, переличылы овечокъ, повертался, силы обидаты.

Страву подалы добру, ложкы, мыскы чыстенько повытырани, дитвы повмывани, розчисани, тыхеньки, Домаха уважлыва та прыемна—Горпына значно повеселила, розбалакалася и стала вже оповидаты, що у Приськы у скрыни йе... Колы ось вона раптомъ замовкла.

— Опеклыся, чы прыгадалы що цикаве?—запыталася любенько Солоха.

— Оце мени спалося на думку: куды вы кизячкы диваете? Оттилькы худобы, слава Богу, а на загороди чысто?— звернулася Горпына, мынуючы Солоху, прямо до Трохыма.

Трохымъ оторопивъ.

Максымъ глянувъ на ёго скоса та й почухавъ потылыцю: пытання Горпыны доторкалося до найголовнишои справы; видъ видповиди Трохыма залежало все сватання, а винъ, замистъ видповиди, закашлявся, немовъ подавывся та побигъ до дижкы пыть воду. Глянувъ Максымъ на Домаху—вона видъ сорому та жаху сховалася ажъ зъ головою пидъ прыпичокъ та товкла рогачемъ якыйсь чавунъ въ печи. Солоси тежъ стало николы: сполохала кота, що кунявъ соби пидъ столомъ та почала зъ доброго дыва ганяты ёго по хати...

Пробигла хвылына—друга. Трохымъ вже выпывъ кухоль до дна. Домаха управылася забраты всю сажу зъ прыпичка соби на очипокъ. Солоха утомылася, бигаючы за котомъ, а Горпына все сподивалася видповиди. Вси розумилы, що видъ тіеи видповиди, видъ одного може слова залежыть вся справа, а лукаве слово не йшло, якъ на те, никому на думку.

— Дви коровкы, двое бычкивъ, двое телятокъ, конячка, лошятко, а на загороди чысто?—почала була Горпына изнову своеи.

— А тоби ото и не до-вподобы, що на завгороди чысто? Тоби—щобъ товарюка по колино грузла?—напавсь на неи Максымъ зъ досады. Горпына мовчкы головою похытала та ще разъ вызырнула у викно: чы не нагледыть де тыхъ кизячкивъ? Трохымови стало ніяково. Винъ здатенъ бувъ вже видсахнутыся и видъ того сватання, и видъ тыхъ розглядынъ, що загналы ёго на слызьке—але, на превелыке щастя всихъ, Солоха саме піймала кота.

— Кизячкы де диваете? Про кизячкы, свашечко, пытаете? Я за цымъ проклятымъ котомъ й не вчула гаразд... Управытель

на тютюнъ купуе. Невже не чулы? Прямо и не надасы—хочъ нарочыто заводь худобу за для цёго. Добри грошы платыть: у мене самои оце недавнечко ажъ на тры карбованци купывъ. Вычыстывъ загороду до самои святои земли, забравъ усе до соломынкы, та ще й замивъ, ій-же Богу! Домашко! — на скилькы це вы карбованцивъ продалы? Щось здается на пъятнадцять въ одынъ разъ вывезлы. Винъ же зъ нимцивъ—той управытель, а у тыхъ нимцивъ, сказано, все до дила та до ладу—зацокотила вона.

— Хиба що такъ,—повирыла и заспокоилася изнову Горпына. Неначе велычезный каминь спавъ зъ плечей—вси загомонилы, забалакалы вразъ.

— Чы звелышъ засылаты хлибъ сватамъ, чы запыняешъ?—нарешти запытавъ Максымъ сестру.

— Ще треба бъ зъ дивкою погомониты,—мовыла обережно Горпына, и изнову чогось засмутылася.

— Колы вамъ, спасыби Богови, мы не осоружни, то й дивоньци вашій догодымо,—мовыла Солоха.

— Мени однаково: абы за годыны, бо далеко...—зитхнула Горпына.

— Колы якъ що воно наше дило на стежку зійшло та до краю докотылоси, то я здатенъ и у суботу хлибъ заминяты,—мовывъ Трохымъ.

— Про мене,—видмовыла Горпына и стала прощатыся зъ усима.

VII.

Горпына такъ и умылася гиркымы, якъ прыйихала у весильный понедилокъ до дочкы, та дизналася правды про розглядыны. Але даремно побывалася вона такъ, даремно нарикала на Солоху та недобрыхъ людей, що запакувалы викъ дочци. Приська сміялася зъ матерыныхъ слизъ за отыма „копійчанымы“ горщечкамы та мысочкамы, що порозбиралы люде

назадъ, и ій жылося зъ мисяць, якъ у Бога за пазухою. Передъ весиллямъ Данило застановывъ Махтейчукови десятыну земли за пъятьдесятъ карбованцивъ, одержавъ видъ брата девять карбованцивъ платы за коня покійного батька, продавъ за тры карбованци останню овечку и, видбувшы за 30 карбованцивъ бучне весилля, доручывъ жинци решту. Винъ не сказавъ ій, яки-то грошы, якъ воны ёму дійшлыся, а вона тежъ не спыталася, навищо воны призначаются, и прожывала зъ легкымъ серцемъ „готову копійку", певна, що чоловикъ постачатыме ій тыхъ „копіёкъ" и дали. Нихто не вымагавъ видъ неи ничого, нихто не пытався ніякои праци. Обихидлыва та щыра Домаха не перечыла Присьци прыставыты горщечокъ борщу зъ курятыною, спрягты молока або спекты яечню у своій печи. Попратыхъ ще у матеры сорочокъ було тежъ досыть.—Присци не треба було й пидпалюваты своеи печи, праты тежъ ще не було чого. Данило бильшу частыну дня сыдивъ у волости, щобъ задовольныты жинку, а повернувшысь не зважувався ій тежъ ничымъ турбоваты, и колы бъ не шырока мережка на тонкому полотни, то молодыця занудылася-бъ безъ дила. Сусидкы покы що тилькы прыдывлялыся до новои селянкы, вывирялы ій та нышкомъ дывувалыся ій: нихто не сподивався, нихто не думавъ, що пышава „городянка" завдовольныться цією пусткою, Даныловымы злыднямы, и не нарикатыме на выхъ та на Солоху, але сусидкы не зналы тыхъ мрій та надій, що пестыла у соби молодыця, не чулы и тыхъ ричей, що наслухалася вона колысь видъ Солохы та переказувала теперъ нышкомъ Данылови:

— Якъ дистанешъ ты посаду „найстаршого пысаря", то мы не вытрачатымемъ спершъ всёго твого „жалування", а збиратымемъ та докладатымемъ до твоихъ грошей, а потимъ купымо десь гарненькый грунтыкъ та й збудуемо соби хату у дви кимнаты,—казала вона иноди.

— А може и Трохымъ згодыться продаты частыну грунту, то можна на цёму самому мисци и выстроитысь. Огородъ увесь пиде пидъ садокъ, а на двори можно поставыты коморю та повитку за-для коня, бо, якъ соби хочъ, а я безъ коня не обій-

дуся: хочъ разъ у тыждень треба побигты у городъ,—казала вона другымъ разомъ.

Даныло тилькы очыма лупавъ, слухаючы таки смилыви та несуразни речы, дывувався, якымъ витромъ нанесло ихъ у ёго хату, та зитхавъ нищечкомъ.

— Плеще, плеще щось недоладне, а тилькы почны суперечыть, зразу скыпыть,—дывувався самъ соби чоловикъ и радый, що жинка хочъ не допытуется видъ ёго ничого та миркуе сама й за себе й за ёго, не перечывъ „плескаты“ що на думку збреде.

День лынувъ за днемъ спокійно, безпешно та весело у надіяхъ, мріяхъ та сподиванкахъ на майбутни достаткы, и жылося бъ молодыци такъ и весь викъ ій, якъ бы сонечко однаково грило, якъ бы людына йисты не хотила, або якъ бы у Даныла було тыхъ десятынокъ безъ лику, безъ чысла, щобъ кожного мисяця було що застановляты... Жылося бъ молодыци безпешно та весело, выспивувала бъ вона „канарейкы“ ще може якыхъ мисяцивъ пъять-шисть, пороскошувала бъ вона хочъ до лита—покы Даныло управывся бъ виддаты останній упругъ земли пидъ застанову, та не попустывъ до того Трохымъ.

Разъ якось гулялы молоди на воротяхъ, и Приська почала плескаты Данылови про хату на помости, а Трохымъ и пидслухавъ ненарокомъ. Засміявся винъ соби, почухавъ потылыцю, та й пишовъ рятуваты брата. Сивъ винъ биля ихъ на колоди, побалакавъ трохы про се та про те, а дали и завивъ ричъ про господарство.

— Скинчывъ я, спасыби Богови, сёгодня оранку,—мовывъ винъ,—а на завтра ты, Даныло, выходь: я дамъ тоби свою коривку та коня, а Якивъ обищавъ спрягтыся зъ тобою. Може тоби завтра не буде часу? Може яке нагайнише дило маешъ?

Данылови вже й самому спадало на думку, що часъ бы уготовыть риллю на ярыну, але теперъ винъ спостерігъ по ухмильци брата, по останнёму пытанню ёго, куды винъ закыдае, и злякався.

— Не знаю, яки у тебе думкы та яки замиры,—мовывъ дали Трохымъ, не диждавшысь видъ Даныла видповиди,—а по мени—часъ бы тоби вже оти артыкулы покынуты, та сыдиты дома.

— Що жъ винъ робытыме дома?—запыталася Приська.

— Ого! дома, голубонько, всёго дила и не переробышъ сплоха. Оце жъ зима йде, а хата не обставлена: треба десь бурьяну шукаты, бо конопелёкъ вы ще не прысiялы. Я пиду оце днивъ на тры заробляты бурьяну,—хай и Даныло попомахае денькивъ зо тры косою.

— А купыть?—нагадала Приська.

— Якъ що у кышени густо, то й купыты можна, а якъ що пусто... Даныло!—скильки у тебе грошей? Чы постачыть на бурьянъ, чы ни?—запытався зъ жартомъ Трохымъ.

— Хиба я личывъ?—муркнувъ Даныло.

— А хиба ты вже грошей и не личышъ? Хочешъ я тоби мыттю ихъ перекыдаю?—засмiявся Трохымъ.

— Я твоихъ грошей не личу—не личытымешъ и ты моихъ,—видризавъ Даныло.

— Охъ! и ты бъ, брате, мои полычывъ, и я бъ не забарывся твои перекыдаты, якъ бы то тильки воны у насъ поводылыся, а то..., горе наше..., не люблять воны насъ: цураются. Якъ продамо що-небудь, або застановымо, то й забрящыть трохы, а тамъ згодомъ, дывысь, изновy хочъ вывертай калытку,—мовывъ Трохымъ.

— Яке вамъ дило до Даныловыхъ грошей? Чого вы напалыся на ёго?—заступылася за Даныла жинка.

— А таке дило, галочко, що я ёму братъ старшый и бачу, до якого кинця оти яешни, та курчата ёго прызведуть. Ты чы личыла Данылови грошы, чы ни, а я самъ на весилля ёму по людяхъ позычавъ, самъ и земельку застановлявъ—знаю, що у ёго теперъ тилько тыхъ и пъятакивъ, що у тебе въ скрыни завалялыся.

Приська ажъ пидскочыла:

— А жалованне?

— Яке тамъ жалуванне? де-бъ воно взялося и за вищо-бъ ёму давалы те жалуванне? Тыкне колы пысаръ по ласци якого грывенька на конхветы—ото тоби и весь заробитокъ. Я такы думавъ, що винъ хочъ карбованцивъ пъять заробляе, колы, якъ роспытався...

— Даныло, хиба це такъ? Що це Трохымъ каже?—перелякалася Приська.

— Вольному воля—хай плеще, що на языкъ набреде!—муркнувъ Даныло и, щобъ скинчыты цю непрыемну розмову, пидвився зъ колодкы, на якій вси сыдилы.

— Та ты, хлопче, не тикай,—спынывъ ёго братъ. Ты не сова—сонце тоби очей не коле—не заплющай ихъ, колы опынывся надъ прирвою. Того не бійся, що Присьци мои речи не до вподобы,—однаково колысь не мынется ихъ чуты. Дякуй мени, що клопочуся про тебе та пособляю доброю порадою... Упады краще оце въ ногы своій жинци, зменьшыся передъ нею, прызнайся, яки у тебе достатки, на вищо надіи... Покажы ій свои непотружени, молоди рукы, скажы ій: „отакъ, отакъ, жинко, праци своеи тоби не шкодію, не будешъ ты у мене ни голодна, ни холодна, не будешъ до вику и быта, а за гроши выбачай: не поводылыся воны у батькивъ нашыхъ, не заведемо и мы ихъ“... Вона у тебе, хвалыты Бога, молода, пры здоровью, розумна; не схоче вона твоеи та й своеи погыбели: дасть ще тоби допомогу. Чы такъ, Присько?

— Чы вы сміетеся зъ мене, чы дратуете? Даныло! чого-бо ты мовчышъ, чого ничого не кажешъ?—запыталася Приська, и голосъ ій затремтивъ.

— Не сердься, Присько! Я тоби не ворогъ, я тоби дійсну правду кажу,—ставъ заспокоюваты Приську Трохымъ.

— Яку правду?—скыпила ще дужче Приська.

— Не сердься, не крычы, щобъ бува села не сполохаты,—видповивъ ій спокійно Трохымъ.

— Яку правду?—запытала вдруге Приська.

— Поспытайся у Даныла, хай винъ тоби, якъ на споведи, прызнается,—мовывъ Трохымъ.

— Яку правду?—звернулася молодыця до Даныла.

— Ходимъ у хату!—одризавъ Даныло и побигъ у двиръ, немовъ за нымъ гналася нечыста сыла.

—

— Що це сёгодни Трохымъ плескавъ? Чого винъ напався?—запытала занеспокоена Приська Даныла въ хати.

— А хыба я знаю, чого винъ напався?—видмигся Даныло.

— Прысикався... прысикався...—дывувалася молодыця.

— Неначе я самъ не знаю, що хата не обставлена, що часъ вже ораты. Пиду днивъ на чотыри и выорю,—мовывъ Даныло, абы перепынуты розмову и думкы Присьчыны про грошы.

— Самъ?—ажъ злякалася Приська.

— Якъ-то самъ? Коривъ та коней запряжу,—хотивъ пожартуваты Даныло.

— Соби землю оратымешъ?—запытала Приська, не звернувшы й увагы на той жартъ.

— Соби-жъ,—прызнався несмилыво Даныло.

— Господарюватымешъ?—сплеснула рукамы молодыця.

— Та ни... поспишывся заспокоить ii Даныло.—Яке тамъ господарство? То такъ...

— А я вже злякалася,—ажъ перевела духъ Приська.—Думала, що Трохымъ тоби чисто паморокы забывъ... Та й вредный-же винъ! Колы-бъ Господь вже швыдче помигъ намъ видризнытыся! Скилькы у тебе всёго грошей? Може можно було-бъ и зразу поставыты де хату, щобъ подали видъ ёго?

— Стелысь, Присько,—позихнувъ Даныло замисть видповиди.

— Солоха казала: сотъ на шисть назбиравъ. Назбиравъ?..—допытувалася Приська.

— Треба попрохаты, щобъ збудылы завтра раненько, бо спизнюся у волость,—схопывся Даныло та утикъ зъ хаты.

Перестоявъ винъ у синяхъ трохы, повернувся...

— Якъ що сотъ на шисть йе...—почала изнову рахуватысь Приська, якъ тилькы побачыла чоловика на порози.

— Стелы, Присько... прямо й очей не росплющу,—поспишывся Даныло перепынуты ii рахунокъ и мыттю, нашвыдку

роздягнувшись, сховався видъ жинчыныхъ допытувань пидъ рядно.

Приська погасыла незабаромъ свитло и мицно заснула. Даныло-жъ довго ще не спавъ. Ще ни разочку не доводылося ёму буты у такому становыщи, ни разочку не доводылося брехаты та видбрихуватысь,—адже Приська прызвела ёго до того; вона налякала ёго выразомъ очей своихъ, тымы плямамы, що повыступалы у неи на выду, пидъ вплывомъ сёгодняшнёи розмовы зъ Трохымомъ, голосомъ, речамы, и винъ повыненъ бувъ колы не брехаты самому, то у всякимъ рази пидтримуваты Солошыны брехни... Голова ёго не звыкла ни до якыхъ клопотивъ не звыкла гаразд и думаты, а теперъ ось думкы несподиваногадано налетилы звидкилься и посилы ии, немовъ та чорна галичъ вербу на негоду. Що робыты? Що прырозумиты? Братъ правду казавъ: грошей, причъ тыхъ, що зисталося може у Приськы, не було; зима наблыжалася, а ни хлиба, ни топлыва прыпасеного тежъ не було. Можна було-бъ, правда, перебуты цю зиму, щобъ дешевше, у Трохымовій хати, такъ Приська не схоче; мигъ-бы Трохымъ позычыты ёму и хлиба—не схоче Приська того хлиба йисты, а може не схоче й Трохымъ позычыты, якъ-що Даныло не послухае ёго та не визьметься до господарства: нарошне не позычыть, щобъ показаты Присьци, не гаявшы часу, яке-то дійсне горе на мастъ. Але якъ-же ёму слухатыся Трохыма, якъ господарюваты, колы жинци й натякнуты про те не можна? Нарешти, можна було-бъ найнятыся ще въ экономію, и Даныло охоче зробывъ-бы це зразу, такъ якъ-же ёго прызнатыся Присьци, що ёму тамъ платытымуть не бильше пъяты карбованцивъ? Багацько де-чого мигъ-бы ще Даныло прырозумиты, бо чымало засобивъ мае молода та робоча людына перебуты зиму, але вси ти засобы здавалыся ёму не пидхожымы, не здатнымы. Йедыною втихою Данылови зоставалася думка, що бида хочъ и йде десь, хочъ и наблыжается, та не постукалася ще—ничого ій заздалегидь видчыняты ворота; йедыною надіею було,—що саме жыття перемеле, якъ добри жорна, той кукиль, що вырисъ на ёго ныви помижъ пшеныци, а Трохымъ та люде

навчать, якъ изъ такого борошна смашный хлибъ пекты,—якъ жыты.

Одже на свитанку и та втиха та надія звыклы: бида наблызылася швыдче, нижъ мигъ сподиватысь Даныло.

Домаха ничого не знала про суперечку помижъ братамы и свитомъ стала будыты Приську.

— Вставай, Присько: я вже затопыла,—погукала вона на ятривку.

— Не варытыму ничого,—видповила Приська.

Домаха пересыдила трохы та постукалася изнову.

— Вставай, Присько, бо швыдко вытоплю,—погукала вона.

— Не варытыму ничого,—видповила вдруге Приська, проте Домаха не заспокоилася и ще втретте погукала на неи.

Приська накынула спидныцю и выбигла у сины.

— Чого ты прысикалася до мене? Я-жъ тоби вже двичи казала, що не варытыму ничого.

— Я думала, що то ты зъ просонку такъ кажешъ,—засмiялася Домаха.—Якъ-же ты будешъ весь день безъ йижы?

— Бога рады! не сыдитыму голодна черезъ те, що у вашiй печи не топытыму. Хай Трохымъ не дума, що мы безъ ёго допомогы пропадемо, хай не командуе, не замышля намы,—не дурниши мы за ёго! Спасыби и такъ за ласку—повикъ не забуду, що тры тыжни топыла у вашiй хати,—мовыла Приська.

— Та що це тоби сталося? Сонъ прыснывся паганый, чы не выспалася?—засмiялася Домаха.

— Поспытайсь свого чоловика, що винъ намъ вчора казавъ, якъ Даныла проты мене направлявъ.

— И до вику не повирю, щобъ Трохымъ Даныла проты тебе направлявъ. Може завважывъ що-небудь?—мовыла Домаха.

— Ото-жъ хай бильшъ не завважае, хай до насъ не мишается, хай краще до своеи хаты доглядается, за своею симьею назырае, свое смиття вымитае.

Домаха образылася.

— Трохымови нема чого до своеи хаты доглядатысь:—у ёго жинка не ледача городянка,—мовыла вона.

Приська образылася й соби.

Слово за словомъ, докиръ за докоромъ, и почалася супе-речка. Трохыма не було дома. Даныло побоявся потыкатыся до молодыць, и ятривкы посварылыся навспрявжкы.

— Иды зразу, та купуй мени топлыва, тилько не соломы,— звелила Приська Данылови, повернувшись зъ сыней.—Заразомъ купышъ мени ще де-чого, бо я сама вашого села не знаю, а Домашныхъ дитей не хочу посылаты...

— Добре!—видповивъ Даныло, але такымъ голосомъ, немовъ тры дни не йивъ.

— Зайдешъ ще й у крамныцю та купышъ мени сахарю,— додала Приська.

— Зайду,—протягъ изнову Даныло.

— Поспишайся-жъ, бо спизнышся у волость!—нагадала Приська.

Одначе Даныло не дуже поспишався: на топлыво, са-харъ та те „де-що", що загадала купыты Приська, треба було грошей, а якъ ихъ добуты у Приськы, якъ прызнатыся, що у ёго й шага немае?

— Дай мени грошей!—нарешти зважывся винъ вымо-выты.—Пры мени немае, а до волосты далеко,—додавъ винъ немовъ и байдуже; але молодыця видразу спостерегла щось не-певне у ёго словахъ.

— Нема-жъ и у мене грошей,—збрехала вона и пыльно подывылася у вычи Данылови.

Даныло почервонивъ.

— Чого ты такъ почервонивъ? Мабуть Трохымъ вчора правду сказавъ? Мабуть у тебе ніякыхъ грошей немае?—напа-лася Приська на ёго.

— Якъ-то немае? На вищо-бъ я брехавъ? Тамъ мени одынъ чоловикъ выненъ,—видмовывъ Даныло, та ухопывшы шапку, мерщій побигъ зъ хаты.

— Хто винъ такый той чоловикъ? скилькы позычавъ?—за-пыталася Приська ёго навздогинъ.

кольно-анекдотическихъ произведеній, при желаніи, можно было бы набрать порядочное количество, и изъ этихъ лоскутиковъ составляется вѣдь значительная часть нашей литературной продукціи за послѣднее время,—можно, конечно, вообразить, что за мозаика получается при этомъ! Въ числѣ персонажей г. Франка есть нѣкто Галай («Лесышына челядь»), который вамъ «въ одній хвыли и коломыйкы задробыть, и думкы затягне, и весильнои, и зъ псавтыри та гласивъ церковныхъ... и *абы вамъ одну спиванку вмивъ скинчыты*». Если бы намъ предложили однимъ словомъ охарактеризовать нашихъ лоскутниковъ, найти для нихъ общее собирательное имя, то лучшаго мы бы, кажется, не въ состояніи были придумать, какъ—Галай. Этотъ беззаботный на счетъ осмысленности своихъ поступковъ пѣвецъ, до самозабвенія отдающійся процессу пѣнія, не ищущій въ немъ ни связи, ни смысла, является самымъ подходящимъ символомъ для изображенія всей лоскутной части нашей литературы; это—лучшее отраженіе того хаотическаго состоянія литературы, которое произведено обиліемъ неумѣлыхъ, протокольно-анекдотическихъ миніатюръ. Какъ и Галай, наши протоколисты отличаются весьма большою разносторонностью и затрагиваютъ множество самыхъ разнообразныхъ темъ, касаются самыхъ различныхъ сюжетовъ, но захватываютъ ихъ поразительно не глубоко, не умѣютъ отдѣлать и докончить ни одного изъ нихъ. Какъ и Галай, они не останавливаются на внутреннемъ смыслѣ затронутой темы, не проникаютъ дальше поверхностнаго изображенія чисто внѣшняго факта, не видятъ въ большинствѣ случаевъ ничего, кромѣ занимательнаго сюжета. Какъ и у Галая, у нихъ нѣтъ общаго руководящаго принципа который бы объединялъ разрозненные факты въ одно цѣлое, освѣщалъ ихъ съ точки зрѣнія цѣльнаго, опредѣленнаго міросозерцанія и служилъ Ариадниной нитью въ лабиринтѣ мелкихъ фактовъ, отрывочныхъ наблюденій, не продуманныхъ, а принятыхъ въ большинствѣ случаевъ на вѣру, съ чужого голоса, идей. Вѣдь писатель, обладающій такой руководящею нитью, какова бы она ни была, если начинаетъ, скажемъ, «коломыйку», то онъ знаетъ что поетъ именно «коломыйку», а

не «думку» и не «зъ псавтыри» или «гласивъ церковныхъ»; точно также спеціалистъ по части «гласивъ церковныхъ» тянетъ болѣе или менѣе послѣдовательно свою линію и не сбивается на «коломыйку». А у насъ между тѣмъ возможны такія чисто овидіевы превращенія, когда «честный до фанатызму, по выраженію г. Хоткевича, оборонець и захыстныкъ красы» способенъ унизиться до порнографіи, представитель и поклонникъ искусства дойти до отрицанія всякаго искусства, а лоскутникъ завладѣть литературой и наполнить ее обрывками протокольно-анекдотическихъ произведеній. Не удивительно поэтому, что и литература наша въ значительной своей части напоминаетъ хаотическое, лишенное цѣлостности, осмысленности и пониманія пѣніе Галая, не достигающее даже тѣхъ минимальныхъ требованій, какія къ нему можно было бы предъявить...

Отмѣчая пока только факты, мы не будемъ касаться сейчасъ причинъ, вызвавшихъ эту раздробленность, лоскутность значительной части нашей новѣйшей литературы: случайность темъ, несовершенства обработки, мелочность и узость кругозора и тому подобныя недостатки; тѣмъ болѣе, что мы надѣемся посвятить этому вопросу нѣсколько строкъ ниже, при подведеніи итоговъ. Сейчасъ мы скажемъ больше—что тѣ же недостатки обнаруживаются, къ сожалѣнію, не только въ произведеніяхъ нашихъ миніатюристовъ, но въ одинаковой степени свойственны и болѣе значительнымъ по размѣрамъ произведеніямъ. Безпомощность авторовъ, ихъ поразительное неумѣніе сладить съ сюжетомъ, ихъ наивные, явно тенденціозные пріемы съ цѣлью замаскировать свою безпомощность—отличаютъ и произведенія съ претензіями на исчерпывающую полноту, на всестороннее изображеніе нашей жизни. Для примѣра мы остановимся на трехъ произведеніяхъ болѣе крупнаго калибра, принадлежащихъ различнымъ авторамъ, и попробуемъ схарактеризовать ихъ отличительныя черты какъ въ отношеніи содержанія, такъ и внѣшнихъ пріемовъ. Два изъ избранныхъ нами авторовъ, г.г. Лукіяновичъ и Яцкивъ—не новички въ литературѣ, такъ какъ каждый изъ нихъ издалъ уже по нѣсколько книжекъ своихъ произведеній; имя третьяго—г. Пидепи мы встрѣчаемъ въ первый разъ.

Сергій Ефремовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Украинськи записи Порфирія Мартиновича.

—

Кырыло Сайкó.

(Продолженіе [1]).

Подарунчá.

Казка.

Якъ бувъ соби критъ
Та горобець;
И то не зъ простыхъ бувъ молодець.
Критъ накротывъ кочку земли,—
Горобець прылетивъ,
Тай сивъ.
Критъ заворухнувсь,—
Горобець испугнувсь.
«А чого ты, горобче, добрый молодче, злякавсь?

[1]) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 4.

Я зъ тобою хочу побрататыця».
„Такъ я-жъ, хочъ и побратаемось,—
Такъ не могу ничого робыть".
„Такъ я навчу.
Ты горобець,
Добрый молодець,
Но велыкыхъ хазяинахъ по токахъ литаешъ
И вси стижкы въ багачивъ знаешъ;
Я могу накротыть велыкый ланъ,
А ты можешъ у хазяинивъ жыта достать,
Та будемъ соби хлибъ на зиму пахать".—
Поедналысь.
Критъ вырывъ ланъ превелыкый!
Такый, якъ одъ мене та до васъ,
А одъ васъ та до мене.
Горобець, добрый молодець, натягавъ жыта колоскивъ
Одъ току зъ багачивъ.
Навымыналы воны соби зерна
Й посіялы жыто.
И зародывъ имъ Богъ жыта,—
Одъ кореня до верха колосья!!
Шо нигде такый и не родыть,
Якъ имъ Богъ зародывъ!
— „Ану, горобче-молодче!
Треба намъ ёго зибрать",
— „Такъ я не вмію!"
«А я навчу!
Я буду зъ кореня пидкусювать,
А ты крыламы беры,
Та въ скырты клады!
Критъ изжавъ,—
Горобець, добрый молодець, у скырту склавъ.
А ну, горобче-молодче!
Треба намъ ёго змолотыть!"
— «Такъ я не вмію!"
— «А я навчу!»
Ты горобець, добрый молодець,
У тебе й крыла е!

А въ мене нисъ добрый!
Я могу зчыщать ривненько,
А ты можешъ крыламы змитать гарненько.
А ну, горобче-молодче, ёго й молотыть.
Ты, горобець-молодець, зъ крыламы?
Леты на скырту
И тягны первый колосокъ.
И несы ёго на тикъ.
Буду я вылущувать и въ ворохъ класты,
А ты солому беры,
Та въ скырты клады".
Давъ имъ Богъ: прыбралы хлибъ.
Ве-лы-кый ворохъ жыта прыбралы!
— «А шо горобче-молодче?»
— «А шо, кротику-братику?»
«А давай дилытыця!
Богъ намъ зародывъ хлибъ,—
Буде на всю зиму».
— «Тай давай!»
Зачавъ критъ дилыть:
Тому зерно
Й тому зерно:
Тому зерно
Й тому зерно:
Тому зерно
Й тому зерно!..
Роздилылысь пополамъ.
Одна зернына лышня.
Завелы между собою споръ:
Кому та зернына?!
Горобець каже: „мени,—
Я бильше трудывся,
То мени!"
А критъ каже: «я тебе вчывъ!
Я бильше трудывсь!
Нехай мени!»
— «А-а, ни-ни, кротику-братику!
Ты безъ мене ничого не зробывъ-бы,

Хочъ ты мене й учывъ!
Земля безъ кореня не родыть,—
А якъ я насиньня доставъ,
То й земля народыла».
Зачалы между собою споръ впьять
И зачалы бытьця!
Горобець крота подужае.
Скубне, тай полетыть у гору,
А той скаче,
Тай не достане.
«Ну, постой, горобче-молодче!
По-жа-луй!
Въ тебе крыла е,
То ты можешъ скубты!..
Не такъ, горобче-молодче!
А ззывай ты свое царство летюче,
А я свое пише,
Которе слидуе!»
Созвавъ критъ свое царство:
Зай-ци!..
Лы-сы-ци!..
Вов-кы!..
Вед-ме-ди!..
Ов-ра-хы!..
Мы-ши!..
Й тхо-ри!..
И все пише, которе слидуе.
Созвавъ горобець,
Добрый молодець
Усе царство летюче:
Гу-сы!..
Й ку-ры!..
Кач-кы!..
Й ын-ды-кы!..
Кга-вы!..
Ій со-ро-кы!..
Шуль-пи-кы!..
Й кибь-ци!..

Яс-тру-бы!..
Й ор-лы!..
И все летюче,
Що слидуе
Усе царство!
И зачалы воны бытьця!
Й воюватьця!
И воскрыкнувъ горобець,
Добрый молодець!
„Этъ, стой, кротику-братику!
Не все мое царство!“
— «А кого жъ у тебе немае?»
«Ше немае въ мене попугайла летючого!»
— Стунай, горобець,
Добрый молодець,
Шукай попугайла летючого».
Якъ полетивъ горобець,
Добрый молодець,
На ынше царство,
На девъяте государство,—
И найшовъ попугайла!
— «Эй, здоровъ, брате попугайле!»
— А здоровъ, здоровъ, горобче,
Добрый молодче!
А шо мени скажешъ, горобче?!»
Э-эй, брате попугайле!
Пропало наше летюче царство!»
— «Черезъ що?»
«А черезъ те пропало,
Що я зъ кротомъ побратавсь,
И побратавшысь робылы хлибъ у куни.
И вродывъ намъ Богъ хлибъ велыкый,—
Одъ кореня до верха колосья,
Шо нигде такый и не родыть,
Якъ намъ Богъ давъ.
И ёго вбралы.
До роздилкы дило,—
И завелысь за 'дно зерно дратьця!
И критъ свое ныне царство собравъ,

А я свое летюче;
И винъ побиждае!»
— «Веды, горобче-молодче!»
Горобець, добрый молодець, якъ пиднявся вгору!
Попугайло за нымъ!
— «Веды, горобче-молодче!»
Горобець, добрый молодець, указавъ попугайлу:
«Дывыся, попугайле!
Яка сыла коло хлиба лежыть кругомъ!»
Летыть горобець,—
Попугайло вгору беретьця!
Летыть горобець,
Добрый молодець,
Попугайло вгору беретьця!
Прылетивъ горобець.
«А ну, кротику,
Братику!
Бере-жыся», говóрыть,—
«Попугайло летыть».
Якъ розигнавсь зъ горы попугайло,
Якъ ударывъ пише царство грудьмы,—
Зробывъ вулыцю!
Выбывъ.
Пидьнявсь у гору вныть.
Якъ ударывъ навхрестъ,—
И другу вулыцю зробывъ!
Розбиглося все пише царство:
Зайци въ степъ...
Лысыци въ яры...
Вовкы въ лисъ...
Ведмеди тожъ!..
Тхоры,
Оврахы
Й мыши
Заточылысь у землю...
Критъ тоже й соби закротывсь...
Горобець,
Добрый молодець,

Скомандувавъ свое летюче царство:
«Пожыть мои труда!»
Росхваталы хлибъ по зерныни.
Зоставсь попугайло безъ крылъ на току.
Выйшовъ попугайло на стовповый шляхъ
И сивъ на могыли.
Йиде багачъ одъ чумакивъ: [1])
— «Здоровъ, попугайло!»
— «Здоровъ, багачу!»
«А чого ты, брате, сыдышъ тутъ?»
— «Э-э-эй, брате!..
Крылъ нема!..
Якъ бы мене хто взявъ,
Та выгодувавъ,
Покы въ мене крыла поростуть,—
Я бъ тому у ве-лы-кій прыгоди бъ ставъ»!
Багачъ и подумавъ:
«У мене стада;
У мене й гурта;
У мене двадьцять ынбаривъ хлиба;
Сто двадьцять скыртъ у степу стоить немолоченого;
У мене сумы много;
У мене й чумака сорокъ визъ;
Невже я не выгодую ёго,
Покы крыла поростуть?
Сидай, попугайло»!
Сивъ попугайло.
Везе багачъ.
Прывизъ до дому,
Уклыкавъ ёго въ горныци;
Посадывъ за стилъ.
Прыказавъ пару скота вбыть
И зварыть
Та попугайла накормыть.
Перешамнувъ попугайло
И багачеви дякуе.
«Копай же, багачу, погрибъ на мене
Посередъ двору велыкый;

[1]) Йиздывъ у степъ чумакивъ своихъ провидувать.

И защыты мене.
Тилько викно пусты;
И годуй мене,
Ажъ покы крыла поростуть;
Тоди я тоби у велыкій прыгоди стану.»
Заставывъ багачъ робочыхъ.
Вырылы ёму погрибъ.
И посадывъ ёго въ погрибъ
И защытывъ,
Тилько викно пустывъ.
Почалы ёго годувать.
Було въ багача два млыны греблёвыхъ,
А два витряныхъ;
Зачавъ безперестанно молоть и пекты,
Попугайла годувать.
Выгодувавъ дванадьцять ынбаривъ хлиба!
Пытаетьця:
«Нема крылъ?»
«Нема».
Було въ ёго сумы много;
Почавъ хлибъ купувать
И молотныкивъ наймать.
Вымолотывъ сто двадьцять скыртъ
И выгодувавъ.
Ставъ ёго впьять пытать:
«Нема крылъ?»
«Нема».
Зачавъ гурта быть
И варыть,—
Попугайлу носыть.
Выгодувавъ гурта.
— «Нема крылъ»?
«Нема».
Зачавъ отары ризать.
Выризавъ,
Выгодувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Зачавъ стада продавать,—
Выпродавъ.
Хлиба купывъ,—

Погодувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Прыйшлы чумакы зъ дорогы.
Попродавъ силь,
Купывъ хлиба,—
Выгодувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нѐма!»
Повбывавъ волы;
Поварывъ
И погодувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Було въ ёго земли много,—
Выпродавъ,
Та все хлибъ купувавъ,
Та попугайла годувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Попродавъ ынбары,—
Накупывъ хлиба,
Та все попугайла годувавъ...
«Нема крылъ»?
«Нема».
Попродавъ дываны,
Сьтильци,
Шахвы...
Попродавъ горныци,
Та все хлибъ купувавъ,
Та попугайла годувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Узявъ жинку за руку,
Повивъ у слободу.
Нанима ии до мужыка обременну.
Мужыкъ опасуетьця нанимать:
«Шожъ»,—каже, я ии найму;
Шо вона буде робыть?
Наймимъ, диты!
Хоть буде ложкы мыть,

Та хату вымете.
Шожъ тоби дать за неи?»
«У годъ телыця и корова».
«Иды въ загонъ: беры».
Налыгавъ и повивъ.
Убывъ телыцю;
Зжарывъ и понисъ.
«Нема крылъ?»
«Нема.»
Убывъ и корову
Половыну зжарывъ и понисъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Понисъ и посьлидьню половыну.
«Оце жъ ижъ, та вже й нема».
«А нема?»
„Нема“, —говорыть.
„Ну, а въ мене крыла е“.
„Ну, й слава Богу!
Шо хочъ, у мене ничого нема,
Абы въ тебе хочъ крыла булы!“
„Беры жъ ты, багачу, застунъ,
Та 'дкопуй погрибъ.“
Багачъ одрывъ погрибъ.
Ажъ земля кругомъ порепалась!
Такый гладкый!
Утушкувавъ ёго!
Попугайло вылизъ зъ погреба,
Якъ стрепенувсь!..
Якъ полетивъ!..
Ажъ пидъ хмары!..
Зостався багачъ;
Дывывсь, дывывсь,—
Ажъ поки не выдно стало!
Сыдыть багачъ;
Слуха—колы шумыть!
Колы сида коло багача въ двори!
„А що ты, каже, багачу зажурывся?
„Та вже жъ, каже, попугайле!
И не веселывсь
И не смутывсь!“

„А йды жъ ты, каже, багачу въ слободу;
Та не йды жъ ты до багатого мужыка,
А йды до бидного;
У ёго була парка коровокъ,
Та одна згынула;
Та выробывъ винъ ін на реминь
И высыть вона въ ёго пидъ повиткою,
А на посьлидьню корову робыть буркунець,—
Буде одныею издыть.
То ты въ ёго попросы ту шкуру,
То винъ позычыть,
Бо винъ горе зна".
Пишовъ багачъ.
Напавъ на того мужыка бидного.
Прыйшовъ пидъ повитку;
Глядь!—шкура высыть вычынена.
„Эй, брате!
Позычъ мени цю шкуру!
Я колысь, якъ розжывусь,
То я тоби вдвое оддамъ!"
„Тай визьмы!
Оддасы,—спасыби,
А не 'ддасы,—Богъ зъ тобою!"
Изьнявъ ту шкуру.
Каже попугайло:
«Перепусты ін на двое;
Въ тебе булы стада й гурта,—
Ты можешъ вузды робыть;
Робы на мене вузду зъ одныи половынкы».
Зробывъ вузду.
«А плеты малахай зъ другои половынкы!
Та до-о-брый малахай!
Шобъ и нужално реминне було!
Беры-жъ ту вузду,
Та йды на край села;
Та не йды до цыгана,
А иды до нашого коваля,—
То винъ тоби повирыть наборъ зробыть удыла».
Прыходе 'дъ коваля.
«Надивай вузду й зануздуй.
А беры малахай!...

А сидай», говорыть, «на мене»!..
Сивъ винъ на ёго.
«А якъ теперъ тебе несты?
Чы по-пидъ небесамы?
Чы поверхъ древа?
Чы поверхъ травы»?
Багачъ подумавъ:
«Понесе по-пидъ небесамы,—
Перелякаюсь, упаду,—вбьюсь!..
Понесе поверхъ травы,—
Объ дерево вбьюсь!
Несы поверхъ древа».
Якъ стре-пе-нувсь!..
Якъ знявсь!
Якъ полетивъ на ынше царство,
На девъяте государство!—
Тай спустывсь.
«Оце-жъ», каже, «моя первая сестра жыве.
Веды мене въ двиръ
И бый мене!.. И мучъ! И печы!..
Стилькы сылы маешъ,—
Стилькы й бый!
А я стилькы сылы маю,—
Буду крычать.
И зачуе сестра гласъ мій
И буде бигты, крычать,
Рукы ламать!
И буде тебе просыть,
Даватыме тоби й панство,
Й царство!
И даватыме тоби дванадцять ынбаривъ срибра й злата!

То ты не беры,
А просы въ нея срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ» [1]).
Веде багачъ попугайла въ двиръ

[1]) Замочокъ.

Бье ёго!
Пече!..
Стилькы сылы можеть—бье!..
А той крычыть стилькы сылы можеть.
Послужанка зачула гласъ попугайливъ.
«Пани»—говорыть:
«Послушайте!
Братъ попугайло жывый есть»!
«Де винъ», говорыть, «узявся!?
Его й на сьвити жывого нема»!
«Послушайте, пани!
Скоро въ двори буде»!
Побачыла пани, шо вже въ двиръ укынувъ черезъ ворота.
Бижыть!..
Крычыть!
Рукы ломыть!
«За що ты, лыха лычыно, зъ мого брата знущаесься»?
— «Якъ-же мени зъ ёго не знущатьця!?
Булы въ мене стада,
Й гурта,
Й отары,
Дванадьцять ынбаривъ хлиба
И сто двадьцять скыртъ у поли!
Було въ мене сумы много!
Та я все позбувавъ,
Та твого брата попугайла годувавъ.
Шо схочу, те й зроблю!
Хоть убью,—
Хоть повисю!
«Нажъ тоби панство
Й царство!
И дванадьцять ынбаривъ срибра й злата,
Тилькы пусты мого брата попугайла».
— «Не хочу панства
И царства
Ни срібра, ни злата!

Дай мени срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,—
Такъ пущу!
«Хочъ ты ёго й повись, то не 'ддамъ».
Пишла въ хату.
Выйшлы зъ двору.
«Чортъ-батька зна, якъ ты й бывъ!
Шо ты мене жаліешъ?
Я-жъ тебе не жаливъ,
Якъ усе твое добро переивъ!
Не жалій и ты мене!
Такъ бьешь, шо й сестра не ожалѝлась!..
Ты мене бый стикы сылы маешъ,
Стикы мочи маешъ!
Не наскудь!
А я стикы сылы маю
Стикы мочи
Буду крычать.
Давай иты до середульшои».
Прыйшлы до середульшои.
«Бый-же, та не погань!
Шобъ сестра ожалѝлась на мене».
Зачавъ винъ ёго быть,
Стикы сылы мае,
А той крычыть!..
Почула послужанка
«Пани»,—говорыть:
«Послушайте!
Вашъ братъ попугайло жывый е»!
— «Де винъ узявся?!
Ёго й на свити нема»!
«Ни, послухайте!
Скоро въ двори буде»!
Перекынувъ багачъ попугайла черезъ ворота,
Топче ногамы...
Пече ёго,
Бье ёго,
Стикы сыла мае,

Стикы мочи мае,—
Стикы й поре!..
А той стикы мочи мае,
Стикы й крычыть!..
Выскочыла пани.
Крычыть...
Рукы ломыть!..
«За що ты, лыха лычыно, зъ мого брата попугайла знущаесься»?
— «Якъ-же мени зъ ёго не знущатыця?!
Булы въ мене стада
Й гурта,
Дванадьцять кынбаривъ хлиба,
Сто двадьцять скыртъ у степу хлиба!
Було въ мене сумы много,—
Та я все позбувавъ,
Та твого брата попугайла годувавъ!
Що схочу,—те й зроблю зъ нымъ!
Хочъ убью,—хоть повисю»!
— «На тоби й панство,
Й царство!
Дванадьцять кынбаривъ срибра й злата,—
Тилькы пусты мого брата попугайла».
«Не хочу я панства
Й царства,
Ни срибра, ни злата!
Дай мини срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,
Такъ пустю»!
«Хочъ ты ёго й повись»!
Пишла й не оглядаетьця.
Выйшлы за ворота.
И каже ёму попугайло:
«Ду-у-р-ны-й ты», говорыть:
«Пропало наше дило!
Що ты мене жаліешъ?!
Ты быв мене лучче!
Изробы ты отъ що:

Якъ пидемъ мы до меньшои,
То ты вже бый мене
Та не погань!
Шобъ не такъ, якъ тамъ бывъ!
Та якъ даватыме вона тоби панство
Й царство,
И дванадьцять ынбаривъ срибра й злата,
Не беры!
А просы срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,
И одно те робы, шо бый мене.
И буде вона тебе просыть у хату
Покушать и 'дпочыть
И речи поговорыть,—
Ты йды.
И буде вона тоби пыткы й наидкы давать
И буде тебе шпиртомъ напувать.
Ну ты гляды-ы!
Шобъ ты ін прысылувавъ выпыть до себе!
Та вже й я прысылую,—
И одъ мене выпъе.
То мы по чарци выпьемъ,
А вона значыть дьви.
Буде вона и вдруге частувать;
Та все-жъ такы, шобъ прысылувавъ.
Частуватыме мене,
Прысылую й я.
Буде вона й втрете частувать,—
То шо-бъ ты прысылувавъ выпыть;
Да вже й я прысылую.
Мы выпьемъ по тры,
А вона значить шисьть.
Тоди посидаемъ обидать.
Ты ижъ,—покы наисысь.
И я тебе штовхну.
А ты шобъ догадавсь:
Прыкынься пьянымъ;
Перекынь мене черезъ стилъ,

Топчы мене ногамы!..
Бый мыскы,
Й полумыскы,
Чаркы,
Й пляшкы.
На голови мени!..
То вона тоди змылуетьця.
Буде тебе цилувать
И за рукы хватать!
И отдасьть тоби срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ;
Надине тоби ёго на шыю
И запхне за пазуху».
Дійшлы до воритъ.
Перекынувъ ёго черезъ ворота.
По-о-ре!
Послужанка зачула гласъ:
«Послухайте, пани!
Вашъ братъ попугайло жывый есть»!
«Де винъ у свити взявся?!
Ёго й жывого на свити нема»!.
Винъ ёго топче ногамы!.
Бье пужалномъ по голови.
Углядила пани.
Бижыть!..
Крычыть!..
Рукы ломыть!...
«За що ты, зла лычыно, зъ мого брата попугайла
такъ знущаесься»?
— «Якъ-же мени зъ ёго не знущатьця?!
Булы въ мене стада,
Й гурта!
Булы въ мене й отары!
Було въ мене дванадьцять ынбаривъ хлиба;
Було въ мене сто двадьцять скыртъ хлиба въ стену,
Було въ мене сумы много,
Та я все позбувавъ,
Та твого брата попугайла годувавъ!

Шо схочу,—те и зроблю!
Хочъ убью,
Хочъ повисю»!
Зачавъ ёго бы-ы-ть!..
Погамы мисыть!..
Той, стикы сылы мае, крычыть!
Просыть вона ихъ у хатку.
Закрычыть пани на послужанку:
«Заразъ стилъ наповныть пыткамы
Й наидкамы»!
Посажала ихъ за стилъ,
Зачала частувать;
Зачала багачеви шпирту давать.
«Прошу-жъ покорно, выпыть соби;
Якъ ты своему братови рада,
То выпьешъ до дна».
Могла вона выпыть.
Выпывъ и багачъ.
Дае брату.
Братъ одвищае:
«Якъ ты рада братови,
То выпьешъ до дна».
Могла вона выпыть.
Каже: «просю-жъ покорно;
За 'днею не закусюють,
А выпыйте й по другій».
Одвища багачъ:
«Из-воль-те»!
Стала багача частувать.
«Якъ ты рада братови,
То выпьешъ до дна!»
Могла вона выпыть.
Выпывъ и братъ.
Выпылы такымъ родомъ и по третій.
«Прошу-жъ покорно обидать».
Обидавъ багачъ,—покы наивсь.
Штовхнувъ попугайло багача;
Той прыкынувсь пьянымъ!

Штовхнувъ попугайла въ потылыцю,
Хватнувъ за волосья!...
Перекынувъ черезъ стилъ!..
Ногамы то-о-пче!..
Зачавъ ему на голови быть полумыскы,
Пляш-кы
Й чаркы!
Сестри жалко стало.
Стала вона багача цилувать.
За рукы хватае.
«На тоби срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,
Тилькы не знущайся зъ мого брата попугайла»!
Надила вона ёму на шыю
И запхнула за пазуху.
«Иды ты, багачу, на ынше царство
На десяте государство!
Де ты соби вподобаешъ,—
У якимъ прысадьдя хорошс
И степъ шобъ добрый.
Скажы соби:
Срибный ключыкъ повернысь,
Золотый верчыкъ одимкнысь,—
Стане тоби велыке багатство».
Зійшовъ багачъ на одного царя царство.
Степъ добрый,
Сады хороши;
Ставы добри.
Выйшовъ винъ на крижъ,
Сивъ коло саду надъ ставомъ.
Знявъ верчыкъ,
Поставывъ мижъ колиньмы.
«Срибный ключыкъ, повернысся,
Золотый верчыкъ одимкнысся»!
Срибный ключыкъ повернувсь,
Золотый верчыкъ одимкнувсь.
Якъ зашумлять дома-а!..
Пидъ самымъ золотомъ:

Дванадьцять нынбаривъ изъ срибромъ и златомъ!
Якъ зашумилы гурта
Й ста-да-а!
Й черидкы свыне-е-й!..
Люды розсыпнулысь по царстви косыть
И жать
И весь хлибъ прыбирать!.
Уставшы зъ верчыкомъ,
Пишовъ у золоти дома,
У нынжнихъ домахъ печетьця й варытьця,
Въ середнихъ домахъ—нынкамы й наидкамы стилъ наповняетьця!
Въ самыхъ выщихъ тилько прогуляеть [1]).
Дывытьця въ викно скилькы стада й гурта степу засяглы.
Прыиздыть нарошный одъ царя зъ пакетомъ.
Розпечатавъ пакетъ. Прочытавъ.
Пыше царь:
«Шо ты таке?!
Де ты взялось?!
По моимъ царстви росполенывсь зъ стадамы,
Зъ гуртамы,
Зъ косарямы,
Зъ женьцямы!?!
Якъ ты не зійдешъ по добрій воли,
Такъ я те все выбью
Й въ ставахъ вытоплю».
Одпысуе багачъ царю,
Шо: «я радъ-бы зійты,—
Не могу зибрать!
Царь, роздывывшысь у пакетъ ёго, одпысуе:
«Подаруй мени те,
Шо въ твоеи жинкы е,—

---

[1]) Ото значыть у нынжёму этажи, у середньёму этажи и у верхнёму.

Я тоби найду таку бабку, шо збере».
А багачъ того й не знавъ,
Шо якъ одвивъ винъ свою жинку наймать до чоловика обременну,
Такъ вона, у наймахъ бувшы,
Родыла сына Ивася,
Такого, шо ни здумать, ни згадать,
А хиба тилькы въ казьци сказать:
По поясъ у срибли
А по поясъ у злати;
На грудяхъ звизда,
А на потылыци мисяць.
И рисъ винъ не по днямъ, а по часамъ,—
Не по часамъ, а по мынутамъ!
Багачъ, роздывывшысь у пакетъ,
«Шо-жъ у моеи жинкы е?!
Всёго-жъ я ришывся!...
Хиба тилькы шуба дорога осталась
Ну, хай соби бере шубу!
Абы тилькы жинка моя зосталась»!
Одпысуе царю:
«Нехай тоби те,
Шо въ моеи жинкы е,
Ну тилькы шобъ жинка моя».
Прыиздыть царь;
Прывозе бабку.
Стае бабка зъ колясы:
«А дава-а-й, багачу, верчыкъ!
А сида-а-й, багачу»!
Поставыла мижъ колиньмы верчыкъ.
Якъ крыкне!..
Якъ свысне!..
Такъ и зашумило у верчыкъ усе!
Якъ було въ верчыку все,
Такъ и виьять стало на мисти!
«Срибный ключыкъ повернысь,
Золотый верчыкъ замкнысь»!
Надила ёму на шыю

Й запхнула за пазуху.
Иды-жъ, багачу!
Де ты вподобаешъ соби,
Сядешъ,
Упьять буде тоби те,
Шо й тутъ було!
Пишовъ багачъ.
Стикы не йшовъ,
Прыйшовъ у свое царство
И сивъ на своему дворыщи.
Изьнявъ верчыкъ,
Поставывъ мижъ колиньмы:
«Срибный ключыкъ повернысь,
Золотый верчыкъ одимкнысь».
Якъ зашуми-и-ло!...
Шо тамъ було; те й тутъ е!
Осидлавъ коня
Й поихавъ по царстви своему оглядать стада й гурта.
«Чыи стада?»
— «Ивана багача».
«Чыи гурта»?
— «Ивана багача».
«Чыи отары»?
— «Ивана багача».
«Чыи косари»?
— «Ивана багача».
«Чыи женьци»?
— «Ивана багача».
«Це все мое», говорыть.
Иде назадъ до греблёвого млына.
Зостривае того чоловика,
Котрому жинку свою нанявъ.
Той чоловикъ пада на колина,
И здыймае шапку.
Багачъ здоровкаетьця:
«А шо?» каже:
«Моя жинка й доси у тебе служыть?«
«У мене: та вже дви недили наверхъ году;

Куды-жъ вона пидетъ?!»
«Поганяй-же до дому,
Та одсылай жинку въ мои дома».
Той чоловикъ уподовшъ кони!.. (бье)
Прыбигъ до двора!
Уихавшы въ двиръ, заразъ засыла жинку!
«Ступай! Ото твого чоловика дома!»
Бере маты сына за руку,
Йдуть до горныць.
Сынъ и каже:
«Мамо», говорыть,
«Я вже теперъ не вашъ,
Я вже подарованый царю».
— «Почимъ-же ты, сынокъ, знаешъ?»
«Такъ мени, мамо, Богъ давъ».
«Ну, що-жъ, сынокъ», говорыть,
«Не вже то твого отця дома?!»
Увійшлы въ ныжни дома—
Печетьця й варытьця.
Увійшлы въ середни—
Пыткамы й наидкамы столы наповняютьця.
У вышнихъ домахъ прохолажаютьця.
Дывлятьця въ викно:
Побачылы батька...
Сынъ и каже:
«Сховайте-жъ мене, мамо,
Якъ увійде батько, то будете пытать:
«Шо царю подарувавъ?»
Зачыныла сына въ кимнату.
Прыходыть батько.
«Оттеперъ я, жено, бага-а-тъ!!
Не такый, якъ тоди бувъ!!
Панство й царство я маю!!
И дванадьцять кынбаривъ срибра й злата!!»
— «Не рада я твоему панствови
Й царствови!..
Шо ты подарувавъ царю?!»
«Подарувавъ», каже: «ну, не знаю що:

Я тебе, жено, не подарувавъ.
— «Ось, шо ты, старый, подарувавъ!»
Одчынила кимнату: выходыть сынъ—
И горныци осіялы!!
Якъ ухватылысь за сына,
Та въ плачъ обое!
«Сыну-жъ мій, сыну!
Я-жъ подарувавъ, та й самъ не знавъ що!»
Сюды-туды, розважывъ сынъ батька й матиръ.
Сочынылы трехдневне гуляньня!
Пьють-гуляють,
Пыръ пыдіймають
До трёхъ сутокъ!
Трети суткы кинчають,
Говорыть Ивась:
«Готовте мени, тату, одиваньня».
— «Яке-жъ тоби одиваньня, сыну?»
«Скуйте мени симъ паръ черевыкивъ зализныхъ;
Скуйте мени семеро хлиба зализныхъ;
Скуйте мени симъ паръ ципкивъ зализныхъ,
Скуйте мени симъ паръ голокъ зализныхъ,
Пиду до царя на службу».
Прыказавъ багачъ ковалямъ,
Шобъ поробылы те, шо сынъ загадавъ.
Батько й маты въ плачъ!
Винъ, — сюды-туды, — 'бцилувавъ ихъ, розважа:
«Я хочъ и пиду, а таки не покыну васъ;
Прослужу, тай прыйду!
Попрощався сынъ;
Пишовъ служыть царю.
Пишовъ на ынше царство,
На десяте государство,
Черезъ трыдевьять земель!
Зійшовъ на перве царство:
Такый гадъ та черепахы лизуть!
Такый гадъ та черепахы,
Шо не можна й ногою ступыть!..
Симъ паръ ципкивъ побывъ,

А такы перейшовъ.
Зійшовъ на друге царство:
Таки гвиздкы та голкы!
Гвиздкы та голкы!
Убувъ зализни черевыкы.
Симъ паръ черевыкивъ вытоптавъ,
А такы перейшовъ.
Зійшовъ на трете царство:
Таке сонлыве!..
Та дримлыве!
Таке сонлыве!..
Та дримлыве!
Симъ паръ голокъ выломавъ, пидпираючы очи,
А такы перейшовъ.
Зійшовъ на четверте царство!
Такый холодъ
Та голодъ!..
Такый холодъ
Та голодъ!
Семеро хлиба зъивъ зализныхъ,
А такы перейшовъ
Зійшовъ на царя царство.
Доходыть до хаткы.
Сыдыть послужанка на кганкахъ.
«Слыхомъ слыхаты!
Подарунча въ вичи выдаты!
Чы по воли,
Чы по неволи?!»
— Ни, добрый молодець николы не ходыть по неволи,
А все по воли!»
— «Идить-же въ хату покушать,
Перепратьця,
Перебратьця,
Одпочыть
И речи поговорыть».
Напоила вона его, накормыла.
Роскынула перыны,
Спать положыла.
Злигъ Подарунча на руку:

«Вы по всякъ часъ у мого батюшкы царя на дворци буваете,
Вси ти порядкы знаете,—
Повыньни-бъ и мени сказать».
— «Я по всякъ часъ у дворци не буваю
И тыхъ порядкивъ не знаю;
Не могу и вамъ сказать;
А есть у мене сестра старша:
По всякъ часъ на дворци бувае,
Вси обряды знае,
Мусыть и вамъ сказать».
Подякувавъ и пишовъ.
Диходыть до другои хатки.
Выбигае послужанка на кганкы;
Впъять такъ-же:
«Слыхомъ слыхаты!
Подарунча въ вичи выдаты!
Чы по воли, чы по неволи?»
— «Ни, добрый молодець николы не ходе по неволи,
А все по воли».
«Идить-же у хату,—покушать,
Перепратьця,
Перебратьця,
Одпочыть
И речи поговорыть».
Роскынула перыны: положыла ёго спать.
Злигъ винъ на ликоть:
«Вы по всякъ часъ у мого батюшкы царя буваете,
Вси порядкы знаете,—
Моглы-бъ и мени розсказать».
— «Но-жъ, мій голубочокъ!
Не по всякъ часъ я въ батюшкы на дворци буваю
И всихъ тихъ порядкивъ не знаю,
Не могу й вамъ сказать,
А е въ насъ бабушка старушка;
Но всякъ часъ на дворци бувае,
Вси ти порядкы знае,

Отта можеть вамъ исказать».
Подякувавъ винъ и пишовъ.
Доходыть до третеи хаткы.
Выходыть бабушка старушка на кганкы:
«Шлыхомъ шлыхаты!
Подарунча ввичи выдаты!
Чы по воли, чы по неволи?»
— «Ни, бабусю,
Добрый молодець николы не ходе по неволи,
А ще все по воли!»
Пожалуйте, дытя, въ хатку,
Перепратьця
Й перебратьця,
Покушать, одпочыть
И речи поговорыть».
Напоила ёго, накормыла.
Перыну роскынула
И подарунча положыла.
Лигъ винъ на ликоть.
«Шо-жъ, бабусю!
Якъ тутъ дiетьця-ведетьця у мого батюшкы царя?
Вы по всякъ часъ на дворци буваете,
Повыньни й мени сказать».
— «Такъ, шыночку!
По всякъ часъ на дворци буваю
И вси обряды знаю
И тоби, моя дытыно скажу.
У твого батюшкы царя
Есть дочерей симдесятъ симъ
Ище й одна.
Иды-жъ ты, сыночку, на жовту косу коло моря,
А на тiй коси шелюгъ велыкый,
Та ты въ шелюзи й сядь.
Сыдитымешъ часъ,
Сыдитымешъ другый;
На третiй часъ поверне,
Прылетять симдесятъ симъ дочерей

И таки вродлыви,
Такъ берегъ и осяють!
Поскыдають воны вбраньнячка,
Побредуть у море на жовту косу
И попырынаютъ по трычи,
Уберутьця й полетять.
Ну, шобъ ты, дытыно, сыдивъ;
Не кынувсь до ихъ.
Сыдитымешъ ты часъ
Сыдитымешъ и другый
И выкопаешъ ямку пидъ кущемъ,
На третій часъ стане повертать,—
Прылетыть одна.
Не тилькы косу,
Й берегъ осяе!
И ты, сыночку, терпы.
Вона розберетьця
И побреде на жовту косу въ море.
И гляды-жъ, сынокъ:
Не пропусты.
Якъ первый разъ пирне вона въ воду,
Шобъ ты усьпивъ ухватыть ій вбраньнячко;
Сховай въ ямку,
Тай насядь.
То вона обмыетьця
Й выбредетьця!
Побачыть, шо нема вбраньня,
То вона й закрычыть:
«Якъ хто зъ старыкивъ пошутывь,
Такъ отець ридный!—
Тилко не шутить,
Вернить!»
Побижыть другый разъ.
Пирне; обмыетьця, выбреде,
Нема вбраньнячка.
«Якъ хто зъ жонатыхъ пошутывъ.
Такъ братикъ ридный!—
Вернить,

Не шутить!
Побреде и третій разъ:
Выбреде.
«Ахъ! Якъ хто зъ холостыхъ,
Такъ вирна моя дружына,
Тилько вернить,
Не шутить!»
Ты й отдай вбраньнячко.
Вона уберетьця
И тоди вже писля того скаже,
Шо тоби треба робыть».
Пишовъ винъ на жовту косу.
Вже тамъ такъ и було,
Якъ ему сказано.
Выйшовъ Подарунча зъ-за кунца:
«Панночко!
Возьмить озьде ваше вбраньня».
Вона прыбигла,
«Оберниться, другъ, покы я уберусь».
Убралася,
Забигла до ёго спереду;
Поцилувала;
И вродлыва така вона,
Що ій кращои и въ свити нема!
Взяла вона ёго за руку;
Сила на берези:
«Сыды-жъ ты тутъ, другъ мій,
А я полечу,
Та прышлю тоби срибный човныкъ,
Золоте веселечко.
Сядешъ ты у човнычокъ:
И хочъ яка буде погода
И валы котыть,
И нестыме винъ тебе у море;
Не бійсь!
Прыплыве човныкъ до зализныхъ воритъ.
И вдарыть нискомъ у зализни ворота.
Ворота одчынятьця,

Ланцюгы стрепенутьця,
Уси дзвоны заревуть
И царя батюшку пробудять.
Прыплыве човнычокъ до берега,
И злизешъ ты зъ човныка.
Буде стежка.
Будеть ясно и тыхо,
Шо нигде й витрець не дмухне.
Затопытьця въ симдесятъ симъ хатъ
Въ усихъ разомъ;
Дымъ зъ верхивъ такъ и слонятыметьця по всій деревни
И такъ туманомъ на море и покотыть.
И перестане курить у всихъ хаткахъ,
Такъ, якъ сокырою одруба.
Де визьметьця хмарка,
Заступыть сонце
И схопытьця сылна буря,
Ажъ дерева затрищать.
Оттоди въ моій хати затопытьця.
И ты замичай,
Шобъ та на мои покои попавъ!
У мене буде дымъ стовпомъ;
Шо хочъ яка буря,
По никуды въ бикъ не зибье,
Стоятыме, не схыбнетьця;
Шобъ ты на ти покои йшовъ».
Прыходыть винъ до кганкивъ.
Выскакуе вона зъ хаты;
Бере ёго пидъ руку;
Веде въ хату.
Напоила,
Накормыла;
Роскынула перыны,
Положыла ёго на спочывокъ.
«Гляды-жъ ты, каже», «Иване!
Бо скоро одъ батюшкы й слугы по тебе прыбижать
Не давайсь имъ на рукахъ несты тебе!

Бо дадуть табакы понюхать
То тоди погублять!» [1])
Тутъ пидъ викно бижать симдесятъ симъ слугъ.
„Иваня!
Ступай до батюшкы!“
Убравсь; выйшовъ винъ.
„Веливъ тебе батюшка на рукахъ несты“.
— „Вонъ, свыни!
У васъ не стане й нигъ по мене ходыть,
Не тилькы мене на рукахъ носыть!“
Слугы самы между собою й кажуть:
„Тай цуръ ёму;
Нехай самъ иде;
Намъ ше й лучче“.
Идеть у батюшчынъ двиръ.
Стоить батюшка на кганкахъ.
„Заразъ мое Подарунча на рукахъ у покои несты!“
Кынулысь до ёго на рукы брать,
Винъ до ихъ зъ кулакамы:
„Вонъ, свыни!
Я стикы царствъ перейшовъ,
Та нихто мене на рукахъ не носывъ,
А тутъ я й самъ до батюшкы дійду!“
Входыть въ покои;
Цилуютьця,
Мылуютьця,
Гуляють цилый день до вечера!
У вечери крыкнувъ батюшка:
„Есть у мене дочерей симдесятъ симъ!
До которои любля на рукахъ однесты!“
Кынулысь слугы до ёго,
А винъ до ныхъ!
„Вонъ, свыни!
Я стикы царствъ перейшовъ,
Та нихто мене на рукахъ не носывъ,

[1]) Царь—винъ бувъ не хрещеный, а вона була хрыщена водою и духомъ.

А тутъ я вже на стару кватырю й такъ дійду!
Въ васъ не стане нигъ и ходыть по мене,
Не тилько на рукахъ носыть!"
Выйшлы слуги за двиръ:
„Одъ сучый сынъ!
Де винъ узявсь!?
Якъ бы ёго пидговорыть!?
А въ насъ батюшка строгый!
Шобъ ёму голову батюшка знявъ".
Прыйшлы до царя:
„Отъ, батюшка!
Подарунча зъ вамы ныло та гуляло,
Та вамъ и правды не сказало!
— „Якъ", говорыть, „слугы?"
„Та такъ!
Якъ выйшовъ за двиръ,
Тай каже намъ:
Я якъ-бы схотивъ добро батюсьци зробыть,
Такъ я-бъ у ёго въ двори таку крыныцю выкопавъ до свита,
Шо луччои-бъ воды не було-бъ и по всимъ царству!
Одна-бъ цямрына була-бъ золота,
А 'дна срибна
И срибный звидъ,
Золоте цеберечко
— „Завернуть ёго заразъ сюды!"
Догналы.
„Иваня!
Вернысь до батюшкы!"
— „Зачимъ, батюшка, требуете?"
„Якъ-же мени тебе не требувать?!
Шо ты въ мене пывъ-гулявъ,
Та мени й правды не сказавъ!
Та чор-зна кому—слугамъ моимъ говорывъ,
Шо якъ-бы я схотивъ добро зробыть,
То таку крыныцю выкопавъ-бы,
Шо й у царстви луччои воды не було-бъ;
Одна цямрына срибна,

Друга золота;
Срибный звидъ,
И золоте цеберечко".
— „Якъ-же можна, тату,
Шо-бъ за 'одну ничъ отаке мигъ-бы одынъ чоловикъ зробыть!?"
„Ну, гляды, сынку!
Тоби день,—мени ничъ,
Тоби голова зъ пличъ!"
Пишовъ одъ царя.
Иде й плаче.
„Отъ колы вже пропавъ"!..
Якъ угледила у викно вона,
Шо винъ плаче,
Бижыть, цилуе!
„Зачимъ ты, серденько, плачешъ?"
— „Якъ-же мини не плакать,
Шо мени тилько до завтрёго й жыть!"
„А, Боже мій!...
Та кажы скорій,
Не мучъ мене,
Шо тамъ тоби батюшка казавъ?"
Хватыла ёго пидъ плече,
Увела въ хату.
Посадыла въ кинци столу:
„Кажы серденько, шо тамъ таке?"
„Пидговорылы слугы,
Шо я могу за 'дну ничъ до свита выкопать таку крыныцю,
Шо й у всимъ царстви нема такои!
Шо-бъ срибна и золота цямрына,
Срибный звидъ, золоте цеберечко!"
„Це мени, серденько, й за вухомъ не свербыть!
Шо тоби батюшка не загадае,—не журыся!
Иды до мене,—я тоби все зроблю!
А то ты мене якъ ножемъ пробываешъ!
Сидай—вечеряй, та лигай спаты".
Силы, повечерялы; роскынула перыну: положыла— прыспала.

Встала тыхесенько, такъ якъ у глупу ничъ;
Хватыла кныгу: выйшла на кганкы.
Якъ крыкне!
Якъ свысне!
„Слугы мои мыли!
Слугы мои люби!
Станьте передо мною,
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить-же!
Шобъ була у двори крыныця выкопана,
Шобъ луччои и въ царстви не було!
Шобъ була одна цямрына золота, одна срибна,
Срибный звидъ и золоте цеберечко!“
Якъ налынулы!
Той копа,
Той джерела пуска,
Той серебрыть!
Той золотыть,
Другый тоже кладе цямрыну,
Третій звидъ становыть
И цеберечко виша.
Такъ якъ переказавъ,—
Такъ воны й зробылы!
Вона раненько встала,
Снидать зготовыла;
Позбудыла;
Напоила,
Накормыла;
На свитаньни дала ёму топорець
И чотыри гвоздыкы.
„Иды-жъ ты до крыныци,
Тай ходы кругомъ,
Тай стукай обухомъ,
Нибы майструешъ.
Якъ выйде батюшка на кганкы,
Забый гвоздь на схидъ сонця на зрубови,
Й другый на захидъ,
А ти на тыхъ вуглахъ,—будто навхрестъ,

Такъ якъ и хрестъ положеный,—
Бо й тоби достанетьця воды тыи пыть".
Выйшовъ батюшка на кганкы;
Той бье гвозьди навхрестъ.
Крычыть батюшка!
„Слугы мои люби!
Слугы мои мыли!
Несить мое подарунча на рукахъ!"
Слугы кынулысь до ёго:
Винъ до ихъ зъ сокирою
„Вонъ, свыни!
Въ васъ не стане и нигъ по мене, ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть!
Я й самъ до батюшкы зійду!"
Любуе батюшка въ сынови,
Шо винъ сповнывъ свое дило.
Пьють, гуляють,
Пыръ пидіймають.
Бере ёго батюшка за руку,
Веде до крыныци;
Любуе въ крыныци,
Любуе въ зрубови.
И въ своди
И въ цебри.
Пьють гуляють до вечора.
У вечери крыкнувъ батюшка на слугы:
„Есть у мене дочерей симдесятъ симъ!
Однесить на рукахъ до которои люблю!"
„Тату! я ще младъ, зеленъ до дивокъ;
Мени треба вчытьця робыть.
Я онъ стикы царствивъ перейшовъ,
Та не оддыхавъ и доси.
Пиду на стару кватырю,—хочъ оддыхну".
„Слугы мои люби!
Слугы мои мыли!
Однесить подарунча на рукахъ на стару кватырю!
Тилькы слугы до ёго,
А винъ зъ сокырою до ихъ!

„Вонъ, свыни!
Въ васъ не стане й нигъ до мене ходыть,
Не тилькы мене на рукахъ носыть!“
Выйшлы слугы за двиръ,
„А, та й бида“, кажуть „изъ цимъ подарунчамъ!
Улыкае, шо не стане нигъ ходыть!
Давай ёго пидскаржымъ ще не такъ;
А въ насъ батюшка строгый!
Оцёго винъ не може зробыть,
Шо мы ёго пидскаржымъ!“
Ускочылы до батюшкы слугы:
„Зъ вамы, батюшка, подарунча пыло та гуляло,
Та вамъ и правды не сказало,
А намъ казавъ отъ що,
Якъ выйшовъ за двиръ:
Я-бъ, каже, якъ бы хотивъ добро батюсьци зробыть,
То поставывъ-бы за 'дну ничъ ограду золоту;
У тій огради посадывъ-бы садъ
И всяку овощъ, шо въ свити е!
И до свита зацвите и одцвитетьця!
А якъ сонце зійде, усяка овощъ поспіе!
И на снидання самои первои овощи понисъ-бы батюсьци въ кошыку“.
— „Заразъ завернить ёго до мене“!
Завернулы.
„Зачимъ, батюшка?“
— „Шо-жъ, сынку!
Ты пывъ зо мною й гулявъ
Та мени й правды не сказавъ!?
А чор-зна кому, слугамъ, за дворомъ говорывъ,
Шо, якъ-бы, мовъ, хотивъ добро зробыть батюсьци,
То зробывъ-бы кругомъ двору ограду золоту ажъ до горыць!
А въ тій огради садъ насадывъ: що е въ свити разна овощъ;
До свита зацвите й отцвитетьця,
А якъ сонце зійде,—поспіе
И ты мени внесешъ у кошыку на сьниданьня“.

— „Не можно, батюшка, цёго зробыть!
Одно дерево росте годъ пьять,
Та й то не розцвитае!..
Шобъ за одну ничъ усяка овощъ прынялась и зацвила!?!“

„Ну, гляды, сынку!
Тоби день, мени ничъ,—
Тоби голова зъ пличъ.
Ты казавъ, шо крыныци не могу зробыть,
А про те зробывъ!?!
Ступай!“
Иде винъ и плаче.
Углядила ёго вона у викно,
Шо винъ гирко плаче,—
Бижыть,
Крычыть:
Зачимъ ты, серденько, такъ побываесься!?
— „Якъ-же мени не побыватьця?!
Тилько до свита й жыть мени!“..
„Не журысь!“
Хватыла ёго пидъ плече;
Ввела въ хату.
Посадыла на дзыклыку.
Кажы, серденько, шо тамъ таке?!
Яке тамъ тоби гирке слово сказано?!
— „Пидговорылы слугы, шо я могу ограду зробыть ажъ до горныць...
У тій огради понасажать ризнои всякои овощи, яка въ свити есть...
Шобъ цвила вона до свита.
А якъ сонце зійде,
Шобъ самои первои прынесты въ кошыку батюсьци на сьниданьня».
«Це въ мене, серденько, й за вухомъ оттуть не свербыть.
Сидай,—нумъ вечерять»!
Повечерялы.
Роскынула перыну;
Положыла й прыспала.
Встала потыхесенько глупои ночи;
Взяла книгу и выйшла на кганкы

Розгорнула книгу.
Якъ крыкне!
Якъ свысне!
«Станьте слугы передо мною,
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить!
Шобъ вы зробылы батюсьци ограду
Ажъ до самыхъ ворить!
А въ тій огради садъ насадыть,
Разнои овощи, що въ свити е,
Шо-бъ той садъ до свита одцвивсь,
И якъ сонце зійде—шобъ овощъ постала».
Воны якъ заходылысь!...
Той копа,
Той золотыть,
А той кладе ограду,
А той садъ садыть,
А ти цьвитъ чипляють,
Други отрусюють,
Та разну овощъ навишують,
Що е въ свити!
Якъ я це переказавъ,
Такъ це дило зробылы.
Избудыла ёго раненько!
Напоила, накормыла;
Дала ему кошыкъ:
«Идыжъ ты у садъ,
Вырвы овощи,
Та котори червыви,
Выкыдай за ограду».
Сонечко зійшло.
Выйшовъ батюшка на кганкы,
Якъ крыкне на свои слугы!
«Слугы мои мыли, слугы мои люби!
Заразъ мени подарунча зъ овощу на рукахъ у горныци внесты!
Кынулысь до ёго: «вонъ свыни!
Въ васъ не стане и нигъ по мене ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть»!
Нарвавъ первои овощи и несе батюсьци на сниданьня.

Любуетьця батюшка въ сыну.
Любуетьця въ саду и въ ёго овощи,
Любуетьця въ ёго крыныци, и въ зводи и въ цебри.
Пьють, гуляють,
Пыръ пидіймають до вечера:
Ввечери крыкнувъ батько:
«Есть у мене дочерей симдесятъ симъ!
Однесты ёго на рукахъ до которои любля».
«Тату! Я младъ зеленъ по дивкамъ!
Треба вчытьця робыть!
Я скилькы царствивъ перейшовъ,
Тай доси не 'ддыхавъ!
Тай у васъ ставъ,
То мени, тато, покою не дававъ!
Пиду на стару кватырю,—оддыхну».
«Слугы мои мыли, слугы мои люби!
Однесить мое подарунча на рукахъ на стару кватырю».

Кынулысь слугы до ёго,
А винъ до ихъ съ кулакомъ;
«Вонъ, свыни!
Въ васъ не стане нигъ по мене й ходыть,
Не тилько мене на рукахъ носыть»!
Выйшлы слугы.
«Ну, бида съ цымъ подарунчамъ!
Прыйдетьця пропадать!
Шо не пидговорымъ, то все й зробе!
А ходимъ ще пидговорымо,—
Цёго вже не зробе.
Ввійшлы до царя:
«Батюшка!
Отъ у васъ подарунча ныло-гуляло,
Та вамъ и правды не сказало,
А выйшовъ за двиръ, то намъ говорывъ:
Я якъ-бы, каже, схотивъ добро зробыть батюсьци,
Такъ поставывъ-бы у тій ограды монастырь такый,
Шо ниде такого нема!
Поставывъ-бы й дзвиныцю!
Шо буде само въ монастыри правытьця
Й чытатьця,
Шо слидуе,

А на дзвиныци само буде дзвонытьця!
Одъ монастыря изроблю помистъ ажъ до горныць,
И сонце зійде,
Увесь садъ зацвите
И ризни птахы защебечуть,
А йтыметь батюшка до монастыря,
Сами дзвоны ревтымуть».
«Завернуть его сюды!
Шо-жъ ты, сыну, пывъ-гулявъ,
Та мени й правды не сказавъ,
Та, абы кому,—слугамъ!
Ты казавъ, шо якъ-бы зхотивъ мени добро зробыть,
То въ огради-бъ поставывъ монастырь и дзвиныцю,
А 'дъ манастыря помистъ ажъ до горныць!
Ну, гляды, сыну!
Тоби день,—мени ничъ!
Тоби голова зъ пличъ!
Ты говорывъ, шо крыныци не зробышъ,
А проте зробывъ!
Ты казавъ, шо й саду не насадышъ,
А проте насадывъ,—
То зробышъ и манастырь»!
Иде винъ и плаче.
Побачыла вона у викно, шо винъ плаче,
Бижыть,
Крычыть,
Рукы ломыть!
«Зачимъ ты, серденько, такъ журысься»?!
«Якъ-же мени не журытьця,
Якъ мени тилькы до свита жыть»!
Бере вона его пидъ руку, веде въ хату:
«Нумъ сидать вечерять;
Це мени й за вухомъ не свербыть».
Повечерялы. Ляглы спать.
Встала въ пивничъ;
Взяла кныгу;
Выйшла на кганкы.
Якъ крыкне!
Якъ свысне!

«Слугы мои люби!
Слугы мои мыли!
Станьте передо мною,
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить:
Шобъ-бъ вы зробылы у батюшкы въ огради манастырь
И дзвиныцю;
Шобъ у манастыри само правылось
И чыталось;
На дзвиныци шобъ сами дзвоны дзвонылы.
И 'дъ дзвиныци шобъ бувъ помистъ изробленый
Ажъ до батюшчыныхъ покоивъ.
Якъ до манастыря йты,—
Шобъ увесь садъ зацвивъ якъ снигъ
И шобъ ризни птахы въ саду щебеталы».
Якъ заходылысь!
Той ставе!
Той верхы зводыть!
Той дзвиныцю зачынае!
Другый уже дзвоны чипляе!
Ти тоже птахы наганяють!
Други тоже цвиты чипляють!
А ти помистъ кинчають!
Дило зроблено!
Избудыла вона подарунча раненько;
Дала ёму топорець и два гвозьди:
«Иды-жъ ты до манастыря
И ходы по помосту съ кинця въ кинець.
Якъ выйде батюшка на кганкы,
То забый гвоздь на схидъ соньця
И на западъ соньця».
Выйшовъ батюшка на кганкы:
Якъ крыкне на слугы!
«Слугы мои люби, слугы мои мыли!
Несить мое подарунча на рукахъ»!
Слугы кынулысь до ёго:
«Во-о-нъ, свыни!

У васъ не стане й нигъ по мене ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть»!
Любуетьця царь усимъ:
Любуетьця въ ёгo крыныци
И въ зводи й цебру;
Любуетьця въ сади
И въ огради;
Любуетьця въ манастыри и дзвиныци;
Любуетьця въ цьвитови и въ птыци.
Пьють, гуляють,
Пыръ пидіймають
До вечера.
«Есть у мене дочерей симдесятъ симъ;
До которои любля однесить подарунча на рукахъ».
«Батюшка! Я ще молодъ-зеленъ до дивокъ!
Треба вчытьця робыть!
Я стикы царствивъ пройшовъ, та ниде не 'ддыхавъ
И до васъ прыйшовъ, – нема покою!
Дайте мени покой,—пиду хочъ на стару кватырю».
«На рукахъ однесты подарунча».
Кынулысь до ёго.
«Вонъ, свыни!
Въ васъ не стане нигъ по мене ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть»!
— «Ну, бида намъ зъ цымъ подарунчамъ!..
Прыйдетьця пропадать!..
Не дай Богъ стикы ёго на рукахъ носыть,
Якъ ще до ёго й ходыть»!
Выйшлы за двиръ:
«Дайте ище разъ пидговорымъ!
Цёго вже не може зробыть»!
Та назадъ до царя!
«Отъ батюшка!
Зъ вамы подарунча пыло та гуляло,
Та вамъ и правды не сказало!
А намъ выйшло за двиръ, тай хвалытьця:
Я якъ-бы хотивъ батюсьци добро зробыть,
То е въ батюшкы лисъ

Сорокъ верстъ довжыни,
А сорокъ верстъ шырыни!
То я могу той лисъ выполоть
И засіять конопли;
Уродять конопли,—
Я ихъ могу выбрать
И помолотыть,
И помочыть,
И вытягать,
И помнять,
И потипать,
И попрясты,
И невидъ выплесты,
И кутъ моря закынуть,
И батюсьци рыбкы на сниданьня враньци прынесты!
«Заразъ завернуть мени ёго»!
Догналы слугы Ивася.
«Вернысь до батюшкы».
«Шо-жъ ты, сыну»?!
Пывъ—гулявъ,
Та мени й правды не сказавъ!?
Та абы-кому,—слугамъ?!
Ты казавъ, шо я могу добро батюсьци зробыть.
Есть у батюшкы лисъ
Сорокъ верстъ довжыни
Й шырыни,
То я ёго выполю
Й складу,
Й насію конопель,
Й выберу конопли,
Й помочу,
Й вытягаю,
Й потипаю,
Й помну,
Попряду,
Й невидъ выплету,
Й кутъ моря закыну.
Батюшсьци рыбкы на сниданьня вытягну".

— „Неможна, батюшка, цёго зробыть!
Одного дуба буде до свита зъ корнемъ тягты,
А не ввесь лисъ сполоты!!“
„Ну, гляды, сыну!
Тоби день, мени ничъ;
Тоби голова зъ пличъ!“
Пишовъ винъ плачучы:
„Отъ колы я пропавъ!
Отцёго вже й вона не може отгадать“!..
Углядила, шо йде винъ плачучы,—
Бижыть,
Цилуе,
Мылуе.
„Зачимъ ты, серденько, такъ гирко плачешъ?“
— „Якъ же мени, серце, не плакать,
Шо мени тилькы до свита й жыть!“
„Кажы скорише,
Що тамъ таке?
Чимъ тебе обидылы?!“
„Та якъ-же, каже,
„Пидскаржылы слугы,
Шо я могу сорокъ верстъ шырыни,
Сорокъ верстъ довжыни
Лису выполоть!..
Выполовыны, посіять конопель!
Шобъ выбрать
И помолотыть...
Потипать
И попрясты...
Сплесты невидъ
И кутъ моря закынуть,
Батюсьци рыбкы на сниданьня ніймать!“
„Це мени, серденько, и за вухомъ не свербыть!
Нумъ вечерять, та лягать спать“.
Встала вночи потыхесеньку.
Взяла кныгу,
Выйшла,
Розгорнула,

Якъ крыкне!
Якъ свысне!
„Слугы мои мыли!
Слугы мои люби!
Стать передо мною
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить-же,
Шобъ вы выпололы въ батюшкы лисъ.
Сорокъ верстъ довжыни
И шырыни!
И насіять конопель!
Выбрать
И помолотыть!
Помочыть
И вытягты!
Потипать
И помнять!
Попрясты
И невидъ выплесты!
И кутъ моря закынуть,—
Батюсьци рыбкы на сниданьня піймать!
Якъ налынулы!..
Якъ тьма!!...
Имъ и по дубку не стало!..
Спололы й склалы въ купы!
Той заходе,—конопли типа!..
А зъ другого краю заходе,—вытяга!
Той симъя обмына!
А зъ другого краю заходыть,—мочыть!..
А той бере вытяга!..
А той бере, типа!
А ти беруть, мнуть;
А ти прядуть!
А ти невидъ плетуть!
А ти вже затягають кутъ моря!
Повный невидъ рыбы нагналы.
Збудыла ёго раненько.
Дала ёму найстаршый цыганьськый молотъ

И два пáколы зализныхъ:
„Иды-жъ;
Та не злякайсь нечыстои сылы,
Бо й ты тоже лыцарь.
Якъ тягтымуть невидъ
То ты визьмысь за 'дно крыло,
Та пидтягнешъ.
Пáкиль забьешъ,
Тай обмотаешъ (невидъ);
Та пидешъ и до другого крыла;
Бо пивни якъ заспиваютъ,
То воны втечуть,
Те крыло й самъ вытягнешъ потроху,
Покы розвыднытьця".
Вытягъ невидъ на сухе;
Узявъ соби рыбкы стикы треба ёму,
А ту вывернувъ у воду;
А невидъ роскынувъ на берези.
Прыйшовъ до неи.
Бижать слугы:
Несы, Иваня, батюсьци рыбкы на блюдьци"!
Понисъ.
Изжарылы й поилы.
Пьють, гуляють,
Пыръ пыдіймають
До вечера.
У вечери скрыкнувъ царь:
„Слугы мои мыли!
Слугы мои люби!
Есть у мене дочерей симдесятъ симъ!
Возьмить однесить подарунча
До которои любля!"
— Батюшка!
Дайте-жъ мени оддыхнуть хоть одну ничъ.
Отколы я прыйшовъ, то мени й покою не було!"
— „Ну, пожалуй!
Ступай оддыхать.
Есть у мене дочерей симдесятъ симъ
И ище й одна!"

(Отъ ажъ колы сказавъ, що симдесятъ симъ
Ище й одна!)
„Готовся завтра къ винцю.
Годи тоби вчытьця робыть".
Иде винъ и сьміетьця.
Якъ здума,—то й засміетьця.
Вглядила вона въ викно, що винъ веселый:
Бижыть ёму назустричъ,
„Що тобі, серце, такъ прыйшлось,
Що ты веселый?"
— „Казавъ батюшка,—„завтра до винця готовытись".—
„Кого-жъ винъ тоби назначывъ брать?"
— „Та я никого не хочу, окримъ тебе.—
„Э ни, серце!
Винъ такъ зробе,
Що ты мене не пизнаешъ".
Каже: „ни, пизнаю".
И заспорылыся воны за те саме
Що: „не пизнаешъ".
— „Обчимъ-же я тебе не пизнаю?"
„Обтымъ не пизнаешъ,
Що намъ батько дасть мазкы усимъ однакови",
На одынъ выдъ уси.
Потимъ ты мене й не пизнаешъ.
Прыбравшы такъ,
Винъ насъ поведе въ манастырь,
Поставыть у кругъ,
И тебе впхне въ середыну,
А самъ стане зъ боку
И буде дывытьця.
И ты будешъ пизнавать де твоя.
И шобъ три раза на одну вказавъ,
А не вгадаешъ,
Тоби день,—ему ничъ,
Тоби голова зъ пличъ".
— „Такъ ты-жъ скажы, серденько,
Шобъ я вгадавъ
„Якъ буде первый разъ весты
И впхне тебе въ середыну,
То ты будешъ по головамъ дывытьця:
Голова до головы перепускатымешъ (очыма),

То якъ прыйдешъ протывъ мене,
То въ мене муха злетыть посередъ головы;
Облетыть тричы вкругъ головы
И сяде впьять на голову.
А въ друге винъ дасть уньять друге лыце
И друге вбраньня.
И впьять ты мене не познаешъ.
Якъ упхне тебе въ середыну,
То ты дывыся по ногахъ:
Черевыкъ черезъ черевыкъ перепускай;
Якъ прыйдешъ протывъ мене,
То въ мене съ черевычка выбижыть мышка
И оббижыть тричы вкругъ черевыка;
Нихто того не побаче,
Тилькы ты побачышъ.
То впьять же поведе до дому
И дасть намъ трете лице
И трете вбраньня.
Впьять-же ты не пизнаешъ.
Якъ упхне тебе въ середыну,
То ты будешъ плече черезъ плече перепускать,
Плече черезъ плече;
То я зъ пидъ правого плеча выпустю сокола,
Нихто не вглядыть
А ты вглядышъ.
Отеперъ нумъ лигать спать,
Та не забувай, шо я тоби розсказала".
Всталы раненько.
Зготовыла вона страву,—
Поснидалы.
Бижять слугы:
„Ступай, Иваня; батюшка кличе".
Прыйшовъ Иваня.
Ззывае батюшка симдесятъ симъ дочерей
Ище й одну;
Бере ихъ у горныцю,
Дае имъ усимъ однакове лыце
И однакове гарне вбраньня на всихъ.
Веде въ манастырь,
Становыть у кругъ,
Утягае въ середыну Иваню,

Стае самъ збоку:
„Пизнавай, сынокъ, де твоя“.
Стоять уси,
Якъ одна маты народыла.
Иваня перепускае голову черезъ голову,
Голову черезъ голову,
Голову черезъ голову;
Прыйшовъ проты неи:
Взлетила муха середъ головы
И облетила кругъ головы трычи.
„Оце, батюшка, моя“.
— „Беры; веды ии въ домъ“.
Прыйшлы въ домъ,
Давъ имъ друге лыце
И друге вбраньня зелене.
Повивъ у манастырь,
Поставывъ у кружокъ:
„Пизнавай сыну: де твоя?
Угадаешъ,—твоя буде,
Не вгадаешъ,—
Тоби день, мени ничь,
Тоби голова зъ пличъ“.
Винъ перепускае нога черезъ ногу,
Нога черезъ ногу;
Прыйшовъ проты неи;
Выбигла мышка зъ черевыка,
Нихто й не вглядивъ, —тилькы винъ
„Оце, батюшка, моя“.
„Ну, беры,—веды въ домъ“.
Прыйшлы вси въ домъ.
Дае царь трете лыце
И червоне вбраньня на всихъ.
Увивъ у манастырь;
Поставывъ у кружокъ;
Упхнувъ ёго въ середыну,
„Угадай, де твоя?
Угадаешъ,—твоя,
Не вгадаешъ,
Тоби день,—мени ничъ,
Тоби голова зъ пличъ“.
Винъ якъ узявъ перепускать плече черезъ плече!

Обійшовъ кругомъ
Не пустыла сокола спидъ плеча.
„А де, сынку, твоя“?
— „Та постой“, каже;
„Ше не пизнавъ“.—
„Ну, пизнавай“.
Обійшовъ и другый разъ:
Перепуска плече черезъ плече;
Такъ уже перепуска!
Обыйшовъ до краю,—
Не пустыла сокола.
Ставъ—дума.
«А де, сынокъ, твоя»?
— «Не пизнавъ ще».—
«Пизнавай»!
Винъ перепуска плече черезъ плече, —
Трусытьця!
«Отъ пропавъ»!
Обыйшовъ одъ краю до краю,—
Не пускае сокола.
Стоить, побиливъ якъ стина.
«А що, сынокъ! Де твоя»?
— «Нехай идуть съ кружка до дому!
Я скажу на ходу де моя».
Пустылысь иты въ дверы.
Вона все огынае, все огынае!..
З-заду, да з-заду!
Доходыть до дверей;
Пустыла зъ пидъ правого плеча сокола.
Винъ доганяе,—хватае,
«Оце, тату, буде моя».
— «Ну, бе́ры, тай веды, якъ твоя».
Прыйшлы до дому
Розибравъ;
Тоди упизнавъ, що вона.
Заразъ прызвавъ священыка зъ другои слободы;
Перевинчавъ ихъ священыкъ у манастыри;
Отгулялы весильля.

Зоставля царь ихъ у себе на жытельство.
Жывуть воны соби недилю;
Жывуть и другу.
Вона ему й каже:
«Просыся у батька на Жовту косу
На кутъ моря;
Хай поставыть тоби хатку,
То мы будемъ тамъ мешкать.
И поминяйся ему неводомъ рыбу ловыть,
Жадного ранку на сниданьня носыть».
Любуётьця царь у сыну
И въ ёго крыныци
И въ цебру, и въ зводу:
Радуетьця въ ёго ограды, и въ саду,
И въ манастыри, и въ дзвиныци.
Просытьця сынъ на Жовту косу
На кутъ моря
Поставыть хатку,—тамъ мешкать,
Неводомъ рыбку ловыть
И царю на сниданьня доставлять.
Царь зъ радистю згодывся.
Якъ узявъ ту хатку ставыть,
То пъять мисяцивъ ставывъ!
«Шо якъ-бы тоби, сынокъ, оцю хатку становыть!?
Ты-бъ ій за 'дну ничъ поставывъ;
Ну якъ я—такъ пьять мисяцивъ ставлю»!
Выславъ ихъ туды мешкать;
Прыручывъ ёму два косякы коней глядить
И шобъ ловывъ неводомъ рыбку для жадного ранку.
Жывуть воны й стараютьця:
На жаденъ ранокъ завжде рыба е.
Що ранку слугы прыбигають
И Йваню звищають,
Шобъ нисъ батюсьци рыбкы на сьниданьня.
Ходе разъ Иваня по двору
Й гирько заплакавъ!
Жинка въ викно вглядила:
Вхватыла пидъ плече:

Ввела въ хату,
Зачала пытать:
«Прызнайся, другъ Иваню,
Чого ты такъ гирко заплакавъ»?
Ивась не прызнаетьця.
Вона ще дужче за ёго беретьця.
Винъ и прызнавсь:
Есть у мене отець и маты;
Та тилько далеко!
Видсиль не выдаты»!
— «Ты-бъ мени й давно такъ сказавъ!
То вжé треба одъ злыхъ духивъ утикаты!
Прыжены, Иваню, коней,
Та зажены въ загинъ;
Та беры стару кобылыцю,
Та веды ихъ до конюшни,
Та дай имъ корму,
Та поготовъ на ихъ зброю, —
Будемо у вечери втикаты».
Прыготовыла харчи,
А винъ посидлавъ кобылыци.
Увъязалы харчъ въ торокы.
Клыкнула ёго въ хату:
„Плюй у табатырьку“.
Наплювалы винъ и вона.
Поставылы табатырку на викно.
Замкнулы двери;
Силы й поихалы.
Йидуть цилу ничъ.
Уже й сонце сходе.
Прыбигають слугы —
Двери заперти.
Озываютьця пидъ викно:
„Ива-ня!
Несы батюсьци рыбкы на блюдце“.
— „Заразъ-заразъ“ [1])!

[1]) Отвѣтъ изъ табатырькы разсказчикъ выговаривалъ такимъ тоненькимъ и писклявымъ голосомъ, какъ въ кукольномъ театрѣ го-

Побиглы слугы.
Ждуть ждуть,—нема!
Крычыть царь:
«Якъ вы будылы?!
Винъ цилу ничъ бовтавсь у води,
То спыть дуже!
Чомъ вы ёго не збудылы»!?
Прыбигають слугы втрете:
«Ива-ня»!
— «Чо-го-о»?
«Несы батюсьци ры-бкы на блюдце»!
«Заразъ-заразъ»!
Ждуть-ждуть,—не 'дчыня.
Давай быть двери!
Увійшлы въ хату;
Шукають, нема!
Шукають на печи!..
Шукають по пидъ кроватью!
Шукають у комени!
Шукають скризь!—Нема!
Сталы середъ хаты:
„Ива-ня“!
А воно въ табатырци:
„Чо-го-о“?
„Несы батюсьци рыбкы на блюдьци“!
— «Заразъ-заразъ»!
Ажъ табатырка ходыромъ ходыть!
Вглядилы та табатырку схватылы,
Тай побиглы до царя.
„Нема Йвася, нема й жинкы, втеклы!
А озываеться тилькы табатырка на викни“!
— „Летить же, — доганяйте ихъ“!
А Ивась зъ женою далеко вже булы!
Сонце спидъ обидъ,—

ворять вмѣсто куколъ посредствомъ пищика. Даже еще болѣе тоненькимъ и миніатюрнымъ голосомъ, если можно такъ выразиться, и притомъ выговаривалъ скоро.

Глядь!—летять!..
Перекынула вона кони полынемъ,
А сама пшеныцею,
А Йвася зробыла женцемъ
И дала ёму серпъ у рукы:
„Ходы-жъ ты кругъ пшеныци;
Та не ижъ,
А все нибы прымиряеться жать“.
Добигають симдесятъ симъ:
„А здоровъ тоби, женче!
Чы ты не бачывъ:
Не ихалы чоловикъ та жинка“?
— „Ни“, каже, „бачывъ“.
Каже „тоди якъ оцю пшеныцю сіявъ“.
„Гe-ге! Куды намъ ихъ догнать!?
Колы сіявъ,
А теперъ уже треба жать“!
Вернулысь.
Полынь ставъ конемъ,
Пшеныця молодыцею,
А жнець ставъ молодець—
Силы й поихалы.
Прыбигають слуги до царя
„Гонылысь-гонылысь,—не догналы!
Тилькы й найшлы женця.—
Почынавъ жать пшеныцю.
Такъ мы ёго спыталы:
Чы не бачывъ, шобъ ихавъ чоловикъ та жинка парою киньмы?
Каже—бачывъ, поихалы.
Давно?
Винъ сказавъ:
Якъ пшеныцю сіявъ.
Куды-жъ намъ ихъ догнать
Якъ уже почына жать“?!
— „А-ай, дурни вы, слуги!
Було-бъ женця звъязать,
А пшеныцю вырвать

Ото сами воны й булы!
Бижить же!
Якъ застанете,—ёго звъяжить.
А пшеныци вырвить".
Прыбиглы.
Женця теперъ и пшеныци не стало.
Летить у погонь ще.
А Ивась зъ жинкою далеко вже въихалы
Оглянутся,—бижать!
Зробылась вона крыныцею,
А кони вербамы;
Ёго зробыла ченцемъ
И дала ёму копаныцю,
Шобъ винъ вкругъ крыныци обкопувавъ.
Прыбигають слугы:
„Здоровъ тоби, ченче!
Шо ты робышъ"?
„Та хочу крыныцю видчыныть;
Зрубъ погныввъ".
„Чы ты не бачывъ,—
Не ихалы чоловикъ та жинка"?
— „Ни", каже, „бачывъ"?
— „А давно-жъ ты ихъ бачывъ"?
— „Якъ цю крыныцю робывъ изнову,
То ихалы чоловикъ та жинка".
— „Э-э—ге-е!..
Годи намъ ихъ доганять!
Колы цю крыныцю робывъ,
А теперъ уже и зрубъ погныввъ"!
Вернулысь.
Прыихалы до царя.
„Не найшлы мы женця,
Нема й пшеныци,
А гналыся въ погонь,
Та найшлы тилькы ченця
Коло крыныци:
Мы ёго спыталы:
Чы не бачывъ, якъ ихавъ чоловикъ изъ жинкою?

И сказавъ – бачывъ.
А давно?
Тоди якъ крыныцю робывъ уновъ.
Такъ годи-жъ намъ ихъ доганяты"!
Царь сказавъ:
А-хъ, дуракы вы, слугы!
Годи вже васъ посылаты!
Треба самому политаты!
Було-бъ вамъ ченьця звьязаты,
Та 'дну зрубыну зорваты;
Та вербы по гылочци зломаты!
О-то саме воны й булы"!
Якъ зьнявсь!
Якъ полетивъ самъ!..
Ивась зъ жоною добираютьця вже до моря.
Оглянутьця,—летыть самъ!
Воны пошвыдче къ морю,
Пошвыдче къ морю!
Добиглы.
Сталы кони землею,
А вона вуткою,
А винъ селезнемъ
И поплывъ у море.
Царь роспалывсь!
Угнавсь!
Хотивъ ихъ на води похвататы;
Воны сталы у воду пирьнаты.
Якъ ухватыла вона ёго за ногы!
Винъ уже до того,
Шо ставъ потопаты!
Якъ вырвався на берегъ!
Зачавъ землю рубаты
И зачавъ ихъ кони пожыраты!
„А-ай щаслыви жъ вы,
Шо я въ другый разъ не полетивъ!
Я-бъ васъ не солячы поивъ"!
Переплывшы черезъ море,
Винъ ставъ молодцемъ,—

Вона молодыцею,
И пишлы по сухопутьтю.
Зійшлы на батькове царство.
Углядилы батькови дома пидъ самымъ золотомъ.
„Дывысь, жéно:
То мого батька дома.
Чы ты бачышъ“?
— „Бачу“.
„Слава Тоби Господы,
Що мы вырвалысь зъ нечыстого царствá.
Мижъ хрещеный мыръ“!
Идуть дальше.
Находять гурта
„Чыи гурта“?
„Ивана багача“.
Находять отары.
„Чыи отары“?
— „Ивана багача“.
Находять косаривъ.
„Чыи косари“?
— „Ивана багача“.
Находять женьцивъ.
„Чыи женьци“?
— „Ивана багача“.
„Оце, жинко, все мого отця“.
„Слава Тоби, Господы!
Ну шо-жъ, чоловиче.
Якъ прыйдемъ до твого батька,
То ты мене й забудешъ“.
— «Ни, не забуду».
— «Ни, забудешъ».
— «Ни, не забуду».
«Ни, забудешъ».
— «Ни, не забуду».
Дійшлы до двора.
Коло двора на горби велыкый молочáкъ.
Посидалы въ молочаци.
«А нарядю я тебе салдатомъ,
Пидешъ ты до свого отця:
Чы тебе пизнають отакъ»?
Нарядыла ёго.

Винъ прыходыть у домъ.
«Здрастуйте, старычокъ поштенный»!
— «Здрастуй, служывый».—
«Дайте воды напытыця».
— «А встань лышъ, стара,
Та дай салдатови попоисты;
Винъ може исты хоче,
Та пыть просе».
Стара встала,
Найшла варенычкивъ,
Найшла й сметанкы.
Посадыла ёго вкинци столу.
Сама лягла на полу.
Старый сыдыть, пыпе вконци столу.
Салдатъ нагрився;
Розстебнувсь и нахылывсь,—
Исть соби;
Пазуха розгорнулася.
Стара й вглядила звизду на грудяхъ;
Схопылася.
Ходе по хати;
Рукы ломе:
«Охъ!.. Охъ! О-о-хъ!
О-о-хъ! О-о-о-хъ!
Ста-рый!.
Ста-ры-й!
Ста-ры-ы-й!..
Иды лышъ у сины» [1])...
— «Та чого ты тамъ розстогналася»?
Выйшовъ у сины.
«Ста-рень-кый, ды-высь!...
Оце наша ды-тына прыйшла,
А ты й не ба-чышъ!
Ось иды, лышень, по-ды-вы-ся!
Я й звизду на грудяхъ вглядила»!
Старый пидходе до столу.
Якъ ухопытыця за голову!..
Якъ закрычять обое!..
Сынъ якъ прыскочыть до ихъ!..

[1]) Слова старои разсказчикъ выговаривалъ тихимъ и отчасти какъ-бы страдальческимъ голосомъ.

Общилувавъ ихъ!..
Облобызувавъ!
И розбакавъ!
Розибралы ёго.
Найшлы на ёго вбраньня дороге,—
Перебралы.
Засыла багачъ лысты:
Но панахъ,
Но князяхъ,
Но попахъ—
Прыихать на пыръ!
Прыйшовъ гость дорогый,
Сынъ явывся!
Зачалы тры дни пыть и гулять.
Зачалы Йвася сватать.
Найшлы ёму паночку,
Посваталы.
Зачалы свадьбу гулять.
Найшлы стару бабку,—
Такъ висна морду й зрыла!—
Сами ямкы!
Та проты нен «штрянухы» не було—
Панськои стравы заготовыты.
Зачалы поратьця:
Та борошно сіе,
Та дижу мисыть!—
Вона тилькы порядокъ дае.
Досталось главній «штряпуси»
Побигты воды прынесты.
Повенъ двиръ!
Музыка грае!
Стала вона за дворомъ воду брать,
Гляне въ колодязь на тинь,—
Ажъ нема кращои й у сьвити людыны,
Якъ та тинь у колодязи!
То була тинь Ивасевои жинкы.
Вона сыдила въ молочаци, сыдила,—
Пишла подывытьця на весильля.
Дійшла до двору;
Ничого невыдко за стиною!
Такъ вона взяла,

Тай злизла на вербу,
Шо надъ колодяземъ росла,
Тай дывытьця зъ тои вербы въ двиръ.
«Штряпуха» углядивши гарну тинь въ колодязи,
Подумала, шо то ін.
Набрала воды въ видра;
Якъ прыбижыть передъ музыкы,
Якъ хряпне видра объ землю!
Якъ пиде танцюваты!
«Отъ, чорты ёго батька зна,
Яка я красавыця,—
Тилькы-бъ мене за молодого замижъ и браты»!
Повыбигалы паны—
Регочуть!
«Што ты, бабусю, робышъ?!
Образумся!
Иды въ свое дило!
Годи вже тоби дурить».
Насылу отакувалы бабу!
Пишла въ свое дило.
Молоди сыдять,
Княжіють за столомъ.
А Ивасева жинка звыла два голубы на верби,
Тай послала въ хату.
Улетилы въ хату голубы,
Тай литають поверхъ головъ;
То на шахви,
То на груби сядуть,
Та все буркотять:
«Казавъ не забуду,
Тай забувъ!
Казавъ не забуду
Тай забувъ [1])!
А Ивась сыдивъ-сыдивъ,
Тай задумавсь.
«Що це я роблю?!
У мене-жъ жинка не така, якъ це»!
Якъ здумавъ свою жену,—

[1]) Эти слова разсказчикъ выговариваль глухимъ и тихимъ голосомъ и нараспѣвъ, подобіе того, какъ голуби гудутъ.

(Прыйшлось по мысли),
Якъ скочывъ черезъ стилъ!
Та зъ хаты!
Выбигъ за двиръ!
Тамъ уже жинка ёго піймала
Та въ молочаци й отакувала.
Паны й князи зъ двора розбигаютьця!
Батько й маты тужять!
«Розбылось весильля
Й потерялы свое сокровыще»!
А Ивась зъ женою идуть,
За ручкы побравшысь;
Ввійшлы въ двиръ,
А зъ двора въ домъ:
«Здрастуйте, тато и мамо!
Ось де моя жена»!
Батько и маты зрадилы,
Панивъ завертають.
И впъять початый пыръ продовжають.
Съ того часу сталы жыть пожывать.

(Продолженіе слъдуетъ).

Михаилъ Петровичъ Старицкій.

(Памяти товарища).

Такъ недавно, 16-го апрѣля, провели мы до могилы дорогого товарища, Михаила Петровича Старицкаго. Зная о давней тяжкой болѣзни покойнаго, о тѣхъ ужасныхъ сердечныхъ припадкахъ, которыми онъ страдалъ и которые такъ усилились въ послѣднее время, можно было опасаться скораго рокового конца; но въ то же время можно было еще надѣяться, что сильный отъ природы организмъ снова,—какъ это много разъ бывало,—поборетъ жестокіе приступы болѣзни; наступившая, наконецъ, весна, дѣйствительно, какъ бы оживила силы М. П—ча,—но это оживленіе оказалось похожимъ на послѣднюю вспышку угасающей лампады... Послѣ нѣкотораго улучшенія, наступило такое ухудшеніе дѣятельности сердца, что никакія чрезвычайныя медицинскія мѣры уже не дѣйствовали, и 14-го апрѣля Михаилъ Петровичъ скончался, среди своей семьи, на рукахъ нѣжно любимой и нѣжно любящей дочери Людмилы.

Мы опустили дорогого товарища въ могилу, но образъ его остался живымъ передъ нашими мысленными очами. Живъ его образъ и живо все то, что онъ сдѣлалъ для Украины.

Конечно, если вообще вѣрно, что не надъ свѣжей могилой произносить судъ всѣхъ дѣлъ умершаго, то тѣмъ болѣе это можно сказать въ настоящемъ случаѣ. Дѣятельность М. П. Старицкаго

такъ обширна и многообразна, что лишь будущій изслѣдователь можетъ вполнѣ оцѣнить ее и разобраться въ ней.

Но все же и въ ближайшее время на страницахъ «К. Ст.» долженъ появиться хотя общій обзоръ жизни и труда такого крупнаго дѣятеля, какимъ былъ Михаилъ Петровичъ. Если эту задачу беру на себя именно я, то это объясняется тѣмъ, что мнѣ не только хочется сдѣлать общее опредѣленіе дѣятельности М. Петровича, но также сообщить тѣ біографическія свѣдѣнія о немъ, которыя могутъ быть мнѣ извѣстны за многіе годы (за цѣлый 40-лѣтній періодъ!) нашей близкой, *товарищеской* дружбы. Я не могу иначе выразиться, такъ какъ, помимо той симпатіи, которую возбуждала во всѣхъ, знавшихъ М. П—ча, свѣтлая личность его,—самая дружба моя съ М. П. возникла на почвѣ литературной и впродолженіе всего указаннаго времени была тѣсно скрѣплена именно товариществомъ, т. е. тѣснымъ общеніемъ нашихъ писательскихъ интересовъ, которые одинаково занимали, волновали наши души и были неразрывно связаны съ нашимъ посильнымъ литературнымъ трудомъ. Сама жизнь складывалась такъ, что постоянно сближала насъ, если даже случалось, что обстоятельства бросали насъ въ разныя стороны. Поэтому мой очеркъ дѣятельности М. П. неизбѣжно будетъ переплетенъ моими личными воспоминаніями.

Судьбѣ угодно было, чтобы мнѣ стало извѣстно имя М. П., какъ своеобразнаго поэта, еще раньше моего знакомства съ нимъ. М. П. былъ товарищемъ моихъ братьевъ,—родного, М. П. Драгоманова, и двоюроднаго, Н. М. Шульженка,—по полтавской гимназіи. Не помню, кѣмъ именно изъ нихъ, были однажды привезены на каникулы, въ нашъ родной полтавскій Гадячъ, стихи, о которыхъ братья говорили, что они написаны ихъ товарищемъ, Старицкимъ. Привезенное стихотвореніе, читавшееся на память, было юмористическаго характера, касалось какой то гимназической злобы дня, благодаря чему, б. м., и пріобрѣло особую популярность. О товарищѣ Старицкомъ братья добавляли, что онъ и вообще «пишетъ стихи». Эти, какъ шутливыя, такъ и серьезныя,

пробы М. П—ча сочинялись на русскомъ языкѣ, что вполнѣ естественно, такъ какъ память и воображеніе тогдашнихъ гимназистовъ, въ томъ числѣ и полтавскихъ, были всецѣло заполнены русской поэзіей, въ образцахъ писателей Пушкинскаго періода.

Въ этой сферѣ и началось авторство М. П.; на эти струны откликнулись впервые его поэтическое вдохновеніе и способности поэта-стихотворца.

Повидимому, лишь поступивши въ харьковскій университетъ, въ особенности перебравшись въ Кіевъ, М. П. воспринялъ, какъ тогда говорили, «украинофильское» вліяніе, которое освѣтило извѣстной сознательной идеей съ дѣтства пріобрѣтенное въ полтавскихъ селахъ [1]) знаніе украинскаго языка, возбудило желаніе писать именно на этомъ языкѣ;—и этому желанію, этому страстному влеченію поэтическая муза Мих. Петровича осталась вѣрною уже навсегда, до когда его жизни.

Мое первое личное знакомство съ М. П. Старицкимъ произошло уже въ этотъ, совершенно опредѣлившійся періодъ его украинскаго авторства. Это было въ Кіевѣ, весною 1865 г.

Я была ученицей уже предпослѣдняго класса, кіевскаго «Образцоваго пансіона для благородныхъ дѣвицъ» [2]), и такъ какъ мой братъ, Мих. П. Драгомановъ, былъ уже тогда женатъ (и былъ даже у насъ учителемъ), то меня отпускали изъ моего полузакрытаго заведенія къ нему въ гости, по праздникамъ. Конечно, такіе отпуски къ брату и его женѣ, которая тоже очень меня любила, были для меня двойнымъ праздникомъ!

У брата и его жены бывало очень много знакомыхъ, товарищей брата и др. Однажды явился въ эту скромную, но радушную квартиру, на тогдашней Жандармской улицѣ [3]), и М. П.

---

[1]) М. П. Старицкій родился въ селѣ Клищинцяхъ, золотоношскаго уѣзда, а потомъ жилъ въ кременчугскомъ уѣздѣ.

[2]) Частное заведеніе, среднее между институтомъ и позднѣйшими гимназіями.

[3]) Теперешняя Маріинско-Благовѣщенская.

Старицкій. Мнѣ онъ показался «пріѣзжимъ»; во всякомъ случаѣ весною 1865-го года я видѣла его первый разъ. Его эффектная фигура сразу обращала на себя вниманіе, къ тому же онъ былъ въ очень красивомъ украинскомъ нарядѣ (роскошно вышитой сорочкѣ, жупанѣ и пр.).

Михаилъ Петровичъ принесъ моему брату показать свои украинскіе переводы. Читать ихъ перешли въ кабинетъ. Привлеченная необычайной декламаціей, я тоже проникла въ кабинетъ... По окончаніи чтенія, гость и хозяинъ что-то говорили; я слушала,—конечно, молча, сидя въ сторонкѣ.—А вамъ нравятся эти стихи?—спросилъ меня М. П. Старицкій.—Да, отвѣтила я,—они такіе необыкновенные.—Оба Михаилы Петровичи разсмѣялись. Между тѣмъ, стихи Лермонтова, Мицкевича, Байрона—*по украински*, въ *тогдашнее* время, могли показаться «необыкновенными» не только юной «пансіонеркѣ», но и представителю болѣе серьезной публики, болѣе знакомой съ литературой. Послѣ этого, когда М. П. Старицкій приносилъ свои пробы, онъ шутя приглашалъ и меня:—«хотите послушать „необыкновенные“ стихи»?..

М. П. Старицкій бывалъ у Драгомановыхъ часто, такъ какъ онъ поселился въ Кіевѣ, съ женой, тоже скоро подружившейся съ семьей моего брата; Софія Вит. Старицкая оказалась моей товаркой, такъ какъ одно время она тоже была въ нашемъ «Образцовомъ пансіонѣ»—и осталась для меня «Соней Лисенко» [1]).

Въ 1866 году Старицкіе поселились уже въ одномъ домѣ съ моимъ братомъ, гдѣ остались и на другую зиму—1867-го и 68-го годовъ. Обѣ квартиры соединены были даже однимъ внутреннимъ ходомъ, такъ что сообщеніе между ними было постоянное,—иногда нельзя было даже разобрать, кто къ кому приходилъ, такъ какъ гости Старицкихъ переходили къ намъ, а наши переходили къ Старицкимъ. Во флигелѣ,—того же двора Войцеховскаго на Жандармской улицѣ,—жилъ также, въ зимній сезонъ 1866-го и 67-го года, Н. В. Лисенко. Такъ какъ у Драгомано-

[1]) Софія Витальевна вышла замужъ очень рано, 16-ти лѣтъ.

выхъ было фортепьяно, то компанія собиралась больше у нихъ. Этому фортепьяно было много работы!.. Много на немъ играли, много подъ его акомпаниментъ пѣли!.. По этому поводу у меня невольно встаетъ въ памяти одно забавное обстоятельство: подъ это фортепьяно, подъ его звуки пѣлась цѣлая шутливая «опера», текстъ которой касался тогдашней литературной, календарно-издательской злобы дня, а музыкальные мотивы были подобраны къ нему изъ итальянскихъ оперъ, очень популярныхъ тогда въ Кіевѣ, такъ какъ едва ли не впервые гостила тогда въ Кіевѣ цѣлый сезонъ итальянская оперная труппа. Я не знаю, кто именно былъ творцемъ этого юмористическаго текста (на русскомъ языкѣ), но въ Кіевѣ приписывали его обитателямъ дома Войцеховскаго; «опера» была очень остроумна и пріобрѣла очень большую популярность далеко за предѣлами Жандармской улицы: ее пѣли не только на Новомъ Строеніи, но и въ салонахъ Липокъ; по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени спустя, мнѣ пришлось слышать ее (уже на Волыни) отъ пріѣзжаго изъ Кіева свѣтскаго гостя, Вл. М. Юзефовича.

Фортепьяно Драгомановыхъ служило въ зиму 1866-го и 67-го года и для первой большой работы Н. В. Лисенка, когда онъ приходилъ изъ своего флигеля къ Драгомановымъ работать надъ переложеніемъ на ноты мотивовъ перваго своего сборника «Украинськыхъ писень». На столѣ въ гостинной Драгомановыхъ Лисенко писалъ, а на фортепьяно пробовалъ, дополнялъ свою работу. М. П. Старицкій тоже иногда присаживался къ фортепьяно. Онъ обладалъ хорошимъ слухомъ, тонкимъ пониманіемъ музыки, обладалъ также нѣкоторой «любительской» техникой и могъ подбирать акомпаниментъ къ нравившимся ему пѣснямъ и романсамъ. Изъ русскихъ романсовъ онъ особенно любилъ и часто пѣлъ у насъ «Не отходи отъ меня»; нѣжная, пѣвучая мелодія этого извѣстнаго (особенно тогда) романса навсегда осталась въ моей памяти неразрывно связанной съ образомъ Мих. Петровича.

Пѣніе, музыка не только не мѣшали, а какъ бы способствовали литературнымъ начинаніямъ дружескаго кружка, ютив-

шагося во дворѣ Войцеховскаго. Будущіе біографы будутъ разбираться, кто изъ друзей оказывалъ на другого больше вліянія... Трудъ едва ли исполнимый въ точности! Они взаимно одушевляли и дополняли одинъ другого. Можетъ быть, у М. П. Драгоманова было больше трезвой идейности, меньше украинско-лирической экспансивности; въ семьѣ М. П. С. былъ въ бо́льшемъ ходу народный языкъ, бо́льше соблюдался, такъ сказать, внѣшній украинскій декорумъ (не даромъ мнѣ помнятся до сихъ поръ жупаны М. П. Старицкаго и бѣлыя свиточки, кожушанки его жены); Н. В. Лисенко чаровалъ всѣхъ пѣснями. Но и М. П. Драгомановъ не хуже зналъ и не меньше любилъ родную, органически близкую ему украинскую рѣчь и пѣсню, заботясь о томъ, чтобы занятія ими принимали плодотворныя и по возможности научныя формы. Въ свою очередь на него, живо увлеченнаго общимъ теченіемъ русской жизни, общимъ направленіемъ передовой русской мысли, не могла не оказывать конкретнаго, заполоняющаго душу вліянія та, если можно такъ выразиться, стихійная сила и сфера «украинщины», съ которыми онъ постоянно соприкасался при указанномъ близкомъ общеніи съ семьей М. П. Старицкаго и Н. В--чемъ Лисенкомъ.

Да, можно съ увѣренностью сказать одно: этотъ періодъ, прожитый въ такомъ близкомъ общеніи тремя друзьями-полтавцами, оставившими такой большой слѣдъ въ культурной исторіи Украины, имѣлъ большое значеніе для нихъ и для ихъ дѣла.

М. П. Драгомановъ настоялъ, чтобы сборникъ «Украинськыхъ писень» былъ взятъ Н. В. Лисенкомъ, при отъѣздѣ его заграницу (въ Лейпцигскую консерваторію),—для непремѣннаго изданія его возможно лучше тамъ. Съ М. П. Старицкимъ обсуждались сообща планы новыхъ литературныхъ работъ.—Невольно приходитъ на память образъ еще одного близкаго къ М. П. Драгоманову лица, стихійно-украинскаго земляка изъ Гадяча, И. Я. Рудченка, жившаго тоже въ эти годы въ домѣ Войцеховскаго и приготовившаго подъ руководствомъ М. П. Драгоманова систематическіе сборники укр. сказокъ и чумацкихъ пѣсенъ.

Весною 1868-го года М. П. Старицкій былъ особенно занятъ дополнительными переводами сказокъ Андерсена—и по поводу ихъ втянулъ въ укр. писательство и меня. Я была тогда уже «на свободѣ», такъ какъ еще въ 66-мъ году окончила свое ученье; нѣкоторое время я прожила у матери, въ Гадячѣ, (въ нашемъ чудномъ Драгомановскомъ дворѣ!), теперь же, съ зимы 1867-го года, я снова жила въ Кіевѣ, въ семьѣ брата, дополняя свое образованіе разными мудрыми книжками, которыя тогдашняя «передовая» дѣвица должна была прочесть. О писательствѣ, признаться, я тогда совершенно не думала. Моей первой литературной работой (весною 1868-го г.) была случайная компиляція одной французской статьи, которую мнѣ указалъ въ Revue des deux Mondes братъ; онъ же и пристроилъ мой фельетонъ въ «Петерб. Вѣдом.». Несказанна была моя радость, когда я увидѣла свою работу въ печати и даже получила за нее отъ редакціи «П. В.» гонораръ! Мое торжество, конечно, сдѣлалось извѣстно обитателямъ другой половины дома. Но тутъ М. П. Старицкій, какъ я сказала, занятый тогда переводами сказокъ Андерсена для изданія цѣлаго сборника ихъ, «напалъ» на меня, чтобы я тоже попробовала переводить, хотя бы того же Андерсена, по-украински. Сколько я ни отговаривалась, что я не смогу хорошо сдѣлать этой работы (такъ необычной и трудной казалась она для меня!), М. П. Старицкій очень ободрялъ меня, увѣрялъ, что вѣдь укр. языкъ для меня родной, что я такъ хорошо говорю на немъ, и наконецъ, чтобы вѣрнѣе занять меня указываемой работой, купилъ и подарилъ мнѣ томикъ, въ красивомъ переплетѣ, сказокъ Андерсена на французскомъ языкѣ, увѣряя, что мнѣ гораздо легче будетъ переводить съ языка чужого, чѣмъ если бы я попробовала переводить съ русскаго. Двѣ сказки, наконецъ переведенныя мною изъ подаренной книжки, привели М. П. Старицкаго въ восхищеніе. Послѣ я убѣдилась, что если М. Петровичу нравилось чье-либо писанье, то всегда нравилось чрезвычайно!.. Это объясняется какъ увлекающейся натурой его, такъ въ добавокъ тѣмъ страстнымъ желаніемъ, которое онъ всегда имѣлъ, чтобы увеличился кругъ пишущихъ по-украински.

Увы! моимъ переводамъ съ Андерсена не суждено было увидѣть свѣтъ... Лѣтомъ 1868-го года, по выходѣ замужъ, я уѣхала на Волынь и хотя тамъ, ободренная похвалами М. П. Старицкаго, продолжала переводить изъ подаренной имъ книжки и перевела 10 сказокъ, но злая судьба жестоко пошутила надо мной: когда я въ первый же разъ на Рождество ѣхала «въ гости» изъ волынскаго Звягеля въ Кіевъ и везла свои переводы, чтобы показать ихъ М. П. Старицкому и брату,—я потеряла ихъ, выронивши изъ своихъ вещей въ дорогѣ, гдѣ-то на шоссе подъ Кіевомъ, подъ самыми «Тріумфальными воротами»!... (Желѣзной дороги вѣдь тогда еще не было и приходилось долгій путь ѣхать на лошадяхъ). За вторичный переводъ сказокъ Андерсена мнѣ уже какъ-то трудно было заставить себя взяться,—и, спустя нѣсколько лѣтъ, лишь хорошенькія иллюстраціи въ красной съ золотомъ книжкѣ стали любимыми картинками моихъ дѣтей.

Михаилъ же Петровичъ Старицкій, хотя тоже уѣзжалъ изъ Кіева, купивши имѣніе въ Подоліи, но выбранныя имъ сказки Андерсена перевелъ и, послѣ того какъ нѣкоторыя изъ нихъ печатались въ галицкой «Правдѣ», издалъ ихъ въ Кіевѣ, съ картинками кіевскаго художника Мурашка.

Это было въ 1873 г., когда М. П. Старицкій былъ уже извѣстенъ въ литературномъ кругу—и стихотворными переводами, и драматическими пробами. Всё, что онъ успѣлъ напечатать, включая и сказки Андерсена, было замѣчено не только своими, но и врагами, которые тоже усмотрѣли въ М. П. Старицкомъ крупнаго работника, выступившаго на убогой тогда нивѣ украинской литературы, и не преминули направить въ него свои колючія критическія стрѣлы. Допускаю, впрочемъ, что критики враждебнаго лагеря,—безотносительно къ тому, что считали себя стоящими «на стражѣ», обязанными облаять всякаго вновь выступающаго украинскаго писателя,—были въ значительной долѣ искренни въ своихъ недоумѣніяхъ и порицаніяхъ того, что выходило изъ подъ пера М. П. Старицкаго. Его переводы, самая тенденція въ выборѣ ихъ, а также языкъ переводовъ, были слишкомъ смѣлы, какъ говорили критики—«дерзки». Въ самомъ дѣлѣ, брать, *тогда*

для переводовъ по-украински—стихи Лермонтова, Байрона, художественныя сказки европейской знаменитости! Это ли не дерзость? Притомъ употреблять не простой языкъ, которымъ говоритъ «малороссъ-простолюдинъ», а употреблять какіе то неологизмы, «скованные» нарочито! Да вѣдь это не только смѣшная претензія, это просто преступленіе!—Такъ думали, совсѣмъ искренно, многіе,—и чужіе, и даже «свои»...

Да, при появленіи въ свѣтъ переведенныхъ М. П. Старицкимъ стихотвореній и сказокъ Андерсена, чужіе—ругались, насмѣхались, не щадя автора, свои—огорчались, тоже высказывая неодобреніе... Мнѣ живо помнится, какъ, вскорѣ послѣ выхода въ 1873 г. сказокъ Андерсена въ переводѣ М. П. Старицкаго, мнѣ пришлось, въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Кіевъ, слышать въ тѣсномъ кругу почитателей украинской литературы рѣзкое порицаніе перевода Старицкаго, именно за «кованныя» слова. Предположено было выразить М. П. Старицкому совершенно опредѣленное неодобреніе и заявленіе, что «такъ нельзя», что его литературныя новаторства *вредны* для нашей литературы, такъ какъ открываютъ ей ложный путь!

Между тѣмъ, путь, по которому пошелъ М. П. Старицкій въ своихъ сочиненіяхъ и переводахъ, былъ логически неизбѣженъ. Потребность въ расширеніи рамокъ нашей литературы назрѣла. Еще Кулишъ въ Запискахъ о Ю. Руси высказалъ болѣе широкое понятіе о національности, національномъ творчествѣ, выводя его изъ тѣсныхъ предѣловъ *простонародности* и называя поэтовъ-писателей продолжателями кобзарей и лириковъ въ дѣлѣ народнаго самосознанія и творчества. Признакомъ *національной* литературы Кулишъ считалъ извѣстныя общія характерныя черты, духъ творчества, а не строго ограниченныя формы творчества и его выраженія. Соотвѣтственно такому взгляду, долженъ былъ отойти въ область пережитаго—тотъ періодъ, когда наши старые писатели, какъ Метлинскій, Забѣла и др., старались писать только въ народномъ стилѣ, какъ бы поддѣлываясь подъ складъ народной пѣсни, начиная съ пѣсеннаго размѣра стиха и кончая отдѣльными «чисто народными» выраженіями и словами. Отдавши

значительную дань творчеству пѣсеннаго типа (включительно до сочиненія думъ,—какъ можно думать, лишь выданныхъ за народныя, кобзарскія). Кулишъ, чѣмъ дальше, все больше пробуетъ иные мотивы, такъ сказать—поэзіи интеллигентной, вводя также и неологизмы (которые мы встрѣчаемъ уже въ его переводѣ Іова).

Старицкій пошелъ по новому пути гораздо рѣшительнѣе—и, какъ слѣдуетъ думать, не потому, чтобы ему не давалось творчество въ народномъ духѣ: среди его болѣе давнихъ стихотворныхъ опытовъ находимъ, напр., слѣдующее прекрасное стихотвореніе, написанное размѣромъ и складомъ народной пѣсни:

Охъ, и де ты, зиронько,
Та вечирняя?
Охъ, и де ты, дивчыно,
Щыро-вирная?
Чы кому зорять теперъ
Ясни оченькы
У садочку пышному
Середъ ночонькы?
Чы кому всмихаются
Пышни вустонькы?
Чы гаптують рученькы
Били рученькы? и т. д.

Очевидно, что въ этомъ же родѣ Михаилъ Петровичъ могъ бы написать и многія другія стихотворенія («Увѣряю васъ, что этотъ родъ даже гораздо легче»,—не разъ говорилъ онъ); но Михаилъ Петровичъ умышленно желалъ брать другія темы и другія формы творчества, имѣя цѣлью способствовать выведенію украинской литературы на болѣе широкій путь. Отсюда прежде всего являлось намѣреніе дать украинской литературѣ, въ видѣ переводовъ, образцы избранныхъ произведеній лучшихъ европейскихъ поэтовъ. Соотвѣтственно такой тенденціи Михаила Петровича, долженъ былъ,—сравнительно съ приведеннымъ его стихотвореніемъ въ народномъ стилѣ,—получить новыя особенности и

языкъ послѣдующихъ его сочиненій, въ особенности переводовъ, дѣлаясь именно языкомъ *литературнымъ*. Это было,—какъ бываетъ во всѣхъ литературахъ,—явленіемъ совершенно логическимъ, законнымъ; но,—странное дѣло,—то, что являлось естественнымъ и законнымъ въ литературахъ иныхъ, казалось очень странной, неумѣстной, почти преступной ересью для *нашей* литературы! Совершено забывалось положеніе, что всякій народный языкъ не есть нѣчто неподвижное, окаменѣлое, что формы языка мѣняются, развиваются, что сообразно тому, какъ расширяется кругъ понятій, расширяется и кругъ ихъ выраженія словомъ; забывалось, что такимъ образомъ и создается языкъ литературный.

Затѣмъ, точно не хотѣли помнить наши критики, что нигдѣ литературный языкъ не являлся сразу готовымъ, какъ Паллада изъ головы Зевса, что вездѣ онъ *создавался* постепенно и что писателямъ, трудившимся въ другихъ литературахъ надъ *выработкой* литературнаго языка, ихъ дѣятельность вмѣнялась имъ не въ вину, а, напротивъ, въ заслугу. Забывалось также, что лишь время, продолжительность употребленія неологизмовъ литературныхъ, давая имъ право существованія въ литературѣ, заставляетъ читателей постепенно даже забыть то, что данныя выраженія и слова были въ свое время «скованы»; забывалось, что многія слова въ русскомъ литературномъ языкѣ, если внимательнѣе вслушаться въ нихъ, представляютъ собою не болѣе какъ переводы иностранныхъ выраженій съ помощью славянизмовъ, при чемъ всѣ эти «междометія», «возникновенія», «сверхъестественности» даже гораздо дальше отъ *народнаго* русскаго языка, чѣмъ предлагавшіеся неологизмы въ литературѣ украинской отъ народнаго языка украинскаго. Въ самомъ дѣлѣ, что ужъ такое ужасное, несообразное съ формами и корнями нашего народного языка представляли собою слова, вводившіяся М. П. Старицкимъ?! Это были въ сущности очень простыя, вовсе не громоздкія (по сравненію съ приведенными словами, къ которымъ у насъ привыкли еще съ Ломоносовскаго періода) производныя отъ вѣрныхъ словъ языка народнаго, напр. прилагательныя отъ

употребляемыхъ нашимъ народомъ существительныхъ, произведенныя совершенно по тому же типу, какъ производитъ ихъ народъ.

Я приведу одно стихотвореніе М. П. Старицкаго (оригинальное), въ своемъ родѣ «историческое», такъ какъ изъ-за него тоже шелъ споръ,—теперь малопонятный...

Вечеръ.

(Посвящ. О. П. Д—вій).

Уже за маева червони
На спочывъ сонце порына,
Темніе сыня пелена,
Туманомъ крые оболони
И вечиръ землю обнима;
За нимъ ось лыне ничъ сама
И сіе скризь чудови зори
На неомирянимъ простори...
О пышно-дывна! Лынь хутчій,
Зъ своимъ дыханнямъ пестовлывымъ,
Зъ своимъ утомомъ чаривлывымъ
И тыху лагоду навій
Нужденнымъ душамъ сыротлывымъ,
Та серце стомлене у-край
Мовъ ненька та заколыхай!

Пожалуй, теперешній читатель и любитель украинской литературы будетъ даже недоумѣвать, что́ же такое особенно смѣлое по части языка, неологизмовъ представляетъ собою это стихотвореніе? Казалось бы, ничего особеннаго: есть въ нашемъ народномъ языкѣ «пестощи», «пестыты», «чары», «чаруваты», почему не быть словамъ «пестовлывый», «чаривлывый», съ флексіями, совершенно естественными и обычными въ украинской народной рѣчи.—Но такъ можетъ казаться теперь; а тогда (стихотвореніе принадлежитъ къ первому періоду писательства Михаила Петровича), оно казалось для многихъ просто еретическимъ. «Ковальство», «невозможное ковальство!»—говорили объ этомъ и подобныхъ ему стихотвореніяхъ чужіе и свои. Этого

осужденія было достаточно, чтобы стихотвореніе потеряло въ глазахъ критиковъ все свое достоинство проникнутаго поэзіей лирическаго произведенія, какимъ оно могло быть съ удовольствіемъ отмѣчено въ любой литературѣ. Но это могло быть въ другой литературѣ,—у насъ же тогда о подобныхъ стихотвореніяхъ говорили: намъ не нужна «литературщина»! Цѣнился только «щыро-народній» стиль, «щыро-народній» лексиконъ.

М. П. Старицкій очень огорчался насмѣшками, упреками чужихъ и своихъ, но твердо шелъ по своему пути,—дѣйствительно, новаторскому.

Кромѣ области стихотворной,—лирической и иной,—Михаила Петровича съ давнихъ поръ занимала мысль о нашей драматической литературѣ, о ея бѣдности, о необходимости ея пополненія. Дѣйствительно, весь нашъ драматическій репертуаръ исчерпывался тогда нѣсколькими пьесами, которыя можно было перечесть по пальцамъ. Если затѣвался любительскій украинскій спектакль, который иногда устраивала въ Кіевѣ молодежь,—что можно было поставить?.. Если не «Нат.-Полтавку», то «Назара Стодолю», «Гаркушу», «Чорноморській побытъ».... (Пьесы Квитки[1]) не были популярны въ Кіевѣ). Оставался еще «Москаль-Чаривныкъ» и нѣсколько другихъ одноактныхъ водевилей (изъ которыхъ предпочтительнѣе прочихъ былъ—«Кумъ-Мирошныкъ»...). Очень естественно поэтому, что М. П. Старицкій, большой любитель театра, желалъ приложить свой трудъ къ пополненію такого убогаго репертуара. Еще въ 60-ые годы составилъ онъ планъ драмы (называвшейся «Панське болото»), изъ жизни смѣшаннаго круга, народнаго и интеллигентнаго, на тему явившагося тогда народничества, имѣвшаго свои свѣтлыя, но и свои темныя стороны. Михаилъ Петровичъ говорилъ мнѣ, что основная фабула драмы (неудачно окончившагося романа панича-народника съ сельской дивчыной) взята была имъ изъ близкаго ему панскаго круга. Кромѣ того, также еще въ 60-тые годы, Михаилъ Петровичъ началъ писать либретто оперы «Гаркуша» (къ музыкѣ Н. В. Ли-

[1]) Шельменко-деньщикъ, Щыра любовъ.

сенка). Но опера была, повидимому, слишкомъ большимъ предпріятіемъ, особенно если приходилось имѣть въ виду для оперы украинской лишь любительскія силы. Для этихъ силъ, группировавшихся въ Кіевѣ вокругъ Н. В. Лисенка и М. П. Старицкаго, признана была, конечно, болѣе подходящей—оперета. Первой такой оперетой, съ обработкой текста М. П. Старицкимъ (на сюжетъ Кухаренка), съ музыкой Лисенка, явились «Чорноморци». Первыхъ постановокъ этой пьесы любителями—я не видала.

Затѣмъ, болѣе обширнымъ драмат. трудомъ М. П. Стар—го явился текстъ «музыкальной комедіи» «Різдвяна ничъ», съ музыкальными номерами Лисенка. «Різдвяна ничъ», какъ пьеса совсѣмъ новая, должна была обратить на себя большое вниманіе. Уже пробный спектакль (съ представленіемъ всего 2-хъ дѣйствій пьесы), а затѣмъ репетиціи въ частной квартирѣ друзей Лисенка и Старицкихъ, г-жъ Линдфорсъ, живо интересовали весь нашъ украинскій литературно-артистическій кругъ И музыканты, и не музыканты ходили посмотрѣть, послушать новую пьесу, высказывая свои соображенія. Самъ же М. П. Старицкій былъ просто поглощенъ репетиціями. Но самая постановка «Різдвяной ночи» на большой сценѣ въ оперномъ театрѣ подняла интересъ къ ней до чрезвычайной степени. Къ первому представленію «Різдвяной ночи» явилось много пріѣзжихъ приверженцевъ изъ «провинціи»; пріѣхали и мы съ мужемъ изъ Волыни.

Спектакль этотъ былъ какимъ-то національнымъ торжествомъ. Пріемъ пьесы публикой былъ восторженный—и пьеса того заслуживала. Кромѣ совершенно новыхъ музыкальныхъ номеровъ, чаровавшихъ насъ красотою мелодіи, кромѣ сценичности и разнообразія содержанія текста,—сценъ комическихъ, чередовавшихся съ серьезными, изъ которыхъ особенное впечатлѣніе производила сцена (цѣлое дѣйствіе) съ запорожцемъ Пацюкомъ, превращеннымъ Старицкимъ въ идейнаго патріота,—кромѣ всего этого, очень хорошо было и самое исполненіе этой «музыкальной комедіи» [1]). Мнѣ

[1]) Названіе это вполнѣ соотвѣтствовало, такъ какъ музыка входила въ пьесу лишь отдѣльными номерами; въ остальномъ это была бытовая піеса.

приходилось видѣть потомъ «Ризднвяну ничъ» уже въ видѣ оперы, исполнявшейся оперной трупой (въ Харьковѣ, въ 80-хъ годахъ, и недавно—въ Кіевѣ), но я не видѣла въ оперномъ исполненіи и тѣни того, что́ дали намъ любители, исполнявшіе впервые «Ризднвяну ничъ» въ кіевскомъ театрѣ, въ видѣ музыкальной комедіи. Исполнители наши были превосходны,—начиная съ очаровательной красавицы, какой должна была быть, по мысли Гоголя, Оксана и какою, дѣйствительно, была Ольга Александовна Лисенко, исполнявшая эту роль. Оксана плѣняла своимъ прелестнымъ голосомъ и прелестной—соотвѣтственно роли, то граціозно-кокетливой, то нѣжно-грустной манерой. *Такой* Оксаны я больше не видала!.. Вакула, А. А. Русовъ, пѣлъ съ большимъ одушевленіемъ и рѣдкою характерностью; Солоха (Липская) и особенно дьякъ (Матвѣевъ) были безподобны въ своей типичности, безъ малѣйшей шаржировки. Даже второстепенныя лица, «найкращый парубокъ» Грыцько (Ор. Ив. Левицкій), дивчата,—какъ много внесли они той этнографической вѣрности тона, костюмовъ, того одушевленія, смысла, которые столько придали красоты пьесѣ-*комедіи* (и чего, увы, почти всегда не хватаетъ при исполненіи пьесъ оперными труппами!)..

Я не была на репетиціяхъ «Ризднвяной ночи» и не знаю, насколько превосходное исполненіе любителями «Ризднвяной ночи» было обязано ревностному режисёрству М. П. Старицкаго, но до сихъ поръ помнится мнѣ мастерская постановка этого спектакля. Вечеръ первой художественно прекрасной постановки «Ризднвяной ночи», вмѣстѣ съ чарующимъ впечатлѣніемъ музыки пьесы, остается однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни, хотя я не принимала участія ни въ постановкѣ, ни въ исполненіи пьесы, была простою зрительницею. Я представляю себѣ, какой слѣдъ оставили въ душѣ исполнителей и близко стоявшихъ къ дѣлу первыя представленія «Ризд. ночи», заставлявшія залу опернаго театра, переполненную зрителями, гремѣть отъ рукоплесканій!

Да, рукоплесканія были восторженныя, такъ какъ пьеса была прекрасна, превосходно исполнена и будила наши лучшія упованія!..

Слѣдующей пьесой М. П. Старицкаго, тоже на тему изъ Гоголя, долженъ былъ явиться «Сорочынськый ярмарокъ»; но задумавши оперу, Михаилъ Петровичъ издалъ въ слѣдующемъ 75-мъ году лишь свой украинскій переводъ этой повѣсти. Вообще переводы вновь заняли его мысль: еще раньше издаетъ онъ «Байки Крылова», собравши свои давніе переводы и дополнивши новыми, до объема цѣлой книжки.

Между тѣмъ, приближалась турецко-славянская война, съ ея прологомъ, герцеговинскимъ возстаніемъ, возбудившимъ симпатію и посильную поддержку кіевскихъ украинцевъ. Отчасти подъ вліяніемъ этого движенія, М. П. Старицкій подготовилъ къ печати цѣлый сборникъ своихъ переводовъ «Сербськихъ народныхъ думъ и писень», предназначивъ чистую выручку «на корысть бративъ-славянъ», какъ это было потомъ обозначено на обложкѣ книжки при печатаніи.

Пробы перевода этихъ пѣсенъ были сдѣланы М. П—чемъ давно—еще въ 60-тыхъ годахъ; мнѣ кажется, эта работа была по началу отраженіемъ того своеобразнаго славянофильскаго вѣянія, которое обусловило существованіе извѣстнаго «славянскаго братства» въ Кіевѣ, съ такими участниками въ его организаціи, какъ Шевченко, Кулишъ и Костомаровъ; участіе ихъ въ кіевскомъ «славянскомъ братствѣ» было фатально для нихъ, но идея этого украинско-славянскаго единенія, отличавшагося отъ получившей право гражданства московско-славянофильской тенденціи, оставила свой слѣдъ.

Какъ бы тамъ ни было, еще въ 65-мъ г. были напечатаны въ галицкой «Правдѣ» первые украинскіе переводы Старицкаго сербскихъ думъ; за другими, указанными выше, работами, переводы сербскихъ думъ были потомъ Старицкимъ оставлены; событія же, оживившія вниманіе и симпатію къ «братамъ-славянамъ», снова возвращаютъ Михаила Петровича къ переводу сербскихъ думъ. Какъ-то, зимой 75—76-го года, М. П. Старицкій, всегда искавшій дружеской «порады», принесъ показать М. П. Д—ву уже цѣлую тетрадь своихъ переводовъ сербскихъ думъ, приготовленную для цензуры. Я тоже присутствовала при чтеніи,—

но уже не въ качествѣ молчаливой слушательницы, а, будучи уже пріятельски знакомой съ авторомъ, рѣшалась дѣлать свои замѣчанія относительно перевода. М. П. Старицкому мои замѣчанія показались стоющими вниманія и даже на столько, что онъ оставилъ мнѣ тетрадь переводовъ для болѣе внимательнаго просмотра самой, съ правомъ сдѣлать отмѣтки въ тетради. Случилось такъ, что мои отмѣтки,—впрочемъ не особенно многочисленныя,—были всѣ приняты М. П. Старицкимъ къ свѣдѣнію. Съ тѣхъ поръ,—безъ хвастовства могу это сказать,—онъ до странности довѣрчиво относился къ моимъ совѣтамъ: какъ онъ не разъ говорилъ, онъ былъ увѣренъ, что именно я могу съ надлежащимъ вниманіемъ отнестись къ его работѣ и дать надлежащій совѣтъ;—поэтому Михаилъ Петровичъ до конца жизни, если только представлялся къ тому случай, показывалъ мнѣ свои наброски, даже серьёзныя работы, и я рѣшительно не помню случая, когда бы онъ отказался сдѣлать ту поправку выраженія, стиха или даже какой нибудь частности плана, какую я ему дружески совѣтовала сдѣлать. Конечно, это легко объясняется нашимъ единомыслiемъ въ основныхъ интересахъ, а также и тѣмъ, что относительно нашихъ литературныхъ задачъ, пріёмовъ и языка мы тоже были сходны во мнѣніяхъ.

Относительно украинскаго языка еще одно обстоятельство обусловило единеніе нашихъ взглядовъ, свѣдѣній и ихъ примѣненія въ литературной работѣ: наше, такъ сказать, органическое знакомство съ украинскимъ языкомъ, то, которое пріобрѣтается съ дѣтства, было основано на природномъ, одинаково намъ близкомъ нарѣчіи лѣвобережномъ, такъ какъ и Михаилъ Павловичъ, и я были родомъ изъ Полтавщины; но, по волѣ судьбы, мы близко сжились также и съ нарѣчіемъ правобережнымъ: М. П. Старицкій, живя въ Подольщинѣ (въ купленномъ имъ имѣніи, въ селѣ Кордешивкѣ), а я—на Волыни. Мы обое были обрадованы, встрѣтивши, вопреки поверхностнымъ толкамъ, и на Правобережьи тотъ же прекрасный украинскій языкъ; нѣкоторыя мелкія діалектическія отличія, старыя формы, еще сохранившіяся на правомъ берегу Днѣпра (и не встрѣчаемыя уже въ рѣчи полтавскаго люда), даже нравились

намъ. Отсюда происходило, что въ то время, какъ при чтеніи сочиненій Михаила Петровича нѣкоторые земляки-полтавцы находили странными, новыми для своего слуха, вводимыя имъ подольскія слова,—меня они не удивляли и я даже часто, въ замѣнъ полтавскаго, предлагала Михаилу Петровичу волынское выраженіе, если оно, напр., лучше укладывалось въ стихъ (или же просто потому, что оно мнѣ больше нравилось). Михаилъ Петровичъ охотно принималъ такіе «волынизмы», говоря: «да, да, чудесно! такъ говорятъ и у насъ въ Подольщинѣ!»

Таковы были основы нашего литературнаго единенія. Къ этому прибавлю,—впрочемъ, я сказала объ этомъ прежде всего,—у насъ были одинаковыя мнѣнія о задачахъ украинскаго литератора. Мы обое видѣли эту задачу въ расширеніи рамокъ нашей литературы по содержанію; мы обое были за тотъ принципъ относительно формы, который многіе презрительно называли «ковальствомъ» и который мы считали законнымъ, даже необходимымъ.

Лѣтомъ 1876 г. книжка «Сербськыхъ думъ» въ переводѣ Старицкаго вышла въ Кіевѣ, съ посвященіемъ М. П. Драгоманову, «моему щырому другови и товарышови», какъ напечаталъ авторъ-переводчикъ на заглавномъ листкѣ.

Мнѣ М. П. Старицкій прислалъ на Волынь экземпляръ «Сербськыхъ думъ» въ роскошномъ переплетѣ, съ такимъ автографомъ:

Нехай згадается въ симъ слови
Зъ-давенъ прыхыльный вамъ пiить,
Не зрадывъ винъ святiй любови
И порыванням давнихъ литъ.
Колысь байдужымы перстамы
Перегортаючы лысткы,
Вы спогадаете и самы
Свои колышнiи гадкы,
Давно промучени хвылыны
Рожевыхъ образивъ и мрiй....
Такъ часомъ писни гукъ едыный
Зрывае згадокъ цилый рiй!...

«Сербськи думы» были, по моему мнѣнію, замѣчательнымъ пріобрѣтеніемъ украинской литературы. Въ виду того, что изданіе это давно сдѣлалось библіографической рѣдкостью, я приведу отрывокъ «Думъ», чтобы можно было хотя отчасти судить какъ самыхъ думахъ, такъ и о стилѣ ихъ перевода:

1. *Дивчына Косовка* (стр. 167).

Рано встала дивчына Косовка,
Раннимъ ранкомъ у святу недилю,
У недилю до схидъ сонця встала;
Засукала рукава биленьки,
Засукала ажъ до билыхъ локтивъ:
Билый хлибъ несе вона на плечахъ,
А въ рукахъ дви золоти коновкы:
У одній—холодная водыця,
У другій—выпо червоне, добре.
Отъ, иде зъ тымъ на Косове ривне;
Боёвыщемъ молоденька бродыть,
Боёвыщемъ пречесно́го князя,
Розглядае по крови юна́кивъ;
Де надыба юнака жывого,
Умыва холодною водою,
Напува ёго выномъ червонымъ,
Нагодуе по́тимъ хлибомъ билымъ... и т. д.

Повидимому, языкъ перевода вполнѣ соотвѣтствуетъ эпическому народному складу думъ, но критики все же указывали «ковальство»: слова—«боёвыще», «потужный», «судци» (слово чисто народное..).

Нѣсколько времени спустя послѣ изданія «Сербськыхъ думъ», М. П. Старицкій пріѣхалъ неожиданно къ намъ на Волынь, въ нашъ тихій городокъ Звягель. Пріѣздъ такого гостя былъ большою радостью для насъ, хозяевъ. Случилось, что мы тогда-же вмѣстѣ съ М. П. прочли въ «Отеч. Запискахъ» повѣсть какого-то новаго, впервые выступавшаго автора, Котелянскаго, подъ загла-

віемъ «Чиншевики». Повѣсть, сюжетъ которой былъ взятъ изъ народнаго быта юго-западнаго края[1]), была очень талантливо написана; Михаилу Петровичу и мнѣ она понравилась настолько, что мы рѣшили сейчасъ же перевести её по украински. Михаилъ Петровичъ взялъ половину главъ, другую половину взяла я. Въ нѣсколько дней,—во всякомъ случаѣ очень скоро,—переводъ былъ готовъ. Мы послали его во Львовъ, для напечатанія въ одномъ сборникѣ, который издавали Франко и Павликъ. Но увы! увидѣло свѣтъ только мое предисловіе о положеніи чиншевого вопроса въ юго-западномъ краѣ (да и это предисловіе принадлежало собственно не мнѣ, такъ какъ написано было со словъ моего мужа,—являясь лишь въ моей, такъ сказать, редакціи. Что же касается до перевода самой повѣсти, то его постигла очень печальная, даже можно сказать, трагическая участь: по словамъ г. Франка, переводъ былъ сожженъ (sic!) австрійской прокураторіей, воздвигшей гоненіе на нашихъ редакторовъ (за какое-то раньше выпущенное изданіе) и будто бы конфисковавшей всѣ рукописи, какія оказались въ редакціи, въ томъ числѣ и нашъ злополучный, подвернувшійся подъ руку переводъ Чиншевиковъ! Кто могъ этого ожидать, разъ повѣсть была въ подлинникѣ напечатана у насъ въ журналѣ? Непонятное явленіе!...

До сихъ поръ жаль мнѣ этого перевода, сдѣланнаго въ сотрудничествѣ съ М. П. Старицкимъ. Мнѣ кажется, что переводъ прибавилъ бы интересную вещь къ нашей беллетристикѣ. Да что было дѣлать?... «Щось погане перейшло дорогу» этой повѣсти....

Талантливый авторъ «Чиншевиковъ», Котелянскій, вскорѣ умеръ. Повѣсть его отдѣльно не издавалась; намъ тоже—браться вновь за переводъ «Чиншевиковъ» уже какъ-то не было охоты...

Время было унылое и вмѣстѣ неспокойное. Къ этому времени относятся нѣкоторыя оригинальныя стихотворенія Михаила Петровича, которыя частью были напечатаны въ Галиціи, частью исчезли куда-то. Помню сюжетъ одного изъ этихъ стихотвореній,

---

[1]) Котелянскій, родомъ еврей, былъ тоже оттуда и, повидимому, хорошо зналъ мѣстную жизнь.

изображавшаго горькое состояніе души несчастнаго борца, отдавшаго свою молодую жизнь, какъ онъ думалъ, для блага народа, и видящаго, какъ эта самая народная толпа, жадная до зрѣлищъ, бѣжитъ смотрѣть на позорище, на его гибель. Можетъ быть это стихотвореніе было напечатано,—я этого не знаю, читала его въ рукописи.

Въ 1881 году вышелъ въ Кіевѣ сборникъ стихотвореній Михаила Петровича Старицкаго («Зъ давнёго зшытку. Писни и думы»), гдѣ помѣщены были между прочимъ его переводы съ Байрона, Мицкевича, Сырокомли, Гейне. Въ томъ-же, 81-мъ, году вышелъ альманахъ Луна, изданный А. Я. Конисскимъ, гдѣ тоже были помѣщены стихотворенія Михаила Петровича Старицкаго и водевиль «Якъ ковбаса та чарка».

Большое огорченіе ждало М. П. Старицкаго при появленіи рецензій на эти изданія. Критики враждебнаго лагеря осыпали его упрёками въ «дерзости», а также злыми насмѣшками; критики «своего» лагеря говорили сдержаннѣе, но тоже высказывали очень горькія, непріятныя вещи. Вотъ что, между прочимъ, писалъ самъ Костомаровъ, въ Вѣстн. Европы, въ статьѣ «Задачи украинофильства» (рецензія на сборникъ Луна): «Лучше оставить всѣхъ Байроновъ, Мицкевичей etc. въ покоѣ и не прибѣгать къ насильственной ковкѣ словъ и выраженій, которыя народу непонятны, да и самыя произведенія, ради которыхъ они куются, простолюдину непонятны и пока не нужны». («Вѣстникъ Европы», 1882 г. I).

Если такъ говорилъ критикъ *своего* лагеря, любитель украинской литературы и, такъ сказать, товарищъ по перу, самъ нѣкогда писавшій по украински,—то можно себѣ представить, что́, и въ какомъ тонѣ, писали критики враждебные!..

Но увѣренія въ «ненужности пока» европейскихъ авторовъ для нашего народа не убѣждали Михаила Петровича: въ томъ же 1882-мъ году вышелъ въ Кіевѣ его переводъ—Гамлета Шекспировскаго. Это была дерзость выше мѣры, особенно въ виду предисловія переводчика, въ которомъ онъ говорилъ, что взялъ для перевода именно Гамлета—какъ для того, чтобы дать украинской

литературѣ одно изъ лучшихъ произведеній великаго драматурга, такъ и потому, что желалъ бы способствовать выработкѣ нашего литературнаго языка, которая скорѣе всего можетъ быть достигаема посредствомъ переводовъ лучшихъ образцовъ.

Къ своей задачѣ переводчика Михаилъ Петровичъ отнесся въ высшей степени добросовѣстно: онъ познакомился съ лучшими переводами Гамлета французскими и нѣмецкими; желая достигнуть возможной близости перевода къ подлиннику, онъ подробно проштудировалъ англійскій текстъ (съ помощью г-жи О. П. Цвѣтковской, родомъ англичанки) и провѣрилъ по оригиналу свой переводъ построчно. Переводъ вышелъ очень близкимъ и очень удачнымъ. Въ видѣ образца стиха и стиля этого перевода Михаила Петровича, приведу хотя небольшой отрывокъ, для того, чтобы современный читатель имѣлъ понятіе объ этомъ украинскомъ Гамлетѣ, также сдѣлавшемся давно уже библіографической рѣдкостью. Беру отрывокъ изъ перваго-же дѣйствія, изъ обращенія Гамлета къ тѣни отца:

Крыйте насъ, святи небесни сылы!
Хтобъ не бувъ ты—духъ благый, чи клятый,
Чи пахучи повивання зъ неба
Ты несешъ, чи бури чадни зъ пекла,
Чи зъ благымъ замиромъ, а чи зъ лютымъ,
Твоя постать такъ прывабно-дывна,
Що зъ тобою говорыты мушу.—
Тебе клычу: батьку мій, Гамлете,
И корóлю найяснишый данськый!
Озовыся до менé, благаю!
О, не дай въ слипóти погыбаты! и т. д.

Казалôсь бы,—ничего достойнаго порицанія и смѣха нѣтъ въ этомъ стилѣ, въ этихъ словахъ, но критики находили поводъ и для порицанія, и для смѣха. Кто-то пустилъ въ ходъ выдумку, что знаменитый монологъ Гамлета [1]), который читается по рус-

[1]) „To be, or not to be"...

скому тексту «быть, или не быть, вотъ въ чемъ вопросъ»,—у Старицкаго переведенъ будто-бы такъ: «буты, чи не буты, ось въ чимъ закавыка». (Помнится, что и Д. Мордовецъ печатно повторилъ эту злую выдумку). Между тѣмъ, въ переводѣ Старицкаго этотъ монологъ начинается такъ:

Жыты, чи не жыты?
Ось въ чимъ ричъ. Бо що́ йе благороднишъ,—
Чи прыйматы и каминня й стрилы
Одъ лыхои-нависнои доли,
Чи повстаты на те море тугы
Й тымъ повстаннямъ покинчыть все разомъ?
Вмерты—спомъ заспуты й билышъ ничого... и. т. д.

Вообще, въ переводѣ Старицкаго не только не было «закавыкъ», а напротивъ очень тонко были переданы даже оттѣнки то рѣчей возвышенныхъ, то нѣжныхъ, то витіеватыхъ, сообразно подлиннику, оттѣнившему этими различіями слога характерность рѣчи различныхъ персонажей. При литературной невыработанности украинскаго языка, весь этотъ трудъ Старицкаго былъ трудомъ огромнымъ и заслуживалъ полнаго признанія. Вмѣсто того посыпались враждебныя издѣвательства, повторявшіяся, какъ забавныя остроты, и своими...

Михаила Петровича очень раздражало также отношеніе къ его труду, въ который онъ вложилъ такъ много своей души. Въ нашихъ дружескихъ бесѣдахъ онъ зачастую горько сѣтовалъ на долю украинскаго писателя вообще и на свою въ частности...

Въ то время я могла назвать себя товарищемъ его также и въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ это же время, въ началѣ 80-хъ годовъ, вышли мои «Переклады зъ Гоголя» [1]) и «Украинськимъ дитямъ», гдѣ были переводы Лермонтовскаго Мцыри и другихъ стихотво-

[1]) Гдѣ я изложила, въ предисловіи, всѣ свои „ковальскіе“ принципы и взгляды, которыми я хотѣла подѣлиться со всѣми, кто занимается переводами на украинскій языкъ.

реній. Критика приняла мои переводы совершенно такъ, какъ труды Старицкаго: говорила, что Гоголя мнѣ лучше «оставить въ покоѣ», указывала у меня «кованныя» слова,—а этого уже было достаточно для рѣзкаго осужденія! Такія слова какъ «зрадливый», «турботный» и т. п. ставились мнѣ въ тяжкую вину, при чемъ критики, съ разгону и по невѣжеству, приписывали моей ковкѣ и слова *народныя*, которыя *для критиковъ* были новы (напр. «струмокъ», «змарнилый», «збагнуты»). Всё такъ-же, какъ было съ Старицкимъ!.. Даже такъ и установилось, что насъ бранили вмѣстѣ: если, печатно или устно, упрекали въ «ковальствѣ» Старицкаго, то почти всегда вспоминали и меня, если же бранили Пчилку, то ужъ непремѣнно приводилось имя наибольшаго «коваля», Старицкаго...

Не скажу, чтобы такое отношеніе критики—окрыляло... Было больно и горько!.. Не разъ являлась, въ минуту отчаянія, мысль:—да ужъ не бросить ли это украинское писательство?.. Богъ съ нимъ!.. Но минута отчаянія проходила и снова оживала вѣра въ дѣло украинской литературы, оживала неубиваемая любовь къ ней...

Да, одинаковость направленія и одинаковость нашей злой участи (по отношенію къ намъ критики) еще больше скрѣпляла нашу дружбу съ Михаиломъ Петровичемъ; мы были настоящими товарищами!..

Зимою 81 и 82-го года мы снова встрѣтились въ Кіевѣ, какъ осѣдлые въ немъ жители: Старицкіе переѣхали на зиму изъ Подольщины въ Кіевъ—по своимъ соображеніямъ, я изъ Волыни для обученія старшихъ дѣтей. Мы видались часто, тѣмъ болѣе, что къ этому времени относятся наши интенсивныя занятія *русско*-украинскимъ словаремъ, затѣяннымъ особо отъ «большого» словаря, *украинско*-русскаго, надъ которымъ много лицъ (урывками и мы) трудилось въ продолженіе, пожалуй, нѣсколькихъ десятилѣтій. Словарь же русско-малорусскій, какъ подручникъ собственно для переводчиковъ, рѣшено было сдѣлать скоро и не мудрствуя лукаво, при томъ безъ зависимости изданія отъ какихъ бы то ни было академій. Мысль эта, возникшая вообще въ

нашемъ тѣсномъ кружкѣ, очень занимала Михаила Петровича Старицкаго и меня, но особенно энергично взялся за ея осуществленіе М. Ф. Комаровъ, который и вооружилъ себя и насъ всевозможными словарями, источниками и вообще всѣмъ матеріаломъ, при помощи котораго долженъ былъ возникнуть русско-украинскій словарь. Кромѣ насъ, главныхъ участниковъ—Комарова съ женой, Старицкаго и меня,—въ составленіи словаря принимали участіе еще нѣкоторыя лица (Лукьяновъ, Сукачевъ,—не считая случайныхъ участниковъ, ихъ единичныхъ приходовъ). Собирались «словарювать» (какъ мы шутя говорили) то у Комаровыхъ, то у Старицкихъ, то у меня. Славныя это были собранія! Хотя у насъ бывали и ожесточенные споры, точно въ иной академической коммиссіи,—но въ общемъ отрадно вспомнить наши занятія, которымъ мы отдавались, можно сказать, всѣмъ сердцемъ. Намъ казалось, что словарь нашъ будетъ служить такую важную службу! (Впослѣдствіи М. Ф. Комаровъ издалъ его, приложивши еще много своего единичнаго труда).

Въ то-же время М. П. Старицкій объявилъ объ изданіи имъ большого альманаха «Рада». Опять какъ-то такъ само собою вышло, что я стала помощницей Михаила Петровича въ этомъ дѣлѣ; раньше, лѣтомъ 81 г, мы вдвоемъ подавали прошеніе о разрѣшеніи намъ издавать въ Кіевѣ *журналъ* «Раду», но получили отвѣтъ, что ходатайство наше не подлежитъ удовлетворенію. На выходъ же *альманаха* были надежды. Получались рукописи, масса стихотвореній и мелкихъ вещицъ, которыя надо было разобрать и т. д. Михаилъ Петровичъ и я совершенно сходились во мнѣніи, что даже не особенно удачныя вещицы начинающихъ авторовъ слѣдуетъ помѣстить, съ нѣкоторыми неизбѣжными поправками. Конечно, были вещи совершенно безнадёжныя (въ родѣ одного стихотворенія неизвѣстнаго автора: «Охъ, зацвило мое серце сынимъ пустоцвитомъ!»); но въ иныхъ вещицахъ, пожалуй, не особенно искусныхъ, какъ первыя пробы, все же была «жыва душа», и потому исключать ихъ было жаль. Поэтому Михаилъ Петровичъ, давая имъ нѣкоторую редакторскую поправку, помѣщалъ ихъ въ сборникъ. «Рада» разрослась до огромныхъ раз-

мѣровъ. Изъ стихотвореній писателей извѣстныхъ вошли въ неё сочиненія Щоголева, Кулиша, Гринченка; капитальными прозаическими номерами Рады были «Мыкола Джеря» Нечуя, «Повія» Мирного и драма Старицкаго «Не судылось» [1]).

Драма «Не судылось» была той самой пьесой, которая прежде называлась «Панське болото» и которой планъ и отдѣльныя сцены были написаны Михаиломъ Петровичемъ давно. Теперь онъ непремѣнно хотѣлъ совсѣмъ отдѣлать драму, такъ какъ, по его мнѣнію, въ сборникѣ должна была быть, кромѣ стиховъ и повѣстей, большая драматическая пьеса. Осенью 81-го года она была готова. Прежде чѣмъ «выпустить изъ рукъ» этотъ многолѣтъ лелѣянный трудъ, Михаилъ Петровичъ читалъ её отдѣльно разнымъ лицамъ, которыхъ мнѣніямъ онъ вѣрилъ (Конисскому, Комарову, мнѣ). Пьеса всѣмъ намъ очень нравилась.

Въ это время пріѣхала въ Кіевъ русско-украинская труппа, подъ дирекціей Ашкаренка, съ Кропивницкимъ—на первыхъ роляхъ (тогда онъ могъ играть и удальця Гаркушу, и Стецька, вообще самыя разнообразныя роли). Помнится, А. Я. Конисскій, знавшій Кропивницкаго еще раньше, когда онъ изъ посредственнаго русскаго актера сдѣлался выдающимся артистомъ украинскимъ, очень хлопоталъ, чтобы «свои» поддержали пріѣхавшую труппу Ашкаренка. Но эти хлопоты оказались даже излишни, такъ какъ талантъ Кропивницкаго былъ сразу замѣченъ, да и вся вообще украинская труппа скоро привлекла къ себѣ симпатіи публики. Спектакли посѣщались очень усердно. Михаилъ Петровичъ Старицкій восхищался игрой Кропивницкаго, ходилъ за кулисы, вообще сведъ съ нимъ, а затѣмъ и съ другими артистами, близкое знакомство. Старицкіе, жившіе вообще очень открыто, оказывали новымъ пріятелямъ-артистамъ самое широкое и самое радушное гостепріимство.

Видаясь постоянно съ артистами, Михаилъ Петровичъ, конечно, сообщилъ имъ о своей драмѣ, даже устроилъ, такъ сказать,

[1]) Для сцены эта драма впослѣдствіи была разрѣшена подъ заглавіемъ—„Не такъ склалось, якъ жадалось“.

парадное чтеніе своей драмы, въ своей квартирѣ, при многихъ гостяхъ, совѣтовался даже съ артистами относительно постановки ея въ будущемъ на сценѣ.

На лѣто 82-го года артисты уѣхали. Наша Рада печаталась, но довольно медленно. Михаилъ Петровичъ очень раздражался, что къ осени 82-го года была готова лишь половина листовъ сборника,—въ томъ числѣ и его драма,—остальное же было еще въ печати, такъ какъ матерьяла, разрѣшеннаго цензурой, было очень много и управиться съ нимъ было трудно.

Между тѣмъ, съ наступленіемъ осенняго театральнаго сезона того-же 1882 года наши артисты опять пріѣхали въ Кіевъ, причемъ были встрѣчены такъ-же дружественно своими пріятелями. Какъ вдругъ распространяется слухъ, что Кропивницкій привёзъ пьесу подъ названіемъ «Докы сонце зійде, роса очи выисть», что онъ читалъ её нѣкоторымъ, и что пьеса имѣетъ такой же сюжетъ, какъ помѣщаемая въ Радѣ драма Старицкаго «Не судылось». М. П. Старицкій, прослушавши драму Кропивницкаго, тоже въ «прилюдномъ» чтеніи, убѣдился въ этомъ и былъ очень огорченъ... Узнавши, что Кропивницкій желаетъ даже скоро поставить свою пьесу на сценѣ, Михаилъ Петровичъ горько шутилъ:—Да, Кроп. можетъ при этомъ назвать свою пьесу—«Докы Старыцькый надрукуе, Кропывныцькый поставыть на сцени»... Это дѣйствительно такъ и вышло: пьеса Кроп. появилась *на сценѣ* раньше выхода «Рады» изъ типографіи [1]).

Но незлобивость Михаила Петровича взяла верхъ и скоро онъ уже говорилъ: Ну, что-жъ! пусть К. ставитъ... пусть будетъ и его пьеса на тотъ же сюжетъ!.. Чорная кошка, пробѣжавшая (по поводу драмы) между Старицкимъ и Кропивницкимъ, не испортила, въ виду такого взгляда, отношеній обоихъ писателей; дружба ихъ продолжалась и въ этомъ сезонѣ (зимою 82 и 83-го года). Кропивницкій и Садовскій жили тогда въ томъ же дворѣ,

---

[1]) Рада съ драмою „Не судылось“ вышла изъ типографіи въ свѣтъ весною 83 года, а драма Кроп. „Докы сонце“ была поставлена мѣсяцемъ или двумя раньше.

гдѣ квартировали Старицкіе, и были ихъ ежедневными гостями. Всѣ трое (Михаилъ Петровичъ и артисты) были уже на «ты», взаимно называли себя побратымами,—однимъ словомъ, дружба была самая тѣсная.

Результатомъ этого единенія, идейнаго и личнаго, было то, что Михаилъ Петровичъ согласился стать антрепренёромъ той же украинской труппы. Для этого онъ, по окончаніи зимняго сезона, ликвидировалъ свои дѣла, продавши имѣніе въ Подольщинѣ, и на осень 83-го года нанялъ въ Одессѣ театръ, гдѣ долженъ былъ играть Кропивницкій и др. Кончилось владычество «хозяевъ», антрепренёровъ Ашкаренка, Савина,—теперь должна была быть «братерська спилка».

Но М. П. Старицкаго ждало печальное разочарованіе и не менѣе печальное положеніе: завоевавшій положеніе, пріобрѣвшій извѣстность на югѣ артистъ Кропивницкій покинулъ Старицкаго; ушли также Садовскій и Заньковецкая. Всѣ они составили отдѣльную труппу подъ руководствомъ Кропивницкаго...

Старицкій остался въ дорогомъ одесскомъ театрѣ, съ остальными артистами, но безъ первыхъ силъ!.. Но возврата назадъ уже не было, иначе пришлось бы нести еще бо́льшіе убытки, платить неустойки—и за театръ и остальнымъ артистамъ. Съ большимъ трудомъ замѣщены были амплуа оставившихъ—и потянулась для М. П. Старицкаго обычная, тягостная жизнь непрактичныхъ антрепренёровъ. Масса потерь, непріятностей, хлопотъ! Къ этому надо прибавить—безпрерывные переѣзды, неизбѣжную неправильность жизни, всякія случайности; не замедлили явиться для Михаила Петровича и болѣзни,—то воспаленіе легкихъ въ Варшавѣ, то ревматизмъ въ Харьковѣ, особенно опасный для Михаила Петровича, какъ рецидивъ старой болѣзни, навсегда отразившейся у него хроническимъ страданіемъ сердца.

При всѣхъ невзгодахъ и хлопотахъ, «антрепренёру» надо было усиленно заботиться также о репертуарѣ. Пьесъ украинскихъ было всё таки мало; прибавились пьесы Кропивницкаго, но, разумѣется, онъ ставилъ ихъ «у себя». Значитъ, надо было всѣми силами находить другія пьесы. А разрѣшеніе пьесы дра-

матическою цензурою—была такая трудная и, во всякомъ случаѣ, неизбѣжно медлительная вещь!... Этимъ объясняется усиленное разыскиваніе Михаиломъ Петровичемъ пьесъ, существовавшихъ въ какомъ бы то ни было видѣ. Поставлены были на сценѣ нѣкоторыя очень старыя пьесы, можетъ быть еще никогда не видавшія сцены; онѣ были слабыя, но все же шли теперь, хотя разъ-другой... Разнообразіе всё-же занимало публику нѣкоторое время. Не всегда и болѣе новыя пьесы были пригодны для постановки на сценѣ, хотя и были разрѣшены драматической цензурой: онѣ бывали иногда очень не отдѣланы, или казались Михаилу Петровичу несценичными. Что было дѣлать съ ними?

Къ этому-то періоду и относятся многочисленныя передѣлки Михаила Петровича пьесъ, до тѣхъ поръ не игранныхъ. Работа эта требовала отъ него въ сущности такого-же труда, какой нуженъ, чтобъ написать оригинальную пьесу: хотя по афишамъ значилось, что пьеса написана Старицкимъ—въ сотрудничествѣ съ другимъ авторомъ, но на самомъ дѣлѣ Михаилъ Петровичъ работалъ надъ пьесой одинъ, и когда подавалъ рукопись въ цензуру, то отъ прежней композиціи оставалось очень немного,—лишь имя прежняго автора, да общій мотивъ (и тотъ иногда сильно измѣненный). Однако Михаилъ Петровичъ оставлялъ на афишѣ также имя автора прежняго. Въ такомъ видѣ давались «За двома зайцями»—ком. Старицкаго и Левицкаго, «Круты та не перекрутуй»—Стар. и Мирного, «За друга»—Стар. и Потапенка.

Работа передѣлокъ уже извѣстныхъ сюжетовъ была неблагодарною: написавши пьесу на общій мотивъ, напр. на извѣстный пѣсенный мотивъ «Ой не ходы Грыцю» (на который была написана также пьеса Александровымъ), или взявши сюжетъ изъ повѣсти, послужившей автору ея также для драмат. пьесы (Ничъ. нидъ Ив. Купала), Михаилъ Петровичъ навлекалъ на себя непріятности: хотя въ пьесахъ его, написанныхъ на общій сюжетъ, не было ни одной сцены похожей на сцены другихъ авторовъ, писавшихъ на тотъ-же сюжетъ, но авторы иногда были недовольны за общность сюжета, или хотя бы мотива,—и за то,

что пьесы Старицкаго шли на сценѣ, а ихъ пьесы не шли... Возникали непріятныя пререканія.

Есть одна пьеса, сильно подправленная М. П. Старицкимъ, но дававшаяся все-таки подъ именемъ написавшаго её автора, у котораго Михаилъ Петровичъ и не думалъ отнимать его имени, а только, желая бо́льшаго успѣха автору и пьесѣ, сдѣлалъ пьесу, по своему мнѣнію, болѣе сценичною. Авторъ же, имѣя о своей пьесѣ другое мнѣніе, вообще будучи не доволенъ измѣненіемъ ея, настаивалъ, чтобы пьесу давали въ его редакціи,—или не ставили его имени на афишѣ. Пьесу [1]) сняли тогда съ репертуара совсѣмъ... и она для сцены умерла. Трудъ первоначальный автора и трудъ Михаила Петровича оказался напраснымъ.

Но и помимо всякаго рода непріятностей, неизбѣжно связанныхъ съ литературной работой на общія темы, можно вообще пожалѣть, что судьба столкнула М. П. Старицкого съ чисто литературной карьеры (имѣвшей свои непріятности, но всё же дававшей возможность болѣе спокойной, зрѣлой работы) на дорогу «антрепренёрства»,—съ его лихорадочной, «скрутной» атмосферой, съ его спѣшкой и необходимостью для антрепренёра-автора ставить на первомъ планѣ интересы сцены, при томъ *своей* сцены, т. е. своихъ главныхъ артистовъ, приноравливаясь къ ихъ средствамъ и желаніямъ...

Всё это, по моему мнѣнію, отразилось на авторской дѣятельности Михаила Петровича за этотъ періодъ его антрепренёрства: въ пьесахъ этого времени замѣчается спѣшность, неотдѣланность работы, случайность темъ, пестрота сценъ, въ угоду «зрителю» и проч....

Мнѣ кажется, что пьесы Михаила Петровича этого періода вообще значительно уступаютъ написаннымъ раньше и позже его антрепренёрства.

Кочевая жизнь оторвала Старицкихъ отъ Кіева. Съ Михаиломъ Петровичемъ мы видались рѣдко, и о многихъ его пьесахъ приходилось узнавать лишь изъ газетъ. Если же онъ и бы-

---

[1]) Также разрѣшенную къ представленію и въ передѣлкѣ.

валъ въ Кіевѣ, то лишь проѣздомъ, или вообще на очень короткое время, всегда озабоченный, «засмыканный», куда-то спѣшащій, одолѣваемый телеграммами, письмами, приходившими и сюда изъ безпокойной сферы...

Въ 1893-мъ году Михаилъ Петровичъ наконецъ ушелъ отъ антрепризы и поселился снова въ Кіевѣ. Вернулся онъ разстроенный душой и тѣломъ [1]), но жизнь среди семейной обстановки, вообще при лучшихъ условіяхъ жизни въ Кіевѣ, который Михаилъ Петровичъ всегда такъ любилъ (казалось, онъ любилъ самый воздухъ кіевскій!), скоро подѣйствовала на него благопріятно. Онъ отдохнулъ отъ прежней сутолоки, вернулся къ болѣе спокойной литературной работѣ, къ темамъ, которыя ему нравились сами по себѣ. Теперь онъ занялся своими драмат. сочиненіями, безотносительно къ скорѣйшей постановкѣ ихъ на сценѣ и къ другимъ обстоятельствамъ, связаннымъ съ этимъ.

Но такъ какъ судьба, хотя и бывающая милостивой къ инымъ антрепренёрамъ, кромѣ убытковъ ничего не дала Михаилу Петровичу, то приходилось всё-же думать о заработкѣ; литературнымъ трудомъ, который бы могъ дать такой заработокъ, явились романы и повѣсти Михаила Петровича на русскомъ языкѣ, которые онъ помѣщалъ большею частью въ московской, а иногда кіевской газетѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что хотя этимъ своимъ сочиненіямъ, даже романамъ, Михаилъ Петровичъ придавалъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ своимъ сочиненіямъ украинскимъ, но относился къ нимъ всё же очень внимательно, всегда тщательно составляя для нихъ планъ, знакомясь съ источниками, относящимися къ тому времени и къ тѣмъ историческимъ лицамъ, которыя онъ бралъ для своего романа. Содержаніе для всѣхъ своихъ романовъ онъ бралъ изъ исторіи Украины. Да, это была всегда—наша прошлая жизнь: времена козаччины, гайдамаччины; дѣйствующими лицами были всё тѣ же герои «козацькыхъ часивъ», козацкой среды... Иногда Михаилъ Петровичъ какъ будто не хо-

---

[1]) Онъ пріѣхалъ (съ дочерью Людмилой) изъ Одессы—совершенно больной.

тѣлъ помнить, что пишетъ для русской газеты—и главы романа его пестрѣли множествомъ украинскихъ словъ...

Романы изъ исторіи Украины Михаилъ Петровичъ писалъ въ сотрудничествѣ своей дочери, Людмилы. Михаилъ Петровичъ чрезвычайно любилъ её и цѣнилъ ея способности; въ области творчества у нихъ было большое общеніе. Отъ отца Людмила Михайловна унаслѣдовала поэтическій даръ. Михаилъ Петровичъ былъ этимъ очень счастливъ; помню, съ какимъ наслажденіемъ декламировалъ онъ ея первый большой трудъ,—сразу сдѣлавшій ея имя извѣстнымъ среди молодыхъ нашихъ писателей,—драматическій этюдъ «Сафо».

Да, въ 1890-ые годы вообще опредѣлились наши литературные потомки: въ Кіевѣ подобрался цѣлый кружокъ молодыхъ писателей украинскихъ; кромѣ Людмилы Старицкой, въ немъ были—Михайло Обачный, Самійленко, Славинскій, Стешенко, Тимченко, Леся Украинка и другіе. Устраивались маленькія литературныя собранія, на которыхъ молодые авторы читали свои произведенія,—переводы и оригинальные опыты. М. П. Старицкій, А. Я. Конисскій, я и нѣкоторые другіе представители стараго поколѣнія бывали также на этихъ чтеніяхъ. Нужно сказать правду, что мы къ нимъ и они къ намъ относились съ одинаковымъ уваженіемъ. Они насъ приглашали и мы съ радостью шли къ нимъ. Не смотря на то, что они,—какъ это было вполнѣ естественно,—могли пойти дальше насъ, могли быть и талантливѣе стариковъ, мы не смотрѣли на нихъ, какъ на «соперниковъ», которые, молъ, насъ «пидвéрнуть пидъ ко[redacted]», а отъ души радовались ихъ успѣхамъ и желали всячески поддержать ихъ.

М. П. Старицкій просто увлекался сочиненіями молодыхъ авторовъ. Вообще слѣдуетъ отмѣтить,—если ужъ зашла рѣчь о возможности «соперничества»,—что это чувство, вражда къ могущему превзойти тебя товарищу, эта, какъ французы называютъ, jalousie de métier (къ сожалѣнію, свойственная многимъ самымъ лучшимъ людямъ, дѣятелямъ всѣхъ сферъ),—это чувство было совершенно чуждо М. П. Старицкому. Я никогда не видѣла, чтобы кто-нибудь такъ сердечно относился именно къ лю-

дямъ одного съ нимъ дѣла, какъ Михаилъ Петровичъ! Каждому,—старому, или начинающему писателю нашему,—онъ радовался, готовъ былъ всячески придти на помощь его начинаніямъ, удѣляя ему свое время, совѣтъ,—все, что могъ.

Поэтому, легко представить себѣ, что и къ появившемуся кружку нашихъ молодыхъ писателей Михаилъ Петровичъ отнёсся съ большимъ вниманіемъ и любовью. Онъ восторгался ихъ стихами, пропагандировалъ ихъ, читая другимъ, какъ бы хвалясь ими, у себя и на вечеринкахъ; однимъ словомъ, былъ по отношенію къ начинающимъ писателямъ-преемникамъ искреннимъ другомъ.

При этомъ Михаилъ Петровичъ справедливо говорилъ (безъ горечи, напротивъ, съ отраднымъ чувствомъ):—Отжежъ такы, дожылы мы, що есть у насъ наслидныкы,—справа наша не пропала!—Пожалуй, Михаилъ Петровичъ могъ не только радоваться, но даже въ извѣстномъ смыслѣ торжествовать, указывая на сочиненія «дѣтей»: тѣ принципы, которые онъ проводилъ въ литературѣ, за которые столько терній и «ганьбы» упало на его голову, были совершенно приняты новыми литераторами: они переводили Данте, Гейне, В. Гюго, Аду Негри, Надсона,—и уже никто изъ своихъ людей не говорилъ имъ, что такіе авторы «пока не нужны» нашему народу; они брали не одинъ только народный пѣсенный складъ стиха, а употребляли разнообразныя его формы: гекзаметръ, сонетъ, rondo, давая иногда куплету самое изысканное расположеніе; знаменитое «ковальство» совершенно перестало быть пугаломъ и пріобрѣло въ сочиненіяхъ молодыхъ писателей широкое право гражданства.

— «Посмотрите,—говорилъ мнѣ бывало Михаилъ Петровичъ,—всѣ наши слова, за которыя насъ такъ ругали, теперь вошли въ употребленіе: вотъ—*мрія, темрява, сутинь, прывабный, знадлывый*, и т. д. и т. д.! И—ничего... А новые писатели даже не думаютъ, что эти слова были когда-то проклятые, «кованые»... Да, имъ, молодымъ, лучше теперь,—стежка протерта... Ну, и слава Богу»!

А молодые съ трудомъ вѣрили, когда имъ передавали исторію нѣкоторыхъ словъ: такъ напр., удивлялись, почему же нельзя было-бы сказать—«байдужый», «байдужисть»? Приходилось давать имъ «историческую» справку о томъ, какъ Костомаровъ писалъ, что сковать и употреблять слово «байдужисть» всё равно что говорить по-русски—«всёнипочемность»... Молодые писатели пожимали плечами...

Tempora mutantur!

Принятіе молодыми писателями принциповъ, которымъ служилъ Михаилъ Петровичъ, реабилитировало его, очищало его имя отъ старыхъ упрёковъ,—по крайней мѣрѣ, въ кругу сочувствующихъ дѣлу украинской литературы.

Забывались «гапебныя» слова «ковальство», «коваль»; укрѣплялось сознаніе большихъ литературныхъ заслугъ Михаила Петровича.

Вспомнили, что трудится Михаилъ Петровичъ давно—и въ 1894-мъ году устроили его тридцатилѣтній юбилей. Этотъ юбилей былъ отпразднованъ въ тѣсномъ товарищескомъ кругу,—б. м. черезчуръ тѣсномъ: рѣшено было отпраздновать юбилей исключительно въ кругу товарищей, слѣдовательно безъ участія дамъ [1]). И не знаю, почему именно къ этому празднику, тридцатилѣтію литературной дѣятельности Михаила Петровича, приложенъ былъ архаическій принципъ Запорожской Сѣчи... М. б. это—вышло случайно, но многія давнія знакомыя Мих. Петровича, много лѣтъ уважавшія его, были очень огорчены, лишившись возможности принять участіе въ чествованіи уважаемаго дѣятеля; въ особенно-же непріятномъ положеніи, очутилась—я, такъ какъ, зная о времени юбилея Михаила Петровича, но не зная о слишкомъ частномъ характерѣ устройства его, я собственно для юбилея Мих. Петровича и пріѣхала въ Кіевъ!... Пожалуй, благодаря личному заявленію Михаила Петровича, я могла бы попасть на его юбилей, но добиваться исключенія только для себя было-бы не-кстати

[1]) Гостьями были только дамы изъ семьи юбиляра,—его жена и дочери.

и неловко по отношенію къ другимъ дамамъ,—и я осталась въ квартирѣ Старицкихъ, у которыхъ остановилась. Мое личное поздравленіе Михаила Петровича въ день его «свята» было во всякомъ случаѣ принесено.

Поздно возвратились Старицкіе. Они всѣ были очень довольны вечеромъ, оживленно разсказывали о сердечномъ, дружескомъ характерѣ юбилея. На пальцѣ Михаила Петровича сіялъ брильянтовый перстень, поднесенный ему на память отъ друзей. Свѣтло сіяли также глаза Михаила Петровича,—онъ былъ очень счастливъ въ этотъ вечеръ!

Какъ я сказала, отдохнувшей душой погрузился Михаилъ Петровичъ снова въ свои задушевныя работы, для которыхъ онъ постоянно удѣлялъ время отъ занятій, дававшихъ ему заработокъ. Около этого времени и въ слѣдующіе годы были имъ написаны такія выдающіяся вещи, какъ Зимовый вечеръ, Въ темряви, Талантъ, Маруся Богуславка, Осада Буши, Легенда, Останняя ничъ, Чаривный сонъ, Крестъ жизни и много стихотвореній, переводныхъ и оригинальныхъ.

Кромѣ писательства, Михаилъ Петровичъ выступаетъ во 2-ой половинѣ 90-хъ годовъ еще въ одной сферѣ дѣятельности,—какъ ревностный членъ «Кіевскаго литературно-артистическаго общества» (гдѣ Михаилъ Петровичъ скоро сдѣлался членомъ правленія и членомъ почетнымъ). Въ 1890-ые годы въ общество это вступило довольно много нашихъ членовъ и, благодаря вообще интенсивной дѣятельности общества въ это время, явилась возможность устраивать также и наши украинскіе вечера. Мы устраивали роковины Шевченка, юбилейные вечера [1]),—цѣликомъ украинскіе,—а также старались къ программѣ вечеровъ въ честь русскихъ и иностранныхъ писателей прибавлять номера украинскіе, въ видѣ переводовъ стихотвореній и текстовъ къ музыкѣ. Многое писалось, переводилось нарочно для этихъ вечеровъ. М. П. Старицкій тоже далъ для этихъ вечеровъ немало стихотвореній, участвуя также и въ качествѣ чтеца. Декламаторъ онъ былъ пре-

[1]) Стороженка, Котляревскаго, Кропивницкаго и др.

восходный и всегда имѣлъ на эстрадѣ очень большой успѣхъ у публики. Читалъ онъ какъ свои стихотворенія, такъ и чужія,—Шевченка, Кулиша, Леси Украинки и др. Своимъ чтеніемъ Мих. Петровичъ умѣлъ придавать двойную прелесть стихамъ!

Желая въ области искусства отдавать должное высокому таланту, Михаилъ Петровичъ участвовалъ также въ юбилейныхъ вечерахъ Пушкина и Мицкевича.

За Мицкевича намъ съ Мих. П—чемъ пришлось даже въ извѣстномъ смыслѣ «пострадать», такъ какъ нѣкоторые наши галицкіе литераторы очень разсердились на меня и М. П—ча за устройство юбилейнаго вечера Мицкевича въ Кіевск. литературно-артистич. Обществѣ. Мы же рѣшили, что поступали правильно, заботясь о юбилеѣ Мицкевича: прежде всего, положеніе поляковъ въ Галиціи и у насъ—совершенно различно; кромѣ того, такой огромный талантъ, какъ Мицкевича, должно ставить выше партійныхъ соображеній, тѣмъ болѣе, что въ своей писательской дѣятельности М—чъ былъ «рыцаремъ безъ страха и упрека»: наконецъ, слѣдуетъ же руководствоваться и тѣмъ принципомъ, что тотъ, кто любитъ свое родное слово, долженъ уважать и чужое.

Возвращаюсь къ Михаилу Петровичу. Если въ 90-ые годы слава его, какъ достойнаго дѣятеля украинской литературы, укрѣпилась и возросла въ кругу старыхъ и молодыхъ товарищей, если извѣстность его возросла также и въ публикѣ, то это все-таки не исключало, конечно, возможности нападокъ на него въ лагерѣ, враждебномъ вообще украинской литературѣ. Травля продолжалась упорно и злобно, причиняя Михаилу Петровичу большое огорченіе. Повторялось все то-же, включительно до пресловутой «закавыкы» (несмотря на то, что Михаилъ Петровичъ помѣстилъ, наконецъ, замѣтку-справку, съ цитатой изъ его Гамлета, доказывавшей, что «закавыка» есть наглое измышленіе). Нападки продолжались. Оставалось лишь вооружиться спокойствіемъ и терпѣніемъ.

Но появилось такое обвиненіе, котораго стерпѣть Мих. П—чъ уже не могъ: его обвиняли въ похищеніи чужихъ пьесъ, при утайкѣ имени ихъ авторовъ, и даже просто въ плутовствѣ,

подтасовкѣ каталоговъ и другихъ документовъ, съ цѣлью полученія неслѣдовавшаго ему гонорара. Мих. Петровичъ рѣшилъ тогда, что ему остается обратиться въ судъ.

Кіевскому окружному суду не отказались дать свои письменныя и личныя показанія многія лица, знавшія близко писательскую дѣятельность М. П—ча. Главный интересъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній вращался около піесы М. П. Старицкаго «Не судылось» (по сценѣ—«Не такъ склалось, якъ жадалось»), такъ какъ газетная клевета указывала на нее, какъ на заимствованную у г. Кропивницкаго. На судѣ выяснилось, что никоимъ образомъ нельзя заподозрить Старицкаго въ заимствованіи у Кропивницкаго, уже по одному тому, что его піеса была извѣстна въ рукописи далеко раньше появленія піесы Кропивницкаго [1]).

Дѣло это, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, въ концѣ концовъ разсмотрѣно было Сенатомъ, который нашелъ всѣ измышленія инкриминированной замѣтки—клеветою, умышленными навѣтами, порочащими честь Старицкаго.

Послѣ рѣшенія Сената и передачи имъ дѣла въ харьковскую судебную палату, оно кончилось—миромъ: авторъ замѣтки *отказался* отъ тѣхъ обидныхъ для Старицкаго положеній, которыя въ ней были высказаны (пункты отказа были напечатаны въ газетахъ); Старицкій такую мировую подписалъ, такъ какъ для него главное было не въ какой-либо «карѣ», а именно лишь въ томъ, чтобы снять съ своего имени тѣнь, наброшенную рецензентомъ.

Это и было достигнуто. Разъ рецензентъ взялъ назадъ то, что Старицкій считалъ обиднымъ для своей чести, то это было,

---

[1]) Равнымъ образомъ, нѣтъ никакихъ основаній предполагать и обратное заимствованіе, т. к. изученіе обѣихъ піесъ ясно показываетъ, что разработка сюжетовъ у авторовъ совершенно самостоятельна: самый-же сюжетъ настолько распространенъ въ жизни, что оба автора, независимо другъ отъ друга, могли избрать его темой для своихъ драмъ. *Ред.*

пожалуй, даже болѣе важно, чѣмъ выигрышъ дѣла еще въ одной судебной инстанціи. Замѣчательно, что послѣ мировой — у Мих. Петровича, дѣйствительно, исчезло даже враждебное чувство къ своему бывшему противнику, вовлеченному, какъ думалъ теперь Мих. Петровичъ, въ заблужденіе другими лицами.

Такимъ образомъ, благополучно окончилось это дѣло, стоившее Мих. Петровичу такъ много волненій. А здоровье Мих. Петровича было не въ такомъ состояніи, чтобы онъ могъ легко переносить волненія: сердечная болѣзнь сдѣлала большіе успѣхи за послѣдніе годы: сердцебіенія, вообще неправильности пульса, а затѣмъ сильное ослабленіе, продолжительное лежаніе—совсѣмъ одолѣвали М. Петровича.

Такъ какъ волненіе, неизбѣжное при выступленіи на эстрадѣ, было очень вредно для Мих. Петровича, то онъ въ послѣдніе годы пересталъ выступать передъ публикой на вечерахъ литер.-артистич. Общества. Послѣдній разъ читалъ онъ публично въ Кіевѣ, на моемъ юбилеѣ, въ литературномъ отдѣленіи. М. Петровичъ прочелъ цѣлый мой разсказъ «Била кыцька». Читая вещь прозаическую, и при томъ сидя, онъ могъ чувствовать себя спокойнѣе; впрочемъ, могло быть и то, что, рѣшивши выступить съ этимъ чтеніемъ несмотря на нездоровье, Мих Петровичъ приносилъ нѣкоторую жертву, ради того, что хотѣлъ «поощрить» стараго товарища.

Это чтеніе было послѣднимъ въ Кіевѣ, а вообще послѣдній разъ въ жизни М. П. Старицкій читалъ публично на торжествѣ открытія памятника Котляревскаго въ Полтавѣ: въ театрѣ, въ литературномъ отдѣленіи торжественнаго утра въ честь Котляревскаго. Мих. Петровичъ прочиталъ большой отрывокъ изъ Энеиды (сборы и посѣщеніе Энеемъ, вмѣстѣ съ «товарыствомъ», царя Латина) и нѣсколько своихъ прекрасныхъ, идейныхъ стихотвореній. Публика самое появленіе и чтеніе Мих. Петровича принимала восторженно.

Никто не думалъ, видя подбодрившагося, такъ свѣтло настроеннаго Михаила Петровича, «что это было въ послѣдній разъ»!..

Что касается до литературной работы, то Мих. Петровичъ не переставалъ заниматься ею, несмотря на свой недугъ, и въ послѣдніе годы: какъ только его «отпускало», онъ сейчасъ-же принимался за писанье; часто писалъ лёжа, карандашемъ, но все-таки писалъ,—при чемъ сила его воображенія была удивительна: онъ по прежнему могъ создавать цѣлыя сложныя картины и яркіе образы. Въ послѣдній годъ его жизни написанъ имъ новый романъ и большая историческая поэма изъ временъ казаччины; написанъ текстъ либретто для полной *оперы* «Утоплена» и переведена пьеса Роза Бернтъ (Гауптмана); написаны также новыя лирическія стихотворенія. Въ этотъ же «послѣдній» годъ М. Петровичъ собралъ и пересмотрѣлъ, всѣ свои прежнія стихотворенія, печатавшіяся особо въ его сборникахъ, или въ журналахъ и альманахахъ; съ добавкою новыхъ, и даже самыхъ послѣднихъ, составилась большая книжка, совершенно готовая теперь для изданія: подавать ее въ цензуру и выпускать въ свѣтъ М. Петровичъ предоставилъ другому лицу, купившему у него право изданія.

Пересматривая матеріялы для этого полнаго собранія своихъ стихотвореній, М. Петровичъ говорилъ:—да, да, пора приготовляться въ «далеку дорогу»!..

Въ послѣднее лѣто, проведенное въ кіевской Дарницѣ, въ ея прекрасномъ бору, мысль М. Петровича, повидимому, часто отрѣшалась уже отъ міра сего, погружаясь на лонѣ природы въ слишкомъ спокойное созерцаніе ея величія, въ какое то надземное единеніе и съ нею и съ тѣми силами, которыхъ постоянно искалъ мысленный взоръ. Выраженіемъ такого состоянія души и мысли служитъ слѣдующее прекрасное стихотвореніе М. Петровича, написанное *послѣднимъ* лѣтомъ, тамъ же въ Дарницѣ, въ ея бору:

Якъ урочысто тутъ, замовкъ велычный биръ,
Неначе храмъ по молытовнимъ спиви;
Въ вечирню млу понявсь ёго сумный убиръ,
У померкы таемно-полохлыви...

И тыхо, тыхо скризь... Задумани стоять,
Мовъ велетни часивъ баечныхъ, хвои,
У лавы ривно скризь вшыковапа ихъ рать,
Готова стать до боротьбы лыхои.—
Такъ, лементу не чуть, кативъ людськыхъ нема,
А лагода ласкаво віе всюды...
Смолыстыхъ пахощивъ кадыло тутъ пройма
Знеможени, натруженіи груды...
И впала смерть—не смерть, безчулый сонъ—не сонъ,
А забуття злетило до истоты;
Але у тыши тій не згукы похоронъ,
Не стогоны безрадпои скорботы,—
А чуется яснишъ велыка таина...
Якыйсь чудовый спивъ у безвисти луна...
Бажается збагнуть, обнять неосяжне,
Проглянуты въ конечне счастя мыра...
И щось могутнее охоплюе мене,
И на души у Правду стыгне вира!

Дарницкій боръ, смолистое вѣяніе котораго считали такимъ полезнымъ для затрудненнаго дыханія Михаила Петровича, дѣйствительно, поправилъ въ значительной мѣрѣ его здоровье. Онъ смогъ даже предпринять въ августѣ прошлаго года поѣздку въ Полтаву, на открытіе памятника Котляревскому.

Дочь Михаила Петровича, Людмила, хотя очень желала «повезты Тата» на это торжество, но опасалась, какъ бы эта поѣздка не была ему вредна, какъ бы самыя торжества не слишкомъ утомили его. Однако оказалось, что путь къ такой интересной цѣли и самыя торжества ничуть не утомили, а, наоборотъ, поднявши духъ, приобщивши Михаила Петровича снова къ «житейскому волненію», какъ-будто укрѣпили и тѣло его. Бодрый и веселый встрѣтился Михаилъ Петровичъ въ Полтавѣ съ многочисленными пріятелями и товарищами, пріѣхавшими со всѣхъ сторонъ на праздникъ; онъ принялъ даже участіе въ хлопотахъ одного изъ

устроителей торжества, Н. А. Дмитріева,—ѣздилъ хлопотать, по поводу извѣстнаго «чтенія привѣтствій», къ городскому головѣ и еще къ кому-то, наконецъ принялъ и личное участіе въ программѣ торжествъ, о которомъ я уже говорила.

Живо вспоминается мнѣ величественная фигура Михаила Петровича, какъ онъ, еще въ первое утро торжествъ, выдѣляясь изъ многочисленной толпы, стоялъ у самаго помоста, гдѣ происходило молебствіе, по окончаніи котораго упалъ покровъ и появился ярко облитый свѣтомъ памятникъ нашего «батька», нашего славнаго земляка Котляревскаго! Для одной этой минуты стоило пріѣхать... Михаилъ Петровичъ сіялъ, глядя на памятникъ, въ лице поэта.

Сама родная земля полтавская какъ будто оживляла Михаила Петровича и въ слѣдующіе дни. Онъ точно помолодѣлъ: ѣздилъ, ходилъ по Полтавѣ, полной воспоминаній... Радовала его также встрѣча съ родными (съ семьей Булюбашъ, у которой онъ прожилъ «полтавскіе дни», съ Старицкими,—къ одному изъ нихъ Михаилъ Петровичъ отправился съ дочерью Людмилой погостить въ миргородскій уѣздъ).

На томъ портретѣ, гдѣ М. П. снялся въ Полтавѣ въ группѣ съ молодыми писателями (именно по просьбѣ ихъ, такъ какъ въ этомъ была особая идея), хорошо запечатлѣлось то веселое, свѣтлое настроеніе, въ которомъ былъ Михаилъ Петровичъ, живя въ Полтавѣ.

Хорошее состояніе здоровья Михаила Петровича продолжалось нѣкоторое время и по возвращеніи въ Кіевъ. Но осень съ ея непогодами и зима—снова уложили Михаила Петровича въ постель. Болѣзнь проявилась опять; «отпустивши» на время, давши прожить «просвитлу годыну», она какъ бы съ тѣмъ большею силою вступила въ свои жестокія права. А тутъ еще случилась тяжелая болѣзнь жены Михаила Петровича; онъ очень тревожился, огорчался—и разболѣлся въ концѣ. На другомъ праздникѣ нашемъ, юбилеѣ Лисенка и нашей пѣсни, Михаилъ Петровичъ уже не могъ присутствовать,—онъ лежалъ тяжко боль-

ной; на товарищескомъ ужинѣ, послѣ юбилейнаго представленія «Риздв. ночи», мы забочно пили за здоровье автора ея текста!..

Къ веснѣ стало совсѣмъ худо. Михаилъ Петровичъ почти не вставалъ съ своего дивана. Сердечные припадки, боли, безсонныя ночи одолѣвали его. А сознаніе было полное, творческая мысль работала, хотя и провидя скорый конецъ...

Вотъ послѣднее стихотвореніе, которое онъ еще самъ далъ переписать съ листочка, написаннаго карандашемъ: оно уже обвѣяно смертными грёзами... Ему видятся умершія—мать и др.

Не спытся... Зновъ чорніи думы
Обсилы, мовъ галычъ, мене;
Зновъ постать блида середъ стумы
Сонъ зъ вій моихъ млявыхъ жене...
Та пóстать немовъ-бы знаёма,
Зрынае изъ мрійнои млы:
Въ облыччи и смутокъ, и втома
Тяжкымы знакамы ляглы...
Я чую поржавлени струны
Щось давне, забуте бренять.
Стари одчыняются трупы
И мертвыхъ здіймается рать.
Ихъ образы віются коломъ
Надъ лижкомъ, надъ темнѣмъ столомъ...
И чуется въ тыши покволомъ
Немовъ похоронный псаломъ:
«Безсчасне жытейськее море,
Негодъ воно повне та бурь,
Якъ мыра незважене горе...
Не журь ёго, нене, не журь!
Багато довидавсь винъ мукы,
Напывся докирлывыхъ слизъ...
Пора-жъ и зложыть ёму рукы:
Свій тягаръ уже винъ довизъ...
Поглянь—ёго серце холоне,
Спынытыся може що-мыть...
Прыймы-жъ свого сына на лоно

И будемъ Владыку молыть:
Пробачъ, Хрысте-Боже, рабови
И вильни й невильни выны,
Та зъ ласкы, зъ святои любови,
Прыймы у осели ясни;
Впокій ёго душу у счасти
Нового зъ святымы буття,
Де нѣсть ни страждань, ни напасти,
А есть безконечне жыття!»

Зновъ тыша, и стума, и мука...
Заснуты—піякъ не засну...
А серце такъ болисно стука,
Немовъ забываютъ труну...

Скорбнымъ предвидѣніямъ суждено было скоро сбыться...

Однако, къ Свѣтлому празднику Михаилъ Петровичъ какъ бы заставилъ себя встать. Когда на самый Великдень, на первый день, мы съ мужемъ пошли провѣдать Старицкихъ, то застали Михаила Петровича въ столовой, съ гостями (былъ Н. В. Лисенко и три сестры—урожденныя Оконоръ). Это и былъ послѣдній разъ, что я видѣла Михаила Петровича на ногахъ. Онъ казался страшно похудавшимъ, но былъ довольно бодръ, имѣлъ праздничный видъ. Онъ цѣлый вечеръ сидѣлъ съ нами, много говорилъ о событіяхъ войны, которыя его очень занимали, и о разныхъ другихъ вещахъ, даже шутилъ. Дочь Людмила разливала чай: Михаилъ Петровичъ нѣкоторое время любовался ею, потомъ вдругъ сказалъ—«славна дытына!» и, взявши, поцѣловалъ ея руку.

Прощаясь съ нами, Михаилъ Петровичъ просилъ меня удѣлить на праздникахъ время и придти прочитать съ нимъ его переводъ пьесы Гауптмана (Роза Бернтъ), который онъ сдѣлалъ передъ праздниками.

Но читать намъ больше не пришлось... На другой же день повторился съ Михаиломъ Петровичемъ такой ужасный сердечный припадокъ съ продолжительнымъ обморокомъ,—что всѣ послѣдующіе дни были только искусственнымъ продолженіемъ жи-

зни, при посредствѣ экстренныхъ медицинскихъ мѣръ... Пульсъ, дыханіе были совсѣмъ плохи.

Лишь сознаніе оставалось,—сознаніе близкой смерти: скорбно-спокойно говорилъ Михаилъ Петровичъ женѣ и дѣтямъ:—«Да, это была послѣдняя отсрочка... Впрыскиванія, лекарства, какъ это все далеко отошло!.. Наступаетъ параличъ сердца»...

И сердце, дѣйствительно, перестало биться: въ то же утро, 14-го апрѣля, Михаилъ Петровичъ скончался. Печальная вѣсть распространилась; друзья собрались въ домѣ на панихиду. Невыразимо скорбное чувство испытывали мы, глядя на эти закрывшіеся глаза и навѣки сомкнувшіяся уста! Не хотѣлось вѣрить, что дорогой другъ уже не отъ нашего міра: онъ лежалъ въ гробу какъ-бы не пораженный смертью,—спокойный, торжественно-величавый, съ просвѣтлённой улыбкой; казалось, что онъ лишь уснулъ и ему грезится что-то лучшее, свѣтлое... Только ужасное смертное ложе,—покрытое вѣнками, сіявшими своею страшною красотою, повитою траурными лентами съ печальными привѣтами,—говорило, что другъ нашъ спитъ сномъ, отъ котораго нѣтъ пробужденія...

На другой день тяжелая крышка гроба закрылась и мы провели его въ церковь Благовѣщенія, а оттуда на Байкову гору, гдѣ и опустили Михаила Петровича въ могилу, на новомъ кладбищѣ, близъ церкви. Съ могильнаго мѣста видѣнъ Кіевъ.

Похороны Михаила Петровича были величавые. Гробъ все время несла молодежь на рукахъ. Впереди подвигался катафалкъ, весь покрытый вѣнками; развѣвались ихъ ленты: «коханому Татови и другови», «Одъ украинськыхъ пысателивъ», «отъ Литерат. Общества», «одъ Кіевскои Старины», «одъ студентивъ-украинцивъ», «одъ артистивъ» и т. д. и т. д. нѣсколько десятковъ вѣнковъ. Иные вѣнки къ похоронамъ не поспѣли (изъ заграницы, изъ Черноморіи),—они будутъ положены, когда будетъ вполнѣ устроена могила.

Огромная толпа провожала гробъ до могилы. У этой раскрытой могилы сказаны были людьми старыми и молодыми теплыя рѣчи.

Мнѣ кажется, что лучшими словами были тѣ, которыя, послѣ отпѣванія, неожиданно раздались еще въ церкви,—они исчерпывали все: отецъ Михаилъ Вишневецкій, священникъ церкви Благовѣщенія, сказалъ надъ гробомъ Михаила Петровича Старицкаго:—«Исторія дастъ судъ надъ всѣми дѣлами его, судъ истинный. Онъ любилъ родину, любилъ родное слово, страдалъ за это, но любилъ; этимъ словомъ онъ будилъ самыя святыя, добрыя чувства въ ближнихъ своихъ».

Это составляетъ сущность того, что можно сказать надъ гробомъ М. П. Старицкаго. Слово отца Михаила произвело большое впечатлѣніе на толпу присутствовавшихъ.

Да, родное слово Михаилъ Петровичъ любилъ горячею, вѣрною любовью—отъ молодыхъ лѣтъ, когда онъ слагалъ этимъ словомъ первыя свои пѣсни, и до послѣднихъ дней жизни, когда, уже слабѣющей рукой, продолжалъ чертить слова всё той же дорогой рѣчи, сливавшейся въ его душѣ съ самыми дорогими образами.

Литературное наслѣдіе, оставленное Михаиломъ Петровичемъ въ этомъ дорогомъ ему украинскомъ словѣ, очень велико и разнообразно. Не считая настоящій моментъ подходящимъ для подробнаго критическаго разбора сочиненій Михаила Петровича, укажу лишь на главнѣйшіе мотивы, проникавшіе его творчество, и на тѣ размѣры, которые приняло у него изображеніе украинской жизни.

Основнымъ мотивомъ, одухотворявшимъ наилучшія сочиненія Михаила Петровича, была патріотическая идея; для ея воплощенія находилъ онъ темы какъ въ прошлой, такъ и въ настоящей жизни родины; формами же выраженія этой идеи были и мелкое стихотвореніе, и обширное прозаическое произведеніе. Влеченію выражать эту идею подчинялись какъ оригинальныя сочиненія М. П—ча, такъ и его выборъ многихъ переводовъ.

Не загромождая указанія на этотъ мотивъ творчества Михаила Петровича отрывочными цитатами, хотя бы и прекрасныхъ мѣстъ изъ его стихотвореній и драмат. произведеній, изъ которыхъ можно было бы взять не мало яркихъ мѣстъ, монологовъ

и пр.,—я, для цѣльности впечатлѣнія, приведу полностію хотя одно стихотвореніе, блещущее конкретнымъ, импозантнымъ образомъ героини-патріотки, блещущее также и формою,—можно сказать, мастерскимъ стихомъ:

Дочка Гефая.

Якъ що доля велыть полягты за свій край
Въ песподивану раннюю могылу,
Ты, мій батьку святый, серце скорбне втрымай:
Смерть моя дасть одвагу и сылу!
Въ нетремтячій руци поведы мене самъ
На майданъ, до кативъ, до сокыры,
И безъ жалю, безъ слизъ, похылюся я тамъ
Зъ серцемъ повнымъ надіи та виры:
Що одужа народъ, не знесе бильшъ ярма
И розправыть натружени груды,
Що на ридній земли зныкне, щезне питьма,
Сонце правды засяе повсюды;
И на вильныхъ поляхъ, въ ныву власну ратай
Кыне зерна добирного жыта,
И красуня дочка той збере урожай,
Не даючы напасныку мыта.
Васъ, дибровы, гаи, у одежи ряспій
Не побачу я въ счасну годыну,
Але кревный народъ, въ своій думци ясній,
Помъяне и мою домовыну...
Задавы-жъ, батьку мій, ту слёзу на очахъ,
За край ридный прыймы мою плату:
Подывысь,—я сама, знеповажывшы страхъ,
Смило йду зъ яснымъ окомъ на страту!

Герои и героини, одушевленные горячей идеей патріотизма, являются также во многихъ драмат. пьесахъ Михаила Петровича; изъ этихъ пьесъ въ особенности отличаются Богданъ Хмельницкій, Маруся Богуславка, Осада Буши, какъ бы и написанныя соб-

ственно для проведенія идеи горячей любви къ родинѣ и беззавѣтнаго служенія ея благу, какихъ бы жертвъ ни требовало это служеніе.

Отсюда является понятнымъ то обстоятельство, о которомъ я упоминала вскользь, что и въ передѣлкѣ полу-фантастическаго, полубытового сюжета, въ текстѣ музыкальной комедіи «Риздв. ничъ», Старицкій изъ безразличной къ высокой идеѣ патріотизма, легендарно-комической фигуры характерника Пацюка (по Гоголевскому сюжету лишь глотающаго вареники) дѣлаетъ убѣжденнаго патріота, скорбящаго, горячо негодующаго на то, что въ поколѣніи, смѣнившемъ запорожцевъ, угасаетъ вѣрность прежнимъ патріотическимъ традиціямъ.

Принципъ вообще вѣрности разъ воспринятой высокой идеѣ послужилъ Старицкому мотивомъ для слѣдующаго прекраснаго стихотворенія:

Потайни ученыкы.

„Всякая вина простится, вина-же противъ Духа Свята не простится во вѣки".

Мы тамъ булы... Ёго розпьялы,
А мы дывылыся здали,
Та обережно, знай, мовчалы
И въ глыбыни души ховалы
Свои незважени жалй.
До насъ прысикалысь словамы:
«Повышно, й вы тіи-жъ рукы,—
Адже-жъ булы ёго друззямы?»
Мы видцуралыся клятьбамы,—
И пивень крыкнувъ здалекы.
Воны замучылы Мессію...
Усе простывъ винъ ворогамъ:
Винъ душогубу, лыходію
Въ раю зустритысь давъ надію...
Та чи простывъ-же винъ друззямъ?

Идея народничества,—любви къ родному тёмному люду,—одушевлявшая нашего автора, отразилась во многихъ его стихотвореніяхъ; она-же руководила имъ при созданіи многихъ симпатичныхъ типовъ и картинъ изъ жизни народной, явившихся въ его драматическихъ произведеніяхъ. Среди типовъ народныхъ Старицкій выводитъ въ своихъ пьесахъ не только людей обыденной жизни, но ищетъ выдающихся представителей, одушевленныхъ идеей гражданскаго служенія той средѣ, которой они принадлежатъ (таковы, наприм., рѣзко очерченый Старицкимъ Юрко Довбушъ и герой пьесы «У темряви»).

Вообще идея человѣчности, «святое чувство» гуманнаго отношенія къ близкимъ людямъ вошла даже въ самую первую драматическую пробу М. П. Старицкаго (Чорноморци), передѣлку сюжета Кухаренка: въ то время, какъ въ пьесѣ Кухаренка [1]) герой женится на несчастной брошенной имъ дѣвушкѣ только благодаря тому, что его обманули въ пьяномъ видѣ, при чемъ онъ принялъ её за другую, моложе и красивѣе ея,—у Старицкаго старый козакъ *сознательно* возвращается къ прежней своей милой, изъ-за проснувшагося совѣстливаго чувства къ преданной ему женщинѣ, съ которой онъ собирался поступить несправедливо.

Не ограничиваясь сферою жизни народной, Старицкій вводитъ въ свои произведенія типы изъ сферы интеллигентной. Въ этомъ отношеніи уже первая его оригинальная пьеса „Не судылось“ („Не такъ склалось“) открывала цѣлую новую эпоху въ украинской драматической литературѣ, такъ какъ въ пьесѣ этой, на ряду съ типами народными,—тоже съ новыми, своеобразными ихъ оттѣнками,—выведены были типы „панскаго гнѣзда“, съ его какъ старыми, такъ и самыми передовыми представителями; переплетеніе отношеній всѣхъ этихъ дѣйствующихъ лицъ пьесы дало интереснѣйшую картину, необыкновенно художественно отдѣланную авторомъ.

Пьесы Старицкаго „Таланъ“, „Крестъ жизни“ написаны уже исключительно изъ жизни интеллигенціи, самыхъ разнообразныхъ круговъ ея,—артистическаго, дѣлового, свѣтскаго и т. д.

[1]) Чорноморськый побытъ.

Такимъ образомъ, пьесами Старицкаго наша драма была рѣшительно выведена изъ стараго, тѣснаго круга этнографическаго, съ его полуанекдотическимъ характеромъ темъ.

Въ самой *техникѣ* построенія драмы Старицкій является авторомъ очень умѣлымъ: пьесы его отличаются интереснымъ развитіемъ дѣйствія, разнообразіемъ сценъ, а также большой живостью діалога,—кромѣ его характерности.

Говоря о формѣ, должно признать, что не менѣе искуснымъ техникомъ является Старицкій и какъ поэтъ-стихотворецъ. Онъ является въ своихъ стихотвореніяхъ вообще хорошимъ стилистомъ, свободно владѣющимъ при томъ самымъ разнообразнымъ стихомъ.

Въ частности, въ техникѣ слова, мы видѣли, каково было участіе Старицкаго въ этой области литературной работы: въ дѣлѣ созиданія литературнаго украинскаго языка онъ сдѣлалъ *огромный вкладъ*; теперь уже совершенно излишне было-бы „оправдывать" Старицкаго за его смѣлое новаторство,—напротивъ, теперь можно считать признанною его великую *заслугу* въ этой области.

Молодые ораторы, украинскіе писатели, говорившіе надъ гробомъ Михаила Петровича, называли его своимъ учителемъ. Да, онъ былъ ихъ учителемъ, онъ указывалъ новые пути и содержаніемъ, и формою того, что написано имъ за долгіе годы его неуклонной литературной дѣятельности. Въ молодости Михаилъ Петровичъ, какъ писатель *украинскій*, опередилъ свое время и за расширеніе вообще рамокъ нашей литературы былъ иногда не одобряемъ даже своими, но за то новое поколѣніе поняло эту роль *идущаго впереди* и дало Михаилу Петровичу почетное названіе—учителя.

Вотъ кого мы потеряли въ Михаилѣ Петровичѣ Старицкомъ. Жаль, невыразимо жаль, что жестокая болѣзнь, развившаяся вслѣдствіе многихъ неблагопріятныхъ условій, перервала эту дорогую жизнь, которая могла бы еще долго не только радовать всѣхъ близкихъ, но и служить на великое благо родинѣ.

Но если ужъ суждено было этой жизни прекратиться, то пусть близкіе и почитатели покойнаго поэта найдутъ свѣтлую долю утѣшенія въ томъ, что человѣкъ сдѣлавшій такъ много—не

умираетъ совсѣмъ,—продолжая жить въ своемъ дѣлѣ и въ благодарной памяти оставшихся. Когда углубишься во всю духовную дѣятельность Михаила Петровича, то какъ будто физически чувствуешь, что живъ духъ его среди насъ!

И хочется сказать, глядя на портретъ его, не безнадежное „прощай“ для вѣчной разлуки, а живое „спасыби“ за всё сдѣланное впродолженіе цѣлой жизни для дорогой Украины, за всё то, что съ успѣхами ея свяжетъ на вѣки имя Михаила Петровича Старицкаго.

О. Пчилка.

Кіевъ, 25 апрѣля 1904 г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо митрополита кіевскаго Варлаама Ясинскаго къ Петру I о переяславскомъ епископствѣ. „Царю царствующихъ и господарю государствующихъ Богу въ Тройцѣ святой славимому и поклоняемому буди честь, слава, поклоненіе и благодареніе. Яко изъ древле чрезъ многія войны въ Малой Росіи разоренное и запустѣлое епископство Переяславское, нынѣ за благополучныя благочестивѣйшія вашего царскаго пресвѣтлаго величества державы, по милостивому вашему монаршескому государскому указу, ко помощи престолу близъ сущему Митрополіи Кіевскія и моей немощной старости, есть отновлено; о чемъ я, недостойный богомолецъ, чрезъ многое время въ немощи моей старческой, многократно вашему царскому пресвѣтлому величеству, молитвеннымъ моимъ дерзахъ стужати челобитьемъ; по небесномъ же премилосердномъ царю и вашему царскому пресвѣтлому величеству благодарствую всепокорственно я немощный престарѣлый богомолецъ, за толикое милосердіе, яко по вашему премилостивому монаршескому изволенію, и на немощь мою старческую призрѣнію, изъявленномъ грамотнѣ благословительномъ отъ святыя и блаженныя памяти архипастыря нашего великаго господина Киръ Адріана, архіепископа московскаго и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха; при многоиждивительномъ богоугодномъ попеченіи и ктиторствѣ вашего царского пресвѣтлого величества, войскъ запорожскихъ обонхъ сторонъ Днѣпра Гетмана и славнаго чина святаго апостола Андрея кавалера благочестиваго Іоанна Степановича Мазепы. Поставленъ есть здѣ въ епископа Переяславскаго не инъ кто развѣ ближній мой въ духу святомъ сынъ и постриженецъ, вѣдый немощь мою старческую и обыклый мнѣ

помоществовати, якѡ же и могій обновленіе того переяславскаго престола тщаніемъ своимъ воздвигнути, боголюбивый игуменъ монастыря Святомихайловскаго Золотоверховаго Кіевскаго, Захарій Корниловичъ. То убо егда и самъ готовляшеся путемъ симъ зимнимъ шествовати къ царствующему великому граду Москвѣ воздаянія ради благодарствія достодолжнаго вашему царскому пресвѣтлому величеству за толикое благодѣяніе и моленія ради о утвержденіи крѣпостію монаршескою того постановленія его на то Переяславское епископство, обновляемое ко помощи митрополіи Кіевскія и моей дозѣла изнемогающей крайней старости ко пособствованію: и се отъ вашего царского пресвѣтлаго величества премногомощная грамота, писанная въ нынѣшнемъ 1701 году генваря 3 дня подана есть недостоинству моему того-жъ мѣсяца дня 15; въ ней же написано предостойнѣйшій монаршескій милостивый вашего царскаго пресвѣтлаго величества указъ; новопоставленному сему епископу переяславскому Захарію, якожъ и отъ Черниговскія епархіи новгородскому архимандриту Димитрію, писателю житій святыхъ книгъ церкви святой благопотребныхъ, еще недокончены хъ, пріѣзжати ко Москвѣ ради избранія въ Сибирскія митрополиты. Сицевому многочестному вашего царского величества монаршескому указу, всесмиренно повинуяся, отпущано ко престолу благодати вашего царского пресвѣтлаго величества съ препокорственнѣйшимъ поклоненіемъ и челобитьемъ сего новопоставленнаго епископа Захарію, молитвуя, да сподобится пріяти монаршескую милость и благодать обрящетъ во благовременную помощь; а въ помощь двойственную и ко обновленію того Переяславского епископства по многостолѣтномъ запустеніи и ко пособствованію моей крайней старости кончащейся, да возвращенъ будетъ вспять по милосердномъ вашего царского пресвѣтлаго величества призрѣнію для той двогубой зѣло нужной потребы и обновленія ради епископства и обветшалой ради моей митрополитанской старости; о семъ всепокорственно старческимъ моимъ слезнымъ моленіемъ челомъ бью; дерзая же прилагати моленіе и о писателю книгъ житій святыхъ новгородцкомъ архимандритѣ Димитріи, яко и того здѣ возвращеніе на докончаніе тѣхъ книгъ церкви святой многополезныхъ зѣло есть благопотребно, съ повторяемымъ стократнымъ моимъ челобитьемъ подъ монаршескія вашего царского пресвѣтлаго величества стопы препокорственно припадаю. Писася въ отчествѣ вашего царскаго пресвѣтлаго величества въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, при церкви престольной митрополитанской святыя Софіи Пре-

мудрости Божія, въ лѣто отъ Рождества Христова 1701, мѣсяца генваря 29. Вашего царского пресвѣтлаго величества премилостивѣйшаго нашего великаго государя всегдашній богомолецъ нижайшій рабъ и подножіе недостойный митрополитъ кіевскій Варлаамъ старецъ“ [1]).

Къ исторіи оспопрививанія въ Малороссіи. Печатаемый документъ найденъ въ г. Глуховѣ, черниговской губ., П. Я. Литвиновой на базарѣ, гдѣ въ него была завернута какая-то мелкая покупка. Очевидно, онъ попалъ къ торговкѣ изъ дѣлъ, проданныхъ какимъ-нибудь учрежденіемъ. Конецъ документа пропалъ, но и въ томъ видѣ, какъ документъ доставленъ редакціи—онъ представляетъ несомнѣнный бытовой интересъ. Оспопрививаніе въ Россіи завоевывало себѣ мѣсто, какъ извѣстно, чрезвычайно туго. Правительству приходилось нерѣдко прибѣгать даже къ насильственнымъ мѣрамъ, прежде чѣмъ населеніе сознало пользу оспопрививанія. Печатаемый нами документъ содержитъ въ себѣ одну изъ мѣръ, которыми правительство пользовалось при введеніи оспопрививанія — объясненіе пользы его съ церковной каѳедры при посредствѣ духовенства.

„1812 года Генваря 2 дня. По Указу Его Императорскаго Величества учрежденный въ городѣ Глуховѣ о прививаніи оспы Комитетъ слушалъ присланные въ оный при предписаніи Господина Черниговскаго Гражданскаго Губернатора въ копіяхъ записку, Высочайше одобренную въ 3-й день Маія прошлаго 1811 года, и предписаніе господина министра полиціи 25 тогожъ Маія къ господину губернатору послѣдовавшее, въ которомъ между протчимъ предположено: 1-е, поселику поясненіе пользы народу отъ прививанія коровьей оспы происходящей возложено было еще въ 1804 году на духовенство, что и донынѣ исполняется, то о семъ неизлишне и вновъ повторить, вменя въ особую обязанность пастирямъ духовнымъ, дабы они всемѣрно старались преклонять прихожанъ своихъ къ принятію сего спасительнаго средства, сравнивали въ приличныхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ дѣйствіе оспы натуральной съ оспою коровьею. Злу первой противу полагали благодѣянія второй, и даже подъ опасеніемъ гнѣва Божія впе-

---

[1]) Москов. Арх. Мин. Юст. Дѣло Кіевскаго Повытья, кн. 39, лл. 83 - 84.

ряли бы имъ мисль, что неупотреблять истинныхъ извѣстныхъ уже предохранительныхъ и цѣлебныхъ пособій въ свою или ближнихъ своихъ пользу, по одному предразсудку, упрямству или небреженію, значитъ отягощать совѣсть свою тяжкимъ преступленіемъ, сопряженнымъ нерѣдко съ самимъ человѣкоубійствомъ.—Къ вящему же достиженію въ ономъ успѣха со стороны духовенства и въ томъ наипаче разсужденіи, что примѣръ часто болѣе дѣйствуетъ на убѣжденіе человѣка, нежели и самое благоразумное увѣщаніе, небезъполезно учредить чтобъ тѣ дѣти, а особлово по деревнямъ, укоихъ привита была коровья оспа, по совершенномъ выздоровленіи приводимы были въ праздникъ или воскресный день, смотря поудобности мѣстнаго разстоянія и въ самую хорошую лѣтнюю погоду, въ церковъ для слушанія Божественной литургіи, конхъ и ставить въ переды на особомъ, отъ священника имъ назначенномъ мѣстѣ. Обязанность священника присемъ случаѣ должна состоять въ томъ, чтобъ онъ по окончаніи Богослуженія, для подражанія другимъ и для увѣренія въ безопасности и пользѣ привыванія коровьей оспы, обявлялъ имена виздоровѣвшихъ, равно упоминалъ бы, со свойственнымъ пастирю духовному увѣщаніемъ, и отѣхъ кои (ежели гдѣ къ нещастію случится) потеряли понебреженію своему семеннаго человѣка отъ натуральной оспы. 2-е. Комитетамъ же поставить въ непремѣнную обязанность приведенія въ извѣстность повсемѣстнаго въ каждой губерніи числа малолѣтнихъ дѣтей, у конхъ не было еще оспы, и веденіе имъ правильнаго щета, попечение, чтобы вездѣ знающими людьми прививаема была всѣмъ дѣтямъ безъ изъятия коровья оспа, снабденіе прививателей свѣжею оспенною матерею, и самоудобнѣйшими для сего дѣла инструментами, и наставление отъ медицинскихъ чиновниковъ желающимъ научится основательному прививанію. 3-е. Возложивъ посему на комитеты о распространеніи повсюду прививанія коровьей оспы и предоставя благоразумію и усердію къ общему добру членовъ ихъ, предписано употреблять на сей конецъ всевозможныя по мѣстному усмотрѣнію средства, и принимать дѣятельнѣйшія мѣры, для свидѣнія же правительства о успѣхѣ всеобщаго привыванія постановить такъ же правиломъ, чтобъ Губернские Комитеты, получая полугодовыя вѣдомости изъ Комитетовъ уѣздныхъ, по присланному образцу,...

На этомъ мѣстѣ рукопись оторвана.

Сообщила **П. Я. Литвинова.**

Опытъ составленія топографическаго описанія Кіевскаго намѣстничества въ концѣ XVIII в. Въ концѣ XVIII в. императрица Екатерина II поручила нѣкоему бригадиру Соймонову составить лично для нея топографическое описаніе всѣхъ намѣстничествъ. Нуждаясь въ матеріалахъ для подобныхъ описаній, Соймоновъ обратился за содѣйствіемъ къ генералъ-губернаторамъ, а эти послѣдніе—къ подчиненнымъ имъ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ. Ниже мы помѣщаемъ два письма Румянцева и м. Самуила (Мирославскаго), какими они обмѣнялись по этому поводу.

Письмо Румянцева къ м. Самуилу: „Преосвященный Господинъ-Святѣйшаго Правительствующаго Синода членъ, архіепископъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Мой Милостивый Архипастырь! Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила господину бригадиру Соймонову сочинить для собственнаго Ея употребленія топографическое описаніе каждаго намѣстничества порознь, всемилостивѣйше позволяя ему, если о которомъ онъ достаточнаго свѣдѣнія имѣть не будетъ, изтребовать оное отъ генералъ-губернаторовъ; и вслѣдствіе того сочинилъ онъ нѣкоторые запросы, кои при письмѣ ко мнѣ сообщилъ съ тѣмъ, что, какъ собраніе таковыхъ извѣстій по многочисленности предметовъ, въ оныхъ заключающихся, требуетъ довольно времени,—то просилъ о скорѣйшемъ доставленіи на первый случай хотя тѣхъ, кои безъ дальнѣйшихъ справокъ я имѣть могу, ибо въ полученіи оныхъ крайняя надобность теперь настоитъ, оставляя увѣдомленіе о прочихъ на предыдущее время. И потому господамъ губернаторамъ здѣшнихъ губерній препоручилъ возложить собраніе сихъ извѣстій, по усмотрѣнію ихъ, на нѣкоторыхъ изъ членовъ присудственныхъ мѣстъ или на обывателей, ученіемъ или упражненіемъ въ таковыхъ дѣлахъ знаніе пріобрѣтшихъ, съ тѣмъ, чтобы прилежнѣйше они стараніе въ самоскорѣйшемъ того произведеніи въ дѣйствіе употребили; а всѣмъ городовымъ магистратамъ, земскимъ исправникамъ и городничимъ и до кого сіе принадлежать можетъ, предписать, дабы они въ поданіи надобныхъ извѣстій пособствовали; а землемѣры, кои всѣ чинъ положенія своего уѣзда знать должны, тоже съ своей стороны надобными описаніями пособствовали. И какъ во многихъ пунктахъ могутъ быть потребны объясненія и отъ духовныхъ правленій, то чтобы и со стороны тѣхъ тоже благоволено, покорно прошу вашего преосвященства онымъ въ паствѣ вашей находящимся предписать, для

чего и копію плана сего топографическаго описанія отъ помянутаго господина Соймонова присланнаго при семъ сообщаю [1]). Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Румянцевъ-Задунайскій.

1884 года, 3 апрѣля. Вишеньки [2]).

Митр. Самуилъ выразилъ полную готовность помочь этому доброму начинанію, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ его *отвѣтъ Румянцеву:* «Высокосіятельнѣйшій графъ, генералъ-фельдмаршалъ, милостивый государь! По содержанію всепочтеннѣйшаго вашего сіятельства письма относительно къ собранію извѣстій, для сочиненія топографическаго описанія потребныхъ, имѣю честь донести, что какъ монастырскимъ настоятелямъ, такъ и духовнымъ правленіямъ изъ консисторіи указами предписано, дабы они доставленіемъ таковыхъ свѣдѣній, кому слѣдуетъ, всемѣрно и безъ всякаго отлагательства споспѣшествовали.

Въ прочемъ съ моимъ къ вашего сіятельства особѣ высокопочитаніемъ, искреннѣйшею преданностію и молитвами пребуду и есмъ ва-вашего сіятельства"... [3])

1784 года, апрѣля 15 дня. Кіевъ.

В. Д—скій.

О приглашеніи на службу въ Грузію чиновниковъ изъ Малороссіи. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1818 г. намѣстникъ Кавказа, извѣстный генералъ А. Ермоловъ, обратился къ малороссійскому генералъ-губернатору князю Репнину съ просьбою содѣйствовать ему въ приглашеніи чиновниковъ на службу въ Грузію. «Верховнаго грузинскаго правительства казенная экспедиція, имѣя большой недостатокъ въ чиновникахъ, которые могли бы съ желаемымъ успѣхомъ по части счетной и губернскаго казначея мѣста бухгалтера и столоначальниковъ, проситъ содѣйствія моего на счетъ приглашенія ихъ изъ россійскихъ губерній. Уважая здѣсь существенную нужду въ сихъ людяхъ, и при томъ, не надѣясь, чтобы по общему вызову правительства можно было когда либо имѣть здѣсь хорошихъ людей въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ доселѣ сколько ни являлось ихъ изъ разныхъ губерній, всѣ они были или совершенно неспособные къ

---

[1]) Къ сожалѣнію, самаго этого плана намъ не удалось найти
[2]) Арх. Кіев. Дух. Конс. 1784 г. № 759.
[3]) ibid (копія)

статскимъ дѣламъ, или дурного поведенія, а здѣшнее начальство, не смотря на крайній въ нихъ недостатокъ, принуждено было многихъ выслать обратно въ Россію; сіе обстоятельство вынуждаетъ меня безпокоить ваше сіятельство покорнѣйшею моею просьбою принять на себя трудъ, сколько для пользы службы, а не менѣе и въ особенное мнѣ одолженіе приказать склонить къ отъѣзду сюда на службу, по крайней мѣрѣ, отъ пяти до шести человѣкъ, если нельзя болѣе, изъ чиновниковъ, служащихъ въ черниговской и полтавской казенныхъ палатахъ, но такихъ, кои бы здѣсь могли быть употреблены съ пользою. Я не сомнѣваюсь, чтобы въ губерніяхъ сихъ, давно уже образованныхъ, нельзя было найти столько людей, хотя молодыхъ, но при похвальномъ поведеніи обѣщающихъ хорошіе успѣхи. Каждый изъ согласившихся сюда отправиться можетъ, при самомъ отправленіи, на основаніи существующаго постановленія получить слѣдующій чинъ, прогоны и впередъ за треть годовое жалованье. Сіе послѣднее назначается здѣсь бухгалтеру или столоначальнику по 350 р., а помощникамъ ихъ по 200 р. серебромъ, сверхъ того, по способностямъ и усердію могутъ надѣяться и другихъ отличныхъ награжденій, а современемъ занятія высшихъ мѣстъ.

Для лучшаго убѣжденія хорошихъ людей къ поѣздкѣ сюда, не излишнимъ считаю присовокупить, что описанія многихъ въ разсужденіи климата и другихъ неудобствъ не должны ихъ останавливать потому, что всѣ слухи, которые выходятъ въ публику о невыгодахъ здѣшняго края, есть совершенно ложные и распускаются одними и тѣми же людьми, которые отсюда, по негодности ихъ, высланы обратно въ Россію. Въ разсужденіе содержанія не будутъ они также имѣть никакого неудобства, потому что жизненные припасы здѣсь несравненно дешевле многихъ россійскихъ губерній, не говоря уже о столицахъ; а жалованье, выдаваемое имъ серебромъ, достаточно даже и для семейнаго человѣка, поелику за серебряный рубль даютъ мѣдныхъ три, а асигнаціями, которыя въ совершенномъ уже употребленіи, по четыре рубля и болѣе. Сверхъ того, всякій чиновникъ, служащій здѣсь, имѣетъ по отводу обывательскую квартиру безъ платы за постой денегъ. Зная давно правила вашего сіятельства и постоянное желаніе быть всегда полезнымъ службѣ и отечеству, я совершенно увѣренъ, что вы, милостивый государь, не откажете принять въ дѣлѣ семъ живѣйшаго участія, по крайней мѣрѣ изъ уваженія къ краю, сколько благословенному по климату своему, столько же бѣдному хорошими

чиновниками. Въ заключеніе сего, я долгомъ поставляю покорнѣйше просить ваше с-во, если кто изъ таковыхъ чиновниковъ изъявитъ желаніе ѣхать сюда, то приказать немедленно ихъ отправить въ Тифлисъ, выдавъ каждому на счетъ здѣшней казенной экспедиціи прогонныя по чину деньги и третное жалованье, разсчитывая оное на серебро, какъ значитъ выше: бухгалтеру или столоначальнику изъ 350 р., а помощникамъ ихъ 200 рублеваго въ годъ оклада, и объ успѣхахъ по сему предмету не оставьте меня вашимъ увѣдомленіемъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Алексѣй Ермоловъ.

Кн. Репнинъ исполнилъ желаніе Ермолова и оповѣстилъ всѣ подвѣдомственныя ему учрежденія съ приглашеніемъ отправиться въ Грузію. Нашлось 23 человѣка, которые и были отправлены въ Грузію на условіяхъ, о которыхъ сказано въ письмѣ Ермолова.

Нѣсколько позже Ермоловъ вошелъ съ ходатайствомъ къ министру юстиціи Д. И. Лобанову-Ростовскому о разрѣшеніи въ законодательномъ порядкѣ всѣмъ увольненнымъ изъ духовныхъ училищъ ученикамъ, если они пожелаютъ ѣхать на службу въ Грузію, выдавать, сверхъ прогонныхъ денегъ, единовременно отъ 200 р. до 300 р. ассигнаціями. Эти недоучившіеся юноши должны были поступать въ качествѣ канцелярскихъ служителей. Ходатайство было уважено, о чемъ и послѣдовалъ указъ сената 1 марта 1820 года. (Архивъ полт. губ. правленія, по описи № 113, 1818 года).

И. Ф. Павловскій.

Ходатайство о бѣдной вдовѣ Василевской, родственницѣ св. Ѳеодосія Угличскаго. Черниговскій прокуроръ Георгій Бажановъ обратился въ 1818 г. съ слѣдующимъ письмомъ къ малороссійскому генералъ-губернатору князю Н. Г. Репину:

«Бѣдная вдова, надворная совѣтница Василевская на восьмомъ десяткѣ лѣтъ своихъ, борясь съ немощами и нищетою, прибѣгаетъ къ вашему с-ству съ нижайшею просьбою объ исходатайствованіи ей отъ щедротъ монаршихъ маленькаго подаянія за долговременную службу мужа ея. Будучи здѣшнимъ уроженцемъ, я помню еще въ малолѣтствѣ, что домъ Василевскихъ былъ нѣкогда изъ лучшихъ и добрые хозяева въ нихъ отличались ласками и гостепріимствомъ. Но, по времени, игра судьбы разными несчастными стеченіями и пожарами все

въ немъ истребила и оставила хозяйку въ глубокой старости, на болѣзненномъ одрѣ, умирать съ голоду. Смерть ей тѣмъ страшнѣе, что она имѣетъ маленькіе долги и боится умирать съ непокойною совѣстью, ибо она совершенная христіанка, а сверхъ того и ближайшая родственница покойному черниговскому архіерею Ѳеодосію Углицкому коего мощи здѣсь въ Борисоглѣбской церкви почиваютъ. Изобразивъ передъ вашимъ сіятельствомъ въ короткихъ словахъ горестное положеніе безпомощной женщины, я не стану уже утруждать просьбами за ея, увѣренъ будучи несомнѣнно, что она найдетъ наилучшаго ходатая въ собственномъ вашемъ сердцѣ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаньемъ и душевною преданностью вѣчно пребуду вашего сія-ва всенижайшій слуга Георгій Бажановъ.

Декабрь 21, 1818 г. Черниговъ.

На этомъ письмѣ, на верху, такая помѣта: «При первой поѣздкѣ въ Черниговъ, взять съ собою и припомнить князю, котораго мысль, чтобы сдѣлать для Василевской подписку». (Арх. полт. губ. правленія 1818 г. по описи № 157, л. 336).

И. Ф. Павловскій.

Матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи (1800—1802 г.) [1]). Великому Господину, Высокопреосвященнѣйшему Гавріилу, Митрополиту Кіевскому и Галицкому и Кіево-Печерскія Лавры Священно-Архимандриту Академическаго Правленія Докладъ.

Указомъ Его Императорскаго Величества изъ Кіевской Духовной Дикастеріи сего августа 22 въ сіе Правленіе насланнымъ, по резолюціи Вашего Высокопреосвященства между прочимъ велѣно: „на мѣсто отправленнаго въ Новороссійскую семинарію низшаго класса грамматики учителя соборнаго іеромонаха Іоанникія представить Вашему Высокопреосвященству на утвержденіе кандидата“. Къ исполненію чего Академическое Правленіе приступая, а притомъ разсуждая 1-е, что въ высшемъ краснорѣчіи учителя не имѣется; ибо по утвержденному Вашимъ Высокопреосвященствомъ сего года іюня 1 дня сего Правленія докладу, высшее краснорѣчіе до окончанія только года препоручено латинской и россійской риторики учителю Никитѣ Соко-

---

[1]) См. Кіев. Стар. № 4, отд. II, стр. 6—13.

ловскому; которое онъ, оставаясь при риторикѣ преподавалъ, но по важности сихъ обоихъ классовъ нужно опредѣлить порознь учителей и 2-е, классъ географическій и историческій, въ разсужденіи обширности своей, какъ преподавать одному учителю съ окончаніемъ ежегодно курса не совмѣстно, такъ и для учащихся проходить оный обременительно; равно и ариѳметическій классъ ради облегченія памяти юныхъ и лучшаго утвержденія нужнымъ почитается распространить, и оба оные классы такъ, какъ и математическіе къ латинскимъ классамъ привязать, съ тѣмъ чтобы учители ординарные ради лучшаго и исправнѣйшаго упражненія своихъ учениковъ по онымъ классамъ постепенно руководствовали легчайшимъ и способнѣйшимъ порядкомъ, и ученики бы съ окончаніемъ классовъ выходили свѣдущими въ сихъ предметахъ (не возбраняя притомъ и студентамъ высшихъ классовъ, если кто или ради повторенія или, и вновь начавъ, возымѣетъ надобность онымъ предметамъ обучаться); ежели же изъ ординарныхъ учителей кто на первый нынѣ случай окажется не свѣдущимъ въ сихъ знаніяхъ: то на мѣсто его препоручить оные экстраординарному. 3-е, ради изученія исправному при службѣ Божіей пѣнію (о чемъ и въ указѣ Св. Синода упомянуто) не безнужно открыть классъ нотнаго пѣнія. И 4-е, наконецъ, что при семъ распоряженіи слѣдуетъ поручить должности учительскія и прибывшимъ изъ московскаго университета студентамъ Михаилу Пишнячевскому и Даніилу Домонтову, полагаетъ мнѣніе:

I.

Быть учителями: 1) Священной богословіи Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандриту Иринею. 2) Философіи—префекту Академіи соборному іеромонаху Іакинѳу. 3) Высшаго краснорѣчія и высшаго французскаго класса—Никитѣ Соколовскому. 4) Еврейскаго и нижняго нѣмецкаго—Григорію Шехновскому. 5) Латинской и россійской риторики, также домашней и сельской экономіи—Дмитрію Иванишеву. 6) Поэзіи и высшаго класса чистой математики—Михаилу Пишнячевскому. 7) Высшаго грамматическаго класса и высшаго греческаго класса—іерею Стефану Семяновскому. 8) Средняго класса грамматики, средняго ариѳметики и втораго географіи—іеродіакону Серафиму. 9) Нижняго класса грамматики, нижняго греческаго, нижняго ариѳметическаго и перваго географическаго—Каллистрату Соколовскому. 10) Смѣшенной математики—іерею Трофиму Ляшкову. 11) Высшаго нѣмецкаго—Самуилу Хранканову. 12) Нижняго класса чистой ма-

тематики и рисовальнаго искусства—Тимоѳею Максимовскому. 13) Польскаго языка и третьяго класса географіи и высшаго ариѳметики—Игнату Главацкому. 14) Нижняго французскаго и четвертаго географическаго—Даніилу Домантову. 15) Нотнаго пѣнія—Георгію Барановичу.

II.

Географію раздѣлить на четыре класса, ариѳметику на три, чистую математику по прежнему на два, изъ которыхъ математики классъ второй двухгодичнымъ долженъ оканчиваться курсомъ, такъ какъ приспособленный къ классу риторики, что обстоятельнѣе видѣть можно въ учиненномъ о семъ особомъ росписаніи.

III.

Нотнаго пѣнія классъ вновь открыть и быть три раза въ недѣлю во вторникъ, четвертокъ и субботу въ 6 часу пополудни, которое время прежде было назначено ради Академическаго собранія.

IV.

Какъ въ духовныхъ Академіяхъ проходящіе учительскія должности, а паче по ординарнымъ классамъ, непремѣнно должны изучиться и священной богословіи, о чемъ и въ спискахъ ежегодно въ Святѣйшій Синодъ посылаемыхъ отмѣчается; изъ отправленныхъ же было въ университетъ студентовъ для ученія Даніилъ Домонтовъ только окончилъ классъ философіи, для чего ему Домонтову и вступить въ классъ Богословія, но между тѣмъ быть ему и экстраординарнымъ учителемъ. Что все, а равно и учиненное о порядкѣ времени и жалованьѣ учителямъ особое росписаніе, Академическое правленіе, представляя на благоусмотрѣніе Вашему Высокопреосвященству, ожидаетъ на то Архипастырской резолюціи. Вашего Высокопреосвященства нижайшіе послушники: Академіи ректоръ, Кіево-Николаевскій архимандритъ Ѳеофилактъ, Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандритъ и богословія учитель Иринеи. Академіи префектъ учитель философіи соборный іеромонахъ Іакинфъ.

1800 года августа 31 дня.

На семъ докладѣ резолюція митрополита Гавріила послѣдовала такая: „Быть посему. Причемъ утверждаетъ здѣсь приложенное порядка преподаванія ученіе и опредѣленное жалованья росписаніе.

Росписаніе въ дополненіе сдѣланнаго 1799 г. росписанія: 1) въ какіе часы каждаго дня и какимъ наукамъ обучаться; 2) въ географическомъ съ исторіею и математическихъ классахъ чему именно въ якомъ обучаться; 3) какихъ классовъ ученикамъ какимъ другимъ наукамъ и языкамъ обучаться; 4) сколько кому въ годъ жалованья. Учинено 1800 г. августа 31 дня.

I.

Въ какіе часы именно каждаго дня и какимъ обучать наукамъ.

Въ понедѣльникъ, среду и пятокъ.

По утру—въ 8 и 9 часу французскому языку въ обоихъ классахъ, въ 10 и 11 Латинскимъ классамъ, кромѣ высшаго краснорѣчія. По полудни—во 2 часу ариѳметикѣ, чистой и смѣшенной математикѣ во всѣхъ классахъ, въ 3 часу еврейскому языку и польскому и рисовальному искусству, въ 4 и 5 часу нѣмецкому языку въ обоихъ классахъ.

Во вторникъ и четвертокъ.

По утру въ 8 и 9 часу греческому языку въ обоихъ классахъ въ 10 и 11 латинскимъ классамъ кромѣ высшаго краснорѣчія. По полудни во 2 часу всѣмъ географическимъ классамъ, въ 3 и 4 высшему краснорѣчію, въ 5—сельской и домашней экономіи, въ 6—нотному пѣнію.

Въ субботу.

Въ 10 и 11 часу быть собранію, въ прочіе жъ часы такъ, какъ во вторникъ.

II.

Въ географическомъ съ исторіею классахъ чему именно обучать:

Въ первомъ классѣ:

Преподавать введеніе въ географію какъ то: названіе географіи, положеніе земли, названіе круговъ, раздѣленіе земли на ея части, раздѣленіе частей по государствамъ, познаніе океана, горъ, озеръ и главнѣйшихъ рѣкъ и раздѣленіе познанія предѣловъ Россійскаго государства, пространства, морей, горъ, озеръ и рѣкъ и раздѣленіе онаго по губерніямъ.

Познаніе объ исторіи вообще, о раздѣленіи времени по періодамъ, или эпохамъ, библейскую исторію вообще; какое государство съ котораго началось времени, кто его основатель или первый государь и родословное исчисленіе россійскихъ государей.

Во второмъ классѣ:

Преподавать главное раздѣленіе всѣхъ государствъ, какъ то по провинціямъ или округамъ; какая въ нихъ господствующая и какая терпимая вѣра; какой столичный городъ и въ немъ число жителей, какъ титулуютъ государя, сколько во всемъ государствѣ жителей и воинской силы, какія горы, рѣки и озера,—познаніе о качествахъ земли и произведеніяхъ россійскаго государства и раздѣленіе по уѣздамъ.

Первую часть всемірной исторіи, то есть исторію древнюю, также Россійской исторіи три періода.

Въ третьемъ классѣ:

Первую часть всеобщаго землеописанія по городамъ и мѣстамъ съ описаніями, къ нимъ принадлежащими, также объ обитателяхъ россійскаго государства, о внутреннемъ его устроеніи, описаніе уѣздовъ и другихъ мѣстъ, помѣщенныхъ въ пространномъ землеописаніи россійскаго государства.

Вторую часть всемірной исторіи, то есть первую часть новой исторіи, и россійской исторіи четвертый и пятый періодъ,—чѣмъ россійская исторія и оканчивается.

Въ четвертомъ классѣ.

Вторую часть всеобщаго землеописанія по городамъ съ описаніями имъ принадлежащими и математическую географію.

Послѣднюю часть всемірной исторіи, то есть второй томъ новой исторіи.

Въ математическихъ классахъ.

1) Въ нижнемъ ариѳметики классѣ преподавать начала ариѳметики о числахъ, о четырехъ правилахъ исчисленія, то есть сложеніи, вычитаніи, множеніи и дѣленіи.

2) Въ среднемъ классѣ правила именованныхъ чиселъ, дробей простыхъ и десятичныхъ, квадратовъ и кубическихъ чиселъ.

3) Въ высшемъ классѣ правила ариѳметическихъ и геометрическихъ пропорцій, прогрессій, также логариѳмовъ и правила тройное, товарищества и прочія.

Чистой математики:

4) Въ нижнемъ классѣ изъ геометріи лонгіометрію и планиметрію; изъ алгебры: начальныя дѣйствія, также о дробяхъ и квадратахъ.

5) Въ высшемъ классѣ.

Перваго года изъ геометріи: штереометрію,—чѣмъ оканчивается вся геометрія. Изъ алгебры: о изобрѣтеніи и приведеніи уравненій при рѣшеніи задачъ, къ пропорціи и прогрессіи принадлежащихъ, и теоретическія правила тригонометріи, заключаемыя въ трехъ главахъ.

6) Втораго года изъ алгебры: конструкцію до окончанія всей алгебры; а изъ тригонометріи отъ практическихъ задачъ до окончанія всей тригонометріи.

Въ классѣ смѣшенной математики.

Перваго года архитектуру гражданскую и военную, также изъ первой части механику и идростатику.

Второго года аерометрію, идравлику, оптику, катоптрику, діоптрику и перспективу.

Третьяго года вторую часть, то есть тригонометрію сферическую, начала астрономіи, географію, идрографію, игномонику и хронологію.

III.

Какихъ классовъ ученикамъ какимъ другимъ наукамъ и языкамъ обучаться.

Нижняго грамматическаго класса ученикамъ обучаться польскому языку, яко въ сей и другихъ сосѣдственныхъ къ ней губерніяхъ употребляемому, ариѳметикѣ, географіи и исторіи.

Средняго грамматическаго класса ученикамъ продолжать польскій языкъ, ариѳметику, географію и исторію.

Высшаго грамматическаго класса ученикамъ продолжать ариѳметику и географію и начинать нѣмецкій или французскій языкъ по ихъ способности.

Поэзіи ученикамъ продолжать географію, исторію, начатые ими языки и обучаться чистой математикѣ, и священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ безъ исключенія начать греческій языкъ.

Въ риторикѣ ученикамъ продолжать начатые языки и обучаться чистой математикѣ, а священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ всѣмъ продолжать греческій языкъ.

Студентамъ философіи обучаться смѣшенной математикѣ, а священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ продолжать греческій и еврейскій языки.

Богословіи студентамъ продолжать смѣшенную математику, также и начатые языки.

Въ классѣ высшаго краснорѣчія обучаться всѣмъ студентамъ философіи и богословія; симъ же студентамъ въ особенные часы, въ 1 пунктѣ показанные, обучаться сельской и домашней экономіи.

Рисовальному искусству обучаться по произволенію учениковъ всѣхъ классовъ имѣющихъ къ оному и способность по правиламъ.

Нотному пѣнію обучаться всѣмъ священно и церковно-служительскимъ дѣтямъ и желающимъ вступить въ священническую и церковнослужительскую должность.

IV.

Сколько кому и за что изъ учителей получать жалованье: Богословіи учителю триста пятьдесятъ рублей, префекту и философіи учителю триста рублей, высшаго краснорѣчія двѣсти рублей, латинской и россійской риторики двѣсти руб., латинской и россійской поэзіи сто восемьдесятъ рублей, высшаго класса грамматики сто пятьдесятъ руб., средняго класса грамматики сто тридцать рублей, нижняго класса грамматики сто десять рублей. Экстраординарнымъ. Французскаго высшаго класса нынѣшнему учителю 200 р., а впредь будущему 150 р., нижняго класса 100 р., греческаго высшаго класса 150 руб., нижняго класса—100 рублей, нѣмецкаго высшаго класса—150 руб., нижняго класса—100 р, еврейскаго—100 р., польскаго—80 руб., смѣшенной математики—100 руб., высшаго чистой математики—80 р., нижняго чистой математики—70 р., ариѳметики высшаго класса—50 р., средняго класса 40 р., нижняго класса—30 рублей. Географіи съ исторіею четвертаго класса—50 рублей, третьяго класса—40 р., второго класса—30 р., перваго класса—30 рублей; экономіи—50 рублей, рисовальнаго искусства—30 р., нотнаго пѣнія—30 рублей.

Академіи ректоръ Кіево-Николаевскій архимандритъ и кавалеръ Ѳеофилактъ. Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандритъ и священной богословіи учитель Иринеи Фальковскій. Академіи префектъ философіи учитель соборный іеромонахъ Іакинѳъ.

Къ выше приведеннымъ докладамъ правленія Кіевской Духовной Академіи считаю не излишнимъ присовокупить, что это правленіе

2 сентября 1802 г. докладывало кіевскому митрополиту Гавріилу (Банулеско) о разрѣшеніи преподавать воспитанникамъ Академіи «начала врачебной науки и открыть особый французскій классъ для способнѣйшаго и удобнѣйшаго пріобрѣтенія способности говорить по-французски, въ которомъ бы (классѣ) можно имѣть навыкъ разговоровъ и занимать учениковъ единственно оными, съ показаніемъ свойства французскаго языка и исправленіемъ выговора». Для преподаванія „первоначальныхъ правилъ врачебной науки“ и для обученія разговорному французскому языку правленіе академіи предназначило по четыре урока въ недѣлю. Преподавателемъ разговорнаго французскаго языка предназначался природный французъ Компаніонъ съ назначеніемъ жалованья по 150 рублей въ годъ. Касательно жалованья преподавателю „врачебной науки“—въ докладѣ ничего не сказано. Докладъ правленія подписали: ректоръ академіи, Кіево-Николаевскій архимандритъ Ѳеоѳилактъ; Кіево-Братскаго монастыря архимандритъ и богословія учитель Иринеій; академіи префектъ, философіи учитель соборный іеромонахъ Іакиноъ.

На докладѣ резолюція послѣдовала такая: «4 сентября 1802 года—Быть посему».

Докладъ хранится въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора.

Прот. **Петръ Орловскій.**

На юбилейный даръ Н. В. Лисенку. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 6995 руб. 18 к. (см. № 4), вновь поступило: 1) отъ Правленія Литературно-Артистическаго Общества (выручка съ концерта 19-го декабря 1903 года)—403 р. 61 коп.; 2) И. И. Гудзовенко—5 р.; 3) Ю. И. Тиховскаго—10 р.; всего вмѣстѣ съ прежними 7413 р. 79 коп., изъ которыхъ 1021 р. 40 к. предназначены на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка, 286 руб.—въ билетѣ дворянскаго съ выигрышами займа, а 6016 р. 39 коп. на пріобрѣтеніе дачи. Сверхъ того, имѣется на музыкальную школу имени Н. В. Лисенка 219 р. 49 к., изъ которыхъ въ прошлый мѣсяцъ поступило 5 р. отъ семинаристовъ Новобугской Учительской Семинаріи.

Текущія извѣстія.

Похороны М. П. Старицкаго. 14-го апрѣля скончался въ Кіевѣ извѣстный украинскій писатель Михаилъ Петровичъ Старицкій, памяти котораго мы посвящаемъ въ настоящей книгѣ журнала особую статью, принадлежащую перу нашей уважаемой сотрудницы Олены Пчилки. На другой день послѣ смерти его, въ мѣстныхъ газетахъ появились объявленія о времени похоронъ и некрологи. Изъ разныхъ городовъ стали получаться телеграммы, то на имя вдовы покойнаго, та на адресъ нашей редакціи, съ выраженіями чувства горести объ утратѣ горячаго украинскаго патріота и щираго работника на полѣ украинской литературы. 16-го апрѣля въ 1 часъ дня назначенъ былъ выносъ тѣла изъ квартиры въ ближайшую церковь, а затѣмъ, послѣ отпѣванія въ церкви, похороны на Байковомъ кладбищѣ. Ко времени выноса тѣла изъ дому явилось очень много друзей и почитателей покойнаго, такъ-что по улицѣ былъ очень затрудненъ проѣздъ. Вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ, оказалось такое большое количество, что ихъ нельзя было помѣстить на катафалкѣ и пришлось послать за спеціальной колесницей. Въ пути отъ квартиры до церкви и отъ церкви до кладбища, кромѣ спеціальнаго церковнаго хора, пѣлъ еще хоръ земляковъ-любителей, состоявшій преимущественно изъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Въ церкви, во время отпѣванія, произнесъ краткое надгробное слово священникъ М. И. Вишневецкій, который прекрасно отмѣтилъ выдающіяся заслуги покойнаго предъ родиной, какъ писателя, который тѣмъ болѣе долженъ быть цѣнимъ нами, что онъ въ своей работѣ для пользы народа неустанно шелъ своей дорогой, хотя немало горя испыталъ на этомъ пути; современная критика въ достаточной степени оцѣнила уже его труды, но правдивый судъ исторіи дастъ впереди еще болѣе полную и справедливую оцѣнку его дѣятельности.

Отъ церкви до самаго кладбища гробъ несли на рукахъ студенты разныхъ учебныхъ заведеній. На кладбищѣ, послѣ того какъ пропѣта была «вѣчная память», произнесъ первую рѣчь Л. А. Куперникъ, который, высказавъ сожалѣніе, что не владѣетъ украинскимъ языкомъ и потому не можетъ говорить рѣчью, родною для покойника, отмѣтилъ тотъ фактъ, что М. П. Старицкій принадлежалъ къ числу благородныхъ дѣятелей, сохранившихъ въ себѣ лучшіе идеалы и завѣты 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Онъ всегда былъ однимъ изъ борцовъ за

слово, и если не легко живется вообще русскому писателю, то ему, какъ украинскому писателю, жилось еще тяжеле. Не взирая на это, онъ всегда неуклонно шелъ по этому тернистому пути. Не смотря на свое дворянское, благородное, происхожденіе, а можетъ быть именно благодаря ему, Михаилъ Петровичъ возлюбилъ простой народъ и, считая *слово* органомъ просвѣщенія, отдалъ всѣ свои силы для труда надъ роднымъ словомъ. Заслуги его предъ родной литературой такъ велики, что имя его будетъ жить до тѣхъ поръ, пока жива будетъ украинская рѣчь.—Слѣдовавшее затѣмъ слово сказано было по-украински М. М. Стешенкомъ. „Дорогый батьку, незабутный вчителю!—такъ началъ ораторъ. Въ останній разъ прыйшлы мы до тебе зложыты поклинъ; въ останній разъ прыйшлы мы сказаты тоби прощальне свое слово. И невыразный жаль обгортае насъ пры думци, що за хвылыну въ отсій темній и холодній домовыни навикы заховани будуть твои найкращи почуття, найлипши думы и порывання. Та не мы одни плачемо теперъ за тобою,—плаче вся наша матиръ Украина и луна ій тяжкый стогинъ по степахъ нашои краины, по вильныхъ Карпатахъ Галычыны, и шумлывыхъ гаяхъ зеленои Буковыны. Плаче наша матиръ, бо згубыла свого щырого сына, того сына, що будывъ въ насъ „любовъ до обездоленого люду“, що просывъ насъ „не тратыть и хвылыны, поки ще стогне темный братъ“. И нашъ небижчыкъ, справди, не тратывъ марно часу, доказомъ чого служыть вся его литературна дѣяльнисть. За тую працю ему прынесла вже свою подяку Украина и своимы творамы винъ зложывъ уже соби нерукотворный памьятныкъ“.—Было сказано затѣмъ краткое и прочувствованное слово Н. В. Лисенкомъ, который былъ почти всю жизнь связанъ съ покойнымъ не только узами родства, но и постоянными совмѣстными съ нимъ работами. „Дорогый брате и друже Мыхайле! Важко мени стояты надъ твоею домовыною и бачыты, що мы заразъ навикы розлучымося зъ тобою. Але знаю, хочъ ты тиломъ вмеръ, такъ заслугы твои невмыруши. Те дило, якому ты честно служывъ, росте, и ты не мало втишывся-бъ, колы-бъ побачывъ, якъ несла тебе на своихъ раменахъ отся вся молодь, що виддала шану твоимъ думкамъ и твоій праци и що понесе и въ жыття виру въ те дило, якому служывъ и виддавъ сылы й ты, брате Мыхайле“.

Было еще прочитано А. Коваленкомъ стихотвореніе, было произнесено еще нѣсколько рѣчей, и гробъ опущенъ былъ въ могилу; послышались удары земли о крышку гроба— и скрылся на вѣки отъ

насъ милый, симпатичный обликъ покойнаго, почтеннаго работника на нивѣ родной намъ литературы, честнаго гражданина, добраго товарища. Миръ праху твоему, дорогой сердцу Михаилъ Петровичъ!

Засѣданіе Московской музыкально-этнографической коммиссіи, посвященное украинской музыкѣ. 7-го апрѣля состоялось въ Москвѣ соединенное засѣданіе музыкально-этнографической коммиссіи и этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества естествознанія, антропологіи и географіи, въ которомъ интеллигентная часть Москвы имѣла случай познакомиться съ украинской народной музыкой. Секретарь коммиссіи Е. Э. Линева прочитала докладъ подъ заглавіемъ «Малорусскія народныя пѣсни и ихъ собиратели. По поводу лѣтней поѣздки съ музыкально-этнографической цѣлью». Г-жа Линева осталась вообще довольна своей поѣздкой и вынесла прекрасное впечатлѣніе отъ слышанныхъ ею пѣсенъ. По ея словамъ, когда она наводила предварительныя справки въ Полтавѣ, ей приходилось слышать довольно пессимистическія мнѣнія о теперешнихъ украинскихъ пѣсняхъ: онѣ, будто бы, портятся, вымираютъ. Однако дѣйствительность разубѣдила ее въ томъ, когда она прибыла въ одно изъ глухихъ селъ Полтавщины: она нашла здѣсь чистые, живые образцы народнаго творчества. Передавъ слушателямъ свои впечатлѣнія отъ пѣсенъ въ связи съ украинской природой, докладчица сообщила затѣмъ теоретическія данныя объ украинскомъ музыкальномъ творчествѣ, какъ-то: дѣленіе пѣсенъ по родамъ (веснянки, петривки и т. д.), музыкальное строеніе малорусской пѣсни и ея отличіе отъ великорусской. Въ послѣднемъ случаѣ докладчица сослалась на мнѣніе Н. В. Лисенка, который между прочимъ ставитъ въ связь особенности малорусской и великорусской пѣсни съ національнымъ складомъ и характеромъ малорусскаго и великорусскаго народа. Находя вполнѣ вѣрнымъ сопоставленіе характера малоросса съ его пѣсней, г-жа Линева не можетъ согласиться съ подобнымъ же объясненіемъ почтеннаго композитора по отношенію къ великорусской пѣснѣ. Въ заключеніе г-жа Линева упомянула о бандуристахъ и лирникахъ, которые особенно ее интересовали. Для записи кобзарскихъ думъ, также какъ и для всѣхъ другихъ пѣсенъ, докладчица примѣняла фонографъ. Это представляло нѣкоторыя затрудненія, т. к. слѣпые пѣвцы, не видя трубы фонографа, не могли надлежащимъ образомъ направлять свои звуки. Поэтому г-жа Линева

обыкновенно ставила фонографъ на полъ, направляя трубу немного вверхъ. Съ особенной симпатіей отзывается г-жа Линева о самихъ бандуристахъ, объ ихъ кроткомъ характерѣ, честности и безкорыстіи.

Докладъ былъ иллюстрированъ исполненіемъ нѣсколькихъ пѣсенъ изъ записи г-жи Линевой, а также одной (свадебной), записанной Н. А. Янчукомъ; пѣлъ женскій хоръ подъ управленіемъ г-жи Линевой. Кромѣ того Н. Г. Филянскій исполнилъ нѣсколько духовныхъ стиховъ съ аккомпаниментомъ лиры. Къ сожалѣнію только, не явился обѣщавшій свое участіе В. М. Шевченко, который долженъ былъ спѣть нѣсколько козацкихъ думъ съ аккомпаниментомъ бандуры и кромѣ того дирижировать мужскимъ любительскимъ хоромъ, составившимся изъ учащихся въ Москвѣ малороссовъ.

Публика, состоявшая главнымъ образомъ изъ уроженцевъ Малороссіи, сопровождала исполненіе музыкальныхъ номеровъ горячими знаками одобренія.

Концерты крестьянскаго Охматовскаго хора. Извѣстный крестьянскій хоръ с. Охматова (кіевской губ.), подъ управленіемъ П. Д. Демуцкаго, въ настоящее время предпринялъ устройство цѣлаго ряда концертовъ въ разныхъ городахъ, и между прочимъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ побывалъ въ Кіевѣ. Здѣсь хоръ, въ составѣ около 70 человѣкъ, главнымъ образомъ дѣтскаго возраста, прогостилъ 4 дня, помѣстившись въ свободныхъ залахъ Народнаго дома Кіевскаго Общества Грамотности. Въ Кіевѣ Охматовскій хоръ далъ два концерта, изъ которыхъ первый состоялся въ залѣ Купеческаго собранія съ благотворительной цѣлью и потому цѣны назначены были обычныя для такихъ случаевъ, слѣдовательно—концертъ разсчитанъ былъ на публику изъ болѣе состоятельныхъ классовъ; другой же концертъ данъ былъ въ театрѣ Кіевскаго Общества Грамотности, которымъ онъ и былъ устроенъ, съ любезнаго согласія руководителя хора и самихъ крестьянъ, и носилъ характеръ вполнѣ народнаго концерта, такъ какъ цѣны были назначены самыя дешевыя. На первомъ концертѣ публики, было не особенно много, второй же прошелъ почти при полномъ сборѣ и привѣтствованъ былъ публикой съ большимъ одушевленіемъ.

Исторія зарожденія хора, личность его организатора и манера пѣнья настолько любопытны, что слѣдуетъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ. Докторъ Порфирій Даниловичъ Демуцкій, помѣщикъ

Таращанскаго уѣзда, Кіевской губ., лѣтъ 15—20 назадъ принимавшій дѣятельное участіе въ любительскомъ хорѣ Н. В. Лисенка, организовалъ въ с. Охматовѣ того же уѣзда нѣсколько лѣтъ тому назадъ хоръ изъ мѣстныхъ крестьянъ численностью до 180 человѣкъ, состоящій изъ дѣтей, дѣвушекъ и хлопцевъ. Обученіе идетъ не по нотамъ, а съ голоса. Репертуаръ состоитъ изъ пѣсенъ религіознаго, историческаго и бытового содержанія. Въ виду того, что хористы по національности украинцы, пѣсни преимущественно украинскія. П. Д. Демуцкій смотритъ на дѣло организаціи народнаго хора исключительно съ идейной точки зрѣнія. Онъ желаетъ поддержать и укрѣпить въ народномъ обиходѣ прекрасныя народныя пѣсни, вытѣсняемыя солдатскими, фабричными и просто кабацкими.

Книгоиздательство „Викъ“. Какъ видно изъ каталога изданій, вышедшаго недавно въ Кіевѣ подъ заглавіемъ «Викъ», дѣло это находится въ хорошихъ рукахъ.

Вниманію публики предлагается пока 22 тома произведеній украинскихъ писателей и 35 названій народныхъ книгъ. Какъ видно изъ первой, изданной въ 1894 г., брошюры «У тиснои бабы» Ол. Коніськаго, работа издательства идетъ уже 10 лѣтъ. Первые годы дѣятельности были мало интенсивны и ограничивались исключительно изданіемъ народныхъ листовокъ. Въ 1899 году появилась первая книга для интеллигентныхъ читателей. Иванъ Левицькый т. I, а въ слѣдующемъ году—«Викъ», т. I, послѣ чего книгоиздательство быстро выросло и уже въ прошломъ году выпустило 8 томовъ для интеллигенціи и 11 брошюръ для народа. Принявъ во вниманіе трудность изданія украинскихъ книгъ и то обстоятельство, что всѣ рукописи посылаются въ Петербургъ, въ главное управленіе по дѣламъ печати, нужно отдать должное энергіи и работоспособности книгоиздательства «Викъ». Судя по качеству изданныхъ первыхъ томовъ многихъ авторовъ, надо предположить, что фирма «Викъ» широко разовьетъ свою дѣятельность и дастъ украинской интеллигенціи и народу лучшія произведенія украинскаго слова, въ чемъ ощущается у насъ насущная потребность. До сихъ поръ всѣ вышедшія книги изданы прекрасно, и цѣны на нихъ ниже среднихъ рыночныхъ цѣнъ, даже сравнительно съ русскими изданіями. Это много говоритъ въ пользу книгоиздательства, такъ какъ

обыкновенно однимъ изъ препятствій на пути къ распространенію украинскихъ книгъ стояла ихъ дороговизна.

Школа имени И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Школу эту предположено было выстроить на склонѣ Николаевской горы, фасадомъ по Николаевской улицѣ, ниже того мѣста, гдѣ стоитъ домъ, нѣкогда принадлежавшій «батькови украинськои литературы», т. е. тамъ, гдѣ проектировался «Ивановъ Гай». Не будучи вполнѣ увѣрено въ надежности этого мѣста съ технической стороны, гор. управленіе командировало для изслѣдованія его своихъ спеціалистовъ—инженера и архитектора, которые при поверхностномъ ознакомленіи вынесли также впечатлѣніе, что строить тамъ капитальное двухэтажное зданіе рискованно. Съ окончательнымъ выводомъ они предпочли воздержаться до болѣе тщательнаго изслѣдованія почвенныхъ условій путемъ буренія, до окончанія котораго остается открытымъ вопросъ о постройкѣ школы имени Котляревскаго, а слѣдовательно и другой вопросъ объ отводѣ въ этомъ мѣстѣ участка земли для постройки зданія подъ пріютъ-ясли, проектируемый Подольскимъ участковымъ попечительствомъ. Между прочимъ, мы слышали, что городская управа разсчитываетъ при постройкѣ школы имени Котляревскаго на отпускъ губернской земской управой въ кредитъ всего необходимаго строительнаго матеріала.

Къ съѣзду славянскихъ филологовъ и историковъ. Лица, намѣченныя къ приглашенію участвовать въ съѣздѣ славянскихъ филологовъ и историковъ, получили недавно слѣдующее оффиціальное извѣщеніе.

«Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ имѣетъ честь сообщить Вамъ, что осуществленіе Съѣзда славянскихъ филологовъ и историковъ въ предположенный ранѣе срокъ (съ 31 августа [13 сент.] по 10 сент. [23 сент.] 1904 г.), въ виду войны найдено неудобнымъ. О времени созыва Съѣзда въ будущемъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности извѣститъ Васъ въ свое время.

Доклады, которые могли бы быть Вами предложены Съѣзду, Отдѣленіе проситъ Васъ прислать по его адресу для напечатанія. Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности *А. Веселовскій*. Предсѣдатель Организаціонной Коммиссіи *А. Пыпинъ*.

Предполагаемый съѣздъ украинскихъ актеровъ. Въ виду того, что дѣло украинской сцены развивается съ каждымъ годомъ все шире и шире, способствуя организаціи многихъ мелкихъ труппъ, разъѣзжающихъ по разнымъ городамъ, особенно въ лѣтнее время, положеніе артистовъ этихъ труппъ требуетъ бо́льшаго урегулированія ихъ правъ и взаимныхъ отношеній съ антрепренерами. Какъ слышно, въ 1905 году великимъ постомъ предположено созвать въ Харьковѣ съѣздъ украинскихъ актеровъ для выясненія ихъ нуждъ и установленія извѣстныхъ нормъ въ ихъ правовомъ положеніи.

Юбилейная выставка Харьковскаго Университета. Недавно отпечатана программа юбилейной выставки, устраиваемой въ 1905 г. при Харьковскомъ университетѣ, по случаю его столѣтія. Программа разослана профессорамъ Харьковскаго университета и разнымъ лицамъ, могущимъ оказать содѣйствіе для устройства выставки. Въ настоящее время отъ нѣкоторыхъ лицъ и учрежденій поступаютъ разные предметы для выставки, а кромѣ того, устроители выставки получили отъ многихъ лицъ обѣщаніе доставить портреты, рукописи и вещи. Такъ, извѣстный собиратель эстамповъ, гравюръ и рукописей П. Я. Дашковъ обѣщалъ прислать для выставки разные рисунки и рукописи, относящіеся къ г. Харькову, Харьковскому университету, его профессорамъ и питомцамъ. Всѣ, кому извѣстны рѣдкая полнота и цѣнность коллекцій П. Я. Дашкова, легко поймутъ, что его содѣйствіе имѣетъ громадное значеніе для удачнаго выполненія выставочной коммиссіей ея задачи.

Музей Харьковскаго университета. Какъ извѣстно читателямъ «Кіевской Старины», Харьковскій Университетъ возбудилъ ходатайство передъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ ассигнованіи суммы въ 200 т. руб. на постройку зданія для музеевъ историко-филологическаго факультета. По слухамъ, этотъ проектъ былъ встрѣченъ весьма сочувственно Министерствомъ, и вопросъ о просимой суммѣ долженъ былъ разрѣшиться вполнѣ удовлетворительно въ мартѣ. Но началась русско-японская война, вслѣдствіе чего, какъ извѣстно, были сокращены расходы всѣхъ вѣдомствъ, а это отразилось на судьбѣ будущаго музейскаго зданія. Въ настоящее время въ Харь

ковскомъ Университетѣ получено уже извѣщеніе, что предположенная постройка музея не можетъ состояться, такъ какъ г. Министръ Финансовъ затрудняется ассигновать необходимую для этого сумму вслѣдствіе большихъ расходовъ казны на военныя нужды. Поэтому г.г. Министръ Финансовъ и управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, не касаясь ни размѣровъ испрашиваемой университетомъ суммы, ни сопряженныхъ съ устройствомъ музеевъ постоянныхъ расходовъ, полагаютъ необходимымъ отложить постройку означеннаго зданія до болѣе удобнаго времени.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Общее собраніе „Наукового Товарыства имени Шевченка во Львовѣ“. 22-го марта состоялось общее собраніе (загальни сборы) „Наукового Товар. имени Шевченка“. На этотъ разъ общее собраніе представляло особенный интересъ, въ виду обсужденія проектовъ измѣненія существующаго устава. Такихъ проектовъ представлено было два, изъ которыхъ одинъ доложенъ былъ д-ромъ Днистрянскимъ, а другой д-ромъ Франкомъ. Первый касался измѣненія существующаго уства, главнымъ образомъ, въ смыслѣ созданія особаго „совѣта“ (рады) для завѣдыванія ходомъ научныхъ работъ „Товарыства“. Этотъ „совѣтъ“ долженъ состоять только изъ дѣйствительныхъ членовъ секцій и представлять собою особый органъ, единственно компетентный въ рѣшеніи вопросовъ научныхъ и въ распредѣленіи фондовъ «Товарыства», предназначаемыхъ на научныя цѣли. Въ настоящее же время всѣми этими дѣлами завѣдываетъ «выдилъ», въ составъ котораго могутъ входить и члены, не работающіе на полѣ науки, а потому, по мнѣнію проекта, не могущіе какъ слѣдуетъ дѣлать распредѣленія фондовъ на научныя предпріятія Общества; новый-же органъ „рада“, отъ котораго «выдилъ» долженъ находиться въ зависимости, будетъ вполнѣ отвѣчать этимъ условіямъ. Второй проектъ, доложенный, какъ сказано, д-ромъ Франкомъ, оставляетъ въ существѣ безъ измѣненій старый уставъ и только вводитъ нѣкоторыя мелкія дополненія. Единственно крупнымъ измѣненіемъ въ этомъ проектѣ является предложеніе, чтобы отдѣлы наукъ юридическихъ и медицинскихъ были совершенно исключены изъ дѣятельности «Наукового Товарыства». Дебаты по поводу внесенныхъ проектовъ тянулись очень долго и закончились побѣдой

второго проекта; въ которомъ только не было принято предложеніе объ исключеніи изъ области дѣятельности «Товарыства» наукъ юридическихъ и медицинскихъ.

Въ этомъ же общемъ собраніи избраны въ почетные члены Н. В. Лисенко—за его заслуги въ области разработки родной музыки, д-ръ И. Франко—за его научныя работы, и проф. Громницкій—за многолѣтніе труды въ администраціи Общества.

Русинскій національный театръ во Львовѣ. Какъ извѣстно, въ Галичинѣ въ текущемъ году идутъ усиленные сборы пожертвованій среди русиновъ на созданіе во Львовѣ своего національнаго театра. Планъ и фасадъ зданія разработанъ извѣстной вѣнской фирмой «Гелмеръ и К°». Судя по рисунку будущаго театра, который напечатанъ въ „Диліи", зданіе будетъ очень величественное. Польская газета «Przegląd» отзывается о немъ такъ: «зданіе выдержано въ строгомъ барокковомъ стилѣ и стоитъ на возвышеніи нѣсколькихъ метровъ отъ улицы, вслѣдствіе чего не производитъ впечатлѣнія зданія тяжелаго и вросшаго въ землю, какъ это, къ сожалѣнію, случилось съ польскимъ театромъ во Львовѣ". Мы сообщили уже краткія свѣдѣнія объ этомъ національномъ предпріятіи русиновъ (см. № 1-ый); теперь добавимъ, что на пріобрѣтенномъ подъ театръ мѣстѣ уже начаты предварительныя работы, и, вѣроятно, не въ далекомъ будущемъ мы увидимъ во Львовѣ новый знакъ подъема и роста національнаго самосознанія русиновъ, которымъ, вслѣдъ за храмомъ искусства, придется добыть себѣ еще и самостоятельный храмъ науки, т. е. русинскій университетъ.

Львовскій университетскій споръ. Верховный имперскій судъ въ Вѣнѣ разбиралъ споръ львовскихъ русинскихъ студентовъ съ львовскимъ университетскимъ сенатомъ и министерствомъ просвѣщенія. Студенты хотѣли, чтобы имъ давались легитимаціи на родномъ языкѣ и чтобы позволено было при имматрикуляціи давать присягу по-русински. Университетскій сенатъ отвергъ ихъ просьбу, ссылаясь на министерское распоряженіе 1879 года, признающее оффиціальнымъ языкомъ львовскаго университета языкъ польскій. Когда студенты обратились съ жалобой въ министерство, то послѣднее стало на точку зрѣнія сената. Теперь дѣло было передано на разрѣшеніе верховнаго

суда. Представитель студентовъ, адвокатъ Крыжановскій, доказывалъ, что университетскій сенатъ нарушаетъ права студентовъ, признанныя § XIX основныхъ законовъ. Представитель министерства защищалъ практику университета указаніемъ на то, что легитимація и имматрикуляція—внутренніе, чисто университетскіе акты, и студенты въ нихъ являются по отношенію къ университетскимъ властямъ не „стороной", а подчиненными. Верховный судъ призналъ практику сената законной. Такимъ образомъ, процессъ проигранъ русинами.

Библіографія.

М. Комаровъ.—Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка. *Одесса, 1903, ст. 140+4 ненум.*

Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ «Кіевской Старины» [1]) мы уже отмѣтили появленіе книжки М. Комарова и сообщили посильныя замѣчанія по поводу нея. Съ тѣхъ поръ въ русской періодической литературѣ появилось нѣсколько отзывовъ объ упомянутой книжкѣ, не дающихъ однако много новаго матеріала. За то во львовскомъ историческомъ журналѣ—«Записках Наукового Товариства ім. Шевченка», кн. LVII (стр. 31—42, отд. Библіогр.) появилась обширная, солидная рецензія извѣстнаго галицкаго ученаго Ивана Франка, содержащая много указаній на неточности и пропуски въ указателѣ г. Комарова. Въ виду того, что упомянутый галицкій журналъ мало распространенъ среди нашей публики, мы позволяемъ себѣ въ нижеслѣдующихъ строкахъ передать въ переводѣ рецензію г. Франка, исключивъ тѣ немногія замѣчанія, которыя были уже помѣщены нами въ «Кіевской Старинѣ».

Въ отношеніи метода собиранія матеріала г. Комаровъ, вѣроятно, не совсѣмъ уяснилъ себѣ, что собственно въ такомъ сборникѣ намъ нужно. Очевидно, въ библіографіи произведеній Шевченка должны всегда и вездѣ на первомъ мѣстѣ стоять произведенія Шевченка, а не что иное; поэтому, когда рѣчь идетъ о произведеніяхъ Шевченка, печатавшихся въ сборникахъ или періодическихъ изданіяхъ, то подъ

[1]) Февраль, текущаго года.

данным № будетъ стоять произведеніе, одно или болѣе, помѣщенное въ данной книжкѣ, а затѣмъ, въ скобкахъ, обстоятельное заглавіе книжки или періодическаго изданія, съ обозначеніемъ номеровъ и страницъ, гдѣ напечатаны данныя произведенія Шевченка или статьи о немъ. Между тѣмъ у г. Комарова почти всюду такія указанія сдѣланы совершенно наоборотъ; напр. отд. IV, № 4: «*Народное Чтеніе* 1859, № 2, 3 и 4 и *Русская Бесѣда* 1859 г. № 3. Нѣсколько пьесъ Шевченка съ русскимъ переводомъ». Что же это такое? «Народное Чтеніе» и «Русская Бесѣда»—одна книжка? А если не одна, то почему они фигурируютъ подъ однимъ №? И какія произведенія Шевченка помѣщены въ нихъ? Кто сдѣлалъ переводъ на русскій языкъ? Такъ же точно необстоятельно и нераціонально составлены въ томъ самомъ отдѣлѣ №№ 6, 15, 19, 21, 22, 23, 26, 27, 29, 30, 34, 36, 37, 41 (опять 2 отдѣльныя изданія подъ однимъ №!), 44, 45 (два изданія подъ однимъ №!). Въ отд. VI, гдѣ говорится о письмахъ Шевченка, сейчасъ же подъ № 1 читаемъ «С.-Петербургскія Вѣдомости 1860, № 66». И только всего! Весь ли этотъ номеръ газеты посвященъ письмамъ Шевченка, или ихъ тамъ 10, 20, или только одно, кому и когда написаны—Богъ вѣсть! Вообще весь этотъ отдѣлъ составленъ нераціонально: вмѣсто того, чтобы дать намъ систематически и хронологически составленный указатель къ письмамъ Шевченка, авторъ далъ намъ указатель изданій, гдѣ были напечатаны письма. Нераціонально составленныхъ №№ найдется очень много и въ другихъ отдѣлахъ, и мы еще вернемся къ нимъ, пересматривая спеціально отдѣлъ за отдѣломъ.

Второй недостатокъ книжки г. Комарова—это ея неполнота. Правда, авторъ въ предисловіи оправдывается, что многія изданія, въ особенности галицкія, были ему недоступны. Но это слѣдуетъ сказать не только о галицкихъ, а также о варшавскихъ, пражскихъ, вѣнскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и т. п. Ниже мы дадимъ нѣкоторыя дополненія къ указателю г. Комарова, насколько позволяютъ доступные для насъ въ данный моментъ матеріалы, но напередъ заявляемъ, что такихъ дополненій можно и слѣдовало бы сдѣлать гораздо больше.

Третій недостатокъ—неточность въ передачѣ заглавій статей. Это, быть можетъ, наиболѣе тяжкая вина въ библіографіи, а такое явленіе, къ сожалѣнію, является весьма частымъ въ трудѣ г. Комарова. Авторъ заявляетъ въ предисловіи, что онъ большую часть наиме-

нованій книгъ описалъ, имѣя ихъ въ рукахъ,—и дѣйствительно, слѣдуетъ признать, что большая ихъ часть, не говоря о тѣхъ неточностяхъ, которыя являются слѣдствіемъ ошибочнаго метода автора, представлена довольно обстоятельно. Что же касается недоступныхъ ему изданій, то г. Комаровъ говоритъ, что онъ «долженъ былъ довольствоваться свѣдѣніями, помѣщенными въ библіографическихъ трудахъ В. Межова и другихъ, въ каталогахъ, рецензіяхъ, оглавленіяхъ, литературныхъ извѣстіяхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и т. п. источникахъ». Дѣйствительно, можемъ пожалѣть, что г. Комарову пришлось, работать надъ своей библіографіей срéди такихъ неблагопріятныхъ условій, но фактъ фактомъ, что на точности ея это отразилось весьма сильно. Возьмемъ хотя бы всѣ изданія и статьи польскія, нѣмецкія или вообще напечатанныя латинскимъ шрифтомъ: получается впечатлѣніе, будто г. Комаровъ не имѣлъ ни одного изъ тѣхъ изданій въ рукахъ, такъ какъ почти всѣ заголовки переданы съ ошибками. Напр. Ш, 38 содержитъ двѣ ошибки: Ijsusowa вм. Isusowa i Schewchenka вм. Szewczenka; кромѣ того пропущено здѣсь, быть можетъ по нѣкоторымъ соображеніямъ, «z uwahamy M. Drahomanowa»; пропущенъ обязательный въ женевскихъ нефранцузскихъ изданіяхъ французскій заголовокъ вверху, наконецъ мѣсто печати обозначено «Ż» вм. Żenewa. Отд. IV, 16 «Sioło» названо неправильно «львовскій малорусскій журналъ» и не дается точнаго его заглавія. Отд. VIII, № 49. Studium przez L. Sowiński—вм. Sowińskiego; № 51—małorusskich вм. małoruskich; № 52 Z małorusskiego spolzyl вм. spolszczył; № 54,—z małorusskiego... Naemnica; № 55 не сообщено, что́ и гдѣ переводилъ изъ Шевченка Грудзинскій; № 55—не говорится, что́ и въ какихъ №№ Gazety Naddniestrzańskiej перевелъ Л. Солецкій; эта газета ошибочно названа «Доробицкая» вм. «Дрогобычская». Еще больше ошибокъ въ чешскихъ заголовкахъ: № 60 «Въ журналахъ Obàsech života и Kvetach за 1866 г. нѣсколько пѣсъ Т. Шевченка». Что это за «Obasech»? Вѣроятно Ohlasech? Да и эти Ohlasy života—не одно и то же, что Květy. И какія произведенія, кто переводилъ ихъ? № 61 - Ševcenky вм. Ševčenky. přeležil вм. přeložil; № 62, 64 chaljuna (?), ilustrovav (sic!). Въ нѣмецкихъ и французскихъ заглавіяхъ та же бѣда: № 76 Schaftshenko вм. Schafftschenko; № 77 Shewczenko вм. Schewtschenko; № 78 Leipziger Theater und intelligene blalt вм. Theater—und Intelligenz—Blatt; № 82 Gustav Karpelesa вм. Karpeles, Geschihte вм. Geschichte; № 84

Chevtshenko вм. Cheutchenko и т. п. Такія ошибки или недосмотры (сюда причислить надо VI, 2 р. 1870 вм. 1840) дѣлаютъ желательной основательную передѣлку и болѣе удовлетворительную корректуру. Переходимъ теперь къ спеціальнымъ замѣчаніямъ, дополненіямъ и поправкамъ въ различныхъ отдѣлахъ. Отдѣлъ III (отд. I—предисловіе, а II—біографія Ш—ка, также нумерація несоотвѣтствующая), № 1. Не дается ни формата, ни числа страницъ эпохальнаго перваго изданія «Кобзаря». № 6. О лейпцигскомъ изданіи Гебгарда г. Комаровъ говоритъ такъ, что ясно вполнѣ, что онъ никогда не видѣлъ его, и даже допускаетъ, по поводу этого изданія, весьма грубую ошибку, помѣщая въ отд. VIII, № 76 то же самое изданіе среди переводовъ изъ Шевченка на нѣмецкій языкъ,—свѣдѣніе совершенно фантастическое. Потому сообщаю здѣсь точное описаніе этой книжечки. На обложкѣ вверху нѣмецкій заголовокъ: Neue Gedichte von Puschkin und Schafftschenko, а далѣе русскій: Новыя стихотворенія Пушкина и Шавченки (а не: А. Пушкина и Т. Шевченка—какъ у г. Комарова). Внизу: Лейпцигъ. Вольфгангъ Гергардъ. Leipzig, Wolfgang Gerhard, 1859. На послѣдней нумерованной страницѣ: Наумбургъ, въ типографіи Г. Пеца. Naumburg, Druk von G. Pätz. Страницъ нумерованныхъ не 48, какъ говоритъ г. Комаровъ, а 43, но далѣе идутъ еще 2 ненумерованныхъ, гдѣ помѣщены два стихотворенія Пушкина, и послѣдняя, гдѣ обозначено мѣсто печати. Зачисливъ сюда и заглавную страницу, тоже ненумерованную, получимъ въ самомъ дѣлѣ 48 страницъ. Въ книжечкѣ на стр. 1—6 помѣщены стихотворенія Пушкина: «Молитва», «Цапли» и «Посланіе Аркадію Гавриловичу Родзянкѣ». Со стр. 7 начинаются произведенія Шевченка, вплоть до стр. 34; а именно: «Кавказъ», «Холодный яръ», «Думка» (Якъ умру, то поховайте), «Розрыта могыла», «Думка» (За думою дума), «И мертвымъ и живымъ и ненарожденнымъ землякамъ моимъ въ Украини и не въ Украини, мое дружное посланіе»,—какъ видимъ порядокъ не тотъ, что у г. Комарова. Подъ каждымъ заглавіемъ подпись: Шевченко. Къ заголовку «Кавказъ» додано интересное примѣчаніе: «Слѣдующія стихотворенія были намъ присланы на малороссійскомъ языкѣ, съ примѣчаніемъ, что стихи Шевченка—выраженіе всеобщихъ, накипѣвшихъ слезъ (: не) онъ плачетъ о Украйнѣ—она сама плачетъ его голосомъ. Примѣч. редактора».

Остальную часть книжечки заполняютъ снова стихотворенія Пушкина: «В. Л. Пушкину», «Цензору», «Льву Сергѣевичу Пушкину» и «На смерть тетушки Анны Львовны Пушкиной».

№ 16. Букварь Шевченка—не описанъ ни форматъ, ни число страницъ; № 20. Не дается ни описанія, ни обстоятельнаго заглавія литографированнаго факсимиле посланія Шевченка къ Шафарику; заглавіе г. Комарова «Еретикъ Иванъ Гусъ», совершенно фантастическое. Весьма необстоятельно также описаніе подъ № 34, первая часть маленькаго женевскаго «Кобзаря» 1878 г. Въ дѣйствительности на обложкѣ слѣдующее заглавіе: „Кобзарь Тараса Шевченка (.) Частина перша (.) Женева (.) Печатня „Громади". Видали Кузьма і „Сірко". На второй страницѣ посвященіе. Нашим земльакам на Украйіні на роковини Шевченка 26 льутого 1878 року Кузьма і Сірко". На стр. Ш—У напечатанъ указъ 16 мая 1876 года, а далѣе стр. VШ—XXI популярная библіографійка и характеристика Шевченка, подписанная „С— о. Льутого 26, 1878 року". Подъ этимъ криптонимомъ скрывается Хв. Вовкъ. Далѣе идутъ слѣдующія стихотворенія Шевченка: „Менї однаково" (начинается на стр. 23 и по 24), „Сон" (25—58), „Як би то ти Богдане пяний" (59), „Могила Богданова" (60—62), „Бували войни" (63—64), „І виріс я на чужині" (65—68), „Чигирин" (68—73), „Кавказ" (74—84), „Ляхам" (85—87), „Якось то йду я у ночі" (87—88), „Мій Боже Милий, знову лихо!" (89), „Світе ясний" (90), „У Вильнї городї преславнім" (91—95), „Гимн черничий" (97—98), „Зацвіла в долинї" (98—100), „Ликері" (101—102), „Як би ви знали панічі" (103—107), „До мертвих і живих і т. д." (108—124), „Заповіт" (125—126). Добавлена еще страница (I—II) „Заголовки". Подъ № 36 такъ же точно необстоятельно помѣщено г. Комаровымъ упоминаніе о второмъ томикѣ этого „Кобзаря": не указано, что онъ былъ изданъ въ такомъ же точно миніатюрномъ форматѣ, какъ и первый, не сообщается ни число страницъ, ни содержаніе. Къ сожалѣнію, этого томика не имѣю подъ руками.

Добавлю еще описаніе изданія „Марії", у г. Комарова № 38, такъ какъ въ его указателѣ находимъ кое-что фантастическое и вообще необстоятельное. Заглавіе изданія слѣдующее: Marija maty Isusowa, wirszy Tarasa Szewczenka z uwahamy M. Drahomanowa. Żenewa 1882. На стр. 3—7 находится предисловіе Wid Wydawcia съ подписью M. Drahomanow. Поэма Шевченка идетъ отъ стр. 1—39; на многихъ стр. внизу доданы языковыя и предметныя поясненія. Отъ стр. 41—66 идутъ Uwahy тоже подписанныя M. Drahomanow съ датой: Pysano w misti Żenewi w wilnij storoni Szwajcaryji. Слѣдовало-бы дать болѣе

обстоятельно и содержаніе стереотипнаго женевскаго изданія 1890 г. (у г. Ком. № 52).

Относительно отд. IV замѣтимъ вообще, что о журн. Sioło (№ 16 и 18 г. Комарова) болѣе обстоятельныя данныя имѣются въ библіографіи Левицкаго, и оттуда же слѣдуетъ пополнить свѣдѣнія о произведеніяхъ Шевченка, печатавшихся въ галицко-русскихъ читанкахъ (у Комарова №№ 19, 21, 22, 23, 26, 27, 29, 39), въ Антольогіи (34), въ Календаряхъ (36, 37). Совсѣмъ неудовлетворительно описаніе подъ № 40 „Додатокъ до „Батьковщины"; не указанъ ни годъ, ни мѣсяцъ изданія, упомянуты лишь №№ 7 и 8, гдѣ были помѣщены псалмы, а не упомянуто № 9, гдѣ были другія произведенія Шевченка (Левицький, № 3159). Подъ № 41 некстати собраны во-едино „Батьківщина" 1889 г. и „Бібліотека для молодежи" 1889, хотя это не только два особыхъ изданія, но и выходили въ разныхъ городахъ, одно во Львовѣ, другое въ Черновцахъ.

Въ отд. V соединены подъ № 2 два изданія русской поэмы Шевченка „Тризна", которая напечатана была сначала въ журналѣ „Маякъ" подъ заглавіемъ „Безталанный", а затѣмъ, въ томъ же году вышла отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ „Тризна"; не дано описанія этой брошюры. Между №№ 9 и 10 приведенъ совершенно излишній заголовокъ „Неизданныя произведенія Т. Шевченка на русскомъ языкѣ".

Въ отд. VI подъ № 5 не говорится, къ какому времени относятся письма Щепкина къ Шевченку; такъ же точно необстоятельны №№ 6, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 18, 19 и др. Подъ № 11 соединены двѣ разныхъ статьи, а именно: „Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому (1853—1857). Сообщилъ М. Т—овъ" „Кіевс. Стар." 1883, январь, стр. 161—176; мартъ, стр. 611—622 и апрѣль, 853—866) и статья: „Восемь писемъ Тараса Григорьевича Шевченка къ разнымъ лицамъ, сообщилъ С. Пономаревъ (тамъ-же, февраль, 401—408). Слѣдовательно, все то, что сообщаетъ г. Комаровъ подъ этимъ № своего указателя—совершенно фантастично: статьи „Шестнадцать писемъ Т. Шевченка В. Г. и Я. Тарновскимъ и къ Брониславу Залѣскому" въ „Кіев. Старинѣ" *нѣтъ*. Въ томъ же отдѣлѣ № 15 совершенно излишній: это не письмо Шевченка, а „Замѣтка М. К. Чалаго по поводу одного письма Т. Ш. къ М. Щепкину", значитъ ему мѣсто въ отд. XIV. Съ перепечатками г. Комаровъ не выдерживаетъ системы. Разъ онъ ихъ считаетъ за отдѣльныя изданія и помѣщаетъ подъ отдѣль-

ными номерами, какъ и слѣдуетъ въ библіографич. указателѣ, то опять при aditio princeps отмѣчаетъ: это письмо было перепечатано тамъ-то и тамъ-то. Сравн. № 11-а, хотя указаніе невѣрное, такъ какъ письма, собранныя авторомъ подъ этимъ №, составляютъ довольно солидную книжку и не могли быть перепечатаны въ двухъ №№ „Зорі“. Наоборотъ, если бы авторъ заглянулъ въ „Зорю“ за упомянутый годъ, то убѣдился бы, что въ № 6 напечатано изъ статьи Пономарева лишь 5 писемъ, и то въ сокращенномъ видѣ (ст. 95—96), а въ № 8 приведено лишь нѣсколько выписокъ изъ писемъ Шевченка къ Залѣсскому подъ загл. „До біографіи Шевченка“ (стр. 131—132); такимъ образомъ это статейка, которой скорѣй мѣсто въ отд. XIV, чѣмъ здѣсь. Зато подъ № 21 приводится „Лист Шевченка до редактора „Народ. Чтенія“, напечатанный въ „Правді“ 1899 г. безъ обозначенія, что это письмо было напечатано раньше много разъ. Собраны вмѣстѣ перепечатки писемъ Шевченка въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ подъ №№ 23, 36, 38; при № 43 не отмѣчено, что записочка къ Герцену была впервые напечатана М. Драгомановымъ въ „Товариші“ (у г. Комарова № 19), а оттуда перепечатана въ „Правді“ 1899, т. II, стр. 381 (у г. Комарова пропущено).

Въ отд. VIII (переводы произведеній Шевченка) отмѣчу неточности въ № 4 (лирическія пьесы—какія?), 14 (переводы изъ Шевченка Изгоева и Икорскаго, Донъ, 1870—почему оба переводчика подъ однимъ №? Что переведено?), № 17 (и мелкія пьесы—какія?), № 22 (не дано ни описанія книжки, ни числа страницъ, гдѣ помѣщены переводы Шевченка), № 29, 31 (три лирическія пьесы—какія?), №№ 35, 37, 38, 40, 41. Совсѣмъ безполезенъ № 7: „Нѣсколько переводовъ изъ Т. Шевченка К. М. Станюковича—„Сѣверный цвѣтокъ“, 1861 г.“. Ну, кто будетъ знать, гдѣ выходилъ этотъ „Сѣверный цвѣтокъ“ и что въ немъ передано изъ Шевченка? Такъ же точно не имѣетъ цѣны и № 8: „Стихотворенія М. М—ва. М. 1862 (помѣщены и переводы изъ „Кобзаря“ Т. Ш.). Подъ № 15 не указано, какія стихотворенія Шевченка вошли въ „Поэзію Славянъ“ Гербеля; подъ № 16 также не говорится, что перевелъ изъ Шевченка г. Мизко въ „Донъ“ 1871 г. Подъ № 5 подъ общимъ заглавіемъ „Переводы изъ Т. Шевченка за 1860 г.“ (будто было когда-либо такое изданіе?) собрано 4 періодическихъ изданія, гдѣ были помѣщены переводы какихъ-то стихотвореній Шевченка, о которыхъ однако библіографъ не сообщаетъ никакихъ подробностей. Не знаю, на сколько подходитъ къ этому отдѣлу

№ 20 „Въ ночь на Рождество“. Передѣлка и переводъ съ малороссійскаго („Назаръ Стодоля“ Т. Шевченка), но уже ни въ какомъ случаѣ не мѣсто здѣсь № 32 „Галя и Назаръ“ или „Добромъ за зло“. Повѣсть заимствованная изъ соч. Т. Шевченка („Назаръ Стодоля“), такъ какъ это не переводъ Такія вещи лучше было отнести къ отд. XII, давъ ему болѣе широкое заглавіе: „Передѣлки изъ сочиненій Шевченка“.

Библіографія переводовъ стихотвореній Шевченка на чешскій языкъ необстоятельна въ первыхъ 6 №№; о № 60 я уже упоминалъ. Подъ № 61 не упоминается, какія стихотворенія Шевченка перевелъ Дурдикъ, не сообщается № Poesie světova, сдѣлана ошибка въ названіи города: Praga, а по чешски Praha. Такъ же точно необстоятеленъ № 63. Не лучше обстоитъ съ библіографіей переводовъ на другіе славянскіе языки. № 72 въ „Вилѣ“ 1868 „переводъ нѣсколькихъ пьесъ“ – какихъ? № 73 совсѣмъ загадоченъ: „Свобода, болгарскій журналъ подъ редакціей Каравелова за 1870 годъ“, гдѣ выходилъ этотъ журналъ и какое отношеніе его къ библіографіи Шевченка—не вѣдомо. По всей вѣроятности тамъ были помѣщены переводы изъ Шевченка самого редактора Любена Каравелова. Не имѣя названнаго журнала подъ руками, не могу сказать о немъ ничего болѣе опредѣленнаго, замѣчу лишь, что въ первомъ томѣ собранія сочиненій Л. Каравелова (сачинения на Любена Каравеловъ томъ първый. Стихотворения. Подъ редакцията на З. Стояновъ. Руссе, 1886) помѣщены слѣд. переводы Л. Каравелова изъ Шевченка: 1869 г. „Учете се, брате мои“ (окончаніе Посланія, стр. 1—2), 1870 г. „Защо ми са черни вѣжди“ (стр. 16) и „Родила е мене мама“ (стр. 21), 1871 г. „Иванъ Хусъ“ (стр 22), „Тече вода въ синйо море“ (стр. 30).

Среди переводовъ на нѣмецкій языкъ также много ошибокъ. Прежде всего № 76 надо упразднить; вслѣдствіе непонятаго нѣмецкаго заглавія на обложкѣ изданія Гебгарда г. Комаровъ думаетъ, что тамъ имѣются также нѣмецкіе переводы стихотвореній Шевченка, чего на дѣлѣ нѣтъ. О переводѣ „Катерыны“ въ брюссельской La Societé Nouvelle проф. Енса см. М. Драгоманов, „Листочки до вінка на могилу Шевченка“. Цѣлый рядъ стихотвореній Шевченка напечатанъ въ переводѣ на нѣмецкій яз. въ вѣнскомъ изданіи— „Die Dioskuren, Jahrbuch des österreichischen Beamtenvereins“. Хорошій переводъ „Кавказа“ на нѣмецк. яз. помѣстилъ Waldemar Kawerau въ 1878 г. въ лейпцигскомъ Magazin für die Literatur des Auslandes; глухое из-

вѣстіе объ этомъ переводѣ приводитъ г. Комаровъ въ отд. XIV подъ № 187, не зная, что именно помѣстилъ тамъ Каверау.

Почему отд. IX носитъ заглавіе „Переводы прозаическихъ произведеній Т. Шевченка, писанныхъ имъ по русски, на языкъ малорусскій"—почему лишь на малорусскій? А вотъ, напр. автобіографія была переведена на польскій яз. (въ книгѣ Sam. Smiles, Prawdą i pracą (self help), изданной во Львовѣ 1871,—то это уже не относится къ библіографіи Шевченка? Такъ же точно безъ надобности сузилъ авторъ объемъ отд. XII „Драматическія передѣлки произведеній Т. Шевченка". Почему лишь драматическія? А если драма Шевченка передѣлана въ повѣсть, то куда отнести эту передѣлку? Или къ переводамъ, какъ это сдѣлалъ г. Комаровъ?

Не совсѣмъ хорошо сдѣлалъ г. Комаровъ, соединивши воедино въ отд. XIV, подъ загл. „Сводъ статей о Т. Шевченкѣ и его произведеніяхъ", кромѣ прозаическихъ работъ, также стихотворенія въ честь Шевченка; для нихъ можно было завести отдѣльную рубрику, или присоединить ихъ къ отд. XI, которому можно бы было дать болѣе общее заглавіе: Шевченко и его жизнь въ произведеніяхъ искусства (поэзіи, живописи, скульптуры).

Наиболѣе богатый содержаніемъ отд. XIV также не можетъ претендовать ни на полноту, ни на обстоятельность. Совершенно несобстоятельны № 106 (Голосъ № 42—а что въ немъ?), 112 (Отечеств. Зап. 1869, № 3), 114 (Сынъ Отечества № 67), 120 (Донъ № 61—63), 143—Revue des deux mondes 1874, не обозначено ничто, ни въ какомъ № печаталось; рѣчь, очевидно, идетъ о статьѣ г-жи E. Durand; необстоятеленъ также № 198; статья Драгоманова въ „Громадѣ" имѣетъ заглавіе „Шевченко, украйінофіли і соціялізм" и помѣщена въ „Громадѣ" т. IV. Безъ надобности повторено указаніе на мою статью въ „Сьвіті" (№ 240 и 265). И здѣсь, какъ и въ предыдущихъ отдѣлахъ, авторъ даетъ подъ однимъ № не одну, а по нѣсколько работъ. Такъ, подъ № 42 „Некрологи"—изъ пяти различныхъ изданій въ № 46 упомянуто „По поводу концертовъ въ память Т. Шевченка" и статьяхъ въ 7 различныхъ изданіяхъ; подъ № 28, кромѣ статьи Бѣлозерскаго, помѣщены стихотворенія пяти поэтовъ и рѣчи двухъ „и другихъ" особъ. Это матеріалъ для какого-либо изслѣдованія, но ничуть не научная библіографія.

Какъ уже сказано, этотъ отдѣлъ, хотя наиболѣе богатый, имѣетъ и наиболѣе пропусковъ. Понятно, что тутъ вина автора не велика:

Шевченко имѣетъ уже такую обширную литературу, что ее не понять одному человѣку... Здѣсь нуженъ трудъ многихъ рукъ, участія людей, которые имѣютъ доступъ въ обширныя библіотеки. Въ надеждѣ, что когда-либо все же будетъ собрана полная библіографія Шевченка, я предлагаю здѣсь нѣкоторыя дополненія къ труду г. Комарова. Итакъ: въ отд. III, подъ 1891 г. надо добавить: „Кобзар, книжочка для дітий, ціна 20 кр. Накладом Руського тов. педагогічного. З друкарні Наук. тов. ім. Шевченка, Львів, 1891, 16⁰ стор. 64". За заглавной страницей помѣщенъ портретъ Шевченка, затѣмъ на стр. 5—8 статья Тарасъ Шевченко, далѣе стр. 9—63—текстъ съ добавленіемъ поясненій внизу, а на послѣдней ненумерованной страницѣ содержаніе.

Далѣе, въ отд. IV надо добавить упоминаніе о томъ, что стихотв. Шевченка „Садокъ вышневый коло хаты" перепечаталъ латинск. литерами Богданъ Залѣскій въ примѣчаніи къ своему стихотворенію Mogiła Tarasowa (B. Zaleski, Pisma tom. IV. Lwów, 1877, стр. 104). Не безынтересны слова того же Залѣскаго, который говоритъ (loc. cit.), что „od Bronisława i od śp. Edwarda Zeligowskiego dostałem kilka zeszytów poematów i pieśni Szewczenki nigdzie podobno nie drukowanych". Къ отд. VII г. Комарова о рисункахъ Шевченка отмѣчаю изъ того же мѣста у Залѣскаго еще слѣд.: Sp Konstanty Swidzinski na kilka dni przed skonem przysłał mi takoż miły upominek po Szewczence: originalną akwarellę Smierci Bohdana Chmielnickiego i szkic olówkiem godów kozackich". Къ отд. VIII добавить переводъ „Маріи" на русскій языкъ М. Драгоманова подъ заг. „Marie, poëme de Chevtchenko, traduction russe". Марія, поэма Т. Гр. Шевченка съ переднимъ словомъ и замѣчаніями М. Драгоманова. Переводъ съ украинскаго. Женева, типографія „Громады", 1885, мая 8-го, стр. VIII+47. Изданіе имѣетъ на 3-хъ стрининцахъ обложки „Отъ издателя", зат. на стр. III—VIII. Предисловіе, затѣмъ текстъ (дословный переводъ), стр. 1—27, и наконецъ „Замѣчанія на поэму Шевченка Марія", на стр. 29—47. Къ отд. XI слѣдуетъ добавить портретъ Шевченка, гравюра съ котораго, довольно неважная, была напечатана вмѣстѣ съ краткой біографіей въ польскомъ журналѣ для дѣтей Dzwonek 1872 г., № 8, стр. 123. Тамъ же на стр. 123—124 и 139—141 помѣщенъ польскій переводъ „Катерыны"—польскаго поэта П. Ленартовича. Наконецъ, къ отд. XIV, подъ 1859 г. добавить статью „Z Ukrainy", напечатанную въ „Wiadomościach Polskich" въ Парижѣ, гдѣ приведенъ извѣстный анекдотъ о Шевченкѣ съ зернами пшеницы. Подъ

1861 г. слѣдуетъ добавить рядъ статей, помѣщенныхъ въ польскихъ журналахъ, начиная съ „Biblioteki Warszawskiej“ и львовскаго „Dziennika Literackiego“ по поводу изданія изслѣдованія Л. Совиньскаго и перевода „Гайдамакивъ“. Со статьей „Dzienn. Liter“ связана полемика Будеволи 1862 г. (у Ком, № 58). Эта статья имѣла заглавіе: M. W. Ruch umysłowo-polityczny na Rusi. Szewczenko—Sulima (Dz. Liter. 1861, № 69). Сулима былъ полякъ родомъ изъ Украины, напечатавшій въ брюссельскомъ изданіи „Le Nord“, а затѣмъ и отдѣльной брюшюрой статью Lettres d'un Oukrainien sur la Bosnie russe, Leipzig, 1861). Подъ тѣмъ же 1862 годомъ слѣдовало упомянуть о стихотвор. О. Федьковича „Співацка добранôчь на скôнъ Тараса Шевченка“, напечатанномъ въ изданіи его стихотвор. (Львовъ, 1862), стр. 28—29 и перепечатанномъ въ новомъ полномъ изданіи его сочиненій (Львів, 1900, т. I). Подъ 1863 г. слѣдуетъ добавить статью Kwestya rusińska въ № 3 Tygodnika Poznańskiego, гдѣ упомянуто о похоронахъ Шевченка и впечатлѣніи ихъ на украинскій народъ. Что-то объ этомъ было и въ газетѣ Dziennik Poznański. Подъ 1862 г. слѣдуетъ упомянуть о брошюркѣ „М. В. Р. Сонное видѣнье або разговоръ духôвъ о польскôй и русскôй справѣ, оповѣдь въ стихахъ. Львовъ, типомъ Института Ставропигійскаго, 1862“, гдѣ въ добавленіи, на стр. 97—106 помѣщено „Гдещо про оукраинського співака Тараса Григоровича Шевченка“, а на стр. 106—108 перепечатано стихотв. Конисскаго на смерть Шевченка. Подъ 1863 г. надо добавить статейку „О поезіи Шевченка“, напечатанную въ календарѣ „Перемышлянинъ“. Подъ 1865 г. слѣдуетъ добавить, что статья Гвидона Батталіи „Taras Szewczenko, poeta ukraiński“ напечатана первоначально въ журн. Tygodnik naukowy, Lwów, 1865, № 22. Подъ 1866 г. слѣд. добавить важный трудъ: Bronisław Zaleski, Wygnańcy polscy w Orenburgu (Rocznik Towarzystwa Historyczno-literackiego w Paryżu, rok 1866, стр. 75—107), гдѣ упомянутъ и Шевченко и приводится много свѣдѣній о его оренбургскихъ знакомыхъ. Подъ тѣмъ же годомъ къ № 88 у Ком. слѣдуетъ добавить, что стих. «Перебендѣ», помѣщ. въ № 9 «Русалки» не называется «В роковини смерти Т. Шевченка», а «Памяти великих», а заглавіе подъ № 89—«Пятї роковини Т. Шевченка у Відни». Наконецъ, замѣчу, что подъ 1884 г., № 299 у г. Комарова опять безъ надобности измѣнено имя автора статьи: не Sulim, а Sulima, и статья его „Szewczenko na wygnaniu

і Bronisław Zaleski" дѣйствительно была помѣщена въ т. IV „Przeglądu powszechnego" въ Краковѣ.

На этихъ деталяхъ я прекращаю свои замѣчанія на книжку г. Комарова. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что авторъ, особенно въ новѣйшее время, собиралъ матеріалъ обстоятельно. Его книжка, хотя и далека еще отъ того, чтобы быть полной и вездѣ обстоятельной библіографіей Шевченка, все же важна тѣмъ, что показала намъ впервые литературу, относящуюся къ нашему поэту, въ ея полномъ объемѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дала возможность опредѣлить тѣ дезидераты, которые нужны для ея (литературы) полнаго собранія. Желательно было бы, чтобы и сама книжка и эта рецензія нашли отголосокъ у всѣхъ тѣхъ, кто можетъ такъ или иначе способствовать исправленію ошибокъ или заполненію ея пропусковъ».

На этомъ кончается рецензія г. Франка. Съ своей стороны укажемъ для лицъ, интересующихся книжкой г. Комарова, что отзывы о ней, кромѣ г. В. въ «Лѣтерат.-Науковом Вѣстнику» 1903, кн. XI Хр. стр. 142—143 и нашего въ «Кіев. Стар.», февраль тек. года, стр. 77—80, даны были еще въ «Русской Мысли», 1903, кн. XII, стр. 420, въ «Южныхъ Запискахъ», 1904, № 2, стр. 33 (рецензентъ Р—ръ), въ «Журналѣ для всѣхъ», 1904, № 2 (реценз. А. Лотоцкій), и въ газетѣ «Вѣстникъ Юга» (№ намъ точно неизвѣстенъ, но не раньше № 559 въ концѣ минувшаго года).

В. Д.

Д. Кулида.—Збирныкъ творивъ, 1 книга. *Стор. IV+123. Кременчикъ, 1903. Цина 40 коп.*

А. З.—Молоди порывання. *Стор. 32. Кыивъ, 1904.*

Ѳедь Подолякъ.—Осинни квитки. *Стр. 32. Одесса, 1903. Цина 20 коп.*

Великій грѣхъ лежитъ на нашей съ вами душѣ, читатель: мы просмотрѣли колоссальной важности событіе въ украинской литературѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1901 г. исполнилось десятилѣтіе литературной дѣятельности г. Кулиды... Но позвольте, скажете вы,—кто же такой г. Кулида? Каюсь, до выхода въ свѣтъ «Збирныка творивъ» я тоже не зналъ, кто такой г. Кулида, и только теперь узналъ, что это писатель, хотя раньше и не печатавшійся почти, но отпраздновавшій

уже десятилѣтіе своей литературной дѣятельности, и что это послѣднее обстоятельство собственно и заставило его предпринять изданіе своихъ произведеній. Эти и другія не менѣе интересныя свѣдѣнія о себѣ авторъ со скромностью истинно геніальнаго человѣка сообщаетъ въ предисловіи «до *першого* выдання Збирныка творивъ». Хорошенько же запомнимъ августъ мѣсяцъ 1891 г., послужившій начальнымъ пунктомъ литературной дѣятельности г. Кулиды, ибо въ другой разъ уже не будемъ имѣть права отговариваться незнаніемъ.

Но если мы съ вами, читатель, проявили весьма непохвальную забывчивость по отношенію къ г. Кулидѣ, то г. Кулида, напротивъ, о насъ хорошо помнитъ и даже преисполненъ сознаніемъ нѣкотораго долга. «Вже пора,—говоритъ онъ въ предисловіи,—пидвесты пидсумокъ и *прыставыты (sic) громади рахунокъ* въ моій десятолитній литературній діяльности, яка бъ вона не була» (предисловіе, стр. III). Въ этомъ убѣжденіи Кулида и приступилъ къ *первому* изданію своихъ произведеній, надѣясь, и не безъ основанія, что за нимъ не замедлятъ послѣдовать и дальнѣйшія.

Тернистый однако путь пришлось пройти г. Кулидѣ въ его десятилѣтней литературной дѣятельности, какъ узнаемъ изъ того же предисловія. Судьбѣ угодно было испытать нашего автора, наславъ на него рецензентовъ. Первая его книжка, «Вирши», изданная въ 1898 г. встрѣтила на страницахъ «Кіевской Старины» такую оцѣнку, что скромному автору «соромно й людямъ сказаты»; тоже самое повторилъ рецензентъ и одного неназваннаго авторомъ львовскаго изданія по поводу какъ этой, такъ и слѣдующей книжки г. Кулиды. Краснѣя за неблаговоспитанныхъ рецензентовъ, мы однако должны отмѣтить, въ видахъ безпристрастія, что и авторъ въ долгу не остается и отплачиваетъ рецензентамъ съ лихвой и въ стихахъ, и въ прозѣ. Напутствуя свои произведенія и вспоминая съ горечью о незаслуженныхъ нападкахъ со стороны рецензентовъ, г. Кулида между прочимъ говоритъ:

Та васъ стрилы *злiи люды*,
Сталы доприкаты,
Що вы, нибы, не пысьменни,
Сталы намовляты,
Що вы нибы-то безглузди,
Боси и не вмыти...

и заканчиваетъ затѣмъ надеждой, что правда все-таки восторжествуетъ.

И тимъ *заздрисныкамъ гыдкымъ*
Соромно всимъ стане,
Що *дурне ихъ доприкання*,
Якъ бурьянъ, завьяне (стр. 8—9).

И ковы «заздрисныкивъ гыдкыхъ», дѣйствительно ни мало не повредили автору, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи: «але не глядюче (sic) на «надруковану крытыку»—съ достоинствомъ отмѣчаетъ г. Кулида,—мои книжкы въ 1-мъ выданни довго не лежалы: «Вирши» булы роспродани за годъ, а «Козаче слово»—за три мисяця» (предисл. стр. IV). Правда, разошедшееся за три мѣсяца «Козаче слово» на обложкѣ настоящей книги значится еще существующимъ въ продажѣ, но это, можетъ быть, недосмотръ, а можетъ быть, авторомъ выпущено уже и второе изданіе. Во всякомъ случаѣ на «дурне доприкання» рецензентовъ авторъ имѣетъ основаніе не обращать равно никакого вниманіе... Съ сожалѣніемъ отмѣтимъ еще, что «Збирныкъ творивъ» не заключаетъ въ себѣ полнаго «счета» предъявленнаго читателямъ г. Кулидой: нѣкоторыя произведенія авторъ счелъ за лучшее исключить—«не затымъ,—скромно заявляетъ онъ,—що воны не до ладу написани,—не до ладу написаныхъ писень и думъ найдеться (а въ кого тилькы не находыться?) и въ симъ збирныку мо не мало,—а затымъ, що воны мени не понаравылысь» (предисл. стр. IV). Весьма интересно было бы узнать, чѣмъ именно онѣ не «понаравылысь» автору, который, какъ показываетъ содержаніе настоящей книжки, относится къ своимъ думамъ въ общемъ весьма снисходительно, но боясь быть сопричисленнымъ къ «заздрисныкамъ гыдкымъ», удержимся отъ вопросовъ и удовольствуемся лаконическимъ объясненіемъ г. Кулиды.

Переходя къ обозрѣнію счета, представленнаго намъ г. Кулидой, мы съ сокрушеніемъ должны сознаться, что этотъ счетъ намъ рѣшительно «не понаравывся», хотя увѣряемъ при этомъ, что ни малѣйшей зависти къ скромному автору не чувствуемъ. Убогое содержаніе, большею частью позаимствованное, блѣдное изложеніе, шаблонные пріемы, неправильный языкъ—таковъ активъ г. Кулиды и, конечно, едва ли это бѣдное достояніе можетъ подавать кому-нибудь поводъ къ зависти. Авторъ намъ, конечно, въ правѣ не повѣрить и отпраздновать въ единственномъ числѣ еще и слѣдующее десятилѣтіе своей литера-

турной дѣятельности; не повѣритъ, можетъ быть, и читатель и на расхватъ раскупитъ лежащій предъ нами «Збирнык творивъ»; но хотя бы даже г. Кулидѣ при жизни и монументъ былъ воздвигнутъ, то и тогда мы бы ему не позавидовали....

Если г. Кулида имѣетъ позади себя цѣлое десятилѣтіе литературной дѣятельности, то авторъ «Молодыхъ порывань», скромно укрывшійся подъ иниціалами А. З.,—очевидно начинающій писатель, но несомнѣнно того же геніальнаго пошиба. Когда по истеченіи перваго десятилѣтія литературной дѣятельности, онъ предъявитъ обществу свой счетъ, то въ этомъ счетѣ будетъ записана одна крупная заслуга—открытіе, надъ которымъ до сихъ поръ напрасно ломало голову человѣчество. Г-нъ А. З. блистательно разрѣшилъ вопросъ о perpetuum mobile и, какъ всѣ геніальныя открытія, рѣшеніе это въ высшей степени просто: perpetuum mobile есть, ни болѣе ни менѣе, какъ дворникъ, подметающій улицу! .. Сомнѣвающихся и не вѣрящихъ просимъ прочитать стихотвореніе, находящееся на стр. 3—4 «Молодыхъ порывань». Къ сожалѣнію, авторъ, обезсмертившій себя геніальнымъ открытіемъ въ области механики, не успѣлъ усвоить правилъ версификаціи, и потому стихи его весьма хромаютъ по части размѣра, да и съ рнемами онъ не въ дружественныхъ отношеніяхъ. Что же касается содержанія, то имъ книжка г-на А. З. напоминаетъ старосвѣтскіе альбомы, заполненные трогательными, но увы! безграмотными посвященіями и галантными мадригалами. Доминирующій мотивъ—любовь, и при томъ любовь особенная, выражающаяся въ томъ, что авторъ, по собственному признанію, умѣетъ лишь «не любыть, а давыть» (стр. 16, 15). Какъ бы то ни было, но за открытіе perpetuum mobile указанные маленькіе недочеты поэзіи г. А. З., конечно, ему простятся, и если авторъ когда-нибудь будетъ удостоенъ, какъ выражался Щедринъ, отъ начальства монументомъ, то къ послѣднему навѣрное не заростетъ народная тропа....

Г. Ѳедь Подолякъ также сдѣлалъ весьма важное открытіе—въ другой, правда, области: имъ найдено вѣрное средство поднятія народной нравственности. Вотъ это открытіе, скрывающееся подъ такимъ, казалось бы, несоотвѣтствующимъ важности предмета заголовкомъ, какъ «Баба».

Ото хытра вража баба—
Якъ вона фиглюе:
Чуе де чаркамы дзвонять.

А дзвонивъ не чуе!?
До церкви йде,—„най Богъ прыйме“,—
Тилькы на Велыкдень,
А до коршмы—и частенько:
Скилькы разъ на тыждень.
До церквы йде—щкандыбае,
А до корчмы просто.
Ото бъ взяты гарапныка
Та всыпаты зб-сто!

Больше о г-нѣ Ѳедѣ Подолякѣ ничего не имѣемъ сказать, а всѣхъ трехъ поэтовъ еще разъ почтительнѣйше просимъ принять увѣреніе въ совершенномъ отсутствіи у насъ зависти къ ихъ заслугамъ.

С. Е—мовъ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LVII, кн. I; 2) Chronik der Ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, 1903, Heft II und III, №№ 14—15; 3) Образованіе, №№ 1—3; 4) Наблюдатель, № 1; 5) Нива. Ежемѣс. литер. и популярно-научн. приложенія, №№ 1—3; 6) Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., 1903 г., т. VIII, кн. 1—4; 7) Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т.т. 72—74; 8) Зап. Имп. Новор. Ун., 1903 г., т. 95; 9) Уч. Зап. Имп. Юр. Ун., 1904 г., № 1; 10) Варшав. Унив. Изв., 1904 г., № 1; 11) Зап. истор.-фил. факул. Спб. Ун., 1904 г., ч. 73; 12) Филол. Записки, 1904 г., вып. VI; 13) Archiv für Slavische Philologie, 1904, B. 26, H. 1; 14) Revue de linguistique et de philologie comparée, 1903, t. 36 u 1904, t. 37; 15) Mittheilnugen des Instituts für Oesterreichische Geschichte, 1904, B. XXV, H. 1; 16) Извѣстія русскаго археол. института въ Константинополѣ, 1903 г., т. VIII, в. 3; 17) Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Institutes in Wien, 1903, B. VI, H. 1; 18) Zeitschrift für Ethnologie, 1904, H. 1; 19) Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, 1904, H. 1; 20) Revue des traditions populaires, 1904, t XIX.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LVII, кн. 1, р. 1904.

Матеріали до історії Коліївщини. Подъ этимъ заглавіемъ опубликованы: вводная статья проф. М. Грушевського и записка кс. Кор-

нелія Срочинськаго «Ocrucieństwo w Umaniu na Ukraine». Эта записка извлечена о. Ар. Крижановськимъ изъ базиліанскаго архива въ Кристинополѣ; она даетъ нѣкоторыя интересныя данныя для исторіи разгрома Умани Гонтой.

І. Франко. *„Король балагулів“. Антін Шашкевич і його українські вірші.* Указавъ условія и особенности украинскаго поэтическаго творчества той эпохи, къ которой принадлежалъ А. Шашкевичъ, авторъ даетъ весьма интересную біографію послѣдняго и весьма ярко обрисовываетъ при этомъ его личность. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность Шашкевича все время разсматривается авторомъ въ связи съ тѣми явленіями общественнаго быта Украины, которыя вліяли на творчество поэта. При чемъ особенно интересна характеристика «балагульства», приведшаго, какъ извѣстно, Шашкевича и др. лицъ къ аресту.

Miscellanea. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены: Русская сатира на польскую элекцію 1696 г. и Жалоба прихожанъ въ (Перемиской епархіи) на отобраніе церковныхъ и приходскихъ имуществъ 1848 г.

Въ отдѣлѣ «Наукова хроніка» даны весьма обстоятельные отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Н. Котляревскій.* Н. В. Гоголь. 1902; 1) Памяти Гоголя. Изд. Общ. Нестора лѣт. 1902.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ, относящихся такъ или иначе къ Украинѣ: 1) *Н. Е. Брандербургъ.* Объ аборигенахъ Кіевскаго края (Труды XI археологич. съѣзда, т. I); 2) *А. А. Спицынъ.* Курганы съ окрашенными костяками (Труды Отд. слав. и рус. арх. Имп. Рус. Арх. Об., т. VI); 3) *А. А. Спицынъ.* Обзоръ нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи (Тр. Отд. слав. и рус. арх. Имп. Рус. Арх. Об., т. I, II и VI и Зап. Имп. Рус. Арх. Об., т.т. VIII—XI); 4) *А. А. Спицынъ.* Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ (Ж. М. Н. Пр., 1899 г., VIII); 5) *А. А. Шахматовъ.* Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей (тамъ же, IV); 6) *Е. Голубинскій.* Исторія русской церкви. Т. I. М. 1901; 7) *М. Г. Халанскій.* Экскурсы въ область древнихъ рукописей и старопечатныхъ изданій, XXIII и XXIV (Труды Харьк. Предв. Ком. по устр. XII археол. съѣзд., т. I); 8) *M. Sarzdawa.* Obszar dawnego powiatu Kamioneckiego (Wisła, 1902); 9) *М. Ясинскій.* Счисленіе суточнаго времени въ зап. Россіи и въ Польшѣ въ XVI—XVII вв. (Чт. въ Ис. Общ. Нест., XVI, IV); Археологическій сборникъ документовъ, отно-

сящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси. Вильна. Т. XII, 1900; 11) *Д. Савицкій.* Русскій гомилетъ начала XVIII в. Іоакимъ Богомолевскій. К. 1902 (изъ Труд. Кіевск. Дух. Акад.); 12) *Н. И. Петровъ.* Первый періодъ жизни и научно-философскаго развитія Григорія Савича Сковороды (Тр. К. Д. Ак., 1902 г.. XII); 13) *І. Мандельштамъ.* О характерѣ Гоголевскаго стиля. Гельсингфорсъ. 1902; 14) *А. Н. Пыпинъ.* Значеніе Гоголя въ созданіи современнаго международнаго положенія русской литературы. Спб. 1902; 15) *М. Комаровъ.* Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Одесса. 1903; 16) Swiatłomir. Львів, 1904; 17) *Ясевичъ-Бородаевская.* Сектанство въ Кіевской губерніи (Жив. Стар., 1903 ч., I); 18) Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. В. І. М. 1899; 19) *В. И. Срезневскій.* Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе въ 1900 и 1901 г.г. (Изв. Имп. Ак. Наукъ, 1902 г., XVI, 2); 20) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1897 г. Спб. 1902.

Chronik der Ukrainischen Sevcenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, 1903, H II, № 14 u H. III, № 15.

Кромѣ обычныхъ протоколовъ Общества, его секцій и коммиссій въ настоящихъ книжкахъ находимъ сообщеніе о капиталѣ имени Антона Бонцевського (№ 14) и объявленіе о стипендіи изъ этого капитала для студентовъ въ размѣрѣ 153 кр. (№ 15).

Отчетъ объ этнографическихъ экспедиціяхъ (№ 15). Въ 1902 г. этнографическая коммиссія Общества получила отъ галицкаго сейма субсидію въ размѣрѣ 1000 кр. спеціально для собиранія матеріаловъ по украинской этнографіи. Эта сумма была распредѣлена между нѣсколькими лицами, которыя и совершили экскурсіи для собиранія этнографическихъ матеріаловъ. Прежде всего В. Гнатюкъ посѣтилъ украинскія поселенія въ Венгріи и собралъ весьма цѣнные матеріалы по народной словесности. Правда, ему пришлось работать при неблагопріятной обстановкѣ, такъ какъ мѣстная интеллигенція не оказывала никакой поддержки его трудамъ, а венгерскія власти чинили ему различныя притѣсненія. Затѣмъ Тарасевській записалъ въ окрестностяхъ г. Купянска, Харьковской губ., много сказокъ, но собранный матеріалъ отличается столь ярко выраженнымъ порнографическимъ характеромъ, что не можетъ быть напечатанъ въ изданіяхъ Общества.

Очень важное значеніе имѣетъ экскурсія В. Шухевича въ Коссивськомъ повѣтѣ: онъ закрѣпилъ на пластинкахъ фонографа различныя народныя мелодіи и изучилъ обычаи, соблюдаемые на Святкахъ. Кромѣ этихъ лицъ, въ собираніи этнографическихъ матеріаловъ приняли участіе также многіе любители изъ молодежи.

Образованіе, №№ 1—3.

І. Гессенъ. Юридическая помощь населенію (№ 1, стр. 95—116). Авторъ въ сжатомъ очеркѣ даетъ свѣдѣнія о состояніи этого вопроса въ Россіи и излагаетъ тѣ мѣры, которыя намѣтили для разрѣшенія его мѣстные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Останавливаясь попутно на предшествующей дѣятельности земствъ и другихъ учрежденій по оказанію юридической помощи населенію, авторъ касается также Южной Россіи.

А. С. То-ли нужно? (№ 1, стр. 117—134). Статья написана по поводу «Окружнаго посланія преосв. Антонія, еп. волынскаго, къ епархіальному духовенству». Это посланіе было написано преосвящ. Антоніемъ въ 1902 г. по поводу крестьянскихъ волненій на югѣ Россіи, при чемъ онъ отмѣчаетъ, что вліяніе духовенства на населеніе сильно пало и указываетъ различные недостатки духовныхъ руководителей народа. Но преосв. Антоній не указываетъ мѣръ къ исправленію этого зла, хотя и отмѣчаетъ, между прочимъ, несовершенство школъ духовнаго вѣдомства. Недостатки послѣднихъ и возможныя мѣры къ устраненію ихъ и составляютъ главную задачу данной статьи.

Л. Клейнборнъ. Новые отчеты фабричной инспекціи (№ 1, стр. 14—32). Говоря о положеніи рабочихъ и состояніи рабочаго вопроса въ Россіи по поводу отчетовъ фабричной инспекціи за 1901 г., авторъ при случаѣ касается также Южной Россіи.

Въ «*Хроникѣ мѣстной жизни*» помѣщены, между прочимъ, сообщенія о земскихъ собраніяхъ въ Екатеринославѣ и Черниговѣ, о засѣданіяхъ городскихъ думъ въ Елисаветградѣ и Черниговѣ и о безпорядкахъ въ Кіевскихъ университетѣ и политехникумѣ (№ 1), а также о борьбѣ земской школы съ церковно-приходской въ Мелитополѣ (№ 2).

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» данъ отзывъ о Ruthenische Revue. Halbmonatschrift I Jahrgang» (№ 1, стр. 168—169).

Нива. Ежем. литер. и популярно-научн. приложенія, № 1—3.

І. А. Литинскій. Отчего мрутъ деревенскія дѣти (№ 1, стр. 109—103). Авторъ пользуется при изслѣдованіи причинъ большой смертности дѣтей въ деревняхъ также данными, относящимися къ губерніямъ Южной Россіи.

Вл. Чумицкій. Загадки у русскаго народа (№ 3, стр. 457—466). Говоря о характерѣ загадокъ, авторъ приводитъ также украинскія загадки.

Извѣстія Отд рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н, 1903 г., т. VIII, кн. 1—4.

В. Н. Перетцъ. Очерки старинной малорусской поэзіи (кн. 1, стр. 81—119). Въ настоящихъ очеркахъ авторъ поставилъ себѣ цѣлью собрать въ одно замѣчанія о судьбахъ нѣкоторыхъ малорусскихъ поэтовъ XVIII в. и начала XIX в. и видоизмѣненіяхъ, которыя перетерпѣли ихъ произведенія, вращаясь среди любителей поэзіи (стр. 82). Съ этой точки зрѣнія онъ и разсматриваетъ слѣдующія произведенія украинскихъ поэтовъ: 1) «Епиникіонъ» 1709, Ѳеофана Прокоповича; 2) вирши Климентія; 3) любовныя пѣсни въ припискахъ 1743—1761 г.; 4) пѣсню козака Климовскаго и 5) псальму Г. С. Сковороды.

И. И. Срезневскій. Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ II—VII (кн. 1, стр. 120—173)—продолженіе извѣстныхъ чтеній И. И. Срезневскаго «Повѣсти временныхъ лѣтъ»; настоящія чтенія почти не извѣстны ученымъ и опубликованы раньше лишь въ небольшихъ отрывкахъ.

Н. К. Никольскій. Матеріалы для исторіи древне-русской духовной письменности (кн. I, стр. 212—232 и кн. II, стр. 52—75)—имѣются также матеріалы, относящіеся къ древней исторіи и къ исторіи древней словесности Южной Руси, а именно: про ложное сказаніе объ освященіи церкви Бориса и Глѣба, посланіе печер. архимандрита Досиѳея и слово похвальное Григорія, архіеп. Кіевскаго и всея Руси.

А. А. Шахматовъ. Къ исторіи звуковъ русскаго языка (кн. I, стр. 297—356 и кн. II, стр. 312—346)—окончаніе изслѣдованія, начатаго печатаніемъ въ 1 и 2 книжкахъ „Извѣстій“ за 1902 г.; авторъ разматриваетъ въ общей связи также звуки малорусскаго языка.

П. И. Житецкій. Къ исторіи литературной русской рѣчи въ XVIII ст. (кн. II, стр. 1—51)—говотся о малорусскомъ вліяніи на образованіе литературной русской рѣчи въ XVIII ст.

В. Н. Перетцъ. Къ характеристикѣ общественныхъ отношеній въ Малороссіи XVII в. (кн. II, стр. 159—168)—говорится о погребальной рѣчи о. Игнатія Старушича 1641 г., какъ доказательствѣ того, что малорусское духовенство измѣняло интересамъ народной массы и искажало литературный языкъ.

А. И. Соболевскій. Нѣсколько мыслей о древней русской литературѣ (кн. II, стр. 138—158)—II глава этой статьи написана по поводу брошюры Н. К. Никольскаго „Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности, Сб. 1902", а III глава—по поводу рецензіи В. М. Истрина на книгу П. В. Владимірова" „Древняя русская литература кіевскаго періода".

М. Г. Халанскій. Матеріалы и замѣтки по исторіи древнерусскаго героическаго эпоса (кн. II, стр. 168—176)—въ I главѣ издано сказаніе о взятіи Царяграда вел. кн. Ольгой.

В. И. Срезневскій. Отчетъ Отдѣленію рус. языка и словесности Имп. Ак. Н. о поѣздкѣ въ олонецкую, вологодскую и пермскую губерніи (кн. II, стр. 222—245, кн. 3, стр. 127—189 и кн. IV, стр. 99—139)—среди описываемыхъ и пріобрѣтенныхъ авторомъ рукописей имѣются такія, которыя представляютъ интересъ для изслѣдователей исторіи и литературы Южной и Западной Руси: 1) сказаніе о рос. святыхъ (кн. 3, стр. 171—115), 2) сборникъ средины XVI вѣка, содержащій зап.-рус. лѣтопись въ отрывкахъ (кн. IV, стр. 100—107).

Ѳ. Е. Коржъ. Турецкіе элементы въ языкѣ слова о полку Игоревѣ (кн. IV, стр. 1—58)—статья написана по поводу изслѣдованія на ту-же тему П. М. Меліоранскаго (Изв., 1902 г., кн. II); авторъ полемизируетъ съ П. М. Меліоранскимъ по поводу слѣдовъ турецкаго вліянія въ языкѣ Слова о полку Игоревѣ.

Въ отдѣлѣ „*Библіографія*" даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ и изданіяхъ: 1) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Годы 6 и 7. К. 1901—1902 (кн. I, стр. 385—386, Е. В. Пѣтухова); 2) Статьи, рецензіи, замѣтки по вопросамъ рус. языка и словесности, помѣщенныя въ Ж. М. Н. Пр. за 1902 г. (кн. I, стр, 390—397, его-же); 3) Польскіе період. изданія по этнографіи за 1900—01 г.г. (кн. IV, стр. 383—400, 5) Улашина).

Сборникъ Отд. рус. и слов. Имп. Ак. Н., 1903 г., т. 72—74.

Отчетъ о первомъ по Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. присужденіи премій митр. Макарія (т. 73, стр. 1—102)—даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *М. И. Михельсонъ.* Русская мысль и рѣчь; 2) *В. Н. Перетцъ.* Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. I, ч. 1 и 2; *Н. Шляковъ.* О поученіи Владимира Мономаха.

Записки ист.-фил. факульт. Спб. Ун., 1904 г., ч. 73.

П. Г. Васенко. „Книга Степенная царскаго родословія" и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности, ч. I—весьма обстоятельное изслѣдованіе о „Степенной книгѣ", первыя слова которой, какъ извѣстно, даютъ весьма своеобразное изложеніе древнѣйшей русской исторіи.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Новый нѣмецкій переводъ Шевченка. Въ Черновцахъ появилась нѣмецкая брошюрка въ 36 страницъ подъ заглавіемъ «Schewtschenkos ausgewählte Gedichte». Это есть переводъ нѣсколькихъ стихотвореній Шевченка, сдѣланный проф. С. Шпойнаровскимъ. Изъ предисловія узнаемъ, что переводчикъ задумываетъ издать цѣлый рядъ такихъ брошюръ, чтобы познакомить европейскую публику съ выдающимися произведеніями Шевченка. Переводъ сдѣланъ очень удачно и близко къ подлиннику. Цѣна брошюрки 50 сот.

На дняхъ вышелъ во Львовѣ новѣйшій указатель всѣхъ населенныхъ мѣстностей Галичины и Буковины, при чемъ въ немъ приняты во вниманіе всѣ территоріальныя измѣненія послѣдняго времени. Указатель составленъ почтовымъ контролеромъ Яномъ Биго и стоитъ 5 кор.

Въ № 70 львовской газеты «Діло» напечатана коротенькая, но очень сильная и содержательная рѣчь профес. Львовскаго университета К. Студиньского, произнесенная имъ 15 марта въ концертѣ,

устроенномъ въ Станиславовѣ въ память 43-й годовщины смерти Шевченка. Рѣчь эта, озаглавленная «Кобзареви Украины», главнымъ содержаніемъ своимъ имѣетъ очень образное развитіе мысли, что Шевченко соединилъ въ одно духовное цѣлое раздѣленный украинскій народъ, заговоривъ чуднымъ, живымъ словомъ. «Когда въ древности—говоритъ проф. К. Студиньскій—персидскій царь Дарій послалъ къ грекамъ пословъ и потребовалъ отъ нихъ, въ знакъ подчиненія, земли и воды,—то въ Аѳинахъ, по совѣту Ѳемистокла, рѣшили наказать смертью переводчика за то, что осмѣлился унизить греческій языкъ переводомъ этого варварскаго приказанія. Такъ высоко греки цѣнили свой языкъ. И мы будемъ-же уважать и любить народную рѣчь не потому, что Бандтке назвалъ ее лучшею изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, а Мицкевичъ—лучшимъ среди русскихъ нарѣчій; не потому, что Бодянскій возвеличиваетъ ея поэтичность и музыкальность и ставитъ наравнѣ съ языкомъ греческимъ и итальянскимъ; не потому, что Коубекъ и Мацѣевскій признали ее лучшею, нежели чешскій языкъ; не потому, что великоросс Даль (Луганскій) считалъ ее выше великорусской,—но потому, что она *наша*, *родная;* потому что народъ, не уважающій и не любящій своего языка, не заботящійся и его развитіи, не стоитъ того, чтобы быть народомъ.

Въ Краковѣ группа молодыхъ русинскихъ литераторовъ задалась цѣлью издать украинскій альманахъ въ честь извѣстной писательницы Ольги Кобыляньской, подъ названіемъ—„За красою".

Сюда войдутъ новыя произведенія многихъ авторовъ, между которыми пока обращаютъ на себя вниманіе имена И. Франка, О. Маковея, В. Щурата, Б. Лепкого, П. Карманскаго, Н. Кибальчичъ.

Вступительная статья объ О. Кобылянській принадлежитъ извѣстному поэту Б. Лепкому.

Рукописи высылаются (до 1 мая) по слѣдующему адресу: Австрія. Kraków, Univerzytet. Ostap Luckyj.

Историческое извѣстіе объ Украинской думѣ. Въ журналѣ «Pamiętnik literacki, czasopismo kwartalne p święcone historyi i krytyce literatury polskiej, wydawane przez Towarystwo literackie imienia Adama Mickiewicza», выходящемъ во Львовѣ, начиная съ 1902 года, въ статьѣ. А. Брикнера «Z dzijów dawnego teatru polskiego» за тотъ

же 1902 годъ, на стр. 554 находимъ любопытное упоминаніе, что въ 1547 году кіоаристъ воеводы троцкаго Яндрухъ (Jędrek) получилъ золотой за пѣніе *рускої* (украинской) *думы*».

Въ газетѣ «Die Zeit» съ № 527 начатъ печатаніемъ разсказъ Ивана Франка «Der Dorn im Fusse». Тема разсказа взята изъ жизни гуцуловъ.

Новая газета. Съ марта мѣсяця въ Черновцахъ (Буковина) начала выходить два раза въ мѣсяцъ газета «Хліборобъ», издаваемая «Краєвой Радой культури» подъ редакціей проф. др. Смаль-Стоцкаго. Годичная цѣна всего лишь 2 короны.

Новый журналъ. Съ апрѣля мѣсяца во Львовѣ началъ выходить двухнедѣльный богословскій журналъ „Нива“, являющійся продолженіемъ „Богословскаго Вістника“; отличіе заключается въ томъ, что кромѣ церковныхъ вопросовъ обращено вниманіе и на вопросы общественные. Цѣна 6 коронъ.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Графиня А. Д. Блудова и Острожское братство. Подъ ред. *И. П. Хрущова.* Спб. 1903. Ц. 30 к.

Карскій М. А. Зарубежная Русь. Историческая хроника. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Ключевскій В., проф. Курсъ русской исторіи. Ч. I. М. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Лонгиновъ А. В. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ Одесса. 1904.

Лядскій К. И. Крестьянское землевладѣніе и размѣры его обложенія въ Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., Новочеркасскъ 1903.

Пантюховъ И. И. д-ръ. Куреневка. Медико-антропологическій очеркъ. К. 1904.

Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка. *А. И. Соболевскаго и С. Л. Штапцкаго.* Спб. 1903. Ц. 12 р. 50 к.

Писаренко Н. Коринь. Народня драма въ V діяхъ. Харьковъ. Типогр. В. Романова, Рыбная, № 17. 1904, 8°, ст. 53. Ц. 35 коп.

Археологическая лѣтопись.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки у м. Ильинецъ, Липовецк. у. Кіевск. г. Пользуясь любезнымъ приглашеніемъ Н. Е. Бранденбурга и главноуправляющаго Ильинецкимъ имѣніемъ А. И. Шелюжко, мы принимали посильное участіе въ раскопкахъ, производившихся Н. Е. Бранденбургомъ въ окрестностяхъ мѣстечка. Сообщаемъ краткія свѣдѣнія о результатахъ той части раскопокъ, которую намъ пришлось наблюдать.

Въ пяти верстахъ отъ м. Ильинецъ, у с. Паріевки, на покатомъ берегу р. Соба, расположенъ небольшой могильникъ, заключающій въ настоящее время около десяти могильныхъ насыпей. Большая часть ихъ сравнительно незначительной высоты—1,5—3,5 метра, двѣ-же, стоящія поодаль, гораздо большихъ размѣровъ. Одинъ изъ послѣднихъ кургановъ лежитъ въ нижней части береговой покатости, другой—на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, невдалекѣ отъ тракта, ведущаго въ мѣстечко. Остальные курганы занимаютъ какъ-бы среднее между ними положеніе. Для раскопокъ было выбрано три кургана изъ этой средней группы, т. е. съ небольшими насыпями. О первоначальной высотѣ кургановъ и объ ихъ формѣ теперь трудно судить, такъ какъ курганы этой группы много лѣтъ какъ распахиваются. Но, основываясь на формѣ большихъ кургановъ, имѣющихся поблизости и еще не тронутыхъ плугомъ, можно думать, что и эти курганы были куполообразные; въ на-

стоящее-же время они носятъ характеръ отлогихъ возвышеній, съ одной стороной болѣе высокой, а другой менѣе, что зависитъ отъ площади, на которой они расположены, имѣющей уклонъ къ рѣкѣ. Очень возможно, что нѣкоторыя насыпи разнесены плугами до основанія и теперь незамѣтны на поверхности; на это есть между прочимъ указаніе въ „Археологической картѣ Кіевской губ.“ проф. Антоновича, гдѣ сказано, что на поляхъ с. Паріевки, около почтовой дороги, есть 3 группы, въ нихъ 27 кургановъ.

Высота раскопанныхъ кургановъ—1) 1,23—1,5 м., 2) 1,55—2 м. и 3) 3,1—3,5 м.; соотвѣтственныя окружности—66, 85 и 115 м. Раскопки производились колодцами, діаметромъ 6—7 саж., причемъ діаметръ этотъ постепенно съужался до 4-хъ саж.

Первый курганъ не далъ буквально никакихъ результатовъ. Почти то-же самое можно сказать и о третьемъ. Въ первомъ въ сѣв.-вост. части насыпи, почва оказалась состоящей изъ замѣчательно плотной, слежавшейся глины; на глубинѣ 2,85 м. это пятно глины приняло правильныя формы могильной ямы, длиной 3,8 м. и шириной 2,15 м., направленіе ямы на з.-з. с.; углы ея закруглены. Яма шла на глубину 40 стм.; въ разныхъ мѣстахъ ея и на разной глубинѣ встрѣчались куски человѣческихъ костей; въ одномъ мѣстѣ части костей (отъ нижнихъ конечностей) лежали кучкой. Кромѣ костей, встрѣтились, также въ разныхъ частяхъ ямы, угольки и остатки истлѣвшаго дерева; у сѣверной стороны ямы слой истлѣвшаго дерева (дуба) имѣлъ видъ небольшого бруска, длиной до 20-ти стм. Вотъ и все содержимое могильной ямы, по всей вѣроятности ограбленной еще въ древности. Въ насыпи кургана встрѣтилось нѣсколько конскихъ зубовъ, кусокъ угля и довольно значительное количество черепковъ грубой посуды, выдѣланной безъ круга, съ кварцемъ.

Въ насыпяхъ другихъ кургановъ также довольно часто попадались такіе-же черепки; разбросаны они и по полю въ бороздахъ и рытвинахъ, вымытыхъ водой. А. И. Шелюжко найденъ здѣсь, наряду съ черепками, и кусочекъ отбивного кремневаго ножика; все это указываетъ на то, что площадь, занятая курганами, и прилегающая къ ней мѣстность, раньше, до насыпки кургановъ, были заняты стоянкой каменнаго вѣка.

Курганъ № 2 заключалъ въ себѣ могилу, также совершенно ограбленную. Уцѣлѣло лишь боковое погребеніе, давшее очень интересныя находки. Устройство центральной могилы можно возстановить довольно точно. Въ материкѣ ямы не копалось, былъ расчищенъ лишь верхній слой земли и на образовавшейся площадкѣ воздвигнута изъ дубовыхъ брусьевъ (15—20 стм. діам.) постройка, имѣвшая одну прямую сторону, а остальныя закругленныя. Столбы въ нѣкоторыхъ частяхъ вбивались настолько часто, что образовался какъ-бы частоколъ, въ другихъ-же частяхъ (особенно въ прямой) столбы закладывались брусьями. Сооруженіе это было покрыто шатрообразной деревянной крышей, шедшей наклонно внизъ отъ прямой стѣнки; у этой послѣдней, сейчасъ-же за ней, внутри могилы, стояли два столба, поддерживавшіе крышу. Сооруженіе имѣло немного вытянутую форму по линіи прямой стѣнки, именно, въ этомъ направленіи, посрединѣ, оно имѣло 6,2 м., въ поперечномъ-же—5,7 м. Какъ уже сказано, внутри могилы ничего не оказалось, даже обломковъ костей,—могила была ограблена и слѣдомъ ограбленія остался подкопъ, ведшій въ могилу съ з.-з.-с. стороны. Подкопъ имѣетъ видъ траншеи, шириной 80 стм., устроенъ онъ тогда, когда крыша еще была цѣла, она впослѣдствіи завалилась надъ подкопомъ и образовала въ разрѣзѣ кривую линію истлѣвшаго дерева, опущенную внизъ и снова поднимающуюся. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что у в.-в.-ю. угла склепа, внѣ его, обнаруженъ кругъ обоженной земли, діам. приблизительно 1 м., съ остатками золы, углей и костей животныхъ—повидимому слѣдъ небольшого костра.

На глубинѣ 1,1 м. отъ вершины кургана, въ насыпи его, обнаружено боковое погребеніе. Находилось оно съ ю.-ю.-з. стороны склепа, непосредственно за прямой его стѣной. Скелетъ лежалъ въ гробу или былъ прикрытъ досками—пока сказать трудно, во всякомъ случаѣ сверху сохранились части досокъ. Направленіе скелета на з.-з.-с., хотя головы и верхней части туловища и не открыто. Ясно обозначались берцовыя кости съ немного раздвинутыми нижними концами; продолженіемъ ихъ служили двѣ бронзовыя античныя кнемиды, быть можетъ скрывающія кости голеней. Кнемиды находились въ положеніи, указывавшемъ на то, что колѣни покойника были

раскинуты. Возлѣ правой кнемиды, въ наклонномъ положеніи стоялъ бронзовый тонкій кругъ, приблиз. 20 стм. діам., украшенный по ободку рядомъ штампованныхъ точекъ. Тутъ-же и немного поодаль найдено нѣсколько круглыхъ, выпуклыхъ бляшекъ съ отверстіями посрединѣ, затѣмъ цѣлый рядъ бронзовыхъ узкихъ пластинокъ, покрывавшихъ въ видѣ чешуи б. м. поясъ, трехгранный бронзовый наконечникъ стрѣлы и, немного ниже,—часть желѣзнаго предмета, б. м. меча. Относительно положенія предметовъ, количества ихъ и величины пока можно говорить лишь предположительно, такъ какъ это погребеніе едва только начато отчисткой. Въ виду его интереса, Н. Е. Бранденбургъ въ данномъ случаѣ прибѣгнулъ къ пріему, уже не разъ имъ употреблявшемуся и давшему такіе блестящіе результаты. Пріемъ этотъ состоитъ въ томъ, что все пространство, заключающее цѣлое погребеніе или какую ниб. интересную часть его, только слегка отчищается, затѣмъ заключается въ крѣпкую раму, снова присыпается смоченной землей и плотно заколачивается крышкой, Дальнѣйшая, самая трудная работа состоитъ въ подбивкѣ земли подъ рамой и въ пропусканіи туда досокъ, въ свою очередь прикрѣпляющихся къ рамѣ. Когда подъ всей рамой подбиты доски, она переворачивается, временно подбитыя доски снимаются, земля выравнивается, слегка утрамбовывается и тогда-уже доски плотно и наглухо заколачиваются. Такимъ образомъ получается ящикъ, который для большей крѣпости можно еще стянуть желѣзными обручами, заключающій слой земли съ предметами. Разборка его уже производится на мѣстѣ и конечно производится гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ гдѣ-ниб. на днѣ могильной ямы; тутъ можно уберечь предметы отъ ломки, что нерѣдко случается и при отчисткѣ и при перевозкѣ, а главное, можно сохранить взаимное расположеніе предметовъ и, такимъ образомъ, дать наглядную картину погребенія. Прекраснымъ доказательствомъ раціональности этого пріема служатъ цѣлыя погребенія кочевниковъ, хранящіяся въ Артиллерійскомъ Музеѣ и перевезенныя туда Н. Е. Бранденбургомъ изъ Кіевской губ. Если такое препарированіе цѣлыхъ могилъ требуетъ большихъ хлопотъ и издержекъ и примѣнимо лишь по отношенію къ выдающимся находкамъ, то его удобно можно примѣнять къ частямъ погребеній

или къ отдѣльнымъ предметамъ, вынуть которые на мѣстѣ представляется затруднительнымъ.

Какъ уже упомянуто, такой пріемъ былъ примѣненъ и къ данному погребенію; оно заключено въ ящикъ, довольно внушительныхъ размѣровъ и вѣса, и къ разборкѣ его будетъ приступлено уже на мѣстѣ, въ Артиллерійскомъ Музеѣ,—о результатахъ этой разборки мы сообщимъ своевременно. Добавимъ еще, что съ в.-з.-с. стороны скелета, сейчасъ-же за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ должна была приходиться голова, лежала на боку, отверстіемъ къ скелету, большая амфора, фазосскаго типа, раздавленная тяжестью земли.

Что дастъ содержимое этого погребенія—пока неизвѣстно, изъ того-же, что можно было видѣть, большую рѣдкость представляютъ кнемиды. Въ Кіевской губ. (да и вообще въ раіонѣ Приднѣпровья) извѣстны всего двѣ находки: одна въ Каневскомъ у. (изданная Фундуклеемъ), другая въ Чигиринскомъ—(въ собраніи Б. И. Ханенко).

Что касается опредѣленія эпохи и народности этого погребенія, то слѣдовало бы подождать выясненія полнаго комплекта его инвентеря, хотя и теперь, основываясь на нѣкоторыхъ находкахъ (бронзовая стрѣла и амфора) можно почти утвердительно сказать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ погребеніемъ скифскаго типа. Находка античныхъ кнемидъ нисколько этому не противорѣчитъ: при тѣхъ взаимоотношеніяхъ, которыя существовали между скифами и греческими колонистами, легко можно объяснить позаимствованіе и этого вида защитнаго вооруженія, совершенно такъ-же, какъ и признанный фактъ употребленія скифами греческихъ бронзовыхъ шлемовъ. Къ той-же эпохѣ нужно отнесть и ограбленныя центральныя погребенія какъ этого, такъ и другихъ кургановъ. Въ 1891 г. проф. Антоновичемъ было раскопано 3 кургана у лежащаго недалеко отъ Паріевки с. Кальника (также въ бассейнѣ р. Соба). Въ курганахъ обнаружены большія деревянныя постройки въ видѣ шатра, основанныя на рядахъ толстыхъ дубовыхъ свай,—постройки, повидимому, однородныя съ открытой въ курганѣ № 2. Подъ этими постройками лежали скелеты и при нихъ желѣзные кинжалы, бронзовыя трехгранныя стрѣлы, большія

амфоры, обломки терракотовыхъ сосудовъ, удила—инвентарь несомнѣнно скифскаго погребенія.

Кромѣ вышеописанной группы кургановъ, Н. Е. Брандебургомъ начатъ пробной раскопкой громадный курганъ, находящійся у самого м. Ильинецъ, на поляхъ Барбаровской экономіи. Намъ, къ сожалѣнію, не пришлось присутствовать до конца раскопокъ, а потому и свѣдѣнія о нихъ откладываемъ до слѣдующаго раза.

Помимо раскопокъ кургановъ, было осмотрѣно также городище, расположенное на крутой горѣ, у с. Борисовки, въ лѣсу, принадлежащемъ владѣлицѣ Ильинецъ Е. П. Демидовой княгинѣ Санъ-Донато. Городище прекрасно сохранилось, круглой формы, съ поперечнымъ внутреннимъ валомъ, раздѣляющимъ его на двѣ неравныя части. Кое-гдѣ на площади его замѣтны свѣжія кладоискательскія ямы. При изслѣдованіи стѣнокъ одной изъ нихъ, А. И. Шелюжко было добыто много черепковъ посуды, костей, кусковъ обожженной земли съ одной гладкой поверхностью и шлифованный топорикъ изъ кремнистаго сланца. Характеръ черепковъ (м. п. соединительная ручка двойного сосуда) и присутствіе обожженной земли даютъ указанія на до-микенскую культуру. Очень возможно, что площадь поселенія этой эпохи была занята въ болѣе позднее, славянское время, городищемъ. Если фактъ этотъ подтвердится, то для Липовецкаго у. это будетъ первая находка подобнаго рода. Очень желательно, что-бы было произведено систематическое изслѣдованіе городища и прилегающихъ къ нему мѣстностей.

Музеи и собранія древностей.

Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. I. До сихъ поръ, на страницахъ «Лѣтописи», не было еще почти ничего сказано объ этомъ музеѣ. Между тѣмъ музей Е. Н. Скаржинской заслуживаетъ полнаго вниманія какъ по общей постановкѣ дѣла, такъ и по тѣмъ матеріаламъ, которые въ немъ сосредоточены. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавняго посѣщенія музея, мы постараемся дать краткій очеркъ его, выразивъ при этомъ глу-

бокую признательность секретарю музея С. К. Кулжинскому, съ полной готовностью дававшему намъ объясненія и справки.

Характеръ музея—преимущественно мѣстный, въ этомъ его интересъ и значеніе. Началось дѣло собиранія коллекцій, если не ошибаемся, лѣтъ двадцать тому назадъ; понемногу коллекціи расширялись, прибавлялись новые отдѣлы и, благодаря энергіи владѣлицы и ея широкимъ взглядамъ на подобнаго рода дѣло, въ настоящее время образовался настоящій музей, съ музейной обстановкой, съ точной регистраціей предметовъ (послѣднее, къ сожалѣнію, не всегда практикуется и въ нѣкоторыхъ общественныхъ музеяхъ). Помѣщается музей въ усадьбѣ х. Круглика (версты три отъ станціи Кіево-Полтавской ж. д. Лубны), занимаетъ двѣ большихъ залы и нѣсколько другихъ помѣщеній, но количество предметовъ за послѣднее время такъ возросло, что приходится тѣсниться—нѣтъ возможности выставить все болѣе или менѣе интересное. Просвѣщенные взгляды владѣлицы на такого рода учрежденія выражаются, прежде всего, въ томъ, что ея музей уже и теперь сталъ общественнымъ учрежденіемъ: доступъ въ него открытъ для каждаго, хранителемъ музея даются объясненія, витрины снабжены пояснительными надписями. Посѣтителями явтяются главнымъ образомъ мѣстные жители, и насколько дѣло привилось—можно судить по числу посѣщеній: въ среднемъ, въ мѣсяцъ, ихъ бываетъ до ста, въ нѣкоторые-же мѣсяцы число это поднимается до трехсотъ. Такимъ образомъ, просвѣтительное значеніе музея для мѣстнаго края несомнѣнно. Затѣмъ, имѣя въ виду именно эту цѣль, владѣлица рѣшила оставить навсегда музей въ краѣ и никогда не имѣла намѣренія, какъ о томъ сообщали досужія корреспонденціи, передать его одному изъ столичныхъ музеевъ. Во всякомъ случаѣ, будущность музея можно считать обезпеченной: онъ останется областнымъ музеемъ, т. е., такимъ, въ какихъ давно чувствуется недостатокъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ.

По составу, музей можно раздѣлить на три главныя части, составляющія отдѣлы: естественно-историческій, историко-археологическій и этнографическій. Первый не входитъ въ нашу область, будемъ говорить о двухъ послѣднихъ и на этотъ разъ остановимся лишь на чисто археологическомъ отдѣлѣ. Но

прежде нѣсколько словъ о томъ направленіи, въ какомъ ведется комплектованіе всего историко-археологическаго отдѣла. Нужно признать, что большинство частныхъ коллекцій и даже цѣлыхъ музеевъ, въ зависимости отъ вкусовъ владѣльцевъ и непониманія ими научныхъ цѣлей такихъ собраній, состоитъ изъ предметовъ, характеризующихъ какой-нибудь одинъ слой общества, преимущественно слой верхній, низшій-же, масса и все то, что относится къ ея быту, не привлекаетъ къ себѣ вниманія, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ не даетъ ничего такого, что можетъ „украсить“ коллекцію. Въ музеѣ Е. Н. Скаржинской дѣло обстоитъ иначе: здѣсь собирается все, что можетъ послужить къ характеристикѣ быта общества, всѣхъ слоевъ его, въ ту или другую эпоху. Поэтому, рядомъ съ цѣнными, какъ въ художественномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи предметами, мы видимъ въ витринахъ и самые незатѣйливые предметы домашняго обихода простого люда: на нихъ обращено такое-же серьезное вниманіе, они тщательно собираются, если не встрѣчаются цѣлые, то подбираются и обломки. Это особенно важно по отношенію къ древностямъ историческимъ, ко времени не столь отдаленному, но отъ котораго осталось такъ немного. Для науки нѣтъ ничего не важнаго, не интереснаго и мы съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что принципъ этотъ нашелъ себѣ прочное мѣсто въ музеѣ Е. Н. Скаржинской.

Одна изъ большихъ залъ почти исключительно занята памятниками доисторической старины. На ней мы и остановимся. Происходятъ предметы преимущественно изъ Полтавской губ., главнымъ образомъ, изъ Лубенскаго у. Но есть также изъ Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Бессарабской, Области Войска Донского, съ Кавказа и даже изъ Люблинской, Радомской, Виленской, Витебской, Смоленской и Тверской губ. Въ большинствѣ случаевъ каждая губернія, изъ вышеприведеннаго длиннаго списка ихъ, представлена очень незначительнымъ числомъ предметовъ, среди-же этихъ послѣднихъ немногіе представляютъ изъ себя характерные образцы [1]). На нашъ взглядъ,

[1]) Здѣсь можно упомянуть о рядѣ сосудовъ изъ раскопокъ кургановъ въ Старобѣльскомъ у. Харьковской г., о нѣсколькихъ брон-

помѣщеніе въ музей, носящій мѣстный, областной характеръ, предметовъ изъ разныхъ другихъ мѣстъ представляется невполнѣ раціональнымъ. Въ виду просвѣтительныхъ и общеобразовательныхъ цѣлей музея, конечно, необходимо дать понятіе и о томъ, въ чемъ выразилась культура прежнихъ эпохъ другихъ областей и даже странъ, чѣмъ она разнится отъ мѣстной. Но для этого нужны болѣе или менѣе образцовые предметы, а за отсутствіемъ оригиналовъ, можно помѣстить копіи или рисунки [1]), собираніе-же всего можетъ повести лишь къ загроможденію музея. Вышеуказанное обстоятельство не составляетъ однако недостатка музея,—благодаря ему все-же сохраняются памятники старины, повсюду у насъ уничтожаемой, да и въ общемъ числѣ, какъ уже сказано, значительно преобладающей является старина Полтавской губ.—къ ней мы и переходимъ.

Нѣсколько витринъ занято различными культурными остатками изъ палеолитической стоянки у с. Гонцовъ, Лубенскаго у.; это крупныя отбивныя орудія изъ порфира и гнейсо-гранита и мелкія изъ кремня—острія, ножики, скребки, затѣмъ масса костей мамонтовъ и отчасти сѣвернаго оленя; нѣкоторыя изъ костей обуглены. Стоянка эта открыта въ лессѣ праваго берега р. Удая бывшимъ владѣльцемъ Гонцовъ Г. С. Кирьяковымъ, описана въ трудахъ Ш-го съѣзда Ѳ. И. Каминскимъ; первоначальная коллекція изъ стоянки поступила въ Лубенскую гимназію. Впослѣдствіи Гонцы перешли къ г-жѣ Скаржинской и предметы, найденные между 1874—80 г.г., поступили уже въ ея музей. Подборъ ихъ значительно пополненъ въ 1891 г., когда, при рытьѣ ямы для погреба, на днѣ ея, на глубинѣ $3^1/_2$ арш., былъ обнаруженъ слой, состоявшій изъ золы, углей, массы костей, частью пережженныхъ, мамонта и другихъ животныхъ, а также изъ кремневыхъ орудій и ядрищъ.

Неолитическій періодъ также имѣетъ въ музеѣ многочисленныхъ представителей. Поражаетъ разнообразіемъ коллекція

зовыхъ топорахъ (кельтахъ) и о бронзовомъ идольчикѣ—все изъ Харьковской-же губ. Есть также бронзовый топоръ изъ Херсонской губ.

[1]) Для нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странъ такіе типичные предметы сведены и изображены на таблицахъ.

орнаментированныхъ черепковъ съ „Лысой Горы“ (окрестности Лубенъ), затѣмъ идутъ находки у с. Исачекъ, въ окрестностяхъ с. Клепачей, у с. Песковъ (все Лубенск. у.) и т. д. Есть предметы и изъ погребеній каменнаго вѣка, м. п. на той-же „Лысой Горѣ“ [1]).

Представителей бронзоваго вѣка, какъ и слѣдовало ожидать,—немного,—есть изящной формы бронзовый топорикъ, найденный между с. Клепачами и х. Александровкой, другой бронзовый топорикъ (кельтъ) изъ Хорольск. у., форма для отливки бронзоваго серпа изъ Кременчугск. у. и нѣкот. другіе.

Довольно многочисленны предметы скифской эпохи. Происходятъ они главнымъ образомъ изъ раскопокъ кургановъ (на „Лысой Горѣ“, на „Старомъ Замкѣ“—возлѣ Лубенъ), а также и изъ случайныхъ находокъ.

Къ эпохѣ переселенія народовъ относится прекрасный, ажурный бронзовый браслетъ, съ гнѣздами для эмали, найденный въ Лубнахъ; сюда-же могутъ быть отнесены и два другихъ бронзовыхъ браслета, гладкихъ, съ утолщеніями на концахъ; найдены также въ Лубнахъ.

Изъ раскопокъ кургановъ и изъ случайныхъ находокъ происходятъ и предметы славянской эпохи какъ болѣе ранней, такъ и великокняжеской; къ послѣдней относятся и нѣкоторыя находки въ г. Лубнахъ. Вообще нужно замѣтить, что все находимое въ Лубнахъ, при рытьѣ земли или даже случайно, находитъ пріютъ въ витринахъ музея; за этимъ слѣдитъ мѣстный житель—А. А. Лапченко, спасающій такимъ образомъ отъ гибели много цѣнныхъ остатковъ старины.

Мы лишь бѣгло коснулись содержанія археологическаго отдѣла музея,—надѣемся, что интересующіеся дѣломъ скоро будутъ имѣть возможность ознакомиться съ нимъ цѣликомъ, такъ какъ въ настоящее время совсѣмъ готово подробное его описаніе, а иллюстрирующіе это послѣднее многочисленныя таблицы рисунковъ уже и отпечатаны. Такое описаніе будетъ цѣннымъ экспонатомъ на предстоящемъ Харьковскомъ съѣздѣ и

---

[1]) О раскопкахъ здѣсь кургановъ см. статью Лясковронскаго, Кіевск. Стар. 1892 г.

отчасти замѣнитъ оригиналы, такъ какъ, не смотря на всю желательность, снять съ мѣста музей и выставить его на съѣздѣ, дѣйствительно представляется затруднительнымъ.

По ходатайству предсѣдателя херсонской ученой архивной комиссіи Г. Л. Скадовскаго, Императорская археологическая комиссія распорядилась о пополненіи *Херсонскаго археологическаго музея* древностями, найденными въ послѣдніе годы при систематическихъ раскопкахъ развалинъ Херсонесса (у нынѣшняго Севастополя) и Пантикапеи (нынѣ Керчь). Присланная въ Херсонскій музей коллекція пантикапейскихъ древностей состоитъ изъ 110 предметовъ. Между прочимъ въ ней обращаютъ на себя вниманіе золотыя вещи: перстень съ рѣзнымъ гранатомъ, круглыя бляшки, украшавшія одежду; бронзовыя зеркала, браслеты, пряжки, кольца; стеклянная посуда: бальзамаріи, стаканы, ожерелья, амулеты, пуговки; глиняная посуда; терракотовыя статуэтки; лампочки, грузила. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе плохой укупорки, многія вещи пришли въ Херсонъ разбитыми, изломанными, особенно пострадала стеклянная и глиняная посуда и статуэтки. („Югъ“).

ношенія В. къ его Бережовскимъ „подданнымъ“. [1]) Послѣ В. остался сынъ Яковъ, который по смерти отца настоятельно до-

---

[1]) Приводимъ здѣсь любопытное рѣшеніе Прилуцкаго полковаго суда по жалобѣ Бережовскаго жителя Верескуненка на зятя сотника Волошина, „п. Матвѣя Федоровича“, который, по взятіи тестя въ Сибургъ, властно распоряжался урядовою его маетностью — „Року 1719, мѣс. авг. 20 числа. На урадѣ нашомъ такъ полков., яко и городов. Прилуцкомъ, предъ нами Іваномъ Марковичемъ, судіею полк. Прилуцк., Григоріемъ Николаевичемъ, атам. город, Евстафѣемъ Мойсѣев., войтомъ, Яким. Иван. и Михайломъ Балабою, бурмистрами, жаловался Каленикъ Верескуненко, житель Бережувскій, на п. Матвѣя Федоровича, державцу своего, же якобы онъ не тилко взялъ у его корову за стравлене гарбуза свинею его, в городѣ оного п. Матвѣя, лечъ еще велѣлъ его старостѣ своему, что за той гарбузъ не попустилъ ему часть огорода, обухомъ, ведучи до двора, при Тимошу Карлу, бити; а другое, якобы за тое, что рикуня (коровница) оного жъ п. Матвѣя дала ему грудку сира а зложку масла, взялъ у его огородъ с хатою и садомъ, за которій давано талярей 20, поля на шесть недѣль (т. е. $3^1/_2$ десят.) и другую корову, а до того жита конъ полдесяти, гречки $1^1/_2$ копи, овса $1^1/_2$ копи, голого жита полчетверика, гороху полчетверика, не взирая на тое, что теща оного велѣла его палицею, а жинку оного нагайкою бити по подошвахъ и в холодѣ, за тотъ же сиръ и масло, два днѣ держати его. В чомъ просилъ оній Верескуненко з помянутого п. Матв. Федор. святой справедливости. На таковую тели жалобу его, зискавши предъ себе п. Матв., питалисмо его если взялъ онъ у помянутого Верескуненка за стравлене гарбуза корову или нѣтъ? и чи велѣлъ его старостѣ своему бити обухомъ, а знову, чи забралъ онъ в его за грудку сиру и ложку масла огородъ с хатою и садомъ, поля на 6 недѣль, корову другую и пащню, яко вишше виразилося. Теди оній, на питане наше, отвѣтовалъ тое, что корову едну взялъ онъ не за гарбузъ, але за випасене капусти и прочей огороднини; а що оній Верескуненко повѣдаетъ, же якобы велѣлъ оного обухомъ бити, то тое не есть правда; знову, що тотъ же Верескуненко мовитъ, же якобы онъ огородъ з хатою и з садомъ, за которій будто давано таляр. 20, поля на 6 недѣль, корову другую *(проч., какъ сказано Верескуненкомъ выше)* забралъ, то и тому неправда дѣется, кгдыжъ того мовитъ онъ не бралъ, але еще тесть его Григорій Ивановичъ, бывшій сотникъ Ивацкій, будучи в дому, забралъ именно: огородъ з хатою и садомъ, поля на килка недѣль, корову та молоченого жита всего тилко $1^1/_2$

бивался Бережовки, находя, что село это должно принадлежать ему „за службы“ его отца.

Стороженко былъ однимъ изъ сыновей Иченскаго сотника Андрея С—ка. О немъ сохранилось только слѣд. интересное свѣдѣніе, записанное въ Дневникѣ Я. Марковича, въ апрѣлѣ 1726 г.—„Иваницкій сотникъ Ив. Стороженко первую жену

четверика, а болшъ пашнѣ не бралъ, и то не за грудку сира и ложку масла, але що мѣлъ переводню з рикунею ихъ, якая дойво поташловавшы и в оное онучъ и землѣ наклавши, утекла, тое забрато. А поневажъ предреченный Верескуненко здавался на Тимоша Карла, жителя Бережувского, же якобы свѣдомъ онъ, якъ бивъ староста его обухомъ, а на Михаила Менка, жителя тамошнего жъ изсилался, что свѣдомъ, и зсилалисмо на п. Романа Березинского (с. 181), знатн. тов. в., до с. Бережувки для роспитаня людей о томъ побои свѣдомихъ и розисканя о томъ, кто в оного Верескуненка забралъ кгрунта и пашню и за якую вину. Где п. Берез., по самой слушности розискавши, привезлъ до насъ на паперѣ розискъ и в оном не явилося того, чтобы по приказу п. Матвѣя,—обухомъ, а по повелѣнію тещи его—налицею по подошвахъ, а жунку его нагайкою тожъ по подошвахъ бито, але лживо тое онъ змислилъ. Такожъ и того на п. Матвѣя не показалося, ижъ бы мѣлъ онъ забрати в его кгрунта, *але тесть оного тіе забралъ кгрунта*, за тое что з рикунею ихъ в дуйвѣ мѣлъ переводню. Судъ прето нашъ полк. Прлц. видячи, что помянутій В—ко неслушне на п. Матвѣя Ф—ча оболгалъ, зганылъ ему В—ку тое, однакъ поневажъ помянутіе кгрунта у оного В—ка взятіе, в завѣдоване помянутому п. Матвѣю достались, теди судъ нашъ, респектуючи на убозство мененого В—ка, велѣлъ п. Матвѣю, ижъ бы ему привернулъ поле, тако жъ корови обидвѣ и пашню сколко забрато отдалъ усю. А за тую вину, что оній В—ко мѣлъ з рикунею ихъ переводню, удержалъ при соби оній п. М. огородъ из садкомъ, которимъ волно ему и тестеви его за прибутемъ, якъ хотѣти владѣти и жебы вже вишепомянутий В—ко не важился такъ зъ его п. М., яко и тестя его и потомковъ ихъ, за тое, що вишше виразилося, турбовати, *вины положивши талярей 20 и кіевихъ ударовъ 50*, декретъ сей при подписаніи руки судейской и при печатехъ такъ судейской, яко и городовой Прлцк. сторонѣ потребуючой до рукъ видалисмо. В ратушу Прлцк. року и дня вышевыраженнихъ. *Звишменованний судя полковой з вишменеим урядомъ рукою власною*». (М. П.) (М. П.) (Съ подлинника).

по причинѣ болѣзни ея постригши въ монахини, женился на другой, но недѣли черезъ самъ умеръ и постриженная тоже".

Миницкій началъ службу въ генер. к—ріи съ 1714 г. и оставался тутъ до смерти Скоропадскаго, когда въ 1722 г. назначенъ былъ Полуботкомъ на урядъ Нѣжинскаго полк. писарства. Назначеніе это было сдѣлано противъ желанія тогдашняго Нѣжинск. плкн—ка Толстого, по интригѣ котораго М. былъ Румянцовымъ въ 1723 г. арестованъ, конечно, какъ сторонникъ Полуботка. Объ этомъ арестѣ самъ М. разсказываетъ такъ: „въ 1723 г., декамврія, за бытности г. Румянцова въ М. Россіи, при арестованіи зъ разныхъ полковъ старшины, *преданъ* и я отъ Толстого въ Глуховъ за арестъ, и тамъ 16 мѣс. утѣсненіе претерпѣвши, по наведенной на мене не въ чомъ винѣ, освобоженъ въ мартѣ 1725 г., зъ коллежскимъ пашпортомъ зъ подъ аресту—честно быть въ чину попрежнему". Но Толстой не желалъ имѣть М. писаремъ въ своемъ полку, п. ч. въ январѣ 1726 г. М. оставилъ „по крайней нуждѣ" Нѣжинъ и переселился въ Прилуцкій полкъ, такъ какъ „писменнымъ ордеромъ" плкн—ка Галагана онъ былъ опредѣленъ „на вакансъ въ м. Иваницу править сотнею до указу". Но Толстой, повидимому, продолжалъ преслѣдовать М., какъ это видно изъ разсказа послѣдняго о дальнѣйшей его судьбѣ—въ жалобѣ поданной Апостолу, въ октябрѣ 1728 г. Сказавъ о полученіи сотничества отъ Галагана, М. продолжаетъ: но Млрс. коллегія „навожденіемъ п—ка Толстого, устремившагося на мене злобою, безвинно изгнала мене отъ сотничества. И я тогда устрашенъ (будучи) коллегіей и злобою Толстого, дабы знову не попасти напрасно въ неволю, заразъ уѣхалъ въ С.-Пбурхъ и тамо чрезъ 9 мѣсяцей живучи, зъ немалымъ коштомъ, убыткомъ и волокитою, получилъ монаршій указъ о опредѣленіи мене попрежнему Іваницкимъ сотникомъ, и сверхъ того указу иностр. дѣлъ коллегія, чрезъ совѣтн. г. П. В. Курбатова, вручила мене 30 юля 1727 г. и приказала г. Наумову, дабы за прибытіемъ его въ Украину, опредѣлено мене сотникомъ въ Іваницю безволокитно... По якому монаршему указу и по писмахъ причинныхъ (т. е. ходатайственныхъ), данъ былъ мнѣ прошл. 1727 г., дек. 20 д., отъ ясн—ти в. до п. плк—ка При-

луцкого указъ о бытіи мнѣ сотникомъ по прежнему, а Григорію Волошину, который былъ козакамъ на тое сотничество подмогоричился, вовся отказать... Но г. Наумовъ, за повиданемся въ В. Волочку (по дорогѣ изъ СПБ. въ Глуховъ) зъ г. Вельяминовымъ, а зъ означеннымъ Толстымъ нарочно обачившися, при подмосковной его деревнѣ, гдѣ нынѣ живетъ, пакостить мнѣ напрошенный и *поступленною въ Глуховъ каретою* скорумпованный (подкупленный), по тому монаршему и ясн—ти в. указу сотникомъ быть мнѣ не допустилъ"... Случилось это такимъ образомъ: выпросивъ въ нач. 1727 г. въ СПБ. „монаршій указъ" на сотничество, М. отправленъ былъ въ Иваницу съ универсаломъ уже новопоставленнаго гетмана, предписывавшаго полковнику „вручить" М. и „короговъ". Но не успѣлъ М. еще и водвориться на сотничествѣ, какъ Наумовъ извѣстилъ Апостола, что онъ не находитъ возможнымъ допустить М. къ сотничеству. Апостолъ не могъ не подчиниться Наумову [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось Апостолу и показывать публично свою зависимость отъ „министра"; поэтому гетманъ написалъ Галагану, чтобы тотъ негласно отобралъ у М—го гетманскій универсалъ на сотничество, послѣ чего М. разумѣется переставалъ быть сотникомъ. Распоряженіе это сейчасъ же стало извѣстно въ Иваницѣ и М., видя бѣду, бросился добывать „инстанціальныя" къ гетману письма отъ разныхъ вліятельныхъ лицъ. Главнымъ изъ нихъ былъ Вейсбахъ, который и просилъ (въ янв. 1728 г.) гетмана—помочь М-му, такъ какъ это „человѣкъ состоянія доброго и того сотническаго чина быти достоинъ". Такую же „инстанцію" М. представилъ и отъ гетманича Павла, писавшаго 15 янв. 1728 г. отцу: „нарочне сегодня прибылъ ко мнѣ, въ Сорочинцѣ, п. Павелъ М. и плачливе ускаржался въ несносной своей обидѣ (о которой вашей ясн—ти извѣстно уже есть и онъ самъ устне или литералне маетъ предъявити) а зверхъ того еще и нынѣ по виданному отъ в.

---

[1]) См. данную Наумову, при отправленіи его въ Малороссію, инструкцію. Исторія Россіи, Соловьева, IV, 1108.

ясн—ти указу, п. плк—къ Прилуцкій, *невѣдомо чего ради,* оному М—му вряду *сотничества Іваницкого и корогви вручене—на отдаляцію пустилъ,* чрезъ что онъ вовся разорился зъ домомъ своимъ, въ томъ просилъ до в. ясн—ти моей за собою инстанціи... Теди я, вѣдаючи зпрежде его п. Минѣцкого зичливую и безподозрителную ку домови нашему доброскловность, *якъ въ часъ аресту надъ нами бывшого* явившую, такъ и нынѣ за бытности его въ Сибурсѣ, отъ п. Петра брата листовне описанную, зъ прошеніемъ на оного респекту послѣдователнѣй и я прошу в. родит. милости, абы въ претенсіи своей онъ, п. М., милостію в. ясн—ти не былъ занехаеный"... Изъ этого письма не видно, чтобы молодой Апостолъ зналъ, что сотничество М—аго „пущено было на отдаляцію" не Галаганомъ, а тѣмъ самимъ отцомъ, у котораго онъ за него предстательствовалъ... Въ той же жалобѣ, поданной Апостолу въ октябрѣ 1728 г., М. писалъ, что „нѣкоторіе Иваничане", „видя гнѣвъ его ясн—ти на него М. чрезъ отставку отъ сотничества положенный, разсверѣпили и великія пакости ему чинятъ". Описавъ всѣ свои бѣды, М. просилъ гетмана „висоцеповажнымъ панскимъ унѣверсаломъ утвердить его, зъ врученемъ сотенной корогвы, на томъ Иваницкомъ сотничествѣ". Но гетманъ долженъ былъ слушать Наумова... Въ тоже время городовой Иваницкій атаманъ Компанецъ, будучи личнымъ врагомъ М—го, подбивалъ сотнянъ просить гетмана о назначеніи къ нимъ сотникомъ вновь Волошина, который и былъ въ 1728 г. представленъ отъ сотнянъ для утвержденія, вмѣстѣ съ двумя „кандидатами", козакамн Иценкомъ и Зоцемъ. Но гетманъ никого изъ нихъ не утвердилъ: Волошина—п. ч. ему было запрещено быть сотникомъ, Иценка—„за пьянство и неспособность", а Зоця—„за глупство и калѣцство". Сотня оставалась безъ сотника до мая 1729 г., когда повидимому Наумовъ смилостивился надъ М—мъ и Апостолъ получилъ возможность утвердить его на сотничьемъ урядѣ. Но для этого нужно было исполнить еще процедуру „выборовъ" М—аго Иваницкими сотнянами. Представляя въ маѣ 1729 г. эти выборы, въ Глуховъ, Галаганъ писалъ: „прошу, чтобъ на тотъ урядъ сотницства Іваницкого, на мѣсто умершого тамош-

товъ (другимъ „кандидатомъ“ былъ указанъ сотенный хоружій Кудра) а именно помянутого М—го опредѣлить, ибо за нимъ до мене отъ сотнянъ подано на писмѣ прошеніе“. Сотняне съ своей стороны предстательствовали за М—аго: „понеже мы теперь, безъ совершенного въ мѣстечку нашомъ сотника, въ крайнее приходимъ разореніе за непорядками въ правленіи дѣлъ, и за тымъ что нѣкому въ нуждахъ нашихъ спомоществовать и за нами обстоювать, того ради единогласно всѣ обще, товариство и посполство, цѣлою сотнею, просимъ ясн—ти вашой да повелитъ, ваша панская в—ть, его, п. М—го, *домъ свой и кгрунта въ Іваницы имѣючого*, (отъ которого мы жадной нѣ въ чомъ не узнавали и не узнаемъ обиди, овшемъ всякое въ нуждахъ нашихъ имѣемъ способствованіе и въ росправѣ доволствованіе), [1]) совершеннымъ въ оную сотню или Петра Кудру, хоружого сотенного, утвердить сотникомъ и отдать зъ нихъ едному короговъ, ижъ бы мы бѣдніи и убогіи люде на неусипномъ шляху мешкаючіи, болшъ безъ настоящого сотника не приходили въ нищету крайнюю и не терпѣли бъ обидъ отъ переѣждихъ особъ и протчіихъ, якихъ сустентуемо“... Сочинителемъ этого предстательства могъ быть самъ М., конечно искусившійся въ такого рода писаніяхъ.—Получивъ представленіе Галагана 10 мая, гетманъ черезъ два дня уже подписалъ универсалъ, утверждавшій М—го на сотничьемъ урядѣ, указывая, что „атамання зъ товариствомъ и войты зъ посполствомъ сотнѣ Іваницкой—суплѣковали до насъ, просячи дабысмо прежде опредѣленного ихъ Іваницкого сотника п. П. М. *по прежнему* на томъ же сотницкомъ урядѣ утвердили, понеже о опредѣленіи его п. М. на томъ Іваницкомъ сотницствѣ и изъ висок. сената въ 1727 г. въ бившую Млрск. коллегію указъ былъ присланъ“.—М. оставался сотникомъ до смерти. Въ мартѣ 1736 г. М. доносилъ генер. к—ріи, что онъ не можетъ идти въ назначенный тогда походъ вслѣдствіе „привключившейся ему, по прибытіи съ первого полского походу, по-

---

[1]) Сотняне говорятъ, повидимому, о дѣятельности М—аго за время завѣдыванія имъ сотнею въ 1727 г. Собственные «грунта» у М. въ Иваницкой сотнѣ должны указывать, что онъ отсюда былъ и

перечной и на сухій костоломъ (ревматизмъ?) болѣзни, за которою не толко на конѣ, но и возкомъ ехать не можетъ", почему и просилъ отпуска. Умеръ М. не раньше к. 1737 г., такъ какъ въ это время онъ еще судился съ сыномъ Волошина, кажется, за Бережовскія земли. Послѣ П. М—го осталось два сына и двѣ дочери; старшій сынъ Андрей (р. 1724 г.) въ 1772 г. былъ писаремъ Ив—цкаго земск. суда, а младшій Иванъ—Кр.-Клд. сотникомъ (с. 240); старшая дочь Марья (р. 1725 г.) была замужемъ за Иченскимъ протопопомъ Петромъ Полянскимъ, а младшая Меланія—была замужемъ сначала за П. Стороженкомъ (с. 218), а потомъ за отст. Нѣж. полк. есауломъ Григоровичемъ. По смерти П. М—го вдова его сама распоряжалась хозяйствомъ и настолько самостоятельно, что даже „скупала" Иваницкихъ крестьянъ. Она потомъ вышла снова замужъ за подполковн. Петра Ивкова и имѣла отъ него одну дочь, тоже Меланію (р. 1742 г.), бывшую замужемъ за Дем. Якубовичемъ. Вдова П. М—го жила въ х. Ковтуновщинѣ, въ которомъ въ 1772 г. было 29 хатъ, а въ нихъ 90 душъ крест. м. пола. Этотъ хуторъ, повидимому, былъ единственною нажитою М—мъ на сотничествѣ маетностью. Слѣдовавшею на сотничій урядъ Бережовкою М. не владѣлъ, не успѣвъ ее отнять у сына Волошина. Но вообще М. нажилъ на сотничествѣ немалое богатство, что видно хотя бы изъ того приданого, которое было дано за дочерью Меланьей, при выдачѣ ея замужъ (с. 218); кромѣ богатой одежды (напр., одинъ изъ кунтушей „молодой" стоялъ 85 р.), въ приданое было дано деньгами 700 р. [1]).

Свирскій. Въ „доказательствѣ" о своемъ дворянствѣ Свирскіе писали, что „предки ихъ во время польскаго владѣнія были шляхта и послѣ подданства Б. Хмельницкаго,—остались въ с. Салогубовкѣ, Роменск. у." Такъ писалъ въ 1784 г. Григорій Свирскій, значившійся по списку 1739 г. въ числѣ канцеляристовъ ген. к—ріи. Но это показаніе едва ли было согласно съ истиною, такъ какъ въ томъ же спискѣ этотъ Григорій

---

[1]) См. списокъ этого приданаго въ Кіевск. Стар. 1901 г., іюнь.

Свирскій показанъ „священническимъ“ сыномъ. Въ этомъ же спискѣ значится и другой к—стъ Иванъ Свирскій, съ поясненіемъ что онъ—„посполитого званія человѣкъ“. Одновременно съ первыми двумя, служилъ въ генер. к—ріи и третій к—стъ Свирскій, Федоръ; былъ ли онъ ихъ родичемъ—неизвѣстно. Этотъ С—ій началъ службу въ генер. к—ріи въ 1733 г. Иваницкое сотничество ему дано по универсалу 24 дек. 1738 г., по чьей-нибудь протекціи, такъ какъ для И—цы это былъ человѣкъ совсѣмъ чужой. На этомъ урядѣ Св. оставался до 1764 г., когда выбранъ былъ на мѣсто Иваницкаго земскаго судьи. Какъ человѣкъ „неосѣдлый“ въ И—цѣ, С. очень обижалъ сотнянъ, наживая себѣ „грунта“.

Какъ наживалъ С. эти „грунта“ объ этомъ разсказывали позже жители с. Ступаковки. Во время составленія наказовъ, въ 1767 г., куренный атаманъ с. Ступаковки, отъ имени своихъ селянъ, писалъ Румянцову: „Въ прошедшихъ годѣхъ наданъ намъ сотникъ въ сотню Иваницкую неосѣдлый Федоръ Свѣрскій, кой нынѣ въ повѣтъ Ив—ій земскимъ судьею выбранъ, и никакихъ грунтовъ и земель въ сотнѣ Ив—ой не имѣющій. И когда завелъ себѣ при сотнѣ Ив—ой жилище, многихъ козаковъ поскуплявъ грунта знатные, мельницы почти всиловне (насильно) поскуплялъ же, сѣнокосы, пахатныя поля, гаи и лѣсные угодья, а кромѣ того и многихъ въ подданство, подъ видомъ скупли, попривлекалъ. А когда онъ б. сотникъ Св—ій козачими грунтами... удоволился, то дозволилъ тестю своему б. сотнику Монастырскому Ив. Романовичу въ той же сотнѣ Ив—ой, при с. Ступаковкѣ, грунта искуплять, первѣе, почти всиловно, мельницы, зъ землями жилые дворы, сѣнокосы и пахатные поля а иные пахатные поля и всиловно, подбергнувши первѣе козака подъ видомъ скупли въ подданство, деньги вбрасывалъ [1]) и себѣ оные поля позавдаривалъ (sic). И хотя козаки сотни Ив—ой Ступаковскіе, чувствуя свою обиду, таска-

[1]) Когда казакъ не хотѣлъ продавать той земли, которую сотникъ или другое начальство хотѣло у него купить, то покупщики бросали назначенную самими ими плату—въ дворъ невольнаго продавца и считали, что сдѣлка совершилась...

ясь за онымі съ нимъ, Ромнвч—мъ, по судамъ, яко то: до учрежденія еще въ М. Россіи земскихъ судовъ, полк. Прлцкой к—ріи, а за учрежденіемъ земскихъ судовъ, по суду з. Ив-нцкомъ и по генер. суду, и по онымъ дѣламъ неоднократные отъ суда генер. въ судъ з. Ив-нцкій указъ выправляли, за свои по суду земскому волокиты, то не точію ничего себѣ въ довольство не получили, но только пришли въ такое бѣдство, что часъ отъ часу службы государевой нести не въ состояніи, и пропитать себе заледво чимъ могутъ. И ежели уже оныхъ грунтовъ и подлинно намъ доходить по судамъ, то неточію оныхъ но получимъ, но и послѣдняго своего препитанія лишимся. И ежели в. графск. с—ву на моемъ одномъ показаніи увѣрится не возможно, то я изсылаюсь въ доказательство на сот. Ив-нцкое правленіе и на прошлогодніе ревизіи—которыми именно, какъ онъ б. сотникъ Св—ій, такъ и тесть его Р—чъ, козаками завладѣли и нынѣ они во владѣніи находятся“ [1])...

По вѣдом. 1778 г. за Сврск. значится 66 хатъ въ м. Иваницѣ, х. Загонѣ и „при мельницахъ, въ собственныхъ его хатахъ“. Св. былъ женатъ на дочери полк. судьи Ив. Романовича и имѣлъ сыновей Петра (въ 1778 г., полк. адъютантъ „новосформированнаго“ компанейского полка), Василія (того же полка „кадетъ“), Алексѣя и Ивана (оба тогда же, „ученіе продолжаютъ“) дочерей: Настасью (м.—б. тов. Фед. Раковичъ) и Ульяну (м. Андрей Горленко).

Села Иваницкой сотни.

М. Иваница, сліяніе рр. Смошн и Иваницы („около м. Ив—цѣ двѣ рѣки чистіе имѣются: зъ одного боку—Смошъ, а зъ другого—Иваниця, подъ самимъ м—комъ идуть“, 1740 г. [2]).

---

[1]) Наказы малор. депутатамъ, 1767 г. Изд. Кіевск. Стар., (Кіевъ, 1889), стр. 243.

[2]) На тогдашнее обиліе въ Ив—цѣ воды указываетъ количество мельницъ, означ. по вѣд. 1740 г. 1) на р. Смошн, поспол. обыв.—3 и коз. 4, 2) на р. Иваницѣ, коз. и владѣльч.—6, 3) на об. рр. Смошн и Иваницѣ, на устѣ и нижше устя, гдѣ совокупились обѣ рѣчки въ едно мѣсто, коз. и влад.—5 и 4) на перекопѣ, на тѣхъ же ррчк., коз—1.

Такое мѣстоположеніе, по его защитности, указываетъ, что поселеніе здѣсь должно было существовать издревле. Послѣ запустѣнія древняго поселенія, новое здѣсь основалось только во втор. четв. XVII в., такъ какъ раньше документа Пшездѣцкаго Ив—ца не встрѣчается, а по этому документу („Jwania“) въ ней значится 336 госпд. Съ 1649 г. И—ца была центромъ особой сотни и поэтому слыла „городкомъ“, въ которомъ, какъ въ центрѣ извѣстной группы поселеній, явились ремесленники, изготовлявшіе необходимые предметы одежды и домашняго обихода (портные, сапожники, ткачи и т. д.). Въ опис. 1740 г. значится: „съ оного городка (Ив—цы) въ самихъ посполитихъ окладу, такъ денежного, яко и провянтоваго, нѣкогда нѣкимъ не собирано и нѣкуда не отдавано и нынѣ нѣчего, кромѣ консистенской дачи и другихъ общенародныхъ повинностей, не собирается и нѣкуда не отдается“. Тутъ же показано въ Ив—цѣ винокуренъ: козачьихъ—4 (казан. 6 и поспол.—4 (казан. 7). Крест. населеніе Ив—цы оставалось свободнымъ до 1743 г., когда оно было отдано (въ количествѣ 120 двор.) б. тов. Андрею Андр—чу Горленку, „за безвинное разореніе и отнятіе имѣній и претерпѣніе со отцомъ его въ тайной к—ріи ареста“. (См. Русск. Арх. 1875 г., кн. II, „Горленки“). Кр. П. 131 д. А. 148 д. В. 246 д. В. 262 д. и „урядниковъ“ 26 д. [1]) Пс. 27 д. Г. 166 д. 173 х. (въ числѣ ихъ мастеровыхъ 30 д. 33 х.) и „скупли“ 17 д. 17 х. (изъ нихъ скуплено „сотничкою“ Миницкою 10 д. 10 х.) Д. Корон. 1 д. 4 х. и Горленка 178 д. 238 х. Пс. 92 д. 136 х. Кз. В. 51 д. Г. 86 д. 93 х. Ис. 32 бд. х. Д. 93 д. 146 х., „почталіоновъ“ 2 д. 5 х.

С. Бережовка, рч. Иваница, существовала уже въ полов. XVII в. и съ XVII же в. вѣроятно уже принадлежала на урядъ Ив—цкихъ сотниковъ, такъ какъ Скоропадскимъ была отдана тоже на урядъ сотнику Волошину. По смерти В—на,

---

[1]) Урядники показаны слѣд.: «войтъ, коммисаръ, городничій, бурмистръ, сербскій коммисаръ, писаръ, цехмистры (два), десятникъ, завѣдовцы, ктиторѣ, паламарѣ».

Б. утверждена была Апостоломъ за сыномъ его—Яковомъ (с. 304) и Миницкій напрасно добивался этого села, какъ урядовой маетности. Добился возвращенія Б. на урядъ только Свирскій, которому она была отдана по универсалу генер. к—ріи, въ 1739 г. Въ 1776 г. Б. пожалована была Ив. Александровичу (с. 62). Кр. П. 14 д. А. 67 д. В. 27 д. В. 64 д. („здавна сотникамъ належное"), Пс. 13 д. (изъ нихъ два „нищетніе, въ погребцяхъ (землянкахъ?) живучіе") Г. 35 д. 36 х. Д. 51 д. 89 х. (Александровича) Пс. 4 д. 18 х. 8 бд. х. Кз. В. 5 д. Г. 10 д. 11 х. Д. 23 д. 47 х.

Х. Верескуны поселены Андр. Горленкомъ въ 1701 г., при верш. рч. Иваницы, между двумя „гребельками", одной—ок. „Дубняка, надъ яр. Гайдуковымъ", а другой—Верескуновской, устроенной Иваницкими жителями Верескунами. У Пащ. замѣчено, что хуторъ этотъ иначе называется **Дубовый Гай**; тогда въ немъ показано крест. 10 д. 10 х. и 22 бд. х.

С. Ступаковка, ррч. Иржавецъ и Черномазовщина, поселена въ к. XVII в., такъ какъ въ перен. книгахъ 1666 г. не значится. По универсалу 1715 г. отдана Иченскому стн—ку Андрею Стороженку (с. 217), въ родѣ котораго и осталась. Скупалъ здѣсь земли и козаковъ и сотникъ Свирскій (с. 312), но слѣдовъ этой скупли не осталось. Кр. А. 46 д. В. 20 д. В. 59 д. Пс. 6 д. Г. 38 д. 40 х. (сотника Григорія и б. тов. Михаила Стороженковъ) Д. 41 д. 46 х. (Стороженковъ) Пс. 4 д. 7 х. Кз. В. 3 д. Г. 4 д. 5 х. Д. 10 д. 22 х.

С. Городня, рч. Городянка, возникла въ к. перв. пол. XVII в. на мѣстѣ какого то древняго поселенія, слѣды котораго и донынѣ остаются въ кирпичныхъ фундаментахъ, недавно мѣстною полиціею описанныхъ, въ отвѣтъ на вопросы Московскаго археологическаго общества [1]) Г. уже значится по документу Пшездѣц-

[1]) Въ 1888 г. Московск. Археолог. Общ. обращалось къ губ. администраціи многихъ губерній съ просьбою дать отвѣтъ на предложенные вопросы—о существующихъ въ данной мѣстности курганахъ и городищахъ. Относительно городищъ около с. Городни отвѣтъ

каго, причемъ въ ней показано 312 госп. и 12 мельничныхъ колесъ. Г. оставалась свободною до 1730 г., когда была отдана на рангъ ген. ес. Мануйловичу. Въ вѣдом. 1740 г. значится: „въ Г. посполитыхъ и ихъ подсусѣдковъ живущихъ двор. было, когда во владѣніе отдано, 33, а нынѣ на лице состоитъ живущ. двор.—25, а козачихъ и ихъ подсусѣдковъ и владѣлцами скупленныхъ—33. Съ оного села, зъ самихъ посполитыхъ, складу собирается вгодъ денегъ 11 рубл. и 6 коп., и оной отдавался ас. генер. покойному Мануйловичу, а нынѣ отдается—въ надсмотрѣніи оного села по указу обрѣтаючомусь б. тов. Як. Карпѣцѣ.“ Водяныхъ мельницъ козачьихъ показано: на р. Городнѣ 6 и на рч. Безводовкѣ—одна. **Кр. П.** 33 д. **А.** 119 д. **Б.**? **В.** 45. д. („принадлежатъ до Иваницы“), пс. 14 д. **Г.** 16 д. 16 х., рангов. ген. ес. Мануйловича **Д.** (ранговыхъ) 7 д. 9 х. пс. 12 д. 26 х. **Кз. В.** 54 д. **Г.** 66 д. **Д.** 97 д. 191 х.

С. Щуровка, р. Смошь, отдана, въ 1692 г., полковникомъ Дм. Горленкомъ, И. Носу, (с. 31), а въ 1695 г. **Щ.** ему-же была подтверждена и гетманскимъ универсаломъ. По смерти Носа, сынъ

былъ полученъ слѣд.—„Въ разстояніи отъ с. Г. $1^1/_2$ версты, при х. Кулевщинѣ, находится въ лѣсу площадь мѣрою приблизительно ок. 40 десят., а въ окружности ок. $2^1/_2$ верстъ, почти круглая; вокругъ городища глубокіе валы и канавы; городище имѣетъ два выѣзда съ южной стороны, т. е. отъ ровной полевой мѣстности; вся эта площадь будетъ ширины примѣрно съ $^1/_2$ версты; съ южной стороны, отъ ровной мѣстности, ширина канавы или рва—до 5 саж., а вала—до 10 саж.; глубина рва до 3-хъ, а высота вала до 5 саж. Съ другихъ сторонъ высоту вала и рва опредѣлить трудно, такъ какъ они заросли лѣсомъ. Преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ былъ городъ, а вокругъ его крѣпость, и какъ со стороны сѣв.-вост. имѣются глубокіе овраги и обрывы, то съ этой стороны насыпанная валомъ крѣпость (говорятъ) была разрушена порохомъ при взятіи города. Нѣкоторые владѣльцы, имѣющіе въ этомъ городищѣ участки, закопали оные канавами и вподѣ (т. е. внизу) канавы оказался въ большихъ грудахъ кирпичъ въ видѣ фундамента, что и теперь видно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вала находили человѣческія кости и древесный уголь.“ Это поверхностное описаніе городища, но всякомъ случаѣ очень интереснаго, требуетъ мѣстнаго научнаго изслѣдованія

его пасынка, Петръ Бѣлецкій (с. 127), пользуясь малолѣтствомъ внуки полковника, „обманно выправилъ“ у гетмана Скоропадскаго, въ 1720 г., универсалъ на Щ., а когда умеръ П. Бѣлецкій, то такой же универсалъ на Щ. тоже „обманно“ выпросили въ 1734 г. сыновья его. Выпрашивая эти универсалы, Бѣлецкіе, отецъ и сыновья, называли себя кровными наслѣдник ми полковника Носа и въ этомъ заключался ихъ обманъ. Обманъ этотъ открыла невѣстка полковника, вдова его сына Степана, начавъ противъ Бѣлецкихъ въ судѣ дѣло для защиты наслѣдственныхъ правъ своей дочери (с. 34). Судебный споръ вдовы Ст. Носа съ Бѣлецкими за Щ.—тянулся четыре года (1743—47) и кончился въ пользу истицы: Щ. присуждена была внукѣ полковника Носа, бывшей замужемъ за Троцкимъ (с. 35), въ родъ которыхъ Щ. затѣмъ и перешла.[1]) **Кр. А.** 69 д. **В.** 29 д. **В.** 36 д. пс. 11 д. **Г.** 25 д. 29 х. **Д.** (разн. владѣній) 37 д. 49 х. пс. 2 д. 4 х. **Кз. В.** 10 д. **Г.** 16 д. 16 х., „мельники“ б. тов. Троцкаго—3 д. 3 х. **Д.** 35 д. 61 х.

С. Ряски, рч. Смошь, существовали уже въ пол. XVII в.; затѣмъ отданы были (Самкомъ?) на урядъ полковнику Черняевскому, послѣ котораго, какъ урядовою маетностью, Р-ми владѣли послѣдовательно Горленки, Лаз. и Дм., Носъ и Галаганъ, пока это село не выпросилъ у Скоропадскаго извѣстный генералъ Вейзбахъ. Послѣдній ревностно занялся здѣшнимъ хозяйствомъ, причемъ скупалъ земли и у своихъ „подданныхъ“[2]).

---

[1]) Въ этомъ процессѣ Бѣлецкіе о полковникѣ Носѣ говорятъ, что когда онъ «прійшолъ зъ Сѣчи запорожской, то по знаемости съ нимъ—бывшій полков. писарь Прилуцкій Семенъ Раковичъ, по своему усмотрѣнію, оного Носа, бывшого рядовымъ козакомъ, на Анастасіи Раковичевнѣ, своей сестрѣ Бѣлецкой, 1665 г. женилъ, и по женитбѣ,—на всѣхъ добрахъ природного ихъ прадѣда Івана Бѣлецкого—онъ, Носъ, отъ оного года чрезъ 44 года жилъ и всѣми добрами користувалса“... Бѣлецкіе старались доказать, что Носъ разжился на имѣніи перваго мужа своей жены—Бѣлецкаго, почему де и Щ. должна принадлежать правнукамъ этого Бѣлецкаго...

[2]) „Я, Андрей Нестеренко, чиню вѣдомо: понеже имѣючи свои лозы з мѣстцемъ обаполъ рову Богунового, помежъ панскихъ лозъ,

Вмѣстѣ съ тѣмъ В-хъ подчинилъ себѣ, кромѣ крестьянъ, и Рясковскихъ козаковъ, находя, что они должны считаться приписанными къ „дворцу“ его, для „посылокъ“ [1]). Для извлеченія бо́льшихъ доходовъ изъ украинскихъ своихъ маетностей, В-хъ устроилъ здѣсь суконную фабрику.—Послѣ смерти В-ха, Р. отданы были Миниху, который, желая расширить заведенную уже здѣсь фабрику, хотѣлъ было присоединить къ Рясками, путемъ обмѣна, нѣсколько сосѣднихъ селъ, и по этому случаю подавалъ на имя императрицы въ 1740 г. слѣд. прошеніе: „Въ пожалованныхъ мнѣ отъ вашего и. величества на Украинѣ маетностяхъ, *по высочайшему в. величества повелѣнію*, заведены суконныя фабрики, и такъ оные чрезъ прилѣжное мое стараніе, на армію в. величества отданы, а впредъ съ наивящшею ползою

продалемъ графу фонъ Вейзбаху, всемилостивѣйшему *моему державцу*, за сумму денегъ рублей одного копѣекъ сорокъ, якіе денги отъ п. господара Домнѣка Судника принялъ. Писано въ Раскахъ“.

[1]) Когда Прилуцкій полковникъ хотѣлъ было въ 1726 г. взыскать съ Рясковскихъ козаковъ, наряду съ другими, штрафъ за уклоненіе отъ похода „до крѣпости св. креста“, то Вейзбахъ писалъ Галагану: «извѣстно в. благородію, что за отдачею села Расковъ мнѣ во владѣніе и тамошніе казаки, якихъ человѣкъ полдесятокъ, въ томъ числѣ съ половину пѣшихъ будетъ, къ дворцевѣ моему для посылки и приватныхъ толко дѣлъ, но и государственныхъ приключаючихся, приписани, которіе, якъ за прежнихъ державцовъ, едну державскую услугу, нѣчего болшъ, отбувалы, подъ сотню не належалы, въ похо дахъ не бувалы, такъ и нынѣ на тую жъ самую повинность, а часомъ и государственную, опредѣлены. Къ томужъ весма зубожаліе, отнюдь не имѣютъ с чего денгы дать; а когда денгы такіе отъ реченныхъ Расковскихъ козаковы требоватимутся, и дворцевую повинность отбувать будутъ, то въ послѣдное пріидутъ разореніе, а денегъ не выстатчатъ, потому з оныхъ, яко подъ сотню неналежныхъ, нѣкогда войсковой услуги неотбуваючихъ, такихъ денегъ слушне собирать не подлежитъ... И по сему слушному моему мнѣнію пѣшіе и конніе Раскувскіе козаки къ той податѣ денежной причислятись не имѣютъ, объявляю и остаюсь в. б-дію доброжелателный и ко услуженію готовій. Іоанъ Бернардъ Вейзбахъ. З Полтавы. Генвар. 2, 1727 году“.

для арміи оные быть могутъ; токмо, всемилостивѣйшая государыня, тѣ мои маетности лежатъ въ разныхъ малороссійскихъ полкахъ, яко-то: въ Прилуцкомъ, Лубенскомъ, Полтавскомъ, Кіевскомъ и Нѣжинскомъ, и одна отъ другой въ немаломъ разстояніи. Помянутые жъ фабрики имѣются въ с. Рашкахъ, въ полку Прилуцкомъ находящемся, которое не весьма многолюдно и для употребленія на помянутые фабрики того села подданныхъ недостаточно, въ чомъ обстоитъ немалая нужда; а ежелибъ зъ другихъ далнихъ маетностей обывателей брать и на оное употреблять, то будетъ имъ немалое отъ того отягощеніе, чего ради имѣлъ я прилѣжное стараніе о присовокупленіи къ тому селу Рашкамъ другихъ лежачихъ вблизости владѣльческихъ маетностей, на промѣнъ—изъ пожалованныхъ мнѣ, имѣющихся оттуда по отдаленіи деревень, хотя оные числомъ дворовъ и душъ и земель—болѣе тѣхъ владѣльческихъ; по которому моему старанію и учиненъ мною договоръ по добровольному согласію съ в. генер. есауломъ Лисенкомъ въ такой силѣ, чтобъ мнѣ взять отъ него, Л—ка, лежащіе по способности къ с. Рашкамъ деревни его, именуемые Смошу, Боршну и Веркіевку, въ Прилуцк. п. имѣючіеся, а ему, Л—ку, вмѣсто того, отдать маетность мою въ Нѣжинск. п., способную къ маетностямъ его Л—ка, с. Дремайловку. Токмо помянутые его, Л—ка, маетности отъ в. имп. величества пожалованы ему на его ген. есаула чинъ и для того оныя совершенно укрѣпить я за собою безъ в. величества соизволенія не смѣю". Поэтому Минихъ просилъ высшее правительство разрѣшить ему произвести указанный промѣнъ. Въ Спбургѣ согласились съ доводами Миниха и изъ „кабинета" было поручено тогдашнему правителю Малороссіи Кейту—собрать подробныя свѣдѣнія о названныхъ Минихомъ маетностяхъ и „взять у нынѣшнихъ ихъ владѣльцевъ письменное извѣстіе—довольны ли они тою мѣною будутъ". Но эти экономическіе планы Миниха не сбылись, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ, съ воцареніемъ императрицы Елизаветы, М-хъ былъ сосланъ, причемъ лишился всѣхъ своихъ украинскихъ маетностей... Отобранная при этомъ въ 1742 г. Рясковская суконная фабрика отдана была въ вѣдомство мануфактуръ коллегіи. Но фабрика эта видимо представляла собою очень выгодное имущество, потому что вслѣдъ за-

тѣмъ (въ 1744 г.) Ряски были выпрошены кн. Бор. Гр. Юсуповымъ, причемъ послѣднему „для размноженія тамошней фабрики дано заимообразно изъ казны денегъ, на 10 лѣтъ, 10/т. рубл.“ [1]). По ревизіи 1795 г. къ Рясковской ф—кѣ было приписано 1495 д. крест.; въ Рясках—1283, въ д. Оникѣевой—107, х.х. Котелевскомъ—26, Тарамсовскомъ (?)—25, Лященковскомъ Кутѣ—13, Н. Греблѣ—3, Солошскомъ—5, Бѣличевскомъ—2 и Мецевскомъ—1. По сенатскому указу, въ 1791 г., Р-ой фабрикѣ было опредѣлено „выставить разныхъ цвѣтовъ суконъ 63840 арш., которые на той фабрикѣ вырабатывались и въ коммиссаріатское вѣдомство въ отдачу производились, а на 1797 г.,—предписано отъ мануфактуръ коллегіи—заготовлять, соображаясь противъ 1796 г., поставки, отчисляя отъ сукна десятую долю, вмѣсто того въ $1^1/_2$ болѣе готовить каразею“. **Кр. П.** 41 д. **А.** 212 д. **В** 210 д. **В.** 214 д., урядниковъ (Вейзбаха) 7 д. **Г.** 210 д. 220 х. пс. 5 бд. х. **Д.** (кн. Юсуповой) 373 д. 485 х. пс. 3 д. 10 х. **Кз. В.** 20 д. **Г.** 13 д. 14 х. („во владѣніи фельдмарш. гр. ф. Миниха“). **Д.** 19 д. 50 х.

Д Оникѣевка, рч. Смошъ, выселокъ изъ Рясокъ, нач. XVIII в.; по вѣд. 1729 г.,—„селце О—ка къ Рясками прилеглая, на войсковой, а не на купленной землѣ осаженная“. **Кр. В.** 9 д. **В.** 8 д. **Г.** ? **Д.** (кн. Юсуповой), 18 д. 24 х. **Кз. В.** нѣтъ. **Д.** 1 д. 2 х.

Сребрянская сотня занимала побережья сродняго Лисогора и его притоковъ: Галки, Березовицы и Тростянца. Въ округѣ сотни находился и незначительный притокъ Удая—Утка. Въ 1763 г. составъ Сребр. сотни измѣнился вслѣдствіе отдѣленія отъ нея нѣсколькихъ селъ при образованіи Второй Варвинской сотни.

Сребрянскіе сотники. Данило Тимченко, 1672. Иванъ Бовченскій, 1672. Иванъ Бѣлецкій, ок. 1680. Трофимъ Васильевичъ Троцина, 1688—1707. Антонъ Трофимовичъ Троцина, 1710—729.

---

[1]) Изъ рукописи. свѣд. о суконныхъ фабрикахъ въ Малороссійск. губ., въ 1797 г.

Николай Антоновичъ Троцина, 1739—755. Осипъ Масло, 1755—773. Александръ Чеснокъ, 1773. Андрей Яковлевичъ Кисель, 1779—781.

Бѣлецкій былъ сынъ правобережнаго выходца Ивана Бѣлецкаго, женившагося на Настасьѣ Раковичевнѣ, сестрѣ полк. писаря Семена Раковича (с. 29). По смерти этого Бѣлецкаго, на вдовѣ его женился будущій полковникъ Носъ. Мы уже видѣли (с. 30), что это былъ человѣкъ умѣвшій годить власнымъ людямъ, за что и получалъ отъ нихъ разныя милости. Вѣроятно, что Носъ съумѣлъ пристроить этого своего пасынка на Сребрянское сотничество. Близкое свойство Бѣлецкаго съ Носомъ было причиною, что послѣдній сталъ называться *Носенкомъ*. Внуки этого сотника, при судебномъ спорѣ съ невѣсткою Носа за Щуровку (с. 316), разсказывали, что Носъ, женившись на ихъ прабабкѣ Раковичевнѣ, „присталъ ко всему имѣнію“ прадѣда ихъ, Бѣлецкаго, и поселился въ домѣ ихъ „прадѣдизномъ“, и дѣдъ ихъ съ малолѣтства своего въ Носовой опеки обрѣтался, и по женитбѣ своей, неотдѣленно съ нимъ, Носомъ, въ отческомъ своемъ домѣ, до произвсжденія въ чинъ полковничества Носа, жилъ; а въ службѣ войсковой дѣдъ ихъ, первѣе, въ числѣ значковаго товарищества, потомъ въ чину *сотничества Сребрянского* былъ. И Носъ видя его, дѣда, постоянна, приказалъ называться (ему) *Носенкомъ*.“ Когда именно Б. былъ сотникомъ—неизвѣстно, но вѣроятно еще при Самойловичѣ, такъ какъ съ 1688 г. сотниками здѣсь были уже Троцины. Б. оставилъ одного сына Петра, бывшаго полк. сотникомъ, который уже иначе и не писался какъ *Носенкомъ* (с. 127).

Троцины происходятъ изъ Прилуцкаго м. Переволочны. Въ пол. XVII в. здѣсь жилъ козакъ Василій, у котораго было два сына: Трофимъ и Степанъ. Старшій, Трофимъ выдвинулся изъ рядоваго козачества благодаря хорошему голосу сына своего Антона, за который послѣдняго взяли въ Москву, въ пѣвчіе къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. По представительству сына-пѣвчаго, отецъ въ 1688 г. получилъ сотничій урядъ въ Сребномъ и, кромѣ того, право заселить слободою *селище* Охоньки. Сотникомъ Трофимъ оставался до 1707 г., когда повышенъ

былъ на урядъ полк. судьи. Трофимъ и братъ его Степанъ, повидимому, не имѣли особаго прозвища, такъ какъ въ актахъ писались по имени отца—Васильевичами. Такъ братья названы, только по имени отца, въ „декретѣ“ Прилуцк. п. суда 1703 г., разрѣшившемъ споръ ихъ за отцовскую мельницу въ м. Переволочной. Въ народѣ Трофимъ слылъ подъ именемъ *Троця* (малорос. форма имени Трофимъ). Въ Мазепину измѣну этотъ Троць не пошелъ за своимъ полковникомъ и, казалось, былъ обезпеченъ отъ навѣтовъ на „измѣну“, тѣмъ болѣе, что онъ вскорѣ затѣмъ оставилъ и службу, по старости. Но кто-то донесъ на Троця, что и онъ не чуждъ былъ „измѣны“. Старика вытребовали въ СПБ., какъ объ этомъ говоритъ сынъ его, въ одномъ прошеніи 1718 г.,—„отецъ мой неправеднымъ удальемъ (доносомъ) ненавистныхъ людей взятъ былъ по указу въ СПБ., гдѣ при своей старости и остатной на здоровьи слабости, претружденный на дорозѣ будучи, скончилъ животъ свой...“ Въ этомъ прошеніи сынъ Троця Антонъ подписался уже *Трощиною* и прозвище это было засимъ усвоено потомками „Трофима Васильева“. Антонъ Тр. оставилъ Москву—или по случаю потери голоса или по другой причинѣ. Возвратившись на родину, онъ поступилъ канцеляристомъ въ генер. к—рію и здѣсь такъ понаторѣлъ въ письменныхъ дѣлахъ, что вскорѣ сталъ однимъ изъ замѣтныхъ дѣльцовъ въ гетманщинѣ. Изъ ген. к—ріи Тр. безъ труда получилъ сотничій урядъ въ Сребномъ. Вскорѣ послѣ этого—Прилуцк. полковникомъ назначенъ былъ Галаганъ, пожелавшій сразу подчинить себѣ старшину полка и поставить ее въ полную свою зависимость. При этомъ Тр. явился однимъ изъ первыхъ протестантовъ противъ Галагановскаго самоволія, за что и подвергался преслѣдованіямъ отъ новаго полковника (с. 39). Апостолъ пользовался этими отношеніями Тр. съ Галаганомъ и поручалъ первому нѣкоторый надзоръ надъ дѣйствіями полковника, когда тотъ старался, помимо гетмана, добыть себѣ царскую грамоту на захваченныя маетности (с. 42). Сотниковалъ Тр. до 1739 г., когда за старостью былъ уволенъ, при чемъ вмѣсто его Сребрянскимъ сотникомъ былъ назначенъ его сынъ. Получивъ отъ отца Охоньки, Тр. самъ поселилъ Карпиловку, тоже на старомъ *селищѣ*. Кромѣ того,

Тр. нажилъ немало разнаго рода грунтовъ и водяныхъ мельницъ. Но эти достатки были причиною только бо̀льшихъ несогласій Ант. Тр. съ сыномъ его Николаемъ, начавшихся изъ за второй женитьбы отца: овдовѣвъ послѣ первой жены, отъ которой остался одинъ сынъ и нѣсколько дочерей, Тр. женился въ другой разъ (на женщинѣ „простого стану"), уже будучи повидимому глубокимъ старикомъ. Женитьба эта сыну, конечно, была непріятна, а когда у старика-отца родились новые дѣти, то Николай, боясь потерять богатое наслѣдство, сталъ понемногу его захватывать самовольно и тѣмъ вызвалъ со стороны отца крутую мѣру—„отчужденія" сына отъ наслѣдства. Объ этихъ своихъ отношеніяхъ къ сыну Тр. подробно говоритъ въ своемъ любопытномъ завѣщаніи, (написанномъ въ 1741 г.), отрывки котораго мы здѣсь приводимъ.—„Разсмотря отверстима очима доволное продолженіе по волѣ Божіей въ жизни моей, такожъ и нынѣ состоящую глубокую мою старость... и понеже чрезъ показанное житіе мое въ тонкость могъ усмотрѣть вѣка сего непостоянность, въ коемъ между прочимъ и сіе, что многихъ отцевъ дѣти, еще не погребши тѣлесъ родителей своихъ, заразъ за поосталіе отческіе движиміе и недвижиміе добра въ великіе позви и ростирки входятъ и едни другихъ въ крайнее разореніе приводятъ... Къ тому же, тѣ же чада, слѣдуя непостоянству вѣка сего... безъ благословенія родительскіе до̀бра движиміе забираютъ а недвижиміе разоряютъ, и во владѣніе себѣ привлекаютъ, что я на себѣ самомъ отъ сина моего Николы, сотника Сребрянского, узнаю, который Бога не боясь, людей не срамлясь, забивши синовную должность, великіе мнѣ противности и укоризни дѣлаетъ насилнимъ забратемъ въ обиду мою собственного имѣнія, которое я не зъ дѣдизни, не зъ отчизни имѣю, но власнимъ моимъ трудомъ набитие; а иние—отца моего, а его Николи дѣда, въ разныхъ владѣлцовъ—пооткупование [1])... О якихъ сина моего Николы противностяхъ не единожди въ Прилуцк. п. к—рію билъ я челомъ. Я же, по своей отческой милости, покамисть

[1]) Откупленные вѣроятно изъ подъ залога, сдѣланнаго для займа денегъ.

онъ, Никола, билъ послушенъ, по должности моей отческой, опредѣлилъ ему на доволствие слѣдующие речи: напродъ, якъ его оженилъ, далъ ему Николѣ 200 рублей битихъ, далъ ему воловъ 10, коровъ 10 зъ телятами и изъ бугаемъ сивимъ, кобилъ 10, зъ лошатами и изъ дригантомъ, овецъ 200, барановъ 20, козъ 20. *Уручивши ему урядъ сотничества Сребр—го*, далъ ему своихъ верховихъ коней 4, якие били куповани по 200 золотихъ и по 150, зъ кулбаками кримскимы и зо всѣмъ порадкомъ, якъ на коня сѣсти; шаблю оправную, турецкое желѣзко доброе, за которую далемъ 30 рубл., а паски (перевязь) до той шаблѣ срѣбние самъ уже дѣламъ; рондовъ два пуклястихъ, а третий рондъ штучками отливанними срѣбними насажованний, суто злоцѣстий, межи штучками—пуклями срѣбними бѣлими пересажований. Самъ онъ Никола, потай мене, взялъ кулбаку: ввесь ленкъ сафьяномъ покритий суто срѣбромъ зъ ташками гафтованними, а по древцю бляшками срѣбними сутозлоцѣстими оббитий; до тоей же кулбаки платъ кармазиновий, срѣбромъ гафтованний, якую онъ, Микола, совсѣмъ потай мене взялъ: Флинтъ двѣ тулской роботи, добрихъ, за которие далемъ 10 рубл.; паръ двѣ пѣстолетовъ добрихъ, шленской роботи, ему далемъ, а паръ двѣ пѣстолетовъ шведскихъ; самъ потай мене взялъ: ручницю и мушкетъ сѣчевой, давной роботи. Далемъ млинъ зъ ступниковъ на рч. Сребранци, въ Загайкахъ (хуторъ) стоячій, зъ винницею и изъ хуторомъ и изъ двома садами, за которой 100 р., ему жъ Николѣ, далемъ"... Засимъ слѣдуетъ перечень другихъ хуторовъ, „грунтовъ" и мельницъ, отданныхъ старымъ Тр. сыну.—Затѣмъ завѣщатель продолжаетъ: „Хотя же я, по своему отеческому милосердию, не токмо то, якъ зъ вещей показаннихъ далъ ему, но и еще, усугубляя дачей, зъ моихъ недвижимостей хотѣлъ дати, да и то, что я при старости лѣтъ моихъ труждаюсь и удобвозможними образи набиваю, некому иному якъ, по смерти моей, Миколи хотѣлъ ледовать, но понеже онъ, Микола, забивъ страхъ Божий и должность синовскую и не отдаючи мнѣ послушенства належитого, добра мои пустошитъ и что толко ему понадобится и женѣ его, не прося мене, сами собою берутъ; людей моихъ (съ которихъ немалая мнѣ полза) разгонитъ и разоряетъ и до полусмерти бьетъ...

Для чего сина моего Миколу отъ дачи всѣхъ моихъ добръ, за силу права малороссійского въ кн. Статути, розд. 8, артик. 7 напечатанно, *отчуждаю*, а доволствовати бъ ему, Миколѣ, вишепоказанною отъ мене дачею. А чтобъ по смерти моей Никола, синъ мой, и дочери мои, которие всѣ уже отъ мене такъ грошми, яко конми, товаромъ (скотомъ), овцами и пчелми отдѣлени и отвѣнени... теперъ, зъ нинѣшнею моею женою и исложенними зъ нею моими дѣтми, раздору и помѣшателства не имѣли и не чинили, зъ доброй моей памяти и совершенного розума моего тако чиню... Напродъ, душу мою грѣшную Господу Богу вручаю, тѣло жъ мое грѣшное землѣ по христіанску предати, а въ которой церкви положенъ буду, на тую церковъ 100 золот. дати, а особно на три сорокоуста священниковѣ тоей церкви по 3 р. дати; млинъ Переволочанскій и лугъ прозиваемий отческій—туда жъ прилучити и гай прозиваемый Прилуцкій—продать, и всѣ тие гроши за мою душу на помяновенне, до монастирей Киевскихъ: на обитель св. Софийскую—60 р., на обит. св. Печерскую—60 р., на Видубицкій м—рь—20 р., на св. Пустинский Николский м—рь 20 р... на Густинскій м—рь 20 р., на Деймановский м—рь 10 р., на всѣ три церкви Сребранские по 40 золот. дати, жебы по два сорокоуста отправили. Дворъ мой въ мѣстѣ Срѣбномъ, въ которомъ я живу, и огороди около его покупленіе и сади и луги... такожъ броваръ и воскобойня (слѣдуетъ перечень разныхъ угодій) все тое женѣ моей зъ дѣтми моими, зъ нею спложенними, ей вовся вручаю. Такожъ маетности мои *Охонки* и *Карпиловку* женѣ моей зъ дѣтми моими“ [1])... Такимъ образомъ, главныя свои имѣнія Тр. отдавалъ второбрачной женѣ и малолѣтнимъ своимъ отъ нея рожденнымъ дѣтамъ. Николай Тр. видѣлъ, что богат-

[1]) Подпись: «Сей тестаментъ остатной волѣ моей сочиненъ 1741 года, апр. 26 д., писанъ моею власною рукою, який своею жъ рукою и закрепляю. Антонъ Троцина, абшитованний сотникъ Сребранский». Тестаментъ этотъ у насъ имѣется въ копіи, писанной съ ошибками. Ошибкою же объясняемъ и названіе отца Ант. Тр-ны—Прокопіемъ, а не Трофимомъ, какъ онъ называется въ другихъ актахъ.

ства отца отъ него ускользаютъ и это обстоятельство еще болѣе обострило его отношенія къ отцу. А старый Тр. хорошо понималъ, что—какъ только онъ умретъ, то вдовѣ его не сдобровать и поэтому рѣшилъ найти ей съ дѣтьми—какого нибудь надежнаго защитника, который, послѣ его смерти, сталъ бы въ роль опекуна этой семьи. Такого защитника онъ нашелъ въ лицѣ одного изъ дядей тогдашняго фаворита Ал. Разумовскаго, Стрешенца, который хотя жилъ въ Лемешкахъ (Козел. у.), но владѣлъ сосѣдними съ Оховьками с. Смошью. Это былъ одинъ изъ братьевъ старухи Разумовской, писавшійся Денисомъ Демьяновичемъ, а прозывавшійся—и *Демешкомъ*, и *Стрешенцомъ*. Выбралъ Тр. этого Стрешенца, въ опекуны, за годъ до смерти, а умеръ онъ 6 мая 1749 г., имѣя отъ роду ок. 85 лѣтъ. Въ этотъ моментъ у него—отъ второй жены—былъ только трехлѣтній сынъ, да жена оставалась еще беременною... Стрешенецъ жилъ около Козельца и, повидимому, мало зналъ что̀ дѣлается въ Прилуччинѣ. А между тѣмъ у Троцинъ вотъ что дѣлалось. Со дня смерти стараго Тр., сынъ его Николай проявилъ ужасную жестокость—прежде всего—по отношенію къ роднымъ своей мачихи, ея матери и сестрѣ, желая чрезъ нихъ добиться—гдѣ вдова спрятала мужнины деньги. Подробную картину этихъ насилій, представляющую любопытный матеріалъ для исторіи тогдашнихъ нравовъ и общественности, нарисовалъ, со словъ потерпѣшихъ, самъ Стрешенецъ—въ своемъ обращеніи къ мѣстной старшинѣ за защитой семьи старика Тр-ны отъ ужасныхъ насилій его старшаго сына. Вотъ что писалъ по этому случаю Стрешенецъ: „Какъ только умеръ Антонъ Тр., то того же часу сынъ его Николай, не ожидая погребенія отца, наѣхалъ въ дворъ покойнаго и приказалъ в. тов. Вязловецкому взять мать вдовы умершаго и сестру ея родную и—забивши „въ ручныя и ножныя скрипицы“—отвести въ свой хуторъ Загайки. А вдову покойнаго, свою мачиху, не допустивъ ее и проводить тѣло мужа умершаго, велѣлъ содержать подъ крѣпкимъ карауломъ. Исполняя приказъ, Вязловецкій „содралъ“ съ первыхъ двухъ—матери и сестры—одежду и въ такомъ видѣ погналъ ихъ, рядомъ съ своей лошадью, пѣшихъ, погоняя палкою, чтобъ не отставали... А пригнавши мать

и сестру вдовы—въ хуторъ, и послѣднюю съ нихъ одежду снялъ, отыскивая въ ней деньги, причемъ нашелъ всего 2 коп., а одежду себѣ забралъ „за труда". А потомъ пріѣзжалъ въ Загайки и самъ Николай Тр., и здѣсь—вмѣстѣ съ Вязловскимъ—нещадно били этихъ женщинъ плетьми по голому тѣлу и „по бруху", допрашивая о вещахъ и деньгахъ покойнаго Ант. Тр. Послѣ этихъ пытокъ надъ несчастными, Николай велѣлъ вмѣсто „скрыпицъ", „залить ихъ въ желѣзныя кандалы", отъ которыхъ вскорѣ „въ ногахъ черви у нихъ уплодились". Когда же эти двѣ женщины просили сотника, чтобъ онъ помилосердствовалъ и приказалъ хотя бы немного ослабить кандалы, то онъ отвѣчалъ: „до тѣхъ поръ буду васъ мучить, пока васъ живыхъ черви не съѣдятъ"... Не довольствуясь же и этими мученіями, сотникъ велѣлъ обѣихъ женщинъ привести въ сот. к—рію и здѣсь приказывалъ согласнику своему, городовому атаману Осипу Маслу (который уже много людей „всмерть поубивалъ")—въ базарные дни—публично привязывать обѣихъ женщинъ голыми „къ драбинѣ", а потомъ—бить ихъ по спинѣ и по брюху, отъ самыхъ ногъ до шеи, пока не укажутъ—гдѣ спрятано имущество умершаго отца. А сотникъ, находясь тутъ же, при этомъ грозилъ: „хотя, говоритъ, и замучу васъ до смерти, то у меня будетъ чѣмъ заплатить поголовщину". Отъ такого бою—случалось—отливали ихъ водою... Послѣ этихъ мученій посадили бѣдныхъ въ тюрьму, и не позволялъ сотникъ подавать имъ и милостыни, которую приносили добрые люди колодникамъ. Кромѣ того, сотникъ взялъ изъ Карпиловки и родную тетку мачихи, которую тоже забили въ ручныя и ножныя „скрыпицы" и допрашивали потомъ о скрытомъ имуществѣ отца. А мачиху содержалъ сотникъ подъ карауломъ и морилъ вмѣстѣ съ малолѣтнимъ ея сыномъ—нестерпимымъ голодомъ; грозилъ онъ расправиться и съ мачихою также какъ и съ ея родными, отъ чего пока удерживался, зная, что мачиха „осталась отъ мужа ея непраздною". А какъ та родила дитя, то сотникъ началъ измышлять средства—какъ бы мачиху замучить въ смерть... И служителей умершаго отца сотникъ также нещадно разными пытками мучилъ, допрашивая объ отцовскихъ деньгахъ, а другимъ людямъ немалыя награды обѣщаетъ, чтобы показывали на мачиху—что не отъ отца его рожала она дѣтей... чтобы тѣмъ

вдову и дѣтей ея наслѣдства лишить. Видимо, что сотникъ желаетъ замучить всѣхъ родныхъ своей мачихи, „чтобы некому было искать за убійство ея съ дѣтьми, когда ихъ не станетъ“... Разсказавъ объ этихъ мученіяхъ вдовы стараго Тр—ны и ея родныхъ, Стрешенецъ говоритъ, что такъ какъ умершій Тр. просилъ его, Стр—ца, быть опекуномъ надъ второю семьею, то онъ боясь, чтобы ему „за силу правъ малороссійскихъ, яко опекуну, не быть въ отвѣтѣ“, проситъ полк. к-рію—освободить вдову съ ея дѣтьми и родными—изъ „подъ-секвестру“, привести ихъ въ полк. к—рію и какое имъ чинено было мученіе,—вчинить тѣмъ боямъ обдукцію („осмотръ“), ибо и по криминалнымъ дѣламъ такихъ пытокъ не бываетъ! Притомъ же ему, сотнику, допрашивать вдову и ея родныхъ—за отческія добра—не точію не слѣдовало, но и дѣла до оставшихся послѣ умершаго отца добръ, ему, сотнику, нѣтъ, потому что покойникъ тестаментальнымъ своимъ завѣщаніемъ, за многія его, сотника Николая, отцу противности, отъ движимыхъ и недвижимыхъ своихъ имѣній—отдалилъ и леговалъ ихъ женѣ своей Аннѣ Андреевнѣ и „дѣтемъ съ нею сложеннымъ“... Прося полков. старшину взять подъ свою защиту вдову стараго, заслуженнаго сотника и ея родню, Стр—цъ добавлялъ, что самъ онъ въ это время „отъѣзжаетъ“ въ Москву и потому поручаетъ „ходить“ по этому дѣлу сыну своему Григорію. Просьба эта подана была Стр—цемъ 26 августа, а черезъ мѣсяцъ послѣ этого, передъ тою же старшиною, предстательствовала сестра Стретенца—Наталья Рязумовская, но уже за Николая Тр., причемъ писала слѣдующее: „сего числа (25 сент. 1749 г.) просилъ меня сотникъ Сребранскій Николай Тр., яко по смерти отца его Антона остались движиміе и недвижиміе имущества, которыми владѣть ему по наслѣдству должно; а нынѣ де мачиха его Николая, яко чрезъ письмо брата моего Дениса взята въ опеку в. тов. Иваномъ Шнуркомъ, гдѣ и понынѣ содержится въ домѣ его в. тов—ща, *и уповательно, что захочетъ* (мачиха) *оного сотника отъ всего имѣнія отдалить напрасно.* Того ради, благородій вашихъ, прилѣжне прошу, ежели помянутого сотника Тр—ны будетъ по тому писанному отъ брата моего писму реченой Шнурокъ брать въ опеку имущества, *то тому пожаловать не вѣрить* и учинить въ силу в. генер. к—ріи

указу, въ чемъ я на васъ, моихъ благодѣтелей, надежна". [1] Отсюда видно, что по письму Стрешенца старшина, для защиты семьи стараго Тр—ны, назначила ей особаго опекуна въ лицѣ очень бойкаго человѣка, Ивана Шнурка, будущаго полк. писаря (с. 65). Этотъ опекунъ дѣйствительно защитилъ вдову стараго Тр—ны, п. ч. молодой Тр—на вслѣдъ за назначеніемъ Шнурка поѣхалъ въ Глуховъ и, выхлопотавъ тамъ какой-то „указъ", нашелъ ходъ еще и къ матери Разумовскаго, чтобы выпросить у нее приведенное письмо къ той же старшинѣ, къ которой за мѣсяцъ передъ тѣмъ писалъ Стрешенецъ противъ молодого Тр—ны. Повидимому, Тр.-сынъ не придавалъ особаго значенія завѣщанію отца, почему и просилъ ген. к—рію выдѣлить ему часть изъ отцовскихъ имѣній въ собственность, а другую, назначивъ для малолѣтнихъ дѣтей умершаго, отдать ему—вмѣстѣ съ этими дѣтьми—въ опеку. Что́ было сдѣлано ген. к—ріей по этому прошенію—не знаемъ, но вопросъ скоро очень упростился смертью второбрачныхъ дѣтей стараго Тр—ны, причемъ вдова—по рѣшеніямъ полк. и генер. судовъ—получила только вдовью часть въ пожизненное владѣніе, какъ то слѣдовало по Литовск. статуту. Такимъ образомъ, духовное завѣщаніе стараго Тр—ны объ отдачѣ Охонекъ и Карпиловки его второй женѣ и объ „отчужденіи" сына Николая отъ наслѣдства вообще—не было исполнено... Но и вдовья часть мачихи скоро перешла къ сыну умершаго Тр. потому, что мачиха и послѣ смерти мужа стала рожать дѣтей... Сначала, черезъ годъ послѣ смерти мужа, она родила дитя, которое однакожъ успѣла скрыть, а въ 1754 г. вдова снова родила—двухъ близнецовъ, рожденіе которыхъ Н. Тр. выслѣдилъ такъ тщательно, что не только мачихѣ пришлось сознаться въ своемъ грѣхѣ, но и отецъ этихъ близнецовъ былъ обнаруженъ. Отцомъ ихъ оказался Охоньковскій „подданный" Авраменко, разсказавшій, что, во время бытности его служителемъ у вдовы Тр—ны, случилось разъ, что пріѣхалъ къ послѣдней ея дядя; причемъ, угощаясь съ племянницею „го-

[1] Подпись: «благородій вашихъ, моихъ благодѣтелей, доброжелателная Наталія Разумовская. Съ Адамовки, сент. 25 д., 1749».

рѣлкою", гость позвалъ и Авраменка въ хату, чтобъ угостить и его; а когда всѣ трое напились пьяными, то, погасивъ „свѣчу", положились спать, причемъ дядя велѣлъ и ему Авраменку тутъ же лечь; а ночью—„сотничка Ганна принудила его учинить съ нею скверное похотѣніе"... Доказанный „грѣхъ" мачихи лишилъ ее и полученной было вдовьей части, послѣ чего все наслѣдство Ант. Тр. уже безпрепятственно перешло къ тому его сыну, котораго онъ такъ сильно желалъ лишить этого наслѣдства.—Николай Тр. оставался сотникомъ до 1755 г., когда былъ уволенъ въ отставку. Причинъ отставки мы не знаемъ, но очень можетъ быть, что одною изъ нихъ было то противодѣйствіе, которое онъ оказывалъ гетманской сестрѣ и ея мужу (Будлянскимъ) при приведеніи въ извѣстность всего того что̀ принадлежало къ отданному имъ м. Сребному (см. ниже). Н. Тр. еще и въ 1772 г. жилъ на покоѣ въ своихъ Охонькахъ. По ревизіи 1764 г., за нимъ было записано слѣд. количество посполитскихъ „хатъ" (дворовъ): въ с. Карпиловкѣ—150, Охонькахъ—92, х. Загайкахъ—13, Юрковцахъ—16, Никоновкѣ—8, Алексинцахъ—2 и Грицовкѣ—7, итого всѣхъ хатъ 288; считая въ дворѣ по 3 души, всѣхъ крест. въ этихъ маетностяхъ было до 900 душъ. У Н. Тр. было три сына: Фаддей (р. 1742), Якимъ (р. 1743) и Григорій. Послѣдній умеръ раньше отца. Фаддей былъ сотникомъ Второварвинскимъ, а Якимъ служилъ въ армейскихъ полкахъ и въ 1772 г. жилъ отставнымъ корнетомъ въ с. Карпиловкѣ; онъ женатъ былъ на Аннѣ Афанасьевнѣ Костенецкой, за которою дано было въ приданное въ г. Кролевцѣ—4, въ с. Фесевкѣ—21 и въ с. Веревкѣ—18 хатъ.

Масло назначенъ былъ сотникомъ въ 1755 г., изъ городовыхъ атамановъ, и пробылъ на сотничествѣ до 1774 г., когда назначенъ былъ сначала исправлять должность подсудка Иваницкаго земскаго суда, а въ 1778 г. „произведенъ настоящимъ подсудкомъ". По ревизіи 1764 г., за нимъ числилось 34 хаты „подсосѣдковъ и служителей". (См. ниже х. *Касяновъ*). Характеристику Масла представилъ Стрешенецъ въ своемъ прошеніи о защитѣ вдовы Ант. Тр. (с. 327), говоря, что этотъ сотникъ, будучи еще городовымъ атаманомъ, *много людей въ смерть поубивалъ*... Женатъ М. былъ на дочери б. т. Василія Мартоса, Ксе-

нiи и имѣлъ одного сына Матвѣя, который въ 1778 г. „въ регулярной службѣ поручикомъ находился".

Чеснокъ получилъ сотничество послѣ службы въ компанейскомъ полку.

Села Сребрянской сотни.

„Городокъ" Сребное, ррч. Лисогоръ и Сребрянка, возникъ повидимому на *селищѣ* древнерусскаго городка *Серебряного*, упомянутаго лѣтописью въ 1174 г. Нахожденіе Ср. при слiяніи двухъ рѣчекъ и *на горѣ*—служитъ указаніемъ, что поселеніе здѣсь могло существовать и въ XII в. Отновлено Ср. въ перв. пол. XVII в., и по документу Пшездѣцкаго въ немъ числилось уже 1830 „господар.", при чемъ тутъ же показано 11 вод. мельн. По свѣдѣн. 1654 г. въ Ср. было—1228 домохоз., но по описи 1666 г. поспол. дворовъ въ Ср. показано только 113; если здѣсь было и козаковъ столько же, то слѣд. Среб-ское населеніе уже въ нач. втор. пол. XVII в. сильно умалилось и разумѣется прежде всего отъ выселенiй, при движеніи въ это время цѣлыхъ массъ на востокъ, въ *слѣболы*. Но козаковъ въ Ср., повидимому, вообще было гораздо меньше, чѣмъ посполитыхъ; такъ слѣдуетъ думать потому, что въ 1718 г. ихъ было здѣсь всего 25 двор., а посполитыхъ—322 дв., т. е. послѣднихъ—въ 13-ть разъ больше. Такое количественное отношеніе „товарiства" къ „поспольству"—обращаетъ на себя вниманіе п., ч. въ другихъ „сотенныхъ городкахъ", хотя бы того же Прилуцк. полка, такого явленія не встрѣчается. [1]) Полагаемъ, что преобладаніе въ Ср. посполитаго населенія зависѣло отъ выгодности тѣхъ экономическихъ условій, въ которыхъ оно находилось, такъ какъ никакихъ внѣшнихъ препятствій къ переходу его въ козачество тутъ не было: поспольство было вполнѣ свободно, а слѣдовательно безъ особыхъ затрудненій могло переписываться въ козачество, если бы при этомъ была какая-нибудь выгода, но этой выгоды не было п., ч. посполитые, пользуясь одинаковыми съ козаками экономическими выгодами жительства въ Сребномъ, въ то-же время были свободны отъ *походовъ*. Экономическія же выгоды

[1]) Ср. цифры населенія въ 1718 г. въ Монастырищѣ, Ичнѣ, Колядинѣ, Иваницѣ, Жоравкѣ и Варвѣ.

Сребрянскаго обывателя, повидимому, заключались въ особомъ развитіи въ мѣстечкѣ ремесленной промышленности, на что указываетъ существованіе здѣсь еще и въ 1731 г. *пяти цеховъ*: ткацкаго, кравецкаго, ковальскаго, шаповальскаго и рѣзницкаго [1]). Видно, что Ср. было настоящимъ «мѣстомъ», т. е. торговымъ центромъ.—Черезъ девять лѣтъ населеніе Сребнаго значительно уменьшается и уменьшается конечно отъ выселеній, такъ какъ въ ревизской книгѣ за 1740 г. показано, что съ 1736 г. по 1740 г. изъ Ср. «сошло» 57 домохозяевъ. По этой-же книгѣ въ Ср. показано: школъ—3 и шпиталей—2, (въ нихъ «старцовъ з милостини жіючихъ» 7 челов.) и шинковъ—8, въ которыхъ шинковали мѣстные крестьяне, кромѣ шинкарки «Ганны перехристки». Въ это время Ср—ское поспольство, кромѣ обычныхъ повинностей въ пользу ратуши, обложено было, по распоряженію Апостола, наравнѣ съ другими поселеніями, денежною „дачею", какъ замѣчено при ревизіи 1740 г.—„съ оныхъ посполитыхъ собирается ежегодно съ 1732 г., для заплаты полков. чиновникамъ и сотеннымъ служителямъ и на канц—кіе расходы, 65 р. 90¼ коп., которіе денги отдаются въ полк. к—рію нарочно для того опредѣл. зн. тов. Матвѣю Федорову". При раздачѣ грузинамъ въ 40-хъ г. г. крестьянъ въ гетманщинѣ, въ Сребномъ ихъ было роздано до 200

---

[1]) Эти цехи указаны въ рев. книгѣ 1731 г., при перечнѣ *цехмистровъ*, въ ряду «старшины и служителей посполитаго чина, вольныхъ отъ дачи» (т. е. отъ всякаго рода повинностей). Вотъ эти—старшина и служители: «войтъ мѣскій, бурмистръ, завѣдовцы (два), ктиторъ мѣскій, ктиторъ другій мѣскій, ктиторъ спаскій, ктиторъ подгурскій, другій подгурскій, ктиторъ подолскій, ктиторъ другій подолскій, надсмотрщикъ овчарныхъ заводовъ, десятники: мѣскій, побочіевскій, долгоулицкій, кряжній, загайковскіе (2), подулскіе (6), коммисаръ, сторожъ плецовий, чередники (восемь), овчари (3), почтарскій атаманъ, почтари (2), дѣдъ ратушній, дякъ мѣскій, паламарь мѣскій, школникъ одинъ, городничій, дякъ подолскій, паламаръ подолскій». Названія ктиторовъ указываютъ, что въ Ср. было три церкви: мѣская, т. е. центральная, подгорная и подольская, а названія «десятниковъ» вѣроятно указываютъ тогдашніе «кутки» въ мѣстечкѣ.

дворовъ. Тогда явились здѣсь Чолокаевы, Жеваховы, Эристовы, Орбеліани, Жержадзіевы, Ларадзіевы, Тумановы, Бедауровы... [1]) Всѣ эти лица, за рѣдкими лишь исключеніями, титулуясь *князьями*, представляли изъ себя бѣдняковъ, улучшавшихъ свое положеніе между прочимъ и браками съ дочерьми козацкой старшины. Послѣ этой роздачи, въ Ср. оставалось еще посполитыхъ свободныхъ около 150 двор., которые и были выпрошены у новаго гетмана сестрою его Агафьей, бывшей замужемъ за Власомъ Климовичемъ (позже—Будлянскимъ). Отданы были эти крестьяне Будлянскимъ въ „вѣчное владѣніе“ и „со всѣми угодьями“, причемъ разумѣлись какъ угодья еще незанятыя, такъ и находившіяся во владѣніи Сребрянскаго поспольства. Точно опредѣлить отданныя Б—имъ „угодья“ было тѣмъ труднѣе, что подъ ихъ именемъ новые владѣльцы разумѣли всѣ тѣ земли, которыми *неправильно* владѣли козаки, разумѣя тутъ и старшину, и рядовое козачество. Видя трудность разрѣшенія вопроса—какія именно земли *неправильно захвачены* козаками, Б—іе обратились къ гетману, чтобы онъ своимъ властнымъ словомъ разрѣшилъ этотъ вопросъ. Разумовскій не нашелъ однакоже возможнымъ рѣшать этотъ вопросъ административнымъ путемъ, а предложилъ Б—имъ съ просьбою своею обратиться въ судъ. Кромѣ розысканія земель, Б—имъ предстояло произвести розысканіе еще и тѣхъ крестьянъ, которые въ послѣднее время переписались въ козаки. Желая помочь сестрѣ въ этихъ розыскахъ, гетманъ предложилъ Прл-цкому

---

[1]) По вѣд. 1753 г. въ Сребномъ показаны слѣд. владѣнія грузинъ: князя Жердана Жержавцова—25 дв., 1 бд. х.; кн. Мирвела Туманова—15 дв., 3 бд. х.; дворянина Сехнія Ларадзева—11 дв.; малолѣтнихъ княз. Ивана и Стефана Эристовыхъ—9 дв.; дворян. Павла Гогобедова—8 дв.; двор. Герасима Аввакова—6 дв.; кн. Семена Чалакаева—16 дв., 5 бд. х.; двор. Камгрелидзева—9 дв.; кн. Эриста Джевахова—8 дв.; кн. Андрея Арбеліянова—9 дв.; кн. Петра Чалакаева—15 дв., 4 бд. х.; кн. Христины Чалакаевой и сина ея Филипа Чалакаева—21 дв., 2 бд. х.; дв. Івана Бедаурова—1 дв.; кн. Іосифа Эристова—21 дв., 3 бд. х. Всѣ эти «дворы» даны были по указу 1743 г.

плк-ку слѣд.: „Сестра наша, б. тов. Вл. Климовича жена Агафія Григорьевна, доношеніемъ намъ представляя о завладѣніи въ новонаданной отъ насъ ей Агафіи зъ онимъ мужемъ ея—во вѣчное владѣніе—маетности въ мѣст. Сребномъ, разного званія владѣльцами и родовыми козаками, скуплею и безъ скупли, посполитихъ дворовъ и принадлежащихъ издревле къ оному мѣстечку Сребному многихъ угодій, такожъ о вписавшихся съ посполитихъ въ козаки, которіе донынѣ на свободной посполитской землѣ живутъ и посполитскими владѣютъ грунтами, просила нашего разсмотрѣнія. А по справкѣ нашей генер. к—ріи явилось: яко по данному отъ насъ оной сестрѣ нашей Агафіи съ мужемъ еи... унѣверсалу,—опредѣлено имъ въ вѣчное владѣніе означ. мѣст. Срѣбное (въ которомъ по ревиз. 1751 г., за роздачею грузинскимъ князьямъ и дворянамъ, посполитскихъ свободныхъ дворовъ, съ бездворними хатами 137 показано) съ принадлежащими къ нимъ грунтами, пустовскими и посполитскими плецами и угодіями и всѣми принадлежностями. Того ради предлагаемъ вамъ оной сестрѣ нашей... объявить, что *она до кого именно зъ вишеписанних владѣльцовъ и козаковъ—о завладѣніи въ объявленномъ м. Срѣбномъ посполитскихъ дворовъ и принадлежностей—имѣетъ претенсію, подала бы въ полк. к—рію зъ имени на всякого показаннемъ исковое прошеніе*, а за подачею учинитъ по онимъ отъ оной полк. к—ріи надлежащие слѣдствия безпродолжительно, и по слѣдствіямъ буде явится—что хто чѣмъ изъ тамо имѣющихся бившихъ свободнихъ посполитскихъ дворовъ грунтовъ либо какихъ другихъ угодій, куплею послѣ апретителного о нескуплѣ мужичихъ дворовъ 1742 г. указа, и другимъ образомъ неправилно завладѣлъ, тѣмъ въ таковы владѣния онихъ грунтовъ и угодій посполитскихъ по силѣ указовъ и малороссійскихъ правъ отказать и отдать, засилу предписанного нашего унѣверсала, сестрѣ нашей Агафии зъ мужемъ еи, въ безпрепятственное ихъ владѣніе. А что принадлежитъ до имѣющихся тамо козаковъ, кои и до дачи опого м—ка ономy Власу К—чу въ козачомъ званіи состояли, тѣ безспорно козаковать должни“. (30 окт. 1752 г.). Но для того, чтобы обратиться въ судъ, Б—имъ нужно было путемъ разспросовъ сначала розыскать, какъ посполитыхъ, переписавшихся въ козаки

или „скупленныхъ“, такъ и всѣ тѣ „грунта“, которые не принадлежали козакамъ. Производить эти розыски было тѣмъ труднѣе, что тогдашній Ср—ій сотникъ самъ захватилъ достаточно посполитскихъ земель и потому Б—имъ помогать не могъ. Какія приходилось встрѣчать новымъ владѣльцамъ при этихъ розыскахъ препятствія—показываетъ слѣдующее обращеніе Будлянскаго въ полк. Прилуцк. судъ. „Августа 1 сего года отправленъ былъ отъ мене повѣренный мой, *бывшій полк. Прилуцк. суда писарь*, Денисъ Тихоновичъ въ жалованную мнѣ отъ е. ясн—ти маетность м. Срѣбное... ради разбору принадлежащихъ мнѣ дачахъ къ той маетности, пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, то въ томъ случаи тамошніе Сребранскіе посполитие жители (*кои именуютъ себе козаками*) Леско да Иванъ Лященки, съ шестьми человѣки, *подсусѣдками своими*, въ царинѣ тамошней Сребр., зовемой Подолской, дабы съ оной не пропустить, приуготовивъ себе нарочито къ разбою, зъ дручемъ, на оного моего повѣренного Тихоновича, зъ будучими съ нимъ приказчикомъ моимъ Сребр. Вас. Петровымъ да Яремою Андреевскимъ служителемъ, да шафаремъ Ив. Горѣздрою, безъ всякой ихъ винности, напавъ гвалтомъ, первѣе, Горѣздру одинъ съ нихъ разбойниковъ—болшимъ друкомъ какъ вдарилъ по шеи, то отъ оного удару тотъ Г—ра впалъ на землю. И въ томъ разѣ будучіе всѣ тѣ гвалтовники оного Г—ру на землѣ лежачого нещадно дручьемъ уже безчувственного били чрезъ многое время, и ростягши на тѣ друки—руки и ноги его, кости ламали и по немъ ногами скакали, намѣревая вовсе умертвить, какъ при томъ и согласовали его Г—ру всмерть убить; отъ такого тиранского бою тотъ шафаръ едва живъ остался. Наконецъ же, чая, что онъ уже неживъ, снявши съ него свиту, въ ровъ затягли. Показанного жъ Андрѣевского тоже били дручьемъ и вгнали въ болото, кой всилу утеклъ. А приказчикъ—въ стоячую въ царинѣ будку скрился, которого и тамъ дручьемъ сторчъ били и виволокши оттудова, велѣли ему, дабы оной присяглъ предъ ними, ибо де ежели не присягнетъ, то всмерть имѣютъ убить, *чтобъ уже болше по полямъ и по подворкамъ Сребрянскимъ не ѣздилъ*, и велѣли ему, въ достовѣріе той присяги, предъ ними землю исти, руки ихъ, ноги и груди—цѣловать, кой

приказчикъ по ихъ повелѣнію то и чинилъ. Егда же Андр—ій отъ тѣхъ разбойниковъ убѣжалъ, а приказчикъ присягою отъ смертного убійства себе спаслъ, то повѣренного моего Тихоновича такъ убито, что привезено уже безъ рѣчи, нечувствителного: голова вся побитая, кровь ротомъ и носомъ ліющаяся, которого уже высповѣдать ни засакрементовать было невозможно, кой на другой день и умре. О якихъ розбойническихъ забойствахъ тогда жъ отъ приказчика моего Сребрянского въ сотенной Сребр. к—ріи протестовано, по которому и обдукція съ немалою понаровкою надъ однимъ только Горѣздрою учинена; и яко о смертномъ убійствѣ—она, Сребр. к—рія, дѣйствовать должна была безъ упущенія, но по злобѣ на мене отъ Сребр. сотника и сотенной старшины, имѣя споръ за неналежное ими завладѣніе жалованныхъ тамо земель и друг. грунтовъ, о которыхъ и слѣдствіе (производится?) въ силѣ... гетм. гр. К. Г. Разумовского... ордера, повѣренному моему Тихоновичу, и обдукціи не учинено; тѣхъ же убійцовъ хотя и взято было на томъ горячомъ учинку въ секвестръ, но оныхъ прежде учиненія слѣдствія, отпущено"... За симъ-Б—ій проситъ полк. судъ, чтобы слѣдствіе надъ „разбойниками" произведено было, помимо сотника Сребр. и тамошней старшины, какъ лицъ заинтересованныхъ въ спорѣ его за Сребр. земли [1]).

Изъ описаннаго здѣсь случая видно, что розыски посполитыхъ, вписавшихся въ козаки и „скупленныхъ", а также—„грунтовъ", принадлежавшихъ всѣмъ этимъ посполитымъ, вызывали кровавыя столкновенія, кончившіяся, впрочемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, побѣдою гетманскаго зятя...

Устраивая въ Ср. хозяйство, Б—іе основали тутъ, между прочимъ, и небольшую суконную фабрику, но исключительно для собственныхъ нуждъ. Когда въ 1797 г. мануфактуръ коллегія запросила владѣльцевъ—сколько ихъ Ср—ая фабрика можетъ поставить сукна на армію, то управляющій фабрикою отвѣчалъ,

---

[1]) Прошеніе писано 1 окт. 1755 г. и подписано: «Бунч. тов. Власъ Будлянскій. По повелѣнію его п. моего Вл. Б—аго дому его писаръ Иванъ Кучеровъ руку приложилъ».